

11-74

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1956

XX СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза войдет славной страницей в историю человечества. Съезд продемонстрировал морально-политическое единство советского народа, монолитность Коммунистической партии Советского Союза, ее сплоченность вокруг ленинского Центрального Комитета.

В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, в речах делегатов и решениях съезда дан глубокий анализ величайших перемен, происшедших в мире после второй мировой войны, обобщены огромные успехи хозяйственного, государственного и культурного строительства в нашей стране, развиты важные положения марксистско-ленинской теории, раскрывающие перспективы дальнейшей борьбы за торжество идей коммунизма.

Съезд отметил, что благодаря последовательной миролюбивой политике стран социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, чреватая большими опасностями напряженность в международных отношениях сменилась известной разрядкой, и эта политика, направленная на укрепление мира и безопасности, находит все более активную поддержку со стороны всех миролюбивых сил.

Весь ход исторического развития полностью подтвердил положение В. И. Ленина о том, что современная эпоха является эпохой разложения и гибели капитализма, становления и бурного развития социализма. «Главную черту нашей эпохи, — говорится в резолюции XX съезда КПСС по отчетному докладу Центрального Комитета, — составляет выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему, причем капитализм оказался бессильным помешать этому всемирно-историческому процессу»¹.

Одновременное существование двух противоположных мировых экономических систем — капиталистической и социалистической, развивающихся по разным законам и в противоположных направлениях, стало непреложным фактом. В то время как зона капитализма сузилась, лагерь социализма еще больше вырос и окреп. Страны мировой системы социализма занимают сейчас больше четверти территории земного шара, на которой проживает свыше 900 млн. человек. Социалистический лагерь производит около 30% всей мировой промышленной продукции. Темпы роста производства в странах социализма неизмеримо выше, чем в странах капитализма.

¹ «Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза». М., 1956, стр. 4.

Советский Союз, Китайская Народная Республика и другие страны системы социализма строят свои отношения с другими странами на принципах равноправия, взаимной выгоды, невмешательства во внутренние дела друг друга. Такие отношения дают возможность странам, ставшим на путь суверенного развития, укрепить свою независимость, быстрее продвигаться по пути экономического и культурного прогресса.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России нанесла сильнейший удар по колониальной системе империализма. В результате второй мировой войны колониальная система стала рушиться. «Всемирно-историческим событием послевоенного периода, — указывается в резолюции XX съезда по отчетному докладу ЦК КПСС, — является происходящий распад колониальной системы империализма. Национально-освободительная борьба колониальных и полуколониальных народов увенчалась на протяжении последнего десятилетия великими победами: из-под колониальной и полуколониальной зависимости освободилось более одного миллиарда двухсот миллионов человек — почти половина населения земного шара. В порядке дня стоит вопрос о полной ликвидации колониальной системы»².

Огромным ударом по колониальной системе явилась победоносная революция в Китае. В результате упорной борьбы за национальную независимость образовалась суверенная Республика Индия — вторая по количеству населения страна мира. На путь независимого развития стали Бирма, Индонезия, Египет, Сирия, Ливан, Судан и ряд других стран Востока.

Колонизаторы не хотят мириться с этим новым положением. Они всеми средствами стремятся удержать оставшиеся в их владении колонии, стараются вновь установить свое господство над странами, которые добились национальной независимости. Колонизаторы — империалисты США в первую очередь — под видом всякого рода «помощи», блоков и союзов, какими, например, являются СЕАТО и Багдадский пакт, пытаются навязать новые формы колониального порабощения экономически слабо-развитым странам.

Советский Союз неуклонно проводит политику мирного сосуществования с государствами, имеющими различный социальный строй. Этот ленинский принцип был и остается генеральной линией нашей внешней политики.

Враги мира пытаются ввести в заблуждение общественное мнение клеветой, будто Советский Союз занимается «экспортом революции». Подобные утверждения ничего общего не имеют с ленинским учением о революции. Еще в начале 1918 г. В. И. Ленин, полемизируя со сторонниками «подталкивания» революции, писал: «Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»³.

Внешняя политика Советского государства с первых дней своего существования покоилась на незыблемом ленинском принципе мирного сосуществования. Эта политика отвечает кровным интересам всех народов земного шара. Она находит все более широкое международное признание.

Коренные изменения, происшедшие в соотношении сил на международной арене, выдвигают перед человечеством ряд новых возможностей в борьбе за предотвращение войн. В. И. Ленин указывал, что, поскольку

существует империализм, сохраняется и экономическая основа для возникновения войн. Это положение полностью остается в силе. Как отметил Н. С. Хрущев в докладе на XX съезде партии, «реакционные силы, представляющие интересы капиталистических монополий, будут и впредь стремиться к военным авантюрам и агрессии, могут пытаться развязать войну. Но фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать, — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы»⁴.

Это дальнейшее развитие ленинского учения в вопросе о войнах воодушевит всех сторонников мира. От их организованности, сплоченности, бдительности зависит своевременное разоблачение происков провокаторов войны. Ныне, как никогда раньше, судьбы мира находятся в руках народов.

Огромное значение имеет содержащееся в отчетном докладе ЦК КПСС и в резолюции XX съезда положение о формах перехода различных стран к социализму. В. И. Ленин накануне Великой Октябрьской социалистической революции писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»⁵.

Исторический процесс общественного развития во всей полноте подтверждает предвидение великого Ленина. Это своеобразие в переходе к социализму наглядно видно на примерах образования и развития стран народной демократии. Особенно большим своеобразием отличается ход социалистической революции в Китае. Творчески применяя марксизм-ленинизм, Коммунистическая партия Китая, как указывал Мао Цзэ-дун, пришла к выводу, что путем «мирных методов, то есть методов убеждения, воспитания не только можно заменить единоличную собственность крестьян и кустарей социалистической коллективной собственностью, но также можно заменить капиталистическую собственность социалистической собственностью»⁶.

«Вполне закономерно, — указывается в резолюции XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК, — что формы перехода стран к социализму в дальнейшем будут все более разнообразными. При этом не обязательно, что осуществление форм перехода к социализму при всех условиях будет связано с гражданской войной. Ленинизм учит, что господствующие классы добровольно власти не уступают. Однако большая или меньшая степень остроты классовой борьбы за переход к социализму, применение или неприменение насилия при этом переходе зависит не столько от пролетариата, сколько от степени сопротивления эксплуататоров воле подавляющего большинства трудящихся, от применения насилия самим классом эксплуататоров»⁷.

XX съезд КПСС в своих решениях подчеркнул, что более благоприятные условия для победы социализма в других странах стали возможны потому, что социализм победил в Советском Союзе и побеждает в странах народной демократии. Великое значение для народов Востока

⁴ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М., Изд-во «Правда», 1956, стр. 33

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 58.

⁶ «За прочный мир, за народную демократию!», 27 января 1956.

⁷ Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, стр. 10—11.

² Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, стр. 6.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 49.

имеет тот факт, что четыре государства Азии — Китайская Народная Республика, Монгольская Народная Республика, Коре́йская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам, в которых проживает почти половина всего азиатского населения, стали на путь социализма.

Народно-демократические страны Востока, особенно Китайская Народная Республика, оказывают огромное влияние на международную обстановку. Большое значение имеют пять принципов Чжоу Энь-лая и Неру. Эти принципы — взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования и экономического сотрудничества, — принятые конференцией 29 государств Азии и Африки в Бандунге, положены в основу внешней политики миролюбивых стран Востока. Широкую поддержку народов и правительств многих стран находит предложение Китайской Народной Республики о заключении пакта коллективной безопасности между странами Азии и района Тихого океана.

Выдающуюся роль в современной международной обстановке, говорится в решениях XX съезда КПСС, призваны сыграть расширение и укрепление дружбы и сотрудничества Советского Союза со странами Востока. Советское государство имеет нормальные добрососедские отношения почти со всеми граничащими с ним странами. Оно всемерно добивается улучшения отношений с такими восточными государствами, как Иран, Турция, Пакистан, Япония, со всеми капиталистическими странами, в том числе и с Соединенными Штатами, о чем особенно убедительно свидетельствуют предложения СССР заключить с США договор о дружбе и сотрудничестве.

На международной арене создалась обширная «зона мира». В нее входят как социалистические, так и несоциалистические миролюбивые государства Европы и Азии. Рухаются вековые устои колониализма — этого позорного явления современности.

«Наступил предвиденный великим Лениным новый период всемирной истории, когда народы Востока принимают активное участие в решении судеб всего мира, становятся новым мощным фактором международных отношений»⁸.

* * *

Всесторонней критике было подвергнуто на XX съезде состояние идеологической работы. Съезд подчеркнул, что Центральный Комитет правильно выступил против культа личности, распространение которого умаляло роль партии и народных масс. Съезд указал на необходимость борьбы против пережитков субъективистско-идеалистических взглядов на роль личности в истории. Как указывалось на съезде, отставание на идеологическом фронте объясняется и тем, что научные работники мало обращались в своей работе к сокровищнице ленинских идей, широко были распространены начетничество и догматизм, отрыв пропаганды от практики коммунистического строительства, а в результате слабо обобщались новый исторический опыт и факты живой действительности.

Вполне заслуженная критика была высказана в адрес Института востоковедения Академии наук СССР. В своем выступлении на XX съезде А. И. Микоян совершенно справедливо сказал: «...Если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день. Не пора ли ему подняться до уровня требований нашего времени?».

⁸ «Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза», стр. 6.

Мы не можем мириться с тем, что многие важнейшие, насущные вопросы изучения Востока или обходились совсем или трактовались с ошибочных позиций. В разработке ряда экономических и исторических проблем современного Востока все еще встречаются догматизм и начетничество. Критика империализма, колониализма и буржуазной идеологии не всегда опирается на убедительные примеры и факты.

Большой вред востоковедению нанесло непонимание характера и глубины противоречий между силами империализма и внутренней реакции и силами национального прогресса в несоциалистических странах Востока. Наши востоковеды-экономисты изучали главным образом деятельность иностранного капитала в народном хозяйстве стран Востока. Однако внутренние процессы недостаточно внимательно анализировались, не давалось должной оценки той объективной тенденции к самостоятельному капиталистическому развитию, которая подрывала господствующее положение империализма. Важнейшим фактором, подрывающим позиции иностранного финансового капитала в странах Востока, явилось образование мировой системы социализма. Так, теперь странам, вступившим на путь самостоятельного развития, уже не надо идти за современным оборудованием на поклон к своим бывшим угнетателям, так как это оборудование без всяких условий политического или военного характера им могут предоставить социалистические страны.

После второй мировой войны в условиях коренного изменения соотношения сил в международном масштабе доминирующее положение иностранного капитала в экономике отдельных стран Востока уже не означает, что империализм неизбежно господствует в политической жизни этих стран. Например, такие страны, как Индонезия или Саудовская Аравия, еще не освободившиеся от экономического засилья империализма, в настоящее время осуществляют суверенную политику.

Недооценка объективных процессов самостоятельного экономического развития стран Востока происходила из схоластического представления о том, что общая тенденция к загниванию капитализма механически распространяется также и на все страны несоциалистического Востока и исключает возможность развития их производительных сил. Многие востоковеды, преувеличивая роль феодальных пережитков, не замечали изменений, которые назревали в экономике стран Востока на основе развития капиталистических отношений. Дело дошло до того, что некоторыми востоковедами была выдвинута надуманная, цитаторожденная теория о «расширении феодальной эксплуатации» в современной индийской деревне.

Подобный схематизм свидетельствует о забвении ленинского указания о том, что в эпоху империализма общая тенденция к загниванию не исключает быстрого роста капитализма в отдельных странах. Факты показывают, что по мере роста в странах Востока национального капиталистического предпринимательства противоречия местной буржуазии с иностранным финансовым капиталом и феодальным землевладением обостряются. Непонимание объективной закономерности этих экономических противоречий было одной из главных причин неудач некоторых востоковедов в попытках объяснить суть многих важнейших политических процессов.

Как отмечал в своей речи на XX съезде КПСС О. В. Куусинен, в прежние годы в отдельных выступлениях советских востоковедов содержались сектантские ошибки, которые выражались в неправильной характеристике и оценке роли национальной буржуазии стран Востока.

Хорошо известно положение марксизма-ленинизма о том, что в эпоху общего кризиса капитализма пролетариат тех колониальных и зависимых

стран, где капитализм сравнительно развит, может стать гегемоном национально-освободительной и антифеодальной революции. Это положение блестяще подтверждено великой победой китайского народа и народов других народно-демократических стран Востока.

Однако из этого безусловно правильного положения делали неверный вывод, что только руководство пролетариата может обеспечить победу в борьбе за национальную независимость. Поэтому, когда Индия, Бирма, Индонезия, Египет и некоторые другие страны Востока, где пролетариат, авангард патриотических сил, еще не смог стать гегемоном, завоевали суверенитет под руководством национальной буржуазии, многие востоковеды не смогли достаточно объективно оценить великое значение этого события в истории Востока. Более того, в некоторых работах этот путь завоевания суверенитета трактовался как «окончательный сговор крупной буржуазии с империализмом».

Известно, что существует принципиальное различие, в особенности в смысле конечных целей освободительного движения, между завоеванием независимости под руководством пролетариата, единственного до конца последовательного борца за национальное и социальное освобождение, и достижением суверенитета под руководством национальной буржуазии. Однако это отнюдь не оправдывает отрицательного отношения ко многим важным процессам, которые происходили и происходят в странах Востока.

Неспособность понять суть объективных противоречий, существующих между национальной буржуазией и империализмом, привела к тому, что ее политическую позицию порой определяли лишь одним фактором — страхом перед классовой борьбой масс. Тем самым диалектическое представление о двойственности природы национальной буржуазии подменялось односторонним представлением о национальной буржуазии как о верном союзнике империализма в борьбе против трудящихся масс своей страны. С подобной позиции политическую деятельность национальной буржуазии можно было изображать лишь как цепь капитуляций, предательств и демагогических маневров. Так, в частности, в течение нескольких предыдущих лет изображалась политическая линия буржуазии Индии и Национального конгресса, возглавляемого М. К. Ганди.

Конечно, советские востоковеды не разделяют философских воззрений гандизма. Однако это отнюдь не исключает признания видной положительной роли Ганди в истории борьбы индийского народа. Подобного рода ошибки в оценке буржуазных партий и их лидеров допускались и при изучении Турции, арабских стран, Бирмы, Индонезии.

Недооценка противоречий, существующих между национальной буржуазией и империализмом, приводила к голословному отрицанию того несомненного факта, что на определенных этапах антиимпериалистической борьбы интересы этой буржуазии в основном совпадали с интересами большинства народа. Поэтому патриотические требования, содержащиеся в программе, которую выдвигали буржуазные лидеры во время своих переговоров с колонизаторами, объективно отражали интересы народа, поднявшегося на освободительную борьбу. Делая уступки, колонизаторы отступали, по существу, не перед дипломатией буржуазных лидеров, а перед натиском народных масс.

Между тем в нашей востоковедной литературе отдельные этапы истории завоевания суверенитета странами Востока нередко изображались как цепь кабинетных сделок буржуазии с империализмом за спиной народа и против народа. Народным же массам отводилась роль мощной, но стихийной силы, лишь косвенно воздействующей на ход истории.

Объективно авторы подобных концепций преувеличивали роль буржуазных лидеров и преуменьшали историческую роль народных масс.

Несомненно, что программы, выдвигавшиеся буржуазными лидерами, были весьма непоследовательны и содержали классово эгоистические положения, которые требуют принципиальной критики с марксистско-ленинских позиций. Однако для некоторых историков непоследовательность программы национальной буржуазии служила поводом к тому, чтобы объявить демагогией всю программу в целом, хотя в ней и содержались подлинно национальные требования. Такой подход к программам национальной буржуазии, за которыми шло большинство народа, неизбежно приводил к сектантскому самодовольству.

Сектантские ошибки выражались также и в том, что иногда оставалось незамеченным многообразие форм национально-освободительной борьбы в странах Востока и, в частности, возможность завоевания в определенных исторических условиях независимости мирным путем. При этом не учитывались специфические особенности отдельных стран Востока, а также решающее изменение в соотношении сил реакции и сил прогресса, происшедшее как в международном масштабе, так и внутри самих стран Востока. Факты свидетельствуют о том, что рост авторитета Советского Союза, огромное усиление всего социалистического лагеря, особенно после образования Китайской Народной Республики, поражения империалистических армий в Корее и Вьетнаме, мощный размах движений солидарности трудящихся метрополий с народами колоний и, наконец, всеобщий подъем национально-освободительной борьбы на Востоке, в которой решающая роль принадлежит рабочему классу и крестьянству, вынуждают колонизаторов в некоторых случаях отступать без развязывания колониальных войн больших масштабов.

Непонимание характера противоречий между силами национального прогресса и силами империализма пагубно сказалось и на оценке ряда мероприятий, осуществленных в странах Востока, вступивших на путь суверенитета. Были случаи необъективного, невнимательного отношения к первым, пусть еще скромным, но важным успехам молодых государств, которые ценой огромных усилий преодолевают страшные последствия колониализма. Так, в нашей литературе до сих пор не вскрыто конкретное значение земельных реформ в Индии, Египте, Бирме, Сирии и других странах.

Конечно, эти реформы не удовлетворяют чаяний всех слоев крестьянства. Однако они ослабляют или даже подрывают систему феодальной эксплуатации крестьян. Прогрессивное значение имеют мероприятия в области самостоятельного экономического и культурного развития стран, завоевавших национальный суверенитет. Начавшаяся индустриализация этих стран способствует укреплению национальной независимости, обостряет экономические противоречия между этими странами и империализмом, в том числе и противоречия между национальной буржуазией, с одной стороны, и иностранными монополиями и местной феодальной реакцией, с другой.

При оценке такого рода мероприятий следует учитывать наметившийся в этих странах процесс установления национального единства. Опираясь на это национальное единство, охватывающее демократические и патриотические силы всех партий, классов и слоев населения, народы стран Востока смогут осуществить великие задачи борьбы за национальную свободу, за последовательную политику мира, за достижение благосостояния народа.

В востоковедной литературе допускались ошибки при анализе послевоенного положения Японии. Одни, недооценивая способность Японии

к самостоятельному экономическому развитию, а значит, и глубину американо-японских противоречий, относили это высокоразвитое в промышленном отношении государство с мощными монополиями к полуколониальным странам. Другие игнорировали прогрессивные элементы в таких важных мероприятиях, как аграрная реформа, рабочее законодательство. Эти мероприятия были проведены в условиях изменившейся обстановки на Дальнем Востоке после второй мировой войны, под давлением развернувшегося в стране демократического движения.

В некоторых исследованиях, вопреки историческим фактам, идеализировалась политика царизма в Китае и других странах Востока. Идеализация внешней политики царизма, как отмечала на XX съезде КПСС А. М. Панкратова, не дает возможности понять, в какой мере принципиально новую миролюбивую политику проводит Советское государство с первых дней своего существования. Вполне закономерно, что в глазах народов Востока Советский Союз всегда был их верным и искренним защитником от ужасов колониализма, а горячее чувство дружбы народов Востока к нашему государству стало мощным фактором в укреплении мира во всем мире.

Большая ответственность в деле теоретической разработки и освещения важнейших политических и экономических процессов, происходящих в странах Востока, падает на журнал «Советское востоковедение». Журнал еще не стал организующим центром востоковедов и мало содействует развертыванию критики недостатков, имеющихся в востоковедении. В нем пока еще мало появляется статей, ставящих глубокие принципиальные вопросы современности.

Ведущую роль в развитии советского востоковедения призван играть Институт востоковедения АН СССР, в котором работает большое количество специалистов по самым различным отраслям. Необходимость сосредоточить внимание ученых на изучении вопросов современности и создать единый координационный центр всей востоковедной деятельности были главными причинами произведенной в 1950 г. реорганизации научно-исследовательской работы в области изучения Востока.

За время, прошедшее после реорганизации института, выпущен ряд работ по истории, экономике, литературе и языку стран Востока. Совместно с монгольскими учеными написана история Монгольской Народной Республики. Вышли в свет словари китайско-русский, урду-русский и хинди-русский, изданы монографические исследования, посвященные современному политическому и экономическому положению Индии, Японии и Монголии. Сотрудники института принимают непосредственное участие в подготовке десятитомной «Всемирной истории».

Однако количество изданных работ и круг затронутых в них стран и проблем крайне недостаточны, если учесть, какой громадный интерес проявляется к вопросам Востока советской общественностью. Это уже было справедливо отмечено в партийной печати. В самом деле, нельзя примириться с тем, что до сих пор сотрудники института не издали ни одной книги о Китайской Народной Республике и о Демократической Республике Вьетнам. Не появилось ни одного труда по Индонезии и Бирме. Нет новых исследований, посвященных современному положению в Египте и других арабских странах, в Турции, Иране, Афганистане и Пакистане. Очень мало выходит научно-популярных брошюр по отдельным странам Востока, рассчитанных на широкие круги читателей, интересующихся Востоком. Институт, по существу, еще не приступил к исследованию проблем Африки, хотя это должно входить в круг его научной деятельности.

Такое положение объясняется, в частности, неправильной организацией планирования, подбором и расстановкой кадров. Примером неправильной расстановки кадров может служить такой факт. Изучением Индии, Пакистана, Индонезии и всех стран Юго-Восточной Азии вместе взятых занято столько же старших научных сотрудников, сколько занято изучением Ирана и Турции или Монгольской Народной Республики.

Неправильная расстановка научных сотрудников в институте, элемент случайности в подборе работников привели к тому, что важнейшие участки деятельности института не обеспечены квалифицированными кадрами. Практически не поставлено изучение отдельных районов Юго-Восточной Азии, Африки, экономики ряда стран Среднего и Дальнего Востока. Плохо изучается Индонезия.

Вопрос об обеспечении отдельных участков работы научными сотрудниками тесно связан с подготовкой кадров. Практика подготовки научных работников через аспирантуру требует коренного пересмотра.

Институт мало интересуется подготовкой кадров и постановкой преподавания в вузах дисциплин, связанных с изучением Востока. Интересно, что такие важные для подготовки кадров материалы как вузовские программы по истории и экономике Востока не были даже обсуждены на Ученом совете института и на его секциях.

К сожалению, приходится констатировать, что институт еще не стал центром, координирующим работу востоковедов СССР. Руководство института крайне медленно организует эту координацию, занимается больше разговорами о необходимости координации, чем ее осуществлением. Так, например, решения Всесоюзного филологического совещания от 6 марта 1955 г. до сих пор не реализуются и даже еще не утверждены Президиумом Академии наук СССР.

Очень медленно идет перестройка работы Ученого совета института. Он еще не является научным центром, смело ставящим на обсуждение важнейшие проблемы востоковедения. В его деятельности много парадности. Ученый совет в основном занимается обсуждением диссертаций и рекомендацией трудов к печати, причем в последнем случае чаще всего имеет место формальная рекомендация. Отсутствуют творческие дискуссии как метод коллективного обсуждения научных проблем.

Большим недостатком в работе института являются слабая требовательность к качеству подготавливаемых исследований и отсутствие делового контроля над выполнением планов. Это порождает безответственное отношение к работе. Некоторые сотрудники на протяжении долгих лет «перерабатывают» и «дорабатывают» бесчисленные варианты своих рукописей. Необходимо положить конец либеральному отношению к таким сотрудникам.

Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза по идеологическим вопросам должны быть положены в основу плана научных работ Института востоковедения АН СССР.

При составлении плана института должны быть учтены планы других научных учреждений, занимающихся изучением стран Востока, а также требования и нужды отдельных министерств и учреждений нашей страны. Это даст возможность устранить дорогостоящий параллелизм в деятельности ученых и сконцентрировать их усилия на решении основных вопросов, выдвигаемых жизнью перед советским востоковедением. Преодоление ведомственного подхода к составлению плана поможет также устранить наблюдающийся отрыв изучения истории стран Востока от изучения всеобщей истории, исследований экономики стран Востока от исследований в области мирового хозяйства и т. д. В этом исключительно важном

деле необходимо объединить усилия Института востоковедения, бюро соответствующих отделений АН СССР и Министерства высшего образования СССР. Следует также установить деловой контакт и сотрудничество с востоковедами народно-демократических стран Востока и Запада, а также ориенталистами других зарубежных стран.

В скором времени предполагается созвать первое Всесоюзное совещание востоковедов. Это будет большим событием в жизни ученых, занимающихся изучением Востока. Участникам совещания предстоит обсудить сложные и многообразные проблемы, обобщить имеющийся опыт, наметить планы дальнейшего глубокого и всестороннего изучения стран Востока и установить формы широкой и всесторонней координации работы востоковедов.

* * *

Воодушевленные историческими решениями XX съезда КПСС, советские востоковеды отдадут все свои силы и знания на выполнение величественной и благороднейшей задачи строительства коммунистического общества. Они еще теснее сплотятся вокруг коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета и в кратчайший срок устранят недостатки в своей работе, подвергнувшейся справедливой критике на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза.

СТАТЬИ

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В СТРАНАХ ВОСТОКА

В. А. МАСЛЕННИКОВ

В отчетном докладе первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущева о работе Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии большое внимание было уделено изменившейся после второй мировой войны обстановке в странах зарубежного Востока. Как отмечал в своем докладе Н. С. Хрущев, «империализм за последнее десятилетие потерпел поражение и на Востоке, где рушатся вековые устои колониализма и народы все смелее берутся сами за решение своих судеб»¹.

Могучее движение народов колониальных и зависимых стран за свою независимость стало непреодолимой силой нашего времени. Эта великая сила сметает с лица земли позорную систему колониализма. Уже совсем исчезли такие колониальные империи, как германская и японская, почти не стало голландской и итальянской. Быстрый процесс распада претерпевают такие старые и сильные колониальные империи, как британская и французская. Терпит крах американская колониальная политика, хотя она и маскируется новыми формами, так называемой помощи слаборазвитым странам.

После второй мировой войны произошло резкое обострение общего кризиса капитализма. Разгром во второй мировой войне фашистской Германии и милитаристской Японии явился важным фактором усиления освободительной борьбы в колониях и зависимых странах. После второй мировой войны в Азии возникли народно-демократические государства, среди которых — великая китайская держава с населением в 600 млн. человек. Государственную независимость завоевала вторая по количеству населения страна мира — Индия. Стали независимыми государствами Бирма, Индонезия, Египет, Сирия, Ливан, Судан и ряд других государств Востока.

В своем докладе на XX съезде КПСС 14 февраля 1956 г. Н. С. Хрущев говорил: «Наступил предсказанный Лениным новый период всемирной истории, когда народы Востока принимают активное участие в решении судеб всего мира, становятся новым мощным фактором международных отношений. В отличие от довоенного периода подавляющая часть стран Азии выступает теперь на мировой арене в качестве суверенных государств или государств, упорно отстаивающих свое право на самостоя-

¹ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М., Изд-во «Правда», 1956, стр. 20.

тельную внешнюю политику. Международные отношения вышли за рамки отношений государств, населенных по преимуществу народами белой расы, и начинают приобретать характер подлинно всемирных отношений².

Особенно велико международное значение победы китайского народа. В период с 1949 по 1952 г. в Китайской Народной Республике под руководством Коммунистической партии Китая были завершены демократические преобразования, проведена небывалая по размаху и значению аграрная реформа. Опираясь на мощный государственный сектор народного хозяйства, трудящиеся Китая восстановили довоенный уровень промышленного производства. Коммунистическая партия Китая возглавила патриотическое движение крестьян за сбор высоких урожаев, и к концу 1952 г. в стране был достигнут довоенный уровень сельскохозяйственного производства. Коммунистическая партия Китая сплотила силы народа и направила их на быстрое восстановление и реконструкцию народного хозяйства, провела большую работу в области культуры и просвещения. В 1952 г. закончился восстановительный период, в 1953 г. республика вступила в период широкого планового экономического строительства.

Центральный Комитет Коммунистической партии Китая в конце 1953 г. принял постановление о генеральной линии партии в переходный период, определив, что первой и важнейшей задачей партии является проведение социалистических преобразований на базе социалистической индустриализации. Согласно первому пятилетнему плану на 1953—1957 гг., партия главное внимание уделяет развитию тяжелой промышленности, которая является основой социалистической индустрии.

Китайская Народная Республика развернула промышленное строительство, в результате осуществления которого Китай превратится в ближайшие 10—15 лет в великую индустриально-аграрную державу. На базе роста промышленного производства проводятся социалистические преобразования в сельском хозяйстве, в капиталистической промышленности и торговле. Согласно решениям шестого пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая в стране широко развернулось кооперирование крестьянских хозяйств. По неполным данным, число сельскохозяйственных производственных кооперативов увеличилось с 650 тыс. в июле 1955 г. до 1900 с лишним тысяч к концу 1955 г.; к марту 1956 г. в кооперативы объединилось 85% всех крестьянских дворов. В ряде провинций кооперирование крестьянских хозяйств почти завершено. При таких темпах кооперирования к осени 1956 г. все крестьянское население страны будет в основном кооперировано. Преобразование предприятий частной промышленности и торговли в государственно-частные предприятия к февралю 1956 г. в основном осуществлено в 64 городах КНР, в том числе в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Шэньяне, Ухане и Кантоне.

Социалистические преобразования проводятся в кустарной промышленности, занимающей в народном хозяйстве страны большой удельный вес. К началу 1956 г. около 25% кустарей-одиночек объединились в различных организациях производственной кооперации.

На зарубежном Востоке сейчас существуют уже четыре народно-демократических государства. Все эти страны, объединенные общими интересами борьбы против империализма, за народную демократию и социализм, принадлежат к единому могучему лагерю мира, демократии и социализма. Все они имеют много общего в своем государственном и экономическом строе. Все они представляют государства народной демократии,

² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, стр. 21.

основанные на союзе рабочего класса и крестьянства и руководимые рабочим классом.

Огромное значение в деле успешных демократических преобразований и хозяйственного строительства имеет широкое экономическое сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря. Это сотрудничество и взаимопомощь сорвали политику экономической блокады, которую проводят империалистические страны в отношении народно-демократических стран. Оно создало благоприятные условия для быстрого восстановления и развития их народного хозяйства.

Особенно велика роль дружбы советского и китайского народов, насчитывающих более 800 млн. населения. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой, подписанный в феврале 1950 г., открыл широкие возможности для дальнейшего развития дружеских отношений в интересах обоих народов и дела мира во всем мире.

Великий китайский народ оказал неоценимую помощь братскому корейскому народу в его борьбе против объединенных империалистических сил, возглавляемых американскими агрессорами, пытавшимися захватить Северную Корею и вторгнуться на территорию континентального Китая. Героическая борьба корейского и китайского народов при моральной поддержке всего прогрессивного человечества сорвала военные планы агрессоров.

Народные массы Корейской Народно-Демократической Республики после заключения перемирия получили возможность приступить к мирной работе по восстановлению народного хозяйства, разрушенного трехлетней войной, и уже добились в этом больших успехов. Корейский народ преисполнен решимости объединить свою страну на мирной демократической основе.

Героическая освободительная война народа Вьетнама закончилась в 1954 г. восстановлением мира в Индо-Китае. Временная демаркационная линия, проходящая немного южнее 17 параллели, еще разделяет народ Вьетнама на две части. В Демократической Республике Вьетнам проводятся аграрная реформа и другие демократические преобразования. Вьетнамский народ борется за создание мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама.

Успехи народно-демократических стран Востока вызывают энтузиазм народных масс колониальных и зависимых стран и оказывают большое влияние на развитие национально-освободительного движения. Эти успехи решительно опровергают утверждения апологетов колониализма о неспособности народов экономически отсталых стран к самостоятельному развитию.

* * *

Великое движение за освобождение от империалистического гнета, которое охватило народы колониальных и зависимых стран, дает свои плоды. Уже многим народам удалось сбросить колониальное ярмо и встать на путь суверенного развития. Велико значение победы индийского народа, освободившегося от двухвекового колониального английского владычества.

Английские колонизаторы пытаются доказать, что они добровольно предоставили независимость Индии. «Но это, мягко выражаясь, довольно условное изображение того, как и почему колонизаторы ушли из Индии, согласились на существование независимой Республики Индии», — говорил в своем выступлении на сессии Верховного совета СССР Н. С. Хрущев. Характеризуя исторические события 1947 г., когда в обстановке

подъема национально-освободительного движения в Индии правительству Англии не оставалось ничего другого, как уйти из Индии, Н. С. Хрущев отмечал: «Они вынуждены были согласиться на это, потому, что у них не было другого выхода. Если бы они попытались еще задержаться в Индии, то понесли бы огромные потери, но все равно были бы изгнаны индийским народом, как были изгнаны китайским народом из Китая колонизаторы всех мастей и оттенков, а заодно с ними и продажная клика Чан Кай-ши»³.

Индийская республика поставила перед собой задачу ликвидировать тяжелое наследие колониализма. Для английских колонизаторов Индия была аграрно-сырьевым придатком метрополии, рынком сбыта промышленных изделий. Ко времени восстановления независимости страны в ней почти не было отраслей промышленности, производящих средства производства, не было машиностроительных, паровозостроительных заводов. В 1951 г. в Индии выплавлялось менее 3 кг чугуна в год на душу населения, в то время как в Англии — около 320 кг⁴. Аграрное перенаселение является наиболее страшным наследием колониального режима в Индии. Огромные массивы земли все еще принадлежат крупным землевладельцам и обрабатываются мелкими арендаторами, находящимися в нищенском состоянии.

Трудности ликвидации наследия колониализма, перед которыми стоит правительство Индии, усложняются тем, что английские колонизаторы, вынужденные отказаться от прежних методов господства в Индии, сохранили серьезные позиции в индийской экономике, которые они рассчитывают, используя трудности, надолго удержать.

После завоевания национальной независимости народ Индии энергично взялся за развитие национальной экономики и постепенно создает условия для полного освобождения от иностранной кабалы. В стране проводятся аграрные реформы, которые еще не разрешают аграрного вопроса в целом, но создают некоторое облегчение жизни крестьянского населения.

За годы независимости объем промышленного производства Индии вырос примерно в полтора раза. Большое внимание правительство Индии уделяет развитию собственного машиностроения, паровозостроения, судостроения, развивает энергетическое машиностроение и строительство электростанций. Индия увеличивает мощности металлургической промышленности; принято решение довести к 1961 г. выплавку чугуна до 6 млн. тонн.

Промышленному развитию Индии способствует бескорыстная помощь Советского Союза. Между СССР и Индией заключено соглашение о строительстве в Бхилаи металлургического завода мощностью в 1,3 млн. тонн стали в год. «Находясь в Индии, мы убедились в том, что индийский народ, освободившись от гнета колонизаторов, способен смело идти вперед по пути промышленного прогресса, по пути создания экономически независимого государства», — говорил Н. А. Булганин в своем докладе Верховному Совету СССР⁵.

Правительство Индии проводит независимую внешнюю политику, основанную на глубоком стремлении индийского народа к миру и сотрудничеству с другими странами. Оно отказалось участвовать в агрессивных блоках и выступает активным сторонником мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Индия сделала большой вклад в дело прекращения войны в Корее и Индо-Китае. Она установила добрососедские отношения с Китайской Народной Республикой

³ «Правда», 30 декабря 1955 г.

⁴ Е. Варга, Основные вопросы экономики и политики империализма (после второй мировой войны). Госполитиздат, 1953, стр. 352.

⁵ «Правда», 30 декабря 1955 г.

и активно борется за восстановление законных прав КНР в Организации Объединенных Наций.

В укреплении мирных отношений между народами большую роль играет совместное заявление Чжоу Энь-лая и Неру о принципах мирного сосуществования государств. Принципы эти требуют: 1) взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, 2) ненападения, 3) невмешательства во внутренние дела друг друга, 4) равенства и взаимной выгоды, 5) мирного сосуществования.

Эти принципы были одобрены на конференции 29 стран Азии и Африки в Бандунге. В совместном советско-индийском заявлении, подписанном в Дели 13 декабря 1955 г., оба правительства подтвердили свою приверженность пяти принципам мирного сосуществования, осудили гонку вооружений, указали на недопустимость проводимой некоторыми государствами политики создания военных союзов и региональных военных блоков.

Премьер-министр Неру в своем выступлении на заседании Постоянного комитета парламентской фракции партии Индийский Национальный конгресс 2 декабря 1955 г. подчеркнул, что пять принципов являются не декларацией, а реальностью и что правительства стран с различными политическими и экономическими системами могут прийти к соглашению по широкому кругу вопросов. Неру выразил мнение, что визит советских руководителей в Индию принес хорошие результаты, что положение Индии в международных делах значительно укрепилось. «Позиции некоторых западных держав, которые обращались с Индией как с «бедным родственником», — отметил Неру, — был нанесен серьезный удар»⁶.

Поездка в Индию советских руководителей вызвала резкое недовольство империалистических кругов. Колонизаторы встревожены тем, что их позиции в странах Востока значительно ослабели. Касаясь вопроса о Гоа, Н. А. Булганин в своем докладе Верховному Совету СССР заявил: Советское правительство считает, что «сохранение португальской колонии на территории Индии, как и вообще сохранение колониальных порядков в наше время, — это позор для цивилизованных народов»⁷.

Колониальные порядки активно поддерживают правящие круги США. На пресс-конференции 6 декабря 1955 г. Даллес заявил, что «США считают Гоа португальской провинцией, каковой она была в течение 400 лет». Это заявление государственного секретаря США вызвало взрыв негодования не только в Индии, но и в других странах Востока.

Вставшая на путь национальной независимости Бирма провела ряд мероприятий, способствующих ликвидации последствий английского господства. Правительство Бирмы национализировало и выкупило несколько иностранных предприятий, проводит аграрную реформу путем национализации помещичьей земли с выкупом. Достигнуты заметные успехи в развитии сельского хозяйства.

Бирма активно борется за упрочение мира, за развитие международного сотрудничества. Она явилась одним из активных инициаторов и участников Бандунгской конференции, в своей внешней политике придерживается пяти принципов мирного сосуществования. В советско-бирманском заявлении, подписанном в Рангуне 6 декабря 1955 г. во время посещения Бирмы тт. Булганиным и Хрущевым, выражена общность взглядов по основным международным проблемам.

Большого размаха достигло национально-освободительное движение

⁶ «Hindustan times», 23 декабря 1955 г.

⁷ «Правда», 30 декабря 1955 г.

в Индонезии: индонезийскому народу удалось добиться провозглашения независимости своей страны.

Однако в экономике Индонезии все еще сохраняются позиции иностранного капитала. Путем происков и интриг империалисты стремятся восстановить колониальный режим в Индонезии. Они тормозят самостоятельное экономическое развитие страны, пытаются подчинить своим интересам внешнюю политику правительства Индонезии. Голландское правительство, поддерживаемое США, отказалось вернуть Индонезии Западный Ириан — часть территории Индонезии. Препятствуя возврату Западного Ириана Индонезийской республике, Соединенные Штаты рассчитывают превратить его в военную базу, в очаг военных провокаций в этой части земного шара.

Индонезийский народ борется против остатков колониализма. Индонезийское правительство во главе с лидером национальной партии Састроамиджой провело ряд мероприятий, направленных на постепенную ликвидацию экономической зависимости от империализма. Это правительство пользовалось поддержкой демократических сил страны, в частности Коммунистической партии Индонезии. Однако под давлением внешних сил и внутренней реакции 24 июля 1955 г. правительство Састроамиджой вынуждено было уйти в отставку. Был сформирован новый кабинет, состоящий из представителей правых партий. На кабинет, возглавляемый Харахапа, оказывали сильный нажим американские монополии, открыто вмешивающиеся во внутренние дела страны. Индонезийский народ энергично противодействует иноземному вмешательству. По требованию народных масс правительство Харахапа аннулировало соглашение о голландско-индонезийском союзе, заключенное в 1949 г. на конференции круглого стола в Гааге.

Проведенные в 1955 г. выборы в парламент и в Учредительное собрание принесли поражение правым партиям. Больших успехов на выборах добились национальная и коммунистическая партии. В марте 1956 г. лидер национальной партии Састроамиджой вновь возглавил правительство Индонезии.

* * *

Юго-Восточная Азия — важный очаг распада колониальной системы империализма. За исключением Малайи и некоторых мелких колониальных владений, в этом районе не осталось ни одной колониальной страны.

Но Малайя также не является спокойным тылом империализма. Английские колонизаторы с июля 1948 г. ведут войну против малайских патриотов, против Национально-освободительной армии Малайи, рожденной в огне борьбы с японскими оккупантами. Жестокие репрессии не могут сломить упорной борьбы малайского народа. В мае 1955 г. штаб Национально-освободительной армии Малайи опубликовал заявление, в котором предлагалось прекратить войну в Малайе путем мирных переговоров. Английские власти в Малайе пытались игнорировать это предложение. В декабре 1955 г. Центральный Комитет Коммунистической партии Малайи опубликовал декларацию, в которой были изложены следующие требования: прекращение войны, скорейшее предоставление Малайе независимости, созыв на основе всеобщих выборов законодательного собрания для выработки конституции, провозглашение малайского языка государственным языком, улучшение жизненного уровня народа, защита мира во всем мире.

Переговоры о прекращении военных действий, проходившие в конце декабря 1955 г., не увенчались успехом. Представитель компартии Малайи Чин Пен дал согласие прекратить вооруженную борьбу, как только из-

бранное правительство Малайской федерации сможет установить полный контроль над внутренней безопасностью и местными вооруженными силами, находящимися пока в руках колониальных властей. Компартия решительно отвергла всякие требования о капитуляции Национально-освободительной армии.

Срыв переговоров представителями английских властей показывает, что колонизаторы пытаются всеми силами удержать свое господство в Малайе. Английский главнокомандующий Боэрнэ в конце декабря 1955 г. опубликовал заявление, в котором призвал к беспощадному уничтожению Национально-освободительной армии Малайи. Военные действия против малайского народа ведут не только английские, но и австралийские войска — участники военного блока Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Но, как признает даже американская печать, «Англия потеряла если не территорию, то народ Малайи».

Возникли очаги распада колониальной системы на Ближнем и Среднем Востоке. После второй мировой войны национально-освободительное движение народов Ближнего и Среднего Востока поднялось на новую, более высокую ступень. Арабские народы решительно потребовали аннулирования кабальных договоров, вывода иностранных войск, ликвидации военных баз. Сирии и Ливану еще в 1946 г. удалось добиться этого. Египетский парламент в 1951 г. денонсировал англо-египетский договор 1936 г., на основании которого британские войска оккупировали зону Суэцкого канала, а также отменил англо-египетскую конвенцию о совместном владении Суданом. В октябре 1954 г. Англия была вынуждена подписать с Египтом соглашение, по которому она обязалась вывести свои войска из зоны Суэцкого канала. Однако Англия фактически сохранила под своим контролем мощную военную базу, созданную ею в зоне канала за годы оккупации.

После второй мировой войны борьба народов Ближнего и Среднего Востока за национальную независимость и за ее укрепление протекает в условиях острых противоречий между Англией и США. «Как и прежде, — отмечал Н. С. Хрущев в докладе на XX съезде КПСС, — главным остается противоречие между Соединенными Штатами Америки и Великобританией»⁸. Соединенные Штаты уже в 1952 г. обогнали Англию по импорту в Иран, Египет, Израиль и Сирию. Соперничество между Англией и США происходит из-за районов нефтедобычи.

Ослабление империалистического фронта несомненно является благоприятным условием для укрепления независимости и ликвидации пережитков колониализма в странах Среднего и Ближнего Востока. Это проявляется прежде всего во внешнеполитической линии Египта, Сирии и Ливана. Правительства этих стран проводят политику, направленную на поддержание мира и укрепление международного сотрудничества; они были активными участниками конференции в Бандунге. Выступая на конференции в Бандунге, премьер-министр Египта Насер осудил политику силы и высказался за разоружение и запрещение оружия массового уничтожения. Правительство Египта расширяет внешнеэкономические связи с Советским Союзом, Китайской Народной Республикой и другими странами лагеря демократии и социализма.

В Египте проводятся мероприятия, укрепляющие его экономическую независимость: расширение промышленного строительства, использование водных ресурсов для производства электроэнергии и для ирригации. Намечается строительство металлургического завода, завода искусственных удобрений, джутовой и бумажной фабрик, судовой верфи, шинного и вагоно-

⁸ Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, стр. 14.

строительного заводов, а также строительство гигантской плотины на Ниле у Асуана, нефтеочистительных заводов в Суэце, Каире и Александрии.

В 1952 г. правительство Египта издало закон об аграрной реформе, которая в известной степени подрывает феодально-помещичье землевладение. В январе 1956 г. был обнародован текст новой конституции Египта, которая вступит в силу после проведения плебисцита, назначенного на 23 июня 1956 г. Конституция объявляет Египет суверенной независимой республикой, предусматривает защиту частной собственности при ограничении размеров землевладения, поощрение кооперативной деятельности и создание прочной базы национальной экономики.

Правительство Насера не поддается нажиму и угрозам со стороны империалистов. Оно отказалось от участия в Багдадском военном пакте, воспротивилось попытке империалистов вмешаться в дела Египта в связи с закупкой оружия у Чехословакии. Решение Египта закупить чехословацкое оружие встретило сочувствие и поддержку во всех арабских странах, было единодушно одобрено палатами депутатов Сирии, Ливана и Иордании.

Империалистам не удалось втянуть в военный блок также Сирию, Ливан и ряд других арабских стран. Для защиты своей национальной независимости Египет и Сирия 20 октября 1955 г. подписали пакт о союзе, а 27 октября подобный же оборонительный пакт заключили Египет и Саудовская Аравия.

Несмотря на сильное давление со стороны английских колонизаторов Иордания отказалась присоединиться к Багдадскому военному пакту. Позицию Иордании поддержали Египет, Сирия и Саудовская Аравия. Они заявили, что окажут Иордании финансовую поддержку, чтобы помочь ей выдержать нажим со стороны Англии.

В этой обстановке произошло еще одно событие, являющееся свидетельством продолжающегося распада колониальной системы империализма. 1 января 1956 г. состоялось официальное провозглашение Судана независимой республикой. Этот акт явился не результатом доброй воли империалистических держав, а следствием острой долголетней борьбы народа Судана за свою независимость. Судан в 1899 г. был объявлен совместным владением Англии и Египта. Провозглашение Египта «владельцем» Судана наравне с Англией было сделано для видимости, так как фактически страна была оккупирована английскими войсками и верховная власть в Судане принадлежала британскому генерал-губернатору. Антиимпериалистическая борьба суданского народа всегда была тесно связана с национально-освободительным движением Египта.

После второй мировой войны пришли в движение страны Африки. Африка все более превращается в новый очаг распада колониальной системы империализма. Освободилась от гнета итальянских колонизаторов Эфиопия. На путь независимого развития встали такие африканские страны, как Ливия и Либерия. Король Ливии Идрис на открытии первой сессии ливийского парламента заявил, что Ливия останется нейтральной и не присоединится ни к каким военным пактам. Независимость получили Марокко и Тунис.

Империалисты не хотят отказаться от своих колониальных владений, дающих им максимальные прибыли и стратегическое сырье. Они создают региональные военные блоки как бастионы борьбы с национально-освободительным движением (СЕАТО, Багдадский пакт и другие). Они захватили остров Тайвань, держат свои войска и сооружают военные базы в Японии, Южной Корее и в ряде других стран, превращая их, в плацдармы против других народов, поддерживают реакционные режимы Чан Кай-ши, Ли Сын Мана, Нго Динь Дьема.

Американские колонизаторы насаждают новые формы колониализма.

Они не прочь покритиковать «старый» колониализм английского и французского типа и обелить американский метод. На необходимости отказаться от «старомодного» колониализма настаивал недавно американский сенатор Кефвер. Апологеты американского империализма стремятся убедить всех, что США никогда не были колониальной державой, что при «прогрессивном» капитализме, каковым будто бы является капитализм США, нет места для эксплуатации, и с этой точки зрения вывоз капитала США в экономически отсталые страны якобы не является средством ограбления народов. Но факты опровергают эти утверждения апологетов американского империализма. Капиталовложения США в страны Азии, Африки и Австралии увеличились с 1086 млн. долл. в 1949 г. до 2085 млн. долл. в 1953 г. В 1953 г. средняя прибыль, полученная от этих капиталовложений США, составляла свыше 30%⁹. Английская алмазная компания в Африке, контролируя 95% мирового производства естественных алмазов, выплачивает ежегодный неизменный дивидент в 200%¹⁰. Прибыль «Кувейт ойл К°» за 1954 г. достигла 557 млн. долл., что составляет 450% на вложенный основной капитал в 115 млн. долл.¹¹

Новые формы колониального порабощения проводятся империалистами США под видом оказания так называемой «помощи» слаборазвитым странам. Государства, получившие такую «помощь» в виде оружия, неизбежно попадают в зависимость, становятся участниками военных блоков, в которых вершат политику колонизаторы.

Однако освободившиеся от гнета колониализма страны Востока идут по пути создания своей национальной экономики. Для создания независимой национальной экономики и повышения жизненного уровня своих народов эти страны, хотя они и не входят в мировую социалистическую систему, могут пользоваться ее достижениями. Теперь им не нужно идти за современным оборудованием на поклон к своим бывшим угнетателям. Такое оборудование они могут получить в странах социализма, не расплачиваясь за это никакими обязательствами политического или военного характера.

Существование Советского Союза и других стран социалистического лагеря, их готовность помочь слаборазвитым странам в экономическом развитии на условиях равноправия и взаимной выгоды, указывает Н. С. Хрущев, «является серьезной преградой на пути колониальной политики. Империалисты уже не могут рассматривать слаборазвитые страны исключительно с точки зрения возможности извлечения максимальных прибылей. В своих взаимоотношениях с ними они вынуждены идти на уступки»¹².

* * *

Позиции империалистических держав все более ослабевают, вековые устои колониализма рушатся. Народы Востока все смелее решают сами судьбы своих стран.

⁹ «Синьхуажябао», 7 июня 1955 г.

¹⁰ «Wall Street journal», 10 февраля 1955 г.

¹¹ «Экономическое положение капиталистических стран в 1954 г.». М., Внешторгиздат, 1955, стр. 241.

¹² Н. С. Хрущев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, стр. 21.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНАХ АФРИКИ

И. И. ПОТЕХИН

До второй мировой войны Африка, особенно та ее огромная, основная часть, что расположена южнее Сахары, стояла как бы в стороне от столбовой дороги мировой истории. Об Африке вспоминали главным образом в связи с противоречиями между европейскими колониальными державами, в связи с острыми конфликтами, к которым эти противоречия приводили. О народах писали почти исключительно этнографы, искавшие в Африке материалы для истории первобытного общества. Сейчас мировая пресса полна сообщениями об Африке. Газеты и журналы, издающиеся в капиталистической Европе и в США, на все лады расписывают потенциальные возможности африканских стран, всевозможные планы и схемы их развития; банковские бюллетени сообщают о новых и новых займах, капиталовложениях и баснословном росте прибылей монополистических компаний. И вместе с тем на страницах буржуазной прессы все чаще и чаще появляются пессимистические нотки, тревожные вопросы: прочно ли все это, как долго это может продолжаться, что делать и т. п. Среди огромного количества книг по Африке, принадлежащих сторонникам колониализма, появляются книги с такими, например, характерными названиями. «Должны ли мы потерять Африку?»¹, «Африка перед штормом»² и т. д.

В течение последней четверти XIX в. народы Африки переживали страшную трагедию: их земля обильно поливалась кровью народов. В середине семидесятых годов прошлого столетия только 10% африканской территории принадлежало европейским державам, а к концу XIX в. уже вся Африка была поделена, вся ее карта оказалась закрашенной в цвета соответствующих империалистических держав.

Вот некоторые события этого периода: 1879 г. — английская армия наносит тяжелое поражение зулусам; 1882 г. — английский флот бомбардирует Александрию (Египет); 1888 г. — Германия жестоко расправляется с арабами и банту в Восточной Африке; 1890—1898 гг. — французская армия ведет колониальную войну в Западной Африке; 1891 г. — Германия подавляет восстание вахехе в Восточной Африке; 1893—1896 гг. — отряды Сесилия Родса топят в крови восстания матабеле и машона в Южной Родезии; 1895—1896 гг. — итало-абиссинская война; 1897—1901 гг. — ашанти (Золотой Берег) терпят поражение в войне против Англии; 1898 г. — Англия разбила махдистскую армию в Восточном Судане; 1899 —

1902 гг. — англо-бурская война. Длинная цепь кровавых преступлений европейского империализма! Лучшие силы африканских народов были истреблены в этих войнах. Начался период тяжелейшего колониального порабощения, беспросветной тьмы.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России была первым лучом света. Она показала, что империализм не всесилен. Она породила надежду на возможность освобождения, но сил для борьбы с империализмом было еще мало. Рабочий класс только зарождался, национальной буржуазии в большинстве африканских стран еще не было, отсутствовали рабочие и национальные организации. Между первой и второй мировыми войнами происходило накопление общественных сил, способных противостоять империализму.

После второй мировой войны Африка окончательно вышла из состояния оцепенения. В годы войны сотни тысяч африканцев — колониальных рабов — получили в руки оружие, и это имело огромное для них значение. Северная Африка была одним из театров второй мировой войны. Эфиопские партизаны смело сражались против итальянских оккупантов. Многие тысячи африканских солдат воевали за пределами Африки — и в Европе, и в Азии, что явилось для них суровой политической школой. Африканцы сыграли важную роль в поставках военного сырья и продовольствия. Вся Африка так или иначе была втянута в борьбу против стран фашистского блока.

Освободительные идеи антифашистской коалиции вдохновляли и африканцев в этой войне. Исторические, изумлявшие мир победы вооруженных сил Советского Союза воспринимались африканцами как свои победы. В этих условиях и правительствам колониальных держав — участниц антифашистской коалиции — пришлось заговорить о праве народов колоний на национальную свободу. Атлантическая хартия, подписанная Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 г., воспринималась народами Африки, равно как и другими колониальными народами, не как обычный дипломатический документ, а как торжественная декларация, налагающая на колониальные державы определенные обязательства. Народы Африки верили в этот документ, и по окончании войны попытались опереться на него в своей борьбе за национальное освобождение. Однако колониальные державы не выполнили своих обещаний. Это разоблало их политику по отношению к колониальным народам.

Международная обстановка, сложившаяся в результате разгрома стран фашистского блока, чрезвычайно способствовала разворачиванию освободительного движения в Африке. Советский Союз выступил перед народами мира как надежный оплот национального освобождения, мира и демократии. Страны Восточной Европы отпали от империалистического лагеря и встали на путь строительства социализма. Великая победа китайского народа решительным образом изменила всю политическую обстановку на Востоке. Многие страны Азии сбросили с себя колониальное ярмо и вышли на дорогу самостоятельного национального развития. Начавшееся в Азии мощное национально-освободительное движение захватило и Африку.

До войны в африканских странах не было профсоюзов, не было и организованного рабочего движения. Исключение составляли страны Магриба (Марокко, Алжир, Тунис), где первые профсоюзы были созданы французскими рабочими, Египет и Южно-Африканский союз, где профсоюзы были созданы английскими рабочими. Теперь африканские рабочие получили право на создание своих организаций и в самый короткий срок при активной помощи Всемирной федерации профсоюзов создали их. В Африке нет теперь ни одной большой колонии, где не было бы

¹ C. Legum. Must we lose Africa? London, 1955.

² J. Cookson. Before the african storm. New York, 1954.

профсоюзов. Созданы боевые профсоюзные объединения, входящие в международные профсоюзные организации.

Экономическая стачка стала в Африке обычным явлением, хотя колониальные власти и применяют исключительно жестокие методы расправы с бастующими (расстрел горняков Нигерии в 1949 г., подавление военной силой забастовок на медных рудниках Северной Родезии в 1954 и в 1955 гг. и др.). Несмотря на полицейский террор, африканские профсоюзы настойчиво борются за интересы рабочего класса, принуждая монополии идти на уступки (горняки Северной Родезии, например, за послевоенные годы добились повышения заработной платы на 75 %).

Африканские профсоюзы неоднократно с успехом проводили и политические стачки: в 1950 г. рабочие Кении бастовали против ареста руководителей Восточно-Африканского конгресса профсоюзов; в том же году рабочие Золотого Берега бастовали в знак поддержки выдвинутого Народной партией лозунга независимости; в 1952 г. рабочие Французской Западной и Экваториальной Африки бастовали с целью заставить правительство Франции ввести в действие кодекс о труде.

Организованное, растущее и крепнущее профсоюзное движение, являющееся составной частью мирового профсоюзного движения, — это совершенно новый фактор политического развития послевоенной Африки.

До войны в африканских странах, исключая Египет, Южно-Африканский Союз и страны Магриба, почти не было национальных политических организаций. Центральная ассоциация кикую в Кении — немногочисленная организация, находившаяся на полулегальном положении и проявляющая весьма слабую активность; Демократическая партия Нигерии, объединяющая верхушечные слои колониальной интеллигенции, не имеющая никакого влияния за пределами города Лагос; Западно-африканский национальный конгресс — весьма расплывчатая, без определенной программы организация, объединяющая некоторые круги интеллигенции, — вот по существу и все, что было до войны в многочисленных колониях Южной и Экваториальной Африки. Только в странах Магриба, в Египте и в Южно-Африканском Союзе существовали коммунистические партии. Антиимпериалистического движения, руководимого национальными организациями в Африке, за исключением перечисленных стран, не было. Спорадические, локальные выступления, направленные против отдельных, особо нетерпимых проявлений колониального режима (земельные экспроприации, повышение налогового бремени, введение принудительного труда и т. п.) или против зверств отдельных колониальных чиновников, — вот что было характерно почти для всех африканских колоний еще накануне второй мировой войны.

Сразу же по окончании войны в большинстве колоний появились массовые национальные организации, поставившие своей целью борьбу за национальное освобождение. Во Французской Западной Африке было создано Демократическое объединение Африки — массовая организация, которая насчитывала около миллиона членов и имела свои секции во всех четырнадцати французских колониях Западной и Экваториальной Африки. На учредительном съезде Объединения в 1946 г. была принята четкая программа борьбы за национальное, экономическое и социальное освобождение. Через несколько лет, вследствие маневров французских колонизаторов и происков их пособников в самих колониях, Демократическое объединение Африки распалось, но его деятельность пробудила широкие массы африканцев к сознательной политической жизни. В настоящее время во всех этих французских колониях существуют различные политические партии.

В английских колониях Западной Африки сразу после войны возникли Национальный совет Нигерии и Камеруна и Объединенная конвенция Золотого Берега. В последующие годы в этих странах появились новые политические организации различного направления: Народная партия и Мусульманская лига — на Золотом Береге; «Группа действия», Северный народный конгресс и Союз прогрессивных элементов Севера — в Нигерии. Эти организации представляют интересы различных классов и социальных слоев, различно их отношение к проблемам национального освобождения, но все они обращаются, и не могут не обращаться, к массам, вовлекая их в водоворот политической жизни.

В британской Центральной Африке возникли национальные конгрессы Северной Родезии, Южной Родезии и Ньясаленда. В отличие от Западной Африки, здесь нет множества политических партий. Каждый из этих конгрессов представляет собою организацию единого национального фронта, объединяющую рабочий класс, крестьянство, национальную буржуазию и интеллигенцию. Костяком национальных конгрессов обеих Родезий являются рабочие организации.

Возникли массовые национальные организации и в британской Восточной Африке: Национальный конгресс Уганды, Союз африканцев Кении, Союз африканцев Танганьики. Первые две из этих организаций ведут активную борьбу против колониального режима. Союз африканцев Кении возглавил героическую борьбу народов Кении в 1952—1955 гг.

В Восточном Судане в первые послевоенные годы стали одна за другой возникать политические партии, на базе которых впоследствии сложились две большие партии: национал-юнионистская и Аль-Умма. Появились национальные организации в Итальянском Сомали.

Все эти организации являются или буржуазными партиями или организациями единого национального фронта. Руководство ими находится в руках национальной буржуазии и интеллигенции. Коммунистические партии имеются далеко не во всех странах Африки. Не все буржуазные партии примыкают к прогрессивному лагерю. Но сам факт создания в короткий срок во всех колониях массовых политических организаций знаменует начало нового исторического этапа в жизни народов Африки.

«По сравнению с тем, что было десять лет тому назад, изменилась вся политическая обстановка», — писал «Форин рипорт» в 1951 г. о британской Западной Африке³. Примерно так же оценивает буржуазная пресса изменения и в других африканских колониях. Империалистические круги не ожидали такого быстрого роста политической активности народов Африки. Они рассчитывали, что Африка и впредь будет надежным колониальным тылом, сферой «безмятежной эксплуатации». Но ставка империалистов на политическую отсталость африканцев оказалась битой. На страницах буржуазной прессы появились статьи, посвященные проблеме «африканского национализма», который, по мнению «Форин рипорт», может «перевернуть все вверх дном раньше, чем это было принято думать»⁴.

Вся послевоенная история Африки наполнена весьма знаменательными событиями, которые свидетельствуют о том, что народы Африки, как и народы других колоний, не хотят больше жить по-старому. Они решительно поднимаются на борьбу за свое национальное освобождение. Империалистические державы могут еще до известной степени задержать национально-освободительное движение, но уже не могут его остановить. Если XIX век был веком империалистического раздела Африки и порабощения ее народов, то XX век войдет в историю народов Африки как век на-

³ «Foreign report», 18 января 1951 г.

⁴ Там же.

ционального возрождения. Вслед за Азией распад колониальной системы постепенно захватывает и африканский континент.

В результате поражения итальянского империализма во второй мировой войне вопрос о будущем итальянских колоний в Африке стал предметом обсуждения в Организации Объединенных Наций. Колониальные державы попытались решить этот вопрос так же, как они решили вопрос о германских колониях после первой мировой войны, т. е. поделить их между собой. Но времена теперь другие, Африку уже нельзя делить так, как делили ее еще в недавнем прошлом.

* * *

Международная обстановка после второй мировой войны коренным образом отличается от того, что было во времена Версальского мира. Соотношение сил на мировой арене изменилось в пользу антиимпериалистических сил. Начался распад колониальной системы. Другой стала и сама Африка. Организация Объединенных Наций, — это уже не прежняя Лига Наций, где империалистические державы втайне от народов могли вести закулисную торговлю судьбами народов. Последовательно проводимая Советским Союзом политика защиты прав народов на национальное самоопределение сорвала планы империалистического передела итальянских колоний. В результате на карте Африки появилось еще одно независимое государство — Ливия. Верно, что империалистические державы сохраняют в Ливии свои военные базы, держат в ней свои войска, опутали ее кабальными соглашениями о «помощи». Это наносит огромный ущерб независимости Ливии. Но тем не менее, Ливия уже не колония, а суверенное государство.

Эритрея вошла в качестве федеративной единицы в состав Эфиопии. Колония Сомали, вопреки воле его народа, была передана под опеку Италии. Система опеки — весьма несовершенный инструмент; колониальные державы, имеющие большинство в Совете по опеке ООН, превратили международную опеку в прикрытие старых колониальных порядков. В положении населения Сомали не произошло никаких существенных изменений. Но срок опеки кончается в 1960 г., когда вопрос о будущем Сомали будет решаться заново.

Коренным образом изменилось положение Египта. Более шестидесяти лет тому назад, после варварской бомбардировки Александрии в 1882 г., английские войска оккупировали Египет; в стране был установлен колониальный режим. В результате мощного антиимпериалистического движения, развернувшегося на колониальном Востоке, под влиянием победы Октябрьской революции в России, Англия была вынуждена отменить протекторат над Египтом и провозгласить его независимость. Но Англия сохраняла в Египте свои войска, под прикрытием которых английские монополии хозяйничали там как в своей колонии. В 1936 г. Англия навязала Египту кабальный договор.

Теперь Египет освободился от этого унижительного договора. В 1951 г. правительство Египта, выражая волю народных масс, поднявших борьбу против английского империалистического господства, денонсировало договор 1936 г. Англия уже не могла, как прежде, диктовать Египту свою волю. Это историческое событие явилось серьезным ударом по империалистическим позициям не только в Египте, но в Африке вообще.

Известно, какое большое значение имеет Египет в стратегических планах Англии на Ближнем и Среднем Востоке. Этим, в частности, и объясняется та настойчивость, с которой Англия добивается сохранения своего влияния в Египте. Соглашением 1954 г. о Суэцком канале ей удалось

добиться права превратить зону канала при определенных условиях в базу своих вооруженных сил. Англия и США упорно добиваются присоединения Египта и других арабских стран к Багдадскому пакту, который должен служить мостом между НАТО и СЕАТО. Но народы арабских стран не хотят больше подчиняться чужеземному диктату, в сколачиваемых империалистами военных блоках они справедливо видят угрозу своей независимости; они требуют от своих правительств проведения независимой внешней политики. Выражением этой независимой политики явилось соглашение между Египтом и Сирией о взаимной обороне, заключенное в октябре 1955 г. и поддержанное почти всеми арабскими странами.

Другим выражением этой самостоятельности явилось решение египетского правительства о закупке в Чехословакии вооружения в обмен на хлопок и рис. Привыкшие командовать другими странами, Англия и США попытались добиться отмены этого решения. Но ни угрозы, ни грубый нажим на правительство Египта из Лондона и Вашингтона успеха не имели. «Независимый и сильный Египет не потерпит никакого иностранного влияния, — заявил в связи с этим премьер-министр Насер. — Египет является независимым и свободным государством. У него своя внешняя политика, которая определяется здесь, в Каире...» Важным событием в жизни египетского народа явилось обнародование в январе 1956 г. проекта новой конституции, в котором Египет провозглашается независимым и суверенным арабским государством, демократической республикой. Утверждение конституции, для чего 23 июня 1956 г. будет проведен плебисцит, явится крупным шагом на пути укрепления государственной независимости Египта.

Нельзя не отметить энергичных усилий египетского правительства, направленных на развитие национальной экономики (строительство металлургического и вагоностроительного заводов, джутовой и бумажных фабрик, а также других промышленных предприятий, сооружение Асуанской плотины и др.), что будет в значительной степени способствовать укреплению независимости Египта.

Вместе с денонсацией договора 1936 г. правительство Египта денонсировало конвенцию 1899 г. о Судане. Эта конвенция, заключенная после разгрома английскими войсками махдистского государства, прикрывала колониальное господство Англии в Восточном Судане. Денонсация конвенции лишила Англию правовых основ этого господства. Народы Судана потребовали вывода английских войск и предоставления независимости. 12 февраля 1953 г. Англия была вынуждена подписать с Египтом соглашение о Судане, согласно которому суданскому народу было предоставлено право через три года решить вопрос о будущем статусе своей страны.

Эти три года были заполнены напряженной политической борьбой. Англия пыталась удержать Судан в рамках империи. Правящие круги Египта настаивали на объединении всей долины Нила в едином государстве. Не было единства точек зрения на будущий статус Судана и в самом Судане. Партия Аль-Умма, руководителем которой является сын вождя махдистского движения XIX в. Абдель Рахман эль-Махди, выступала за независимость, против какого-либо союза с Египтом, склонялась к тому, чтобы в той или иной форме сохранить связи с Британской империей. Национал-юнионистская партия, стоящая у власти с 1953 г., лидер которой Исмаил Аль-Азхари является премьер-министром, выступала вначале за объединение долины Нила, за союз с Египтом, но затем изменила свои взгляды и высказалась за создание суверенного государства.

Эволюция взглядов обеих крупнейших партий привела в декабре прошлого года к выработке общей платформы. 19 декабря 1955 г. нижняя па-

лата суданского парламента, а 22 декабря и сенат приняли решение о провозглашении Судана независимой республикой. В этот же день все партии Судана договорились об образовании коалиционного национального правительства во главе с Аль-Азхари. Для разработки конституции и избирательного закона будет избрано Учредительное собрание. Функции главы государства будет временно исполнять избранный парламентом Комитет пяти. Английский генерал-губернатор, являвшийся верховным правителем Судана, покинул пределы страны. Английские и египетские войска были эвакуированы еще в ноябре прошлого года.

С 1 января 1956 г. Судан стал суверенным государством. Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин в телеграмме, адресованной премьер-министру Судана Исмаилу Аль-Азхари, приветствовал провозглашение независимости Судана и от имени народов Советского Союза пожелал суданскому народу всяческих успехов в деле укрепления государственного суверенитета Судана, развития его национальной экономики и культуры.

Период колониального угнетения Судана кончился, начался новый период истории, период строительства независимого государства, развития национальной экономики и национальной культуры. Эта большая историческая победа суданского народа имеет огромное значение для всего африканского континента и для стран Ближнего Востока. Она вдохновляет на борьбу народы других стран Африки, еще изнывающих под гнетом колониализма, служит делу укрепления мира на Ближнем Востоке и во всем мире.

В 1950 г. правительство Англии под давлением нарастающего национально-освободительного движения ввело в колонии Золотой Берег новую конституцию, которая давала народу право создать представительное законодательное собрание и образовать национальное правительство, при сохранении в колонии власти английского губернатора. На выборах в феврале 1951 г. Народная партия, поддержанная профсоюзами, одержала победу и создала правительство. Лидер партии Кваме Нкрума стал премьер-министром. Хотя Золотой Берег попрежнему остался колонией и реальная государственная власть находится в руках представителя английской короны, образование правительства Народной партии вызвало переполох среди приверженцев колониализма, злобную реакцию злейшего реакционера и расиста Малана. «Не является ли это началом нашего конца?» — спрашивали себя обосновавшиеся в Африке английские колонизаторы. Африканцы же справедливо оценили это событие как свою большую победу⁵.

Говорят, логика вещей сильнее всякой другой логики. Допустив к власти национальное правительство, встав на путь уступок, английское правительство было вынуждено и дальше идти по этому пути. За пять лет пребывания Народной партии у власти проведен ряд мероприятий, укрепляющих позиции национальных сил и ослабляющих позиции английского империализма: введение всеобщего избирательного права и реформа местных органов власти подорвали позиции феодальной верхушки, являющейся социальной опорой империализма; значительная часть английских чиновников колониальной администрации заменена местными чиновниками; оказана существенная помощь в развитии национального капитала и т. п.

Но народы Золотого Берега ведут борьбу за то, чтобы полностью освободиться от господства колонизаторов. Они настойчиво требуют

⁵ М. Perham. The British problem in Africa. «Foreign affairs», июнь 1951 г., стр. 637.

независимости от Англии, права самим распоряжаться своей судьбой. И английское правительство вынуждено обещать предоставить им это право; в 1956 г. английское правительство принимает меры к тому, чтобы превратить провозглашение независимости в формальный акт. В осуществлении этой политики оно находит поддержку у местных феодалов.

Сложная и напряженная обстановка создалась в Нигерии, которая в настоящее время является самой крупной колонией Британской империи. По национальному составу населения и по ряду других признаков Нигерия делится на три части: Западную, Восточную и Северную. Северная Нигерия населена мусульманскими народами хауса и другими. Она включает в себя ряд феодальных княжеств; английские власти старательно охраняют права и привилегии феодальной верхушки. Западная Нигерия, населенная в основном народом йоруба, также состоит из группы феодальных княжеств. Народ ибо, населяющий Восточную Нигерию, к началу империалистического порабощения находился еще на стадии разложения родового строя. За последние десятилетия в Восточной Нигерии отмечаются значительные сдвиги в развитии местного капитализма. Английские власти, умело используя национальные и религиозные различия, сеют рознь между народами, что ослабляет их силы в борьбе за независимость. В 1951 г. английские власти ввели в Нигерии новую конституцию, в основу которой положена идея разделения и противопоставления народов по религиозному признаку. Нигерия превратилась в федерацию трех «государств»; наряду с центральным парламентом и правительством были созданы три региональных парламента и три правительства. Как и в колонии Золотой Берег, реальная политическая власть осталась в руках английского генерал-губернатора и трех подчиненных ему также английских губернаторов.

Несмотря на ограниченность политических прав, предоставленных конституцией 1951 г., представители демократических слоев населения использовали парламентскую трибуну для дальнейшего наступления на английский империализм. В мае 1953 г. парламент Восточной Нигерии выразил недоверие правительству и возглавляющему его английскому губернатору. В марте 1953 г. Национальный Совет Нигерии и Камеруна и «Группа действия», представляющая интересы блока национальной буржуазии и обуржуазившихся феодалов Западной Нигерии, внесли в федеральный парламент резолюцию, требовавшую предоставления Нигерии в 1956 г. независимости, что вызвало глубокий и продолжительный правительственный кризис.

Наиболее остро и активно разворачивалась борьба за стенами парламента. По инициативе Национального Совета Нигерии и Камеруна началась кампания за восстановление общенигерийского национально-освободительного движения под лозунгом: «Одна страна, одна судьба, одна конституция». Этот лозунг очень скоро приобрел широкую популярность по всей Нигерии.

Под нажимом мощного национально-освободительного движения правительство Англии вынуждено было сделать еще одну уступку: оно утвердило новую временную конституцию, срок действия которой истекает в 1956 г. По новой конституции в Западной и Восточной Нигерии введены прямые выборы в парламент, в Северной Нигерии осталась трехстепенная система выборов. Сейчас началась подготовка к проведению конституционной конференции, на которой должен решаться вопрос о будущем Нигерии.

С большими трудностями столкнулась Англия и в Восточной Африке. Народы Уганды потребовали предоставления им независимости. В 1953 г. правительство Англии сместило главу феодального княжества Буганды — кабаку Мтеза II, отказавшегося подчиниться английскому губернатору.

Произвол английских властей вызвал такое мощное народное движение, руководимое Национальным конгрессом Буганды, что Англия была вынуждена пойти на уступки. В 1955 г. кабака вернулся в Буганду. Сплоченный в борьбе за восстановление кабаки, народ Буганды с новой силой поставил вопрос о немедленном предоставлении независимости.

В течение трех лет (1952—1955) Англия вела военные действия против народов Кении, требовавших осуществления аграрной реформы и предоставления демократических прав, равных с правами английских колонистов. Около двенадцати тысяч африканцев было убито за время «чрезвычайного положения»⁶. Английские власти жестоко расправились с народами Кении, но морально-политические позиции английского империализма в Восточной Африке оказались решительно подорванными.

Северная Африка уже в течение ряда лет объята неугасаемым пламенем народного движения за независимость, против угнетения французскими монополиями. Правящие круги Франции, отстаивая интересы этих монополий, выполняя их волю, усиленно маневрировали, шли на незначительные политические уступки и в то же время в ряде районов вели настоящую колониальную войну. Но народы Северной Африки были непреклонны в своем решении завоевать национальную свободу.

Конституционные реформы, проведенные в первые послевоенные годы и сохранявшие в неприкосновенности господство французских колонизаторов, не удовлетворяли и не могли удовлетворить национальные чаяния народов Северной Африки. В октябре 1951 г. правительство Туниса потребовало от Франции предоставления внутренней автономии. В течение трех лет правители Франции отказывались удовлетворить это законное требование. Они пытались любой ценой сохранить свое господство в Тунисе. Но всенародное движение, принимавшее такие острые формы, как партизанская война в сельских районах и вооруженные выступления в крупных городах, заставили их пойти на существенные уступки. В июле 1954 г. премьер-министр Франции Мендес-Франс провозгласил «внутреннюю автономию тунисского государства». 3 июня 1955 г. было подписано франко-тунисское соглашение, согласно которому Тунис получил право иметь правительство, в котором все посты принадлежат тунисцам; вместо четырех управлений — финансов, общественных работ, просвещения и связи, — во главе которых стояли французы, созданы министерства с тунисцами во главе. Хотя руководство армией, полицией и внешней политикой Туниса оставалось в руках французов, создание однородного национального правительства тунисцы справедливо расценили как первый успех на пути к полному осуществлению своего права на самоопределение, к демократическому управлению всеми своими делами. 20 марта 1956 г. в Париже был подписан протокол о предоставлении Тунису национальной независимости. Это несомненно, свидетельствует о серьезном поражении французских колонизаторов в Африке.

Поражением империалистических кругов Франции является и восстановление на троне марокканского султана Сиди Мохаммеда бен-Юсефа. В августе 1953 г. французское правительство низложило бен-Юсефа, не пожелавшего слепо выполнять приказы колонизаторов. Бен-Юсеф был сослан на Мадагаскар. Антиконтитуционный акт французских властей вызвал возмущение самых широких народных масс. В Касабланке, Маракеше и в других городах состоялись массовые патриотические демонстрации. В августе 1954 г. в первую годовщину этого произвола французских властей состоялась крупнейшая в истории Марокко политическая забастовка. 20 августа 1955 г. в связи со второй годовщиной низло-

жения бен-Юсефа марокканцы вновь вышли на улицы, требуя возвращения его из ссылки. Правительство Франции попыталось расправиться с народным движением с помощью вооруженной силы. В ряде мест происходили настоящие военные действия, в которых с французской стороны участвовали не только пехота, но и авиация, артиллерия, бронетанковые части и даже парашютисты. Военные действия с перерывами, в разных местах, продолжались в течение всего августа, сентября и октября 1955 г. Французское правительство было вынуждено отступить и согласиться с восстановлением бен-Юсефа. В длительной борьбе марокканский народ одержал важную победу: 2 марта 1956 г. было опубликовано совместное франко-марокканское коммюнике, в котором правительство Франции признало независимость Марокко.

Французские колонизаторы считают Алжир частью Франции и на этом основании отрицают вообще наличие «алжирской проблемы». Алжирцы думают, однако, иначе. «Алжир — не Франция и не может быть Францией. Алжир — колония, завоеванная, угнетаемая и жестоко эксплуатируемая кучкой капиталистов. Но Алжир имеет собственную культуру, обычаи и традиции, наличие которых никто не может отрицать»⁷.

В течение 125 лет в Алжире господствуют французские колонизаторы, попирая национальные права алжирского народа, расхищая богатства его страны. Но алжирцы хотят быть сами хозяевами своей судьбы и своих богатств. Выражая требования алжирского народа, Алжирская коммунистическая партия требует ликвидации колониального режима, создания Алжирской демократической республики, объединенной с Францией на добровольных началах. Не желая считаться с законными требованиями алжирцев, некоторые круги Франции пытались сохранить свои позиции путем жестокого полицейского террора. Французские власти ввели в Алжире чрезвычайное положение, объявили Алжирскую коммунистическую партию вне закона, проводили массовые аресты патриотов, «проче-сывания» и т. п. В порядке самообороны алжирцам пришлось взяться за оружие. В течение всего лета и осени 1955 г. в Алжире, как и в Марокко, происходили крупные вооруженные столкновения.

Но уже прошли те времена, когда политика репрессий по отношению к поработленным народам приносила желаемые результаты. Даже в империалистических кругах Франции, наученных на горьком опыте во Вьетнаме, начинают понимать, к каким последствиям приводит эта политика. Все настойчивее раздается требование перейти от политики репрессий к политике переговоров с национальными силами Алжира. Открывая заседание Национального собрания Франции нового состава 19 января 1956 г., Марсель Кашен выразил глубокое беспокойство общественного мнения Франции в связи с тревожной обстановкой в Северной Африке, где возникла опасность повторения трагических событий индо-китайской войны, если не будут немедленно приняты меры к мирному урегулированию.

Замечательной особенностью национально-освободительного движения в Северной Африке является взаимная поддержка, братская солидарность тунисцев, алжирцев, марокканцев. Демократические силы Франции, преимущественно рабочий класс и его коммунистическая партия, оказывают народам Северной Африки постоянную, энергичную поддержку.

Народы арабских стран с большим сочувствием относятся к самоотверженной, героической борьбе народов Магриба за свою национальную

⁶ «Africa bulletin», 1955, № 11, стр. 20.

⁷ Лакдар Канди. Действительные причины происходящих в Алжире событий. «Всемирное профсоюзное движение», 1955, № 1, стр. 17.

свободу, оказывают им большую моральную и политическую помощь. По инициативе арабских стран вопрос о положении во французских колониях Северной Африки стал предметом обсуждения в Организации Объединенных Наций. По существу следует говорить о едином антиимпериалистическом фронте большого числа стран от Сирии до Марокко, полу-кругом охватывающих все восточное и южное побережье Средиземного моря.

Все это вызывает огромное беспокойство не только во Франции, но во всех капиталистических странах, объединившихся в агрессивный Северо-Атлантический блок. В планах будущей войны руководители Северо-Атлантического блока отводят Северной Африке исключительно большую роль. По всему южному побережью Средиземного моря создана сеть военных и военно-морских баз, аэродромов, рассчитанных на обслуживание бомбардировочной авиации дальнего действия. Победа национальных сил в этих странах явилась бы сильным ударом по стратегическим планам Северо-Атлантического блока. Борьба народов Магриба за независимость имеет поэтому большое международное значение и пользуется поддержкой всех миролюбивых сил. Опираясь на эту поддержку, тунисцы, алжирцы и марокканцы настойчиво продолжают борьбу, уверенные, что скоро пробьет час желанной национальной свободы.

* * *

Таким образом, вопрос о предоставлении независимости африканским колониям является назревшим вопросом. Известно, что многие страны, будучи формально независимыми, суверенными государствами, экономически зависят от иностранных монополий. Путем ряда соглашений об оказании экономической и военной «помощи» Соединенные Штаты укрепили свои позиции в Эфиопии. США прислали в Эфиопию много американцев — от специалистов по колодцам до ректора сельскохозяйственного колледжа. Американская военная миссия в составе пятнадцати офицеров обучает эфиопскую армию, один американец возглавляет государственный банк, второй руководит управлением по строительству дорог; американские советники имеются при министерстве иностранных дел, министерстве финансов, министерстве торговли и промышленности. Как пишет один американский журнал, страной правит император с помощью «иностранный легиона чиновников»⁸.

В экономической зависимости от США находится и Либерия. Компания Файрстона, владеющая обширными каучуковыми плантациями, и недавно образованная американская же компания по разработке железорудных месторождений держат в своих руках ключевые экономические позиции.

Приобретение политической независимости — лишь первый шаг на пути завоевания фактической независимости, но это весьма важный шаг. Суверенное государство является сильнейшим средством развития национальной экономики, достижения таким путем и экономической самостоятельности. Уже сам факт образования суверенного государства ограничивает власть империалистических держав, связывает им руки.

Как и на других континентах, антиимпериалистическое движение в Африке развивается неравномерно. Публицисты из лагеря сторонников колониализма не могут нахвалиться порядками, существующими в Бель-

гийском Конго, где в послевоенные годы сильно укрепились американские монополии. Режим свирепого подавления всякой свободной мысли и демократического действия, режим концентрационных лагерей, покрывших страну густой сетью, ставится в пример. Правительства Англии и Франции призываются следовать примеру бельгийских властей в Конго, которым до сих пор удается препятствовать появлению каких-либо национальных организаций, а немногочисленные, слабые профсоюзные организации держать под своим контролем.

Беспросветный мрак царит пока и над португальскими колониями — Мозамбик и Ангола. Португальские феодалы-плантаторы тяжелым сапогом придавили все живые силы поработенных ими народов.

Созданием Федерации Родезии и Ньясаленда, осуществленной вопреки воле африканских народов, Англии удалось пока укрепить свои позиции, создать «устойчивость», которой так настоятельно требовали иностранные, в первую очередь американские монополии, вкладывающие свои капиталы в горную промышленность Северной Родезии.

На юге Африки, в Южно-Африканском Союзе, являющемся доминионом Великобритании, реакционное правительство Маланга — Стрейдома, пользующееся особо благосклонным вниманием и поддержкой монополистических кругов США, создало жесточайший режим расовой дискриминации африканского населения и полицейского контроля над деятельностью всех демократических организаций. Но в Южно-Африканском Союзе история рабочего и профсоюзного движения насчитывает уже более полу-сотни лет. Тридцатилетняя деятельность коммунистической партии, запрещенной правительством Маланга в 1950 г., оставила глубочайший след в сознании народных масс. В Южно-Африканском Союзе еще в 1912 г., впервые на африканском континенте, была создана массовая национальная организация — Африканский национальный конгресс. Антиимпериалистическое движение на юге Африки имеет многолетние традиции, к концу второй мировой войны оно представляло собой большую социальную силу.

Политические противоречия на юге Африки с каждым годом становятся все более обостренными. Реакционные законы, один за другим издаваемые правительством, осложняют политическую обстановку. Разрозненные в прошлом политические организации народов банту, индийцев и «цветных» за последние годы тесно объединились в единый демократический фронт. Все более широкие слои европейской части населения приходят к пониманию необходимости единства действий с неевропейцами. Народный конгресс, созданный в июне 1955 г. по инициативе Африканского национального конгресса, Индийского конгресса Южной Африки, Африканского совета цветных народов и Конгресса демократов, явился яркой демонстрацией растущего единства сил, противостоящих империалистической реакции.

* * *

Перед народами Африки на пути достижения национальной независимости стоят еще огромные трудности. Экономическая, политическая и культурная отсталость, намеренно поддерживаемая колонизаторами, серьезно тормозит развитие освободительного движения. Промышленный пролетариат еще немногочислен, а его организации во многих колониях еще слабы.

Потеря колоний в Азии заставила империалистические державы обратить большее внимание на развитие производства сырья в Африке. До второй мировой войны об африканских колониях можно было говорить как о «ре-

⁸ «United States news and world report», 8 апреля 1955 г.

зервных» территориях, захваченных колониальными державами. Внимание колониальных держав было сосредоточено на Востоке, туда направлялась и основная часть иностранных капиталовложений. Сейчас центр тяжести колониальной политики империалистических держав за африканские источники сырья и рынки сбыта. К старым империалистическим соперникам прибавились США, уже захватившие весьма прочные позиции в Бельгийском Конго, ставшим после войны главным поставщиком атомного сырья, и в ряде других английских и французских колониях.

Характерной особенностью империалистической эксплуатации африканских колоний в послевоенный период является значительный рост участия государственного капитала метрополий. Если раньше правительства метрополий выполняли по преимуществу функцию охраны интересов монополий, хозяйничающих в колониях, то теперь они непосредственно участвуют в эксплуатации народов этих колоний. Еще в 1948 г. в Англии были созданы две крупные полуправительственные организации: корпорация колониального развития с капиталом в 110 млн. ф. ст. и заморская корпорация по продовольствию с капиталом в 50 млн. ф. ст. Африка является главным объектом действия этих корпораций. В соответствии с законом о создании «фонда развития колоний» из английского бюджета ежегодно вкладывается в африканские колонии 6 млн. ф. ст. Лондонские банки за период с апреля 1950 г. по март 1954 г. предоставили английским колониям в Африке займов на сумму 80 млн. ф. ст. Частные иностранные вложения в африканские колонии Англии за 1950—1953 гг. составили около 100 млн. ф. ст.

Во Франции для финансирования программы развития колоний в 1946 г. был создан Центральный банк заморских владений и инвестиционный фонд экономического и социального развития западных территорий (ФИЖЕС). Государственные вложения только в страны Магриба за 1949—1953 гг. составили более 800 миллионов франков (в ценах 1953 г.), а в колонии южнее Сахары (к концу 1953 г.) — около 300 миллиардов франков.

Большую активность в Африке развивает Международный банк реконструкции и развития, находящийся под контролем американского капитала. За 1950—1954 гг. банк выдал африканским странам займов на сумму более 200 млн. долл. Весьма внушительную сумму составляют частные американские капиталы, вложенные в экономику Африки после войны.⁹

Никогда раньше Африка не знала такого наплыва иностранного капитала, какой имеет место в наши дни. Империалистические державы развивают лихорадочную активность в поисках новых полезных ископаемых, вырабатывают всевозможные планы и схемы «развития», создают новые компании, вкладывают все новые и новые капиталы.

Значительная часть этих капиталов уходит, однако, на военное строительство: Африка уже опоясана сетью стратегических авиалиний, строятся стратегические автодороги и железные дороги, расширяются и совершенствуются порты, превращенные в военно-морские базы. Непрерывно гонимая вооружений отрицательно сказывается на экономическом развитии Африки.

Большая доля капиталов вкладывается в горную промышленность. Добыча минерального сырья в послевоенный период значительно возросла. Увеличилась добыча меди в Бельгийском Конго и в Северной

⁹ «United Nations. Economic and Social Council. Review of economic conditions in Africa». New York, 1951; «United Nations Department of Economic and Social Affairs. Review of economic activity in Africa. 1950 to 1954». New York, 1955; «Survey of Current business», 1952—1954.

Родезии, хромовой руды в Южной Родезии и в Южно-Африканском Союзе, марганца на Золотом Береге и т. д. Начата разработка бокситов на Золотом Береге и на Береге Слоновой кости, железной руды в Либереи и в Сьерра Леоне. Особое внимание уделяется добыче атомного сырья. Вслед за Бельгийским Конго в последние годы значительно увеличился вывоз урана и тория из Южно-Африканского Союза. Начаты разработки урановых руд в Северной Родезии и в Мозамбике (район Тете). Обнаружены месторождения урана в Анголе и в ряде других африканских колоний.

Объем продукции горной промышленности по Африке в целом в 1953 г. по сравнению с 1937 г. показывает следующий рост (в процентах): уголь — 194, железная руда — 200, марганцевая руда — 172, хромовая руда — 255, медная руда — 150, цинковая руда — 577, свинцовая руда — 361 и т. д. Удельный вес африканского минерального сырья в экономике капиталистического мира заметно повышается.¹⁰

Некоторая часть капиталовложений направляется в сельскохозяйственное производство: создаются новые плантации, расширяются старые. Однако крестьянское хозяйство африканцев топчется на месте. Например, сбор какао, являющегося продуктом главным образом крестьянского производства, составлял в среднем за 1934—1938 гг. 484 тыс. тонн, а за 1950—1953 гг. в среднем 488 тыс. тонн¹¹. Экспорт сельскохозяйственного сырья, производимого в крестьянском хозяйстве, не обнаруживает сколько-нибудь существенного роста, а поголовье скота в расчете на душу населения сокращается.

Западноевропейская и американская бужуазная пресса пишет об «индустриализации» Африки. Никакой индустриализации в действительном значении этого слова нет. Обрабатывающая промышленность по-прежнему развивается крайне медленно, а машиностроительная промышленность, составляющая суть индустриализации, совсем не развивается. Планы развития африканских колоний — всего лишь планы расширения добычи сырья. Но реализация этих планов в африканских колониях, ранее чрезвычайно отсталых, вносит значительные изменения в жизнь народов этих колоний.

Усиливается экспроприация земель, и все новые сотни тысяч африканских крестьян становятся в ряды безземельных, вынужденных искать иных средств к жизни. Быстро увеличивается численность рабочего класса из местного населения. В колониях Британской Центральной Африки, теперь Федерация Родезии и Ньясаленда, например, численность работающих по найму с 380 тыс. в 1939 г. увеличилась почти до 1 млн. в 1953 г.; в Британской Восточной Африке — с 600 тыс. до 1 200 тыс., в Бельгийском Конго с 500 тыс. до 1 100 тыс. и т. д.¹² Общая численность работающих по найму африканцев превышает десять миллионов. Большинство их составляют батраки и горнорабочие; последние в основном представляют собою отходников, полукрестьян-полурабочих. Но уже образовалось значительное ядро постоянных рабочих, пролетариев, численность которых быстро возрастает.

До второй мировой войны главной социальной опорой империализма в африканских колониях являлись многочисленные феодальные и полufeодальные элементы — феодальные владыки эмиратов, султанатов, княжеств, верховные вожди и вожди племен. Своим сотрудничеством с

¹⁰ «United Nations. Economic and Social Council. Review of economic conditions in Africa». New York, 1951; «Review of economic activity in Africa. 1950 to 1954. United Nations Department of Economic and Social Affairs». New York, 1955.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

колониальными властями они скомпрометировали себя, подорвали свой авторитет в глазах народных масс. В поисках более широкой социальной опоры колониальные державы предоставили некоторые дополнительные возможности развития национальной буржуазии. Сейчас даже заговорили о необходимости создания «среднего класса», как «стабилизирующего фактора»¹³. «Появление средних классов в британских заморских территориях должно поддерживаться и поощряться всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении» — заявил недавно государственный министр по делам колоний Хопкинс. Колониальные державы рассчитывают опереться на эти «средние классы», чтобы не допустить коренных демократических преобразований, требуемых трудящимися массами колоний. Но растущая национальная буржуазия настаивает на предоставлении ей новых возможностей, расширении поля деятельности не только в области экономики, но и в области политики, она становится в оппозицию к империализму. На данном этапе развития национально-освободительного движения она играет активную, а в большинстве колоний руководящую роль.

Создается новая Африка, которая все настойчивее предъявляет право на самостоятельную жизнь без опекунов. Это и вызывает тревогу в империалистическом лагере. Участие стран Африки в Бандунгской конференции было знаменательным событием. Пять африканских государств были официальными участниками конференции. Золотой Берег и Ливия впервые в своей истории выступили на международном форуме как равноправные участники. Народы Марокко, Алжира, Туниса, не имея пока возможности послать официальные делегации, направили на конференцию своих неофициальных представителей. 55 миллионов африканцев так или иначе были представлены на Бандунгской конференции. Вместе с представителями азиатских народов африканцы обсуждали важнейшие проблемы современной международной жизни и прежде всего проблемы борьбы против колониализма во всех его проявлениях. Представитель народов Южной Африки на Бандунгской конференции Мозес Котане, оценивая значение конференции, писал: «Угнетенные народы всего мира, воодушевленные решениями конференции, удвоят свои усилия, чтобы завоевать свободу еще при жизни нынешнего поколения»¹⁴. Эти слова выражают волю многомиллионных масс народов колониальной Африки.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВЬЕТНАМЕ¹

МИНЬ ЧАНЬ

Пятидесятилетие русской революции 1905—1907 гг. предоставляет вьетнамским историкам возможность глубже изучить и осознать ее влияние на Вьетнам. Действительно, вьетнамский народ многое усвоил из опыта первой русской революции. Мы убеждены, что уроки революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. окажут нам еще большую помощь в борьбе молодой Демократической Республики Вьетнам за социализм.

Важнейшим вопросом революции в эпоху империализма является вопрос о руководящей роли пролетариата и его партии.

«Марксизм учит пролетария, — указывал В. И. Ленин, — не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца»².

Изучая опыт русской революции, вьетнамский народ осознал характер революции во Вьетнаме и важнейшее значение повседневного укрепления союза рабочих и крестьян как основы Единого национального фронта для осуществления во Вьетнаме демократической революции, пролагающей путь к социализму. Усвоив этот урок, вьетнамский народ победил в вооруженном восстании в августе 1945 г. и создал Демократическую Республику Вьетнам.

* * *

Чтобы яснее представить себе значение революции 1905 г. для вьетнамской революции, я позволю себе прежде всего обрисовать в общих чертах картину социального строя и некоторых политических движений во Вьетнаме в период с 1905 по 1930 г., т. е. до основания Коммунистической партии Индо-Китая.

В конце XIX в. французские колонизаторы установили свое господство в Индо-Китае. Товары французской буржуазии стали наводнять индокитайский рынок. Французский капитал вкладывался в строительство заводов, рудников, железных дорог, в плантационное хозяйство.

¹ Сокращенный текст доклада проф. Минь Чаня (Демократическая Республика Вьетнам), прочитанного 29 октября 1955 г. на сессии Ученого совета Института востоковедения АН СССР, посвященной пятидесятилетию русской революции 1905—1907 гг. Перевод с вьетнамского Т. Т. Мхитарян.

² В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 35—36.

¹³ См., например, «An African middle class». «East Africa and Rhodesia», 20 октября 1955 г.

¹⁴ «New Age», 5 мая 1955, № 28.

Французские капиталовложения в Индо-Китае в 1895 г. составляли 85 млн. пиастров, а уже в следующем, 1896 г. возросли до 200 млн. пиастров. Создавалась колониальная экономика Индо-Китая.

В начале XX в., в связи с активным проникновением иностранного капитала, вьетнамское общество претерпело большие изменения — оно приобрело ярко выраженный колониальный и полуфеодальный характер. Вместе с тем формировался класс пролетариата. На угольных шахтах Бакбо в 1904 г. насчитывалось 4 тыс. рабочих; в 1908 г. — 9 тыс.; в 1913 г. — 12 тыс. и в 1930 г. — 45 700. Рабочие жили в страшной нищете, подвергались двойной эксплуатации — со стороны своей буржуазии и французского монополистического капитала.

Крестьяне были задавлены непомерно тяжелыми налогами, высокой арендной платой и феодальными повинностями; с каждым годом они все более нищали, пополняя ряды пролетариев города и деревни.

С развитием капиталистических отношений появилась вьетнамская буржуазия и буржуазная интеллигенция. Однако французский монополистический капитал стремился любыми способами задушить пытавшуюся конкурировать с ним национальную буржуазию своих колоний. Вьетнамская буржуазия, хотя и получила в период мировой войны 1914—1918 гг. некоторую возможность развиваться, однако после войны она была очень стеснена французским капиталом и ограничениями колониальной администрации. Таким образом, все классы вьетнамского общества, за исключением кучки реакционеров (компрадорской буржуазии, крупнейших помещиков), сотрудничавших с колонизаторами, испытывали гнет французского империализма и боролись против него.

До мировой войны 1914—1918 гг. борьбой вьетнамского народа против иноземного гнета пытались руководить феодальные и буржуазные слои Вьетнама. Они открывали школы, в которых распространялись идеи французских буржуазных просветителей конца XVIII в.; купцы создавали торговые союзы для конкуренции с товарами французских предпринимателей. Эти социальные слои возлагали надежду на капиталистическую Японию, стремясь получить у нее вооружение для борьбы против французских колонизаторов.

Неверие в силы своего народа, неудачные попытки получить помощь у Японии, преследования колониальной администрации — все это привело к тому, что ко времени первой мировой войны старая буржуазно-помещичья группировка отошла от освободительной борьбы.

После войны 1914—1918 гг. под влиянием освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции в России движение сопротивления вьетнамского народа власти французских колонизаторов получило новый размах.

Национальная буржуазия также участвовала в освободительном движении, однако очень слабо, разрозненно и либо в форме конкуренции с колонизаторами, либо в форме протеста против некоторых мероприятий колониальной администрации. Борьба эта велась главным образом в консультативных ассамблеях, созданных французскими колонизаторами, или на страницах газет, издававшихся на французском языке.

Мелкая буржуазия в период с 1918 по 1930 г. развила значительную революционную деятельность. Молодежь, учившаяся во франко-вьетнамских школах крупных городов, организовывала студенческие забастовки в знак протеста против колониальных методов обращения французских преподавателей. В газетах и журналах появлялись статьи, в завуалированной форме обличавшие угнетателей. В 1925—1926 гг. в Ханое, Гуэ, Сайгоне и других городах проходили многочисленные выступления в связи со смертью патриота Фан Тю Чиня и в связи с борьбой за предоставление

амнистии революционеру Фан Бой Тяу. После разгона этих демонстраций и развернувшегося вслед за тем жесточайшего террора движение встало на путь нелегальной борьбы, создания тайных организаций. С этого времени в революционном движении наметились два направления: мелкобуржуазное и пролетарское.

Представителем мелкобуржуазного направления являлась партия Вьетнам Куок Зан. Ее идеология основывалась на трех принципах учения китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена. Однако эта партия не интересовалась жизнью народа. Ее организация была анархической, а ее действия авантюристичны. После вооруженного восстания в Ен-Бае в 1930 г. партия Вьетнам Куок Зан распалась.

* * *

Наряду с политической деятельностью организаций буржуазного направления, в период с 1924 по 1930 г. происходят самостоятельные выступления пролетариата. В эти годы началась борьба между буржуазией и пролетариатом за руководство в демократической революции во Вьетнаме.

После первой мировой войны французские колонизаторы усилили эксплуатацию населения и разграбление богатств Индо-Китая. Возникали рудники, фабрики. Численность пролетариата значительно возросла. Разоренные крестьяне шли на рудники, нанимались рабочими на предприятия, либо становились кули на каучуковых плантациях. Армия безработных увеличивалась, и без того мизерная заработная плата рабочих снижалась. Происходили отдельные выступления рабочих, требовавших повышения заработной платы и улучшения жизненных условий.

И вот до Вьетнама донеслось эхо Великой Октябрьской социалистической революции. С этого времени слово «коммунизм» стало для рабочих, крестьян и мелкой буржуазии Вьетнама символом борьбы за изгнание колонизаторов, свержение монархии и создание независимого процветающего Вьетнама, где не будет безработицы и эксплуатации человека человеком. Большое влияние на освободительное движение во Вьетнаме оказали также «движение 4 мая» 1919 г. в Китае и затем Кантонская Коммуна. Под воздействием этих событий значительная часть учащейся молодежи, участвовавшей в движении за предоставление амнистии Фан Бой Тяу и в траурных манифестациях в связи со смертью Фан Тю Чиня, стала все больше интересоваться марксизмом и присоединяться к рабочему движению.

В этот период во Вьетнам стала проникать из Франции революционная литература: работа товарища Нгуйен Ай Куока (Хо Ши Мина) «Процесс французской колонизации» и издававшаяся им газета «Пария». Для пролетариев, крестьян и значительной части мелкой буржуазии имя Хо Ши Мина было тесно связано с коммунизмом. С 1924 г. во Вьетнаме возникают организации с более или менее выраженным коммунистическим направлением: Коммунистическая партия Индо-Китая в Бакбо, Коммунистическая партия Аннама в Намбо и Коммунистический Союз Индо-Китая в Чунбо. По нашему мнению, вышеупомянутые организации в то время были по своему характеру еще мелкобуржуазными, их члены, хотя и называли себя коммунистами, имели довольно расплывчатое представление о коммунизме. Тем не менее эти политические организации знаменовали собой появление на вьетнамской политической арене рабочего класса как новой политической силы, способной вести борьбу с национальной буржуазией за руководящую роль в демократической революции во Вьетнаме.

6 января 1930 г. товарищ Хо Ши Мин собрал в Гонконге представителей трех коммунистических организаций страны и поставил вопрос об их объединении. Так была создана Коммунистическая партия Индо-Китая. Уроки русской революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции были успешно применены в конкретной обстановке Вьетнама. Начался новый период в истории борьбы вьетнамского народа.

Первый генеральный секретарь Коммунистической партии Индо-Китая товарищ Чан Фу охарактеризовал революцию в Индо-Китае на том этапе как буржуазно-демократическую революцию, осуществляемую под руководством рабочего класса. Задача буржуазно-демократической революции состояла в том, чтобы свергнуть империалистическое и феодальное господство в Индо-Китае, осуществить полную независимость Индо-Китая, установить рабоче-крестьянскую диктатуру.

С 1930 г. рабочий класс, возглавляемый Коммунистической партией Индо-Китая, взял в свои руки руководство революцией. В 1930—1931 гг. по многим районам страны прокатилась мощная волна революционной борьбы, происходили забастовки на рудниках, фабриках, каучуковых плантациях, демонстрации против неимоверно тяжелых налогов, эксплуатации и угнетения.

Заслуживает большого внимания факт создания Советов в провинциях Нге-ан и Ха-тинь. Во многих уездах этих провинций народ сверг господство французских империалистов и феодалов, создал Советы, провозгласил независимость и демократию. Всеобщим голосованием были избраны сельские и уездные исполнительные комитеты. Были отменены рыночный и подушный налоги. Советы просуществовали только три месяца, но они оказали большое влияние на освободительную борьбу. В своем докладе на Всевьетнамском съезде представителей Партии трудящихся Вьетнама (февраль 1951 г.) президент Хо Ши Мин сказал о движении за Советы в Нге-ане и Ха-тине следующее:

«Впервые наш народ взял власть в свои руки на местах и приступил к осуществлению демократической политики, хотя и в весьма незначительном масштабе.

Несмотря на то, что Советы Нге-ана потерпели поражение, они оказали большое влияние на последующую революционную борьбу. Их героизм всегда будет жить в сердцах народных масс. Советы проложили путь к грядущим победам».

Французские колонизаторы терроризировали вьетнамский народ. Подавляющая часть партийных и массовых организаций, руководимых партией, была разгромлена либо распущена. К середине 1931 г. революционное движение временно пошло на спад. Однако оставшиеся коммунисты, стойко перенося все трудности и лишения, восстановили свои организации, и, начиная с 1933 г., революционное движение вновь ожило. В 1935 г. происходила забастовка шахтеров рудников «Тинь-тук» в Као-банге и рабочих каучуковой плантации «Дат до» в Намбо.

Партия рабочего класса заботилась об укреплении и расширении своих нелегальных организаций и сочетала нелегальную работу с легальной (издание газет и журналов, участие в муниципальных окружных ассамблеях). В 1935 г. в Макао состоялся первый съезд партии.

В последующее время, используя опыт всемирного рабочего движения и, в частности, опыт борьбы за создание Народного фронта во Франции, партия поставила вопрос о создании Демократического фронта Индо-Китая. Борьба против фашизма и угрозы войны и борьба за предоставление демократических прав велась одновременно с борьбой против троцкистов. В период с 1936 по 1939 г., благодаря правильному сочетанию

легальной деятельности с нелегальной, партии удалось заложить прочную основу для последующего развития революционного движения.

В этот период бастовали рабочие почти всех предприятий. В 1936 г. забастовали 20 тыс. шахтеров Хонг-гая, рабочие текстильной фабрики Нам-диня, рабочие типографии Ханоя, железнодорожники Чьонг-тхи в Чунбо и Ба-сона (Намбо). В 1937 г. бастовали рабочие электростанции Намбо. В 1938 г. прокатилась новая волна революционных выступлений. Сотни тысяч граждан приняли участие в праздновании Международного дня 1 мая в Ханое, Гуэ и Сайгоне.

Начавшаяся в 1939 г. вторая мировая война и захват Вьетнама Японией (1940 г.), сохранившей в нем французскую колониальную администрацию, еще более ухудшили положение вьетнамского народа, что вызвало усиление национально-освободительной борьбы. В 1940 г. вспыхнули восстания в Бакбо и Намбо, которые были жестоко подавлены колонизаторами. После ликвидации японцами в марте 1945 г. французской колониальной администрации и установления полного господства Японии во Вьетнаме Бюро ЦК Коммунистической партии Индо-Китая вынесло решение о подготовке к вооруженному восстанию. В шести провинциях Вьет-Бака в результате вооруженной борьбы трудящихся Вьетнама власть колонизаторов была свергнута, образовался освобожденный район как база освободительной борьбы вьетнамского народа.

Большое воздействие на подъем освободительной борьбы вьетнамского народа оказали победы Советской Армии во второй мировой войне, а также успехи китайского народа в борьбе против японских, а позднее и американских империалистов и предательской клики Чан Кай-ши.

В августе 1945 г. вьетнамский народ под руководством рабочего класса во главе с коммунистической партией одержал великую победу.

Опыт русской революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции, примененный в условиях Вьетнама, дал плодотворные результаты, которые находили конкретное отражение в политической линии коммунистической партии на каждом определенном этапе революционного движения во Вьетнаме, начиная с 1930 г. и вплоть до настоящего времени.

Говорить о руководящей роли рабочего класса в национальной народно-демократической революции, это значит говорить о мобилизации и организации им сил всего народа и в первую очередь многочисленного крестьянства, участвующего в антиимпериалистической и антифеодальной борьбе. В колониальных странах, каковой являлся и Вьетнам, помимо основных движущих сил революции — рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии, участие в революции принимают также национальная буржуазия и отдельные демократически настроенные представители класса помещиков.

Коммунистическая партия сплачивала все революционные силы страны. В 1930 г. она создала Единый национальный антиимпериалистический фронт, в 1936—1939 гг. — Демократический фронт, в 1939—1940 гг. — Национально-освободительный фронт, в 1941 г. — фронт Вьет-Мин, в 1946 г. — фронт Льен-Вьет. В настоящее время Партия трудящихся Вьетнама проявила инициативу в организации Отечественного фронта Вьетнама.

Это широкое сплочение народных сил представляет решающий фактор победы народно-демократической революции во Вьетнаме. Известное положение товарища Сталина о том, что сущностью национального вопроса является крестьянский вопрос, стало отправным пунктом для выводов, сделанных ЦК нашей партии.

Аграрная революция является основой и содержанием нашей национальной, народно-демократической революции, говорил товарищ Чьонг-

Тинь (Труонг Шин). Первая русская революция дала вьетнамской революции чрезвычайно ценный урок о необходимости постоянного и неустанный укрепления союза рабочего класса с крестьянством.

В тезисах к 50-летию первой русской революции говорится: «Сплочивая вокруг себя крестьянские массы, рабочий класс России в революционных боях 1905—1907 гг. закладывал основы союза с крестьянством, создавал ту общественную силу, которая в 1917 году свергла власть помещиков и капиталистов и проложила народам нашей страны путь к социализму»³. Этот урок был претворен в жизнь в условиях вьетнамской революции, в политике Единого фронта, начиная с 1930 г. В первой программе нашей партии ясно указывалось на роль крестьянства: «В буржуазно-демократической революции пролетариат и крестьянство составляют главные движущие силы, однако революция побеждает только тогда, когда пролетариат руководит революцией». Далее в программе подчеркивалось: «Необходимо последовательно осуществлять земельную реформу»⁴.

В конкретных условиях вьетнамской революции неуклонно осуществлялся лозунг о союзе рабочего класса с крестьянством.

После поражения Советов в Индо-Китае Коммунистическая партия Индо-Китая помогла сохранить от разгрома и реорганизовать крестьянские организации, которые продолжали теперь существовать под другими названиями. Выдвинутые в новой обстановке лозунги борьбы против высоких налогов и против насильственной вербовки кули, за снижение арендной платы и отсрочку долгов — объединяли крестьян вокруг партии рабочего класса. Программа Национального фронта предусматривала удовлетворение насущных требований вьетнамского крестьянства: «Конфискация земель французских колонизаторов и вьетнамских предателей и предоставление этих земель крестьянам; распределение общинных земель; расширение ирригационных сооружений, ремонт дамб; свободная обработка целинных земель при поддержке правительства». По всей стране функционировали крестьянские организации «спасения родины», которые боролись за осуществление этой программы. Рабочий класс Вьетнама, усвоив уроки русской революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции, укрепил союз с крестьянством и создал основную общественную силу, которая свергла в Августовской революции гнет империалистов и феодалов и проложила таким образом путь для дальнейшего развития народно-демократической революции.

Опыт Коммунистической партии Китая по созданию освобожденных районов помог рабочему классу Вьетнама в руководстве вооруженными восстаниями. После создания фронта Вьет-Минь⁵ была проведена подготовка к созданию освобожденных районов. 22 декабря 1944 г. был организован первый вооруженный отряд. Наряду с подготовкой создания вооруженных баз, партия рабочего класса призвала народ готовиться к вооруженному восстанию.

«Две тактики социал-демократии в демократической революции» и другие работы Ленина явились программой для нашей партии в эти решающие дни революции. Руководствуясь этими произведениями, ЦК нашей партии сосредоточил все силы народа на организации и прове-

³ «Пятьдесят лет первой русской революции (Тезисы)». М., 1955, стр. 3.

⁴ См. *Trùng-Chinh. Thực hiện cải cách ruộng đất. Đảng Lao Động Việt-Nam xuất bản*, 1954, tr. 10.

⁵ Фронт Вьет-Минь был образован в мае 1941 г. по инициативе Коммунистической партии Индо-Китая с целью объединения широких слоев вьетнамского народа в антияпонской борьбе. Он объединил организации рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции и мелкой буржуазии.

дении вооруженного восстания. В марте 1945 г. партия организовала и возглавила широкое партизанское движение, взяла в свои руки власть на местах, превратила средний и горный районы в Бак-бо в прочную базу сопротивления Японии. Одновременно партия выдвинула новые лозунги, изменила формы пропаганды, организации и борьбы, чтобы облегчить дело мобилизации масс на восстание.

«Основной задачей пропаганды в тот период было: сорвать маску лицемерия с лица японских фашистов, рассеять иллюзии о возможности использовать их или сотрудничать с ними, о возможности «законным путем» требовать «реформы» — все то, что скрывало от народа подлинную роль японских фашистов и их марионеток.

Распространенными формами пропаганды в то время были неизменно сопряженные с опасностью выступления на предприятиях, в школах, на рынках, на дорогах; агитационные отряды, состоящие из смельчаков, открыто водружали флаги, расклеивали плакаты и лозунги, распространяли революционную литературу.

Особой формой пропаганды была «пропаганда с оружием в руках», в частности вооруженные демонстрации и партизанская борьба.

Стремясь разрешить столь жизненно важный для народа вопрос, каким был вопрос об устранении голода, рабочие Вьет-Миня вели массы на захват японских рисовых складов. Эти походы, целью которых была экспроприация риса, в зависимости от обстановки приобретали, как уже говорилось, характер вооруженных демонстраций.

Вооруженная демонстрация в то время была распространенной формой борьбы. Особой формой борьбы была партизанская война; партизанские отряды, действовавшие главным образом в районах с пересеченной местностью, а также Отряды чести повсюду в городах и селах беспощадно уничтожали предателей.

В организационном отношении для осуществления власти на местах были умело использованы «временные организации», особое развитие получили Отряды национального спасения, Отряды самообороны (или партизанские группы) и Отряды народного ополчения... Особой формой организации являлся Вьетнамский Комитет национального освобождения, представлявший собой временное правительство, Народные комитеты, Комитеты освобождения, организации, которые носили административный, политический и военный характер, то есть фактически выполняли функции правительства. Они некоторое время существовали наряду с японскими местными административными органами, а после всеобщего восстания превратились в официальные местные административные органы. Кроме того, существовали Общенациональный комитет восстания, провинциальные и районные Комитеты действия, которые создавались в решающие моменты»⁶.

Создание таких комитетов явилось претворением в жизнь, в конкретных условиях Вьетнама, уроков революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции.

Отряды самообороны (или партизанские группы), Отряды национального спасения и Отряды народного ополчения служили неисчерпаемыми резервами для Освободительной армии Вьетнама — предшественницы нынешней Народной армии Вьетнама.

9 августа 1945 г. Советская Армия развернула наступление в Маньчжурии. Квантунская армия японцев была разбита. Это поражение потрясло до основания всю военную мощь Японии в странах Азии. В Индо-Китае партия рабочего класса созвала Всевьетнамский съезд, на

⁶ Труонг Шин. Августовская революция во Вьетнаме. М., 1954, стр. 31—32.

котором 16 августа 1945 г. приняла решение о проведении всеобщего вооруженного восстания. По всей стране развернулась подготовка к этому восстанию.

19 августа 1945 г. красное знамя с золотой звездой реяло над Ханоем — столицей Демократической Республики Вьетнам. Вьетнамская революция одержала великую победу, которая явилась творческим применением марксистско-ленинского учения в условиях колониальной страны, какою был Вьетнам, в новый исторический период; в эпоху торжества социализма в СССР и распада колониальной системы империализма. Наш президент Хо Ши Мин, говоря в феврале 1951 г. о вьетнамской революции, указывал, что «... не только рабочий класс и народ Вьетнама, но и рабочий класс и угнетенные народы других стран могут гордиться тем, что впервые в истории революции народа колониальной и полуколониальной страны, какой являлся Вьетнам, партия, которая существует всего лишь пятнадцать лет, привела революцию к победе и взяла власть в свои руки на территории всей страны».

Характеризуя международное значение первой русской революции, В. И. Ленин писал: «Русская революция вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 года оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении *сотен и сотен* миллионов людей, неискоренимо»⁷. Я позволю себе добавить, что среди сотен миллионов этих людей 23 миллиона составляют вьетнамцы.

Пятидесятилетие первой русской революции 1905 г. совпадает с десятилетием создания ДРВ. Вьетнамский народ, отмечая десятую годовщину ДРВ, искренне и от всего сердца выражает благодарность советскому народу, КПСС и ее руководителям.

Значительная часть нашего отечества все еще находится под гнетом империалистов и их приспешников. Они срывают выполнение Женевских соглашений, стремятся подорвать мир в Индо-Китае и увековечить раздел Вьетнама. Многие важные задачи вьетнамской революции еще не разрешены: предстоит длительная и тяжелая борьба за укрепление мира, осуществление единства, завоевание полной независимости и свободы. Несмотря ни на какие трудности, благодаря опыту русской и китайской революций и руководству Партии трудящихся Вьетнама, наш народ превратился в подлинного хозяина одной части страны. Мы исполнены решимости сохранять и развивать завоеванные победы, бороться за единство Вьетнама, за счастье вьетнамского народа, за мир во всем мире.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 244.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУРЦИИ

П. П. МОИСЕЕВ

В последнее время вопрос о земельных отношениях в Турции, в результате усиления позиций иностранных монополий в стране и развития в турецкой деревне элементов капиталистического предпринимательства, приобрел особое значение.

Данные турецкой статистики не позволяют с необходимой полнотой изучить ряд социально-экономических проблем, в том числе и аграрный вопрос. Первая сельскохозяйственная перепись в Турции была проведена в 1927 г. Однако эта перепись не ответила на ряд вопросов и прежде всего совершенно не раскрыла характера землевладения в стране, так как при подведении итогов в основу был положен метод средних цифр.

В 1950 г. имела место вторая сельскохозяйственная перепись, а осенью 1952 г. с помощью американских экспертов было произведено обследование сельского хозяйства, и путем анкетного опроса сделан подсчет хозяйств и обрабатываемых земель. Предварительные данные этих переписей показывают, что и на этот раз было предпринято все возможное, чтобы скрыть малоземелье и безземелье, с одной стороны, и преуменьшить размеры помещичьего землевладения — с другой¹. Тем не менее, даже эти материалы позволяют выяснить сущность земельных отношений, сложившихся в турецкой деревне.

Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1950 г., в стране имелось 2 732 тыс. семей, проживавших в деревнях. Из этого числа 2 322 тыс. перепись отнесла к «занятым в сельском хозяйстве» (*çiftçi aile*)². В эту категорию зачислились хозяйства, которые обрабатывали не менее двух денюмов³ собственной или арендованной земли, а также — хозяйства животноводов, у которых нет пахотной земли, но имеется не менее двух коров или десяти голов мелкого скота. Таких хозяйств было 48 тыс. В переписи было показано 410 тыс. «неземледельческих семейств». К этой группе отнесены семьи сельскохозяйственных рабочих, пастухов, батраков, поденщиков, вообще не ведущие собственного хозяйства или обрабатывающие наделы менее двух денюмов. Сюда же перепись включила ремесленников, торговцев и другие категории населения, не связанного с сельскохозяйственным производством⁴. Однако большая часть семей этой группы, безусловно, принадлежит к сельскохозяйственному пролетариату.

¹ В начале 1954 г. в Турции были обнародованы результаты переписи 1950 г. и анкетного опроса сельского населения в 1952 г. Частичные данные опубликованы газетой «Yeni ulus» 1 февраля, 8 и 15 марта 1954 г.

² «Yeni ulus», 1 февраля 1954 г.

³ Денюм первоначально равнялся 919,3 кв. м; в 1945 г. приравнен к 0,1 га.

⁴ Если ремесленник или деревенский торговец занимался земледелием хотя бы на двух денюмах, т. е. имел приусадебный участок, он причислялся к категории земледельцев.

Обследование 1952 г. выявило в Турции 2 930 тыс. семей, проживавших в деревнях. Из них, согласно официальным данным, только 2 527 тыс. вели самостоятельное хозяйство на собственной или арендованной земле⁵. При этом, в отличие от переписи 1950 г., к «земледельческому населению» относились те, кто обрабатывал как минимум 0,1 га. Этим в значительной степени и объясняется увеличение числа «земледельческих хозяйств» в 1952 г. на 205 тыс. по сравнению с 1950 г. В 1952 г. в стране имелось 403 тыс. семей сельскохозяйственных рабочих, батраков, пастухов, прислуги и других категорий безземельного сельского населения.

На итогах переписи этого года уже сказались результаты земельной реформы 1945 г. Так, с момента принятия закона о реформе и до начала 1952 г. было распределено 273 тыс. га пахотной земли и 150 тыс. га пастбищ среди 55 тыс. крестьянских дворов⁶. Однако, как увидим далее, эти мероприятия не могли притупить остроту аграрного вопроса в стране.

В 1952 г. обрабатывалось 19 452 тыс. га земли (25% территории страны), из которых 12 млн. га находилось под полевыми культурами, 1,7 млн. га под садами и виноградниками и остальные под паром. Поскольку турецкая статистика не дает прямых сведений о землевладении, нам приходится начинать анализ земельных отношений с данных о землепользовании. В дальнейшем на основании этих данных мы сделаем попытку определить основные особенности землевладения в Турции. Распределение обрабатываемых земель по группам хозяйств приводится в табл. 1.

Таблица 1

Данные о размерах обрабатываемых участков земли по группам хозяйств *

Размер обрабатываемого участка (в га)	Число хозяйств (в тыс.)	% к итогу	Площадь обрабатываемой земли (в тыс. га)	% к итогу	Средний размер участка (в га)
0,1—2,0	773	30,6	836	4,3	1,1
2,1—5,0	797	31,5	2 782	14,3	3,5
5,1—7,5	336	13,3	2 100	10,8	6,2
7,6—10,0	217	8,6	1 926	9,9	8,9
10,1—15,0	169	6,7	2 102	10,8	12,4
15,1—20,0	91	3,6	1 653	8,5	18,2
20,1—30,0	68	2,7	1 712	8,8	25,1
30,1—50,0	38	1,5	1 517	7,8	39,9
50,1—70,0	17	0,7	1 011	5,2	59,5
70,1 и более	21	0,8	3 813	19,6	181,6
Итого	2 527	100,0	19 452	100,0	—

* Источник: «Yeni ulus», 8 марта 1954 г. Число хозяйств и площадь обрабатываемых земель в каждой группе подсчитаны нами.

Эти сами по себе весьма интересные данные требуют пояснений и уточнений. Прежде всего, под термином «обрабатываемые земли» составители переписи имели в виду «поля, виноградники, сады и другие обрабатываемые участки, являющиеся собственностью, или взятые в аренду, или же

⁵ «Yeni ulus», 8 марта 1954 г.

⁶ «Progrès de la réforme agraire. Analyse des réponses des gouvernements à un questionnaire de l'ONU». New York, 1954, p. 94.

используемые без какой-либо уплаты»⁷. Следовательно, в данном случае под одной рубрикой объединены частнособственнические и арендованные земли. Между тем даже из материалов переписи 1950 г. видно, что только 61,7% сельскохозяйственного населения обрабатывали собственные земли⁸.

Попытаемся на основании этих и других разрозненных данных за 1950 и 1952 гг. произвести социальную классификацию хозяйств и определить количество земли в каждой категории. Конечно, группировка хозяйств по размерам возделываемого участка не вполне точна, так как в число бедняков может попасть, например, кулак, который имеет 4—5 га земли под виноградниками и садами и получает крупный доход с этой земли, используя наемный труд. В плодородных районах и окрестностях крупных городов хозяйства в 5—8 га часто являются не середняцкими, а кулацкими. И наоборот, в районах малопродуктивных земель Центральной и, особенно, Восточной Анатолии хозяйства, имеющие 12—13 га пахотной земли, обычно являются середняцкими.

Из вышеприведенной таблицы видно прежде всего, что 773 тыс. семейств ведут свое хозяйство на парцеллах от 0,1 до 2 га. Иногда это всего-навсего приусадебный участок. Большая часть владельцев парцелл не имеет рабочего скота. Такие наделы при убогой технике, естественно, не могут обеспечить прожиточного минимума. Большинство этих крестьян являются своего рода рабочими с наделом. Значительную часть года они батрачат на полях помещика или кулака, или же уходят в город на заработки⁹. Будучи лишь частично занятыми в сельском хозяйстве, они нередко не могут найти применения своему труду и в промышленности и являются, таким образом, относительно избыточным населением турецкой деревни. Это сельское население, составляющее 3,5—4 млн. человек, — основной источник скрытого аграрного перенаселения в Турции.

797 тыс. хозяйств обрабатывают в среднем по 2—5 га земли, часть которой, а иногда и всю, они арендуют у помещика или кулака. Эта группа хозяйств также должна быть отнесена к бедняцким, хотя среди нее значителен процент середняцких хозяйств, а в редких случаях могут встретиться и кулацкие дворы.

Свыше 550 тыс. семей ведут свое хозяйство на участках в 5—10 га. В основном это середняки, но в районах хлопководства, табаководства и виноградарства участок в 5—10 га является признаком кулацкого хозяйства, в котором широко используется наемный труд и за счет эксплуатации батраков извлекаются крупные доходы.

Средняцкое хозяйство отличается от бедняцкого не только размером возделываемого участка, но и наличием одной-двух голов рабочего скота, коровы, некоторого инвентаря. Многие середняки владеют лишь частью обрабатываемой ими земли, а другую часть приарендовывают, отдавая землевладельцу не менее половины собранного урожая.

Средняк, как правило, не прибегает к наемному труду и ведет хозяйство силами своей семьи. В районах зернового хозяйства при трехпольном севообороте он засеивает $\frac{2}{3}$ своей земли, т. е. 3—5 га пшеницей, ячменем или кукурузой и несколько денюмов отводит под огородные культуры.

⁷ «Yeni ulus», 8 марта 1954 г.

⁸ «Yeni ulus», 15 марта 1954 г.

⁹ В экономическом обзоре Турции за 1953 г., составленном по турецким материалам Экономическим и социальным советом ООН, отмечалось, что 15% всех турецких крестьян, помимо своих собственных участков, вынуждены обрабатывать арендованную землю на условиях издольщины, 10% — должны работать в качестве сельскохозяйственных рабочих, 15% — дополняют свои доходы заработками в других отраслях народного хозяйства, а 45% — еле сводят концы с концами. См. «Обзор экономического положения Европы в 1953 г.». Женева, 1954, стр. 105.

В урожайный год середняк собирает 30—50 центнеров зерна¹⁰ и некоторое количество овощей и фруктов. После уплаты государственных налогов и арендной платы земельному собственнику, засыпки семенного фонда и выделения зерна для питания семьи у крестьянина почти не остается продуктов для продажи на рынке. Средняки только при благоприятных условиях обеспечивают себе и своей семье более или менее сносное существование.

Средняцкая прослойка турецкой деревни самым непосредственным образом страдает от наличия крупной помещичьей собственности на землю, тяжелого налогового бремени, ростовщичества. Поэтому хозяйство середняков отличается крайней неустойчивостью. При благоприятных условиях некоторая часть этих хозяев выбивается в кулаки, а при неурожаях другая, большая часть разоряется и переходит в категорию бедноты.

Бедняцкие и середняцкие хозяйства располагают небольшим количеством рабочего скота и инвентаря, но иногда не имеют ни того, ни другого. Согласно переписи 1950 г., 911 тыс. семейств (из 2732 тыс.) не имели рабочего скота. На 1003 тыс. крестьянских дворов приходилось по одной-две головы рабочего скота, а на остальные 818 тыс. — по три головы и более¹¹. В 1953 г. в 2930 тыс. хозяйств было 867 тыс. железных плугов, т. е. в среднем один плуг на три хозяйства. Большинство крестьян обрабатывали землю при помощи деревянной сохи — карасапана (в 1953 г. таких сох насчитывалось 1,9 млн.)¹². Современный инвентарь в основном находился в руках крупных землевладельцев.

Бедняцкие и середняцкие семьи, в зависимости от наличия собственной земли, могут быть подразделены на три категории: 1) крестьяне-собственники, ведущие свое хозяйство целиком на собственной земле; 2) крестьяне — частичные собственники (полуарендаторы), это владельцы мелких земельных участков, вынужденные приарендовывать землю у помещиков и кулаков; 3) крестьяне, не имеющие собственной земли и работающие на участках, арендованных у помещиков и отчасти у кулаков.

Перепись и обследования не дают сведений о количестве земель, обрабатываемых собственниками, арендаторами и полуарендаторами. Из опубликованных материалов (см. табл. 1) известно только, что в 1952 г. 2123 тыс. семей бедняков и середняков вели свое хозяйство на 7445 тыс. га собственной и арендованной земли (39,3% всех возделываемых земель).

Известно также, что в 1950 г. 21,5% всего сельского населения Турции составляли арендаторы и полуарендаторы (585 тыс. хозяйств из 2732 тыс.). Большая часть арендаторов принадлежит к безземельным и малоземельным крестьянам, арендующим в среднем по 3—5 га помещичьей земли¹³. Следовательно, можно полагать, что трудовое крестьянство арендует не менее 1500—2000 тыс. га земли, которые необходимо вычесть из количества земель, обрабатываемых крестьянами, т. е. из 7445 тыс. га. Оставшиеся 5,5—6 млн. га находятся во владении трудового крестьянства. Во всяком случае крестьянское землевладение не превышает этой цифры.

Около 328 тыс. семей должны быть отнесены к зажиточной (кулацкой) прослойке крестьянства — это владельцы от 10 до 30 га. Зажиточные кре-

¹⁰ В 1952 г. средняя урожайность пшеницы составляла 11,8, ячменя — 10,5, кукурузы — 9,7 центнера с га. См. «Istatistik yillığı», 1952, стр. 20.

¹¹ «Yeni ulus», 1 февраля 1954 г.

¹² «Economic development in the Middle East, 1945 to 1954». New York, 1955, p. 211.

¹³ Эту цифру подтверждают косвенные статистические данные и заявления турецких экономистов. См., например, N. Berkes. Bazı Ankara köyleri üzerinde bir ara-

стьяне, как правило, имеют достаточное количество инвентаря и рабочего скота. Они и члены их семей участвуют в производстве.

Имеющиеся у нас турецкие материалы, в которых отсутствуют данные как о количестве хозяйств, применяющих наемный труд, так и о количестве наемных рабочих, не позволяют определить зажиточность отдельных крестьянских дворов и считать всю эту группу землевладельцев кулаками. Однако не подлежит сомнению, что в этой группе большинство хозяйств прибегает к найму рабочих.

В турецкой деревне до сих пор среди зажиточных крестьян преобладают такие, которые эксплуатируют бедноту путем взимания арендной платы, ростовщических процентов или другими методами докапиталистической эксплуатации. В последние годы среди этой части кулачества намечается переход от сдачи земли в аренду к хозяйствованию на своей земле с использованием наемного труда.

Согласно обследованию 1952 г., хозяйства, обладающие участками в 10—30 га, имели в своем распоряжении 5466 тыс. га земельной площади, или свыше четверти обрабатываемой земли, причем эти цифры дают приблизительно верное представление о кулацком землевладении. Часть кулаков сдает некоторое количество собственной земли в издольную аренду безземельным и малоземельным крестьянам, другая же часть арендует у помещиков земельные участки, обрабатывая их при помощи наемного труда. Площадь обрабатываемой земли, сдаваемой кулаками в аренду, примерно равняется земельной площади, арендуемой ими у помещиков. Иногда кулак выступает арендатором-посредником, приарендовывая землю у помещиков и пересдавая ее затем крестьянской бедноте. При проведении обследования эти участки, повидимому, были включены в крестьянское землепользование. Кулачество, продолжающее в турецких условиях оставаться прослойкой крестьянства, как класса-сословия, заинтересовано, подобно всему крестьянству, в ограничении и даже ликвидации помещичьего землевладения.

76 тыс. крупных и мелких помещиков ведут свое хозяйство на 6341 тыс. га земли, обрабатывая ее при помощи наемной силы или посредством отработок. Кроме того, как мы установили выше, по меньшей мере 1500—2000 тыс. га помещичьей земли сдается в аренду крестьянам. Следовательно, помещики являются собственниками 8,0—8,4 млн. га земли. 6182 крупнейших помещика сосредоточили в своих руках около 2,4 млн. га наиболее плодородных земель¹⁴. Им же принадлежат значительные массивы лесов, лугов и пастбищ. Господствующая в стране помещичья собственность на землю представляет основу жесточайшей эксплуатации трудового крестьянства Турции.

При группировке хозяйств мы должны учесть и 403 тыс. крестьянских семей, не имеющих земли и существующих за счет продажи своей рабочей силы. К этой же группе следует отнести и крестьянские семьи, ведущие хозяйство целиком на арендованной земле. Подобных хозяйств в 1950 г. было 86 тыс. Это, несомненно, заниженные данные, но даже если согласиться с ними, то общее число безземельных крестьянских хозяйств составит примерно 489 тыс.

Приводимая ниже табл. 2 характеризует землевладение в Турции. Вполне понятно, что эта классификация в известной степени имеет условный характер и может рассматриваться только как первая попытка подобного рода, ибо, как уже отмечалось, в одной группе хозяйств, равных по площади, могут находиться самые различные типы хозяйств. Од-

¹⁴ K. Birsen. La réforme agraire réalisée en Turquie par la législation nouvelle. «Convegno internazionale di diritto agrario», vol. I. Milano, 1954, p. 555.

Таблица 2

Землевладение в Турции *

Размер участка (в га)	Категория сельскохозяйственного населения	Количество хозяйств (в тыс.)	% к итогу	Земельная собственность (в млн. га)	% к итогу
—	Безземельные крестьяне — батраки и арендаторы	489	16,7	—	—
0,1—5,0	Бедняки	1 507	51,5	5,5—6,0	28—31
5,1—10,0	Середняки	530	18,0		
10,1—30,0	Кулаки	328	11,2	5,0—5,5	25—28
30,1 и более	Помещики	76	2,6	8,0—8,4	41—44
	Итого	2 930	100	19,4	—

* Таблица составлена нами на основании материалов сельскохозяйственной переписи 1950 г. и обследования сельского хозяйства 1952 г. «Yeni ulus», 1 февраля, 8 и 15 марта 1954 г.

нако бесспорно то, что подавляющее большинство населения турецкой деревни (свыше двух третей) — бедняки и батраки. Середняки составляют относительно небольшую прослойку (приблизительно одна пятая всех крестьянских дворов).

2526 тыс. семей трудового крестьянства (включая 489 тыс. безземельных) — 86,2% сельского населения — владеют 28% обрабатываемой земли, а 76 тыс. помещиков (крупных, средних и мелких) — 2,6% всех хозяйств — имеют в своей собственности около половины обрабатываемых земель.

Господство крупного помещичьего землевладения, с одной стороны, малоземелье и безземелье широких масс крестьянства, с другой, и борьба крестьян за безвозмездную передачу им помещичьей и государственной земли составляют экономическую сущность аграрного вопроса в Турции.

Крупное землевладение в Турции сравнительно мало связано с крупным землепользованием. Помещики в значительной мере своего хозяйства не ведут, а безземельные и малоземельные крестьяне арендуют клочки земли у крупных землевладельцев на условиях кабальной издольной аренды.

Сельскохозяйственная перепись 1950 г. содержит следующие данные о количестве хозяйств на собственной и арендованной земле (см. табл. 3).

В категорию хозяйств собственников включены мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства, помещичьи имения и хозяйства капиталистических предпринимателей на частновладельческой земле.

К полуарендаторам относятся, как мы уже установили, крестьяне-собственники, приарендовывающие землю. Статистика не дает сведений о типах аренды в этой группе арендаторов. Попытаемся определить типы аренды на основании приводимых статистикой данных об арендаторах. Аналогия здесь лишь относительно верная, так как условия аренды в обеих группах не всегда одинаковые.

Согласно статистическим материалам, 77,9% хозяйств арендовали землю на условиях издольной натуральной ренты и только 16,3% — на условиях денежной ренты, а 5,8% хозяйств — на прочих условиях. На основании имеющихся данных нельзя установить различия между денежной рентой как

Таблица 3

Землепользование в Турции *

Категория сельскохозяйственного населения	Количество хозяйств (в тыс.)	% к общему количеству хозяйств
Собственники	1 686	61,7
Частичные собственники (полуарендаторы)	499	18,3
Арендаторы	86	3,2
Итого	2 271	83,2
«Неземледельческое население», гл. обр.	410	15,0
сельскохозяйственные рабочие	51	1,8
Прочие		
Всего	2 732	100,0

* Источник: «Yeni ulus», 1 февраля и 15 марта 1954 г.

превращенной формой ренты продуктами и непосредственно капиталистической рентой. К тому же отсутствие сведений о землях, сдаваемых в аренду капиталистическим предпринимателям, не позволяет выяснить роль предпринимательской аренды в сельском хозяйстве Турции. Однако, судя по малому удельному весу денежной арендной платы, предпринимательская аренда незначительна.

Преобладание продуктовой ренты является показателем низкого уровня развития производительных сил в сельском хозяйстве Турции. Широко распространены в Турции и отработки. Отработочная рента до сих пор встречается во многих районах страны, особенно в Восточной и Центральной Анатолии, и выступает здесь в форме «даровых» услуг, которые крестьянин обязан, согласно обычаю, постоянно оказывать помещику. Крестьянская беднота обрабатывает землю помещиков и кулаков также и за всевозможные «одолжения» (за семена, мешок муки, помол зерна и очистку риса на кулацкой мельнице и крупорешке и т. д.). Во многих случаях отработочная рента служит дополнением к ренте продуктами.

Издольщина в зависимости от доли урожая, которую получает собственник земли (помещик или кулак), подразделяется на несколько видов, основными из которых являются следующие: 1. Ярыджылык — система, при которой ипольщик-ярыджы применяет собственный инвентарь и скот. Арендная плата достигает, как правило, половины урожая. Судя по официальным данным, ярыджылык — основная форма полуфеодалных арендных отношений в современной Турции. Так, в 1950 г. свыше двух третей издольщиков обрабатывали помещичью землю на условиях ярыджылыка¹⁵. 2. Кесимджилик — система, при которой непосредственный производитель получает долю собранного урожая по договоренности с собственником земли. Размер арендной платы меняется в зависимости от ряда условий (плодородия и местоположения участка, наличия рабочей силы, доходности культуры и степени закабаленности крестьянина). 3. Мурабаджылык — система, при которой издольщик получает лишь четверть урожая и вно-

¹⁵ «Yeni ulus», 15 марта 1954 г.

сит в производство только личный труд и труд членов своей семьи. Перпись 1950 г. включает в эту категорию семьи издольщиков, которые не имеют не только собственной земли и рабочего скота, но часто — даже своего жилища.

Доля урожая, которая остается у мурабаджы, является, по существу, натуральной формой оплаты его труда. По своему положению мурабаджы приближается к батраку, получающему оплату натурой. Тем не менее это не наемный рабочий, а закабаленный, зависимый от крупного землевладельца издольщик. Мурабаджы, не имея ничего, кроме рабочих рук, и работая на земле помещика, подвергается жесточайшей полуфеодальной эксплуатации. По турецким данным, в 1950 г. насчитывалось свыше 10 тыс. семей мурабаджы.

Помещик присваивает не только весь прибавочный продукт крестьянина-издольщика, но и значительную часть необходимого. Высокая арендная плата подрывает воспроизводство условий труда и сводит жизненный уровень непосредственного производителя к физическому минимуму. Следовательно, издольная система, как полуфеодальный метод эксплуатации непосредственных производителей, серьезно тормозит рост производительных сил Турции.

Тенденция экономического развития, как известно, состоит в постепенном превращении ренты продуктами в денежную капиталистическую ренту. В Турции этот процесс протекает в условиях сохранения в деревне пережитков феодализма и засилья империалистических монополий в экономике страны. Западные державы, поставив перед собой задачу превращения Турции в поставщика зерна и другого сельскохозяйственного сырья для стран-членов НАТО, стремятся путем выдачи кредитов добиться некоторого роста сельскохозяйственного производства и подчинить его своему контролю.

Превращение Турции в экспортера зерна в западноевропейские страны, не имеющие долларов для покупок американского зерна, осуществляется в интересах турецких помещиков и кулаков. Помещики, получив заказы от иностранных монополий, начали переходить к ведению собственного крупного хозяйства, основанного на применении наемного труда и современной сельскохозяйственной техники. В представленном турецким правительством в Экономический и социальный совет ООН документе о земельных участках, превышающих 500 га и ранее обрабатывавшихся издольщиками, говорится следующее: «Эти хозяйства, оснащенные инвентарем в значительной степени за счет помощи по программе европейского восстановления, в настоящее время переходят к системе непосредственной обработки»¹⁶. О собственниках 50—500 га указывается, что они «проявляют тенденцию непосредственно обрабатывать свою землю, вместо того, чтобы сдавать ее в издольную аренду»¹⁷.

Чтобы поддержать крупные помещичьи и кулацкие хозяйства, турецкое правительство с помощью американских кредитов по «плану Маршалла» и программе самостоятельных закупок ввезло в последние годы значительное число тракторов и других сельскохозяйственных машин. В 1954 г. в Турции имелось 40 тыс. тракторов, 4 тыс. комбайнов, 6 тыс. хлопковых сеялок, в то время как в 1950 г. было 6 тыс. тракторов, 365 комбайнов и 2,7 тыс. сеялок¹⁸.

Турецкие помещики, которые с помощью государственных кредитов приобретают сельскохозяйственные машины, нередко сгоняют крестьян-

арендаторов с земли и начинают вести на ней собственное хозяйство. Американец Никольс, посетивший Турцию в составе миссии Международного банка реконструкции и развития, опираясь на турецкие данные, указывает, что в 1948—1952 гг. каждые новые десять тракторов вытесняли в среднем 34 семьи издольщиков, а всего за это время было согнано с земли 79 тыс. семей¹⁹.

Наиболее значительные социальные последствия механизации сельскохозяйственного производства отмечались в Эгейском и Аданском районах, где каждые десять тракторов заменяли в среднем 89 издольщиков. По тем же данным, большая часть согнанных с земли издольщиков (64 тыс.) осталась в деревне. Бывшие арендаторы нанимались к тем же землевладельцам в качестве батраков, сезонных рабочих и поденщиков. Меньшая часть бывших арендаторов в поисках работы направлялась в города.

Проводимая турецкими правящими кругами политика всемерного поддержания помещичьих и кулацких хозяйств содействует заметному усилению капиталистических элементов в деревне и ускоряет расслоение крестьянства. Но развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве происходит замедленно, так как оно стеснено полуфеодальными пережитками. При этом капиталистические отношения самым уродливым образом сочетаются с остатками феодализма. Например, в ряде случаев помещик, вспахав и засеяв свое поле при помощи трактора и сеялки, сдает его мелкими участками издольщикам для дальнейшей обработки²⁰. Таким образом, современная техника совмещается со средневековыми методами ведения хозяйства, обостряя противоречия между характером производительных сил и характером производственных отношений.

Механизация сельского хозяйства, несмотря на некоторые изменения в последние годы, остается попрежнему весьма недостаточной. Сельскохозяйственные машины применяются только в помещичьих и, отчасти, кулацких хозяйствах. Крестьяне же продолжают применять на своих парцеллах самую примитивную технику обработки земли. По сведениям Никольса, «ввоз тракторов не оказал непосредственной помощи 2,5 млн. мелких турецких хозяйств, многие из которых попрежнему применяют деревянный плуг... Прямую выгоду от механизации сельского хозяйства получили в 1953 г. только 25—27,5 тыс. хозяйств, или около одной сотой сельского населения»²¹. В 1952 г. тракторами было обработано только 12% площади, занятой зерновыми культурами, но доля тракторной пахоты под хлопок в Адане и Измире достигает 56%²².

Газета «Ени улус» также отмечала, что лишь крупные землевладельцы, возделывающие не менее 50—100 га каждый, имеют возможность механизировать обработку своих полей. У землевладельцев, имеющих менее 5 га, все остается по-старому и лишь часть их смогла заменить карасапан конным плугом²³.

Правительственная политика сельскохозяйственного кредита, достигшего в последнее время крупных размеров (кредиты, предоставляемые земледельцам Сельскохозяйственным банком, увеличились с 337,6 млн. лир в 1949 г. до 1480 млн. лир в 1954 г.²⁴), ставит своей целью поддержку крупных землевладельцев, переходящих к капиталистическим методам

¹⁹ W. H. Nicolls. Investment in agriculture in underdeveloped countries. «American economic review», Menasha, 1955, № 2, p. 66.

²⁰ Эрдем. Тяжелая доля турецкого крестьянина. «Правда», 6 октября 1953 г.

²¹ W. H. Nicolls. Указ. соч., стр. 65.

²² Там же, стр. 62.

²³ «Yeni ulus», 28 апреля 1954 г.

²⁴ «Zafer», 27 июля 1955 г.

¹⁶ «Progrès de la réforme agraire», p. 35.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Journal d'Orient», 7 и 13 января 1954 г.

ведения хозяйства. Никольс сообщал, что 25% кредитов, выделенных правительством, были предоставлены 25 тыс. помещиков, которые имеют тракторы и получают крупный годовой доход²⁵.

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Турции находит свое выражение во все более широком применении наемной рабочей силы в земледелии. Число безземельных и малоземельных крестьян, пополняющих ряды постоянных и сезонных сельскохозяйственных рабочих, непрерывно растет. По заявлению министра труда, только в южных и западных районах страны насчитывалось летом 1954 г. свыше 350 тыс. постоянных сельскохозяйственных рабочих²⁶. Из приведенных данных также видно, что в деревнях Турции проживает свыше 400 тыс. семей (около 2 млн. человек), единственным источником существования которых является продажа своей рабочей силы. По данным турецкой биржи труда, только из деревень уезда Аксарай (вилайет Нигде) ежегодно уходит на поиски работы в другие районы страны 15 тыс. безземельных и малоземельных крестьян²⁷.

Массовый отход крестьян из деревень в поисках работы является показателем роста скрытого аграрного перенаселения. По Турции бродят сотни тысяч так называемых йорганлы²⁸. «Ени улус» писала об этой категории батраков: «Большая часть земледельцев производит продукции меньше, чем нужно для личных потребностей. Такие крестьяне, захватив одеяло, отправляются в путь и превращаются в бродячих сельскохозяйственных рабочих»²⁹.

В сезон сельскохозяйственных работ йорганлы собираются на крупных рынках рабочей силы. Только в Адану стекается до 100 тыс. сельскохозяйственных рабочих. Подрядчики, «дайи баши», обычно взимают с рабочих около десятой части их зарплаты, которая часто выдается натурой. Огромная безработица в деревне позволяет крупным сельским хозяевам устанавливать батракам крайне низкую заработную плату. Капиталистическая эксплуатация батраков в Турции сочетается с самыми отсталыми формами феодальной кабалы.

Турецкие помещики упорно отстаивали и отстаивают полуфеодальные порядки в сельском хозяйстве, стремясь удержать в своих руках землю, чтобы извлекать огромные барыши и сохранить свою власть над крестьянством. Турецкое правительство, оберегая интересы этого класса, не делало серьезных попыток для наделения безземельных крестьян землей. Правда, с 1923 по 1938 г. было принято несколько законодательных актов о продаже и распределении казенных земель. Но землей в тот период наделялись главным образом иммигранты и лица, переселенные из одних районов страны в другие. За эти годы всего было продано и распределено 1047 тыс. га пахоты, садов и виноградников, из которых 777 тыс. га получили иммигранты и беженцы. Среди безземельных и малоземельных крестьян за эти 15 лет было распределено лишь 225 тыс. га³⁰.

В 1937 г. была принята поправка к конституции, предусматривавшая выкуп у крупных помещиков земель для наделения ими безземельных крестьян. Но этот акт, получивший название «реформы Иненю», как и ряд других, остался на бумаге. После окончания войны под влиянием возросшего движения крестьянства за землю правительство вынуждено

²⁵ W. H. Nicolls. Указ. соч., стр. 65.

²⁶ «Zafer», 15 сентября 1954 г.

²⁷ «Zafer», 9 сентября 1955 г.

²⁸ От уорган — одеяло, которое является обязательной принадлежностью такого батрака и служит ему и постелью и верхней одеждой.

²⁹ «Yeni ulus», 28 апреля 1954 г.

³⁰ K. Birsen. Указ. соч., стр. 559—560.

было ускорить представление в меджлис законопроекта о земельной реформе, который и был принят 11 июня 1945 г.³¹

В первоначальном виде закон о земельной реформе предусматривал распределение не только казенных, но и тех помещичьих земель, площадь которых превышает 500 га (в отдельных случаях 200 га). Лица, получившие землю, должны полностью оплатить стоимость ее в течение 20 лет. Однако даже этот закон вызвал сильнейшее противодействие со стороны крупных помещиков. В марте 1950 г. после двухлетнего обсуждения в комиссиях меджлиса в закон был внесен ряд поправок, еще более ухудшающих его. Была отменена статья 17-я, предусматривавшая, с рядом оговорок, наделение издольщиков помещичьей землей. Одна из важнейших поправок устанавливала, что распределению среди безземельных крестьян подлежат в первую очередь казенные земли в малонаселенных районах³², что практически означало отказ от проведения отчуждения помещичьих земель. Отметим при этом, что подобное отчуждение никогда не проводилось и до этого.

Проведение земельной реформы в жизнь совершенно не затронуло материальных основ политического господства помещиков и не разрешило основной проблемы современной Турции, т. е. проблемы безземелья и малоземелья. Крестьянам за десять лет, истекших после принятия земельного закона, было продано следующее количество казенных земель, в основном целины³³:

Годы	Число семей, получивших землю	Площадь распределенной земли (в тыс. га)
1946—1950	18 857	83,4
1951—1955 (сентябрь)	190 373	1 542,8
Всего	209 230	1 626,2

Данные о распределенной земле включают 564,6 тыс. га пастбищ и 122,8 тыс. га земли под пахоту, переданных 25 150 семьям иммигрантов. Понятно, что продажа крестьянам около одного миллиона гектаров казенных земель под запашку не удовлетворяет насущных нужд крестьянской бедноты в земле. Как утверждают турецкие экономисты, в земле нуждаются 2 млн. крестьянских семей³⁴. Проведением земельной реформы правящие круги предполагают руками крестьян поднять некоторое количество пустующих земель, увеличить посевные площади и сбор хлебов, а главное, успокоить безземельное крестьянство и экономически усилить кулацкую верхушку, которую правительство стремится превратить в опору своей политики в деревне.

В среднем по стране каждая семья покупала под запашку по 5 га земли. Но эти средние цифры скрывают, что одни хозяйства получали клочки, а другие — участки, намного превышавшие среднюю норму (например, в деревне Асланбаба, вилайет Урфа, распределялось по 12,5 га)³⁵. Аналогичное положение наблюдалось и в других районах.

Осуществление земельной реформы в ряде случаев свелось к продаже крестьянам земель, ранее арендовавшихся ими у государства. Так было, например, в вилайете Битлис. «В результате массового выселения (ар-

³¹ См. В. М. Данциг. Аграрная реформа в Турции. «Мировое хозяйство и мировая политика», 1945, № 12.

³² «Türk ekonomisi», 1950, № 84, стр. 137—138.

³³ «Zafer», 16 июля 1955 г.; «T. C. Resmî gazetes», 2 ноября 1955 г.

³⁴ H. Inalcik. Land problems in Turkish history. «Muslim world», 1955, № 3, p. 228.

³⁵ «Istanbul», 9 декабря 1954 г.

мян. — П. М.), имевшего место во время первой мировой войны, — пишет журнал «Иктисади юрююш», — минимум 75% имеющихся здесь земель остались без хозяев. 95% деревень Битлиса владеют теперь указанными землями, внося казначейству определенную плату... В настоящее время государственные земли, в соответствии с земельным законом, передаются крестьянам»³⁶.

Из сообщений турецких газет и журналов видно, что земельная реформа осуществляется преимущественно в Центральной и Восточной Анатолии, т. е. в районах, имеющих крупные массивы нераспаханных казенных земель. В тех же районах, где преобладает крупное частное землевладение и где нет или почти нет свободных казенных земель, реформа не проводится. По заявлению президента Турции Джемаль Баяра, комиссии по осуществлению земельной реформы имеются только в 42 вилайетах из 66. Причем на Черноморском побережье, где крестьянство особенно страдает от малоземелья, первая земельная комиссия была создана лишь в 1955 г., да и то с целью распределения не пахотных земель, а пастбищ³⁷. Безземельное крестьянство, которое в этих районах с ростом механизации непрерывно увеличивается, не может рассчитывать здесь на получение земли, так как для этого потребовалось бы конфисковать ее у крупных собственников.

Распределение казенных земель и оснащение помещичьих и крупных кулацких хозяйств современными машинами и инвентарем привели к увеличению посевных площадей. Так, если в 1946—1950 гг. под обработкой находилось в среднем 8,9 млн. га (исключая земли под паром, садами и виноградниками), то в 1954 г. — уже 12,8 млн. га³⁸.

Но ни рост обрабатываемой площади, ни наделение некоторой части крестьян казенной землей не решают аграрного вопроса. В стране попрежнему имеется до полумиллиона безземельных крестьянских хозяйств и вдвое-втрое больше — малоземельных. При обсуждении итогов земельной реформы в бюджетной комиссии меджлиса один из его депутатов сказал, что «аграрная реформа далека от своего завершения... В некоторых районах недостаток земли столь ощутим, что надлежало бы принять энергичные и радикальные меры»³⁹.

Турецкие правящие круги в качестве подобной радикальной меры предполагают ограничиться переселением безземельных крестьян из перенаселенных районов в малонаселенные, т. е. сохранить в неприкосновенности землевладение помещичьего класса.

Таким образом, в турецкой деревне усиливается процесс превращения помещичьего хозяйства в капиталистическое. Применение машин в земледелии ускоряет отделение непосредственного производителя от средств производства и приводит к росту скрытого аграрного перенаселения. Но, несмотря на некоторое развитие капиталистических отношений, в деревне продолжают господствовать докапиталистические методы хозяйствования, сохраняется помещичье землевладение — основа полуфеодальной эксплуатации миллионных масс крестьянства. Земельная реформа не уничтожила основных противоречий в деревне, не ликвидировала там земельного голода. Трудовое крестьянство Турции продолжает бороться за то, чтобы земля принадлежала тому, кто ее обрабатывает.

³⁶ «İktisadi yürüyüş», 31 октября 1952 г., стр. 23.

³⁷ «T. C. Resmî gazetes», 2 ноября 1955 г.

³⁸ «Die Weltwirtschaft», H. 1, Kiel, 1955, S. 76.

³⁹ «İstanbul», 29 декабря 1954 г.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КАЗАХСКОЙ ССР

Ж. А. ТАШЕНЕВ

(Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР)

По размерам своей территории Казахская ССР занимает второе место среди всех союзных республик, после РСФСР. Граница Казахстана тянется от Каспийского моря до хребтов Алтая, от Заилийского Ала-Тау до Уральских гор.

Дореволюционный Казахстан, отсталая колониальная окраина царской России, не смог пройти стадию промышленного капитализма. В своем общественно-экономическом и культурном развитии он отставал на несколько сот лет не только от центральной России, но даже от многих других национальных окраин России: Украины, Белоруссии, Грузии и Армении.

Почти все население Казахстана до революции занималось сельским хозяйством, преимущественно полунатуральным кочевым животноводством. Основная часть скота была сконцентрирована в руках байско-феодальной верхушки, жестоко эксплуатировавшей бедняков и батраков казахского аула. Преобладали крайне отсталые формы ведения животноводства.

Развитие животноводства в дореволюционном Казахстане всецело зависело от капризов природы. Из-за отсутствия зимних запасов сена во многих местах стада почти круглый год паслись на подножном корму. Утепленных помещений для скота не было. В результате казахское скотоводческое хозяйство подвергалось периодически повторявшимся стихийным бедствиям, так называемым «джутам». Различные эпидемические заболевания уносили бесчисленное количество скота.

Второй отраслью экономики дореволюционного Казахстана являлось земледелие, которым занималась сравнительно небольшая часть населения, главным образом русское и украинское крестьянство, переселившееся в Казахстан в последней четверти XIX и в первом десятилетии XX в. Земледелие велось примитивными способами. Урожайность зерновых культур была крайне низкой.

Лучшие участки как пахотных, так и пастбищных земель находились в руках небольшой группы богатой и влиятельной части рода (потомки султанов, правителей, старшин и др.). Бедняки были лишены земли и вынуждены арендовать ее у богатых на кабальных условиях.

Недра Казахстана богаты разнообразными полезными ископаемыми, нефтью, углем, железом, медью, цветными и редкими металлами, различными

солями. Ученые справедливо говорят о том, что в недрах Казахстана имеются все элементы системы Менделеева.

Однако до Великой Октябрьской социалистической революции эти неисчерпаемые природные богатства оставались почти нетронутыми. Огромная территория Казахстана совершенно не была изучена.

Со времени присоединения Казахстана к России в 60—70-х годах прошлого столетия начинается освоение богатейших природных и сельскохозяйственных ресурсов края. Присоединение Казахстана к России в значительной степени способствовало ломке его феодальной замкнутости, ускорило разложение натурального хозяйства и развитие товарно-денежных отношений. Казахстан как поставщик сырья стал постепенно втягиваться в орбиту всероссийского рынка. В степные казахские аулы начали проникать всевозможные изделия русской промышленности. Крепли узы экономических связей между русским и казахским народами.

В Казахстане стали создаваться предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья, началась разработка полезных ископаемых. Предприятия по переработке продуктов животноводства были представлены мелкими кожевенными, овчинно-шубными, салотопенными, мыловаренными, маслобойными и другими заводами, мелкими бойнями и одной суконной фабрикой. В числе предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов были винокуренные и пивоваренные, хлопкоочистительные заводы, табачные фабрики, мельницы и крупорушки. Подавляющее большинство этих мелких и кустарных предприятий не выпускало готовых изделий и занималось главным образом первичной технической переработкой предназначенного на вывоз сырья.

С середины XIX в. русские купцы-промышленники, как, например, Поповы, Рязановы, Ушаковы, Демидовы и другие, начали организовывать работы по изысканию полезных ископаемых и создавать в центральном Казахстане небольшие горнозаводские предприятия, главным образом в районах медно-свинцово-серебряных и угольных месторождений.

В связи с усиленным проникновением иностранного капитала в Россию в конце XIX и в начале XX в. почти вся горнозаводская промышленность Казахстана попала в руки иностранных капиталистов. Накануне Октябрьской революции на территории Казахстана существовало свыше десяти иностранных и смешанных акционерных обществ, в которых преобладал англо-французский капитал. Эти общества занимались разработкой медных, полиметаллических, угольных и нефтяных месторождений Казахстана. Иностранные концессионеры вели разработку наиболее богатых месторождений, не требующих больших капиталовложений. Иностранный капитал не был заинтересован в планомерном и рациональном развитии производительных сил в Казахстане, он стремился лишь к получению высокой прибыли за счет хищнического использования природных богатств края и жестокой эксплуатации его дешевой рабочей силы.

Слабая горнозаводская промышленность, находившаяся в руках иностранных капиталистов, не оказывала и не могла оказывать существенного влияния на развитие экономики Казахстана, так как была насаждена извне.

С появлением промышленных очагов стал формироваться и казахский промышленный пролетариат. В 1913 г. число рабочих, занятых в крупной промышленности Казахстана, составляло около 20 тыс. человек.

Уровень культуры в дореволюционном Казахстане был исключительно низким. Царизм, казахские баи, полуфеодалы и муллы старались держать казахский народ в темноте и невежестве. 98 % казахского населения

оставалось безграмотным. Учиться могли лишь дети имущих. О всеобщем начальном и тем более среднем и высшем образовании трудящийся казах в то время и мечтать не мог.

Несмотря на исключительную политическую, экономическую и культурную отсталость дореволюционного Казахстана, под влиянием передовой русской общественной мысли, науки и культуры начался процесс постепенного приобщения казахского народа к прогрессивной культуре русского народа. Лишь благодаря глубокому пониманию прогрессивного значения русской культуры для народов отсталых окраин царской России смогли подняться до уровня активных борцов за сближение и сближение исторических судеб своего народа с великим русским народом такие выдающиеся представители казахского народа, как замечательный ученый Чокан Валиханов, поэт и просветитель-педагог Ибрай Алтынсарин, основоположник дореволюционной казахской литературы, поэт и философ Абай Кунанбаев.

* * *

Царская Россия являлась не только страной помещичье-капиталистической эксплуатации, но и страной национального гнета, тюрьмой народов. Царское правительство сеяло вражду, недоверие и рознь между народами, населявшими Россию. Баи, манапы, беки, полуфеодалы и другие реакционные силы являлись активными пособниками русских помещиков и капиталистов в осуществлении этой политики.

Однако, несмотря на колониальную политику царского правительства и феодально-монархический национализм казахских султанов, баев и полуфеодалов, казахский народ стал все теснее сближаться с русским народом. Русское революционное движение оказало большое влияние на трудящихся Казахстана. Начиная с периода промышленного кризиса 1900—1903 гг., казахские рабочие стали принимать активное участие в борьбе русского пролетариата против царского самодержавия, капиталистов и помещиков.

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда освободила народы нашей страны от национального гнета. Она открыла путь к национальному возрождению казахского народа, к расцвету его государственности, экономики и культуры.

На основе неуклонного проведения в жизнь национальной политики коммунистической партии и всемерной хозяйственной, политической и культурной помощи со стороны русского народа и других народов Советского Союза ранее отсталые нации и народности смогли перейти от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм. Ярким примером такого перехода может послужить Советский Казахстан.

Благодаря неуклонному проведению в жизнь политики социалистической индустриализации страны в Казахстане в короткий срок созданы такие отрасли тяжелой промышленности, как металлургическая, угольная, нефтяная и химическая.

В 1939 г. по сравнению с 1913 г. валовая продукция металлообрабатывающей промышленности Казахстана возросла в 137 раз, каменноугольной промышленности — в 70, нефтедобывающей — в 6, цветной металлургии — в 17, химической — в 64, полиграфической — в 97, мясной — в 111 и маслодельно-сыроваренной — в 54 раза.

Старые города Алма-Ата, Чимкент, Гурьев, Усть-Каменогорск, Петропавловск, Семипалатинск, Акмолинск, Актюбинск, Уральск и Кустанай превратились в крупные индустриальные центры с развитой тяжелой и легкой промышленностью. В районах пустынь и сухих степей центрального и западного Казахстана созданы новые крупные центры тяжелой

промышленности: Караганда, Балхаш, Лениногорск, Джезказган, Темир-Тау и другие.

Цветная металлургия является одной из ведущих отраслей промышленности Казахстана. По производству цветных металлов Казахстан занимает первое место в СССР. Быстро развивается в республике и черная металлургия. Гордостью трудящихся Казахстана является Актюбинский завод ферросплавов — первенец черной металлургии республики.

Важнейшими предприятиями в области машиностроения являются Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения, Карагандинский завод горношахтного оборудования, Чимкентский завод прессов-автоматов, «Казахсельмаш» (Акмолинск), Уральский арматурный завод, Гурьевский завод им. Петровского. За годы четвертой пятилетки продукция машиностроения в Казахстане выросла в 2 раза.

Главной энергетической базой Казахстана является Карагандинский угольный бассейн — третья угольная база СССР. Шахты Караганды оснащены современной горной техникой (угольные комбайны, мощные врубовые машины, тяжелые электровозы и т. д.). Полностью завершена механизация зарубки, отбойки и доставки угля в лавах, подземной откатки и погрузки угля в железнодорожные вагоны. В послевоенный период начата разработка Экибастузского угольного бассейна, расположенного на линии новой железной дороги Акмолинск—Павлодар.

По добыче нефти Казахстан занимает третье место среди союзных республик. За четвертую пятилетку нефтедобыча в Казахстане возросла на 34,8%.

В сотни раз по сравнению с дореволюционным периодом выросло производство электроэнергии. Крупные тепловые электростанции построены в Караганде, Петропавловске, Алма-Ате, Актюбинске, Чимкенте, Семипалатинске и других промышленных центрах. Созданы алма-атинский каскад гидроэлектростанций, Усть-Каменогорская гидроэлектростанция, которая вырабатывает электроэнергии значительно больше, чем все электростанции России в 1913 г. Строится крупная Бухтарминская гидроэлектростанция. Число сельских электростанций возросло с 444 в 1940 г. до 2415 в 1953 г. В настоящее время по сравнению с 1940 г. выработка электроэнергии в Казахстане увеличилась во много раз.

Химическая промышленность Казахстана производит главным образом фосфорные удобрения для нужд Казахской ССР и республик Средней Азии. Крупнейшие предприятия в этой области — Джамбулский суперфосфатный завод, комбинат Кара-Тау, Актюбинская обогатительная фосфоритная фабрика. В Чимкенте построен химико-фармацевтический завод.

В Казахстане построены мощные заводы по производству строительных материалов. Введен в эксплуатацию цементный завод в Южно-Казахстанской области (Сас-Тюбе), строятся другие крупные цементные заводы, 29 заводов железобетонных конструкций и деталей, 50 заводов, производящих камышит.

В легкой промышленности Казахстана преобладают отрасли, перерабатывающие животноводческое сырье (кожевенная, овчинно-шубная, шерстяная, валяльно-войлочная). Крупнейшие центры кожевенной промышленности: Семипалатинск, Петропавловск, Уральск, Алма-Ата, Джамбул, Кызыл-Орда. В годы Советской власти построены крупный суконый комбинат в Семипалатинске, суконная фабрика в Алма-Ате, шерстяная фабрика в Аягузе, хлопчатобумажные предприятия в Чимкенте и Алма-Ате, 6 хлопкоочистительных заводов в Южном Казахстане. Продукция легкой промышленности в 1954 г. составила 162,7% по сравнению с 1950 г.

Развита пищевая промышленность, работающая на местном сырье. Главная ее отрасль — мясная промышленность — представлена крупнейшими комбинатами в Семипалатинске, Петропавловске, Уральске, Алма-Ате, Караганде и других городах. Мясокомбинаты оборудованы новейшей техникой и выпускают свыше 100 наименований продукции. В Павлодаре работает завод сухого молока, оборудованный первоклассной техникой. Продукция мясо-молочной промышленности в 1954 г. по сравнению с 1950 г. составила 142,7%.

За годы Советской власти создана и сахарная промышленность. Имеется 5 сахарных заводов в Алма-Атинской, Талды-Курганской и Джамбулской областях. Из других отраслей пищевой промышленности в Казахстане развиты мукомольная, маслобойная, плодоконсервная, винодельческая, пивоваренная, табачная. В 1954 г. по сравнению с 1950 г. производство растительного масла составило 141%, консервов 117,1%.

В Казахстане развита рыбная промышленность, имеющая всесоюзное значение. В Гурьеве работает крупнейший рыбоконсервный комбинат, рассчитанный на выпуск 60 млн. банок консервов в год.

Быстрой индустриализации Казахской ССР в значительной степени способствовало развитие железнодорожного транспорта. До революции обширную территорию Казахстана пересекала всего лишь одна железнодорожная линия Оренбург (ныне Чкалов) — Ташкент. За годы Советской власти протяженность железнодорожных линий в Казахстане возросла почти в пять раз. Величественным сооружением довоенных пятилеток в Казахстане является Туркестано-Сибирская железная дорога, соединяющая Среднюю Азию с Сибирью и проходящая через всю республику. Большое значение имеет железная дорога Акмолинск—Карталы, дающая прямой выход карагандинскому углю к Магнитогорскому металлургическому комбинату. Построена железнодорожная линия Петропавловск — Кокчетав — Акмолинск — Караганда — Балхаш — Чу, являющаяся транскзахстанской магистралью, перерезающей весь центральный Казахстан. Построены также линии Джарык—Джезказган, Гурьев—Кандагач, Рубцовка — Лениногорск, Уральск — Илецк, Акмолинск — Павлодар, имеющие весьма важное значение для дальнейшего развития экономики Казахстана. Новым пятилетним планом предусмотрено строительство ряда железнодорожных линий, которые свяжут отдельные промышленные и сельскохозяйственные районы Казахстана с главными железнодорожными магистралями.

Очень важное место в экономике Казахстана занимает автомобильный транспорт. В республике насчитывается более 110 тыс. км автогужевых дорог, десятки тысяч автомобилей, созданы многочисленные механизированные автомастерские и крупные гаражи. Из года в год развиваются в республике водный и воздушный транспорт.

Социалистическая индустриализация Казахстана способствовала формированию казахского рабочего класса и созданию казахской производственно-технической интеллигенции, что явилось свидетельством торжества национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

* * *

В результате Октябрьской революции феодальные и байско-кулацкие землевладения в Казахстане были полностью ликвидированы, крестьяне республики получили в бесплатное пользование свыше 80 млн. га земли. Национализация земли обеспечила переход от разрозненного, мелкого единоличного хозяйства к крупному социалистическому хозяйству.

Коллективизация сельского хозяйства открыла перед трудящимся крестьянством Казахстана невиданные ранее возможности хозяйственного и культурного развития.

Из раздробленных мелких скотоводческих и земледельческих хозяйств в республике создано более 3 тыс. укрупненных колхозов. Их обслуживают около 500 машинно-тракторных и машинно-мелиоративных станций. 590 совхозов имеют в своем распоряжении десятки тысяч тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин.

Колхозный строй преобразил облик старого казахского аула, внес большие изменения в жизнь крестьян, позволил широко развернуть творческие возможности тружеников деревни и более полно использовать природные богатства республики.

Колхозы и совхозы республики оснащены всеми видами современной сельскохозяйственной техники, созданной на наших отечественных заводах. Работы по возделыванию и уборке большинства сельскохозяйственных культур полностью механизированы.

За годы Советской власти в Казахстане создан целый ряд средних и высших сельскохозяйственных учебных заведений для подготовки квалифицированных кадров. В республике трудятся тысячи агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, землеустроителей и инженеров, которые широко внедряют в колхозное и совхозное производство достижения советской агробиологической науки и опыт передовиков социалистического земледелия.

Животноводство — главная отрасль сельского хозяйства Казахской республики. Казахстан является основной животноводческой базой на востоке СССР. По поголовью овец он занимает второе место в стране, а по рогатому скоту и лошадям — третье место. Ученые Казахстана в содружестве с колхозниками и рабочими совхозов вывели новые породы скота: казахскую тонкорунную овцу, казахский архаромеринос, казахскую белоголовую породу крупного рогатого скота.

Животноводство в современном Казахстане обслуживается квалифицированными ветеринарными работниками. До революции в Казахстане было всего 32 ветеринарных участка, теперь их 709. Кроме того, имеется свыше 1000 ветеринарно-зоотехнических пунктов. Отгонное животноводство сочетается с земледелием, на основе которого укрепляется кормовая база. Создаются большие страховые запасы кормов, построены утепленные скотопомещения.

В борьбе за повышение урожаев сельскохозяйственных культур и высокую продуктивность скота растет число передовых колхозников, колхозниц, рабочих совхозов, МТС и специалистов сельского хозяйства. За успехи, достигнутые в развитии полеводства и животноводства республики 850 человек были удостоены высокого звания Героя социалистического труда, свыше 12 тыс. человек награждены орденами и медалями. В 1954 г. 5 тыс. человек завоевали право быть участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Февральско-мартовский пленум ЦК КПСС поставил задачу расширить посевы зерновых культур в 1954—1955 гг. путем освоения целинных и залежных земель в районах Казахстана, Сибири, Урала и Поволжья.

В Казахстане выявлено свыше 37 млн. га годной для обработки земли, а под посевами и парами в 1954 г. было занято всего 11,5 млн. га. В 1954 г. колхозы и совхозы республики вспахали более 8 млн. га целины и залежи, перевыполнив задание более чем на 2 млн. га. Колхозы, МТС и совхозы Казахстана подняли еще 9 млн. га целины и залежи под уро- жай 1956 г.

Выполнение программы освоения новых земель оказывает огромное

влияние на развитие всех отраслей народного хозяйства республики. Освоение целинных и залежных земель является новым этапом в развитии сельского хозяйства Казахстана. Благодаря расширению посевных площадей и повышению урожайности зерновых культур производство хлеба в Казахстане уже в 1954 г. значительно увеличилось.

Январский пленум ЦК КПСС поставил серьезные задачи перед республикой в области животноводства. Казахстан должен стать крупным поставщиком шерсти и мяса. В соответствии с решением пленума ЦК КПСС в течение ближайших пяти-шести лет производство мяса, шерсти и молока в республике должно возрасти в 2—2,5 раза.

Выполнение этой задачи требует значительного увеличения поголовья скота, резкого повышения его продуктивности. Поголовье крупного рогатого скота в колхозах и совхозах республики должно увеличиться к 1960 г. в среднем на 175—180%. Это значит, что Казахстан в 1960 г. будет иметь свыше 6 млн. голов крупного рогатого скота, свыше 36 млн. овец и коз, около 1,5 млн. свиней. Огромное значение в создании устойчивой кормовой базы имеет внедрение посевов кукурузы. В 1955 г. в колхозах и совхозах Казахстана кукурузой засеяно свыше 800 тыс. га, а в дальнейшем площадь посевов кукурузы расширится в 2—3 раза. Животноводство республики получит большое количество зернофуража и высококачественного силоса.

Увеличение производства зерна и продуктов животноводства является главным источником роста доходов колхозов и совхозов. Достаточно сказать, что уже в 1954 г. денежные доходы колхозов республики от полеводства и животноводства увеличились по сравнению с 1953 г. более чем в два раза. В 1954 г. на текущих счетах колхозов в Государственном банке денежных средств хранилось в 7,5 раза больше, чем в 1953 г. Количество колхозов-миллионеров за год возросло на 70%.

Благотворное влияние освоения целинных и залежных земель на развитие артельного хозяйства и рост благосостояния колхозников можно видеть на примере сельхозартели «Коммунар» Максимо-Горьковского района, Павлодарской области. В 1954 г. колхозом освоено 7754 га целинных и залежных земель. Валовой сбор зерна с новых земель составил 119 тыс. центнеров. Увеличение производства зерна укрепило колхоз, повысило натуральные и денежные доходы колхозников. Денежный доход от полеводства составил 5143 тыс. руб. На каждый трудодень колхозникам выдано по 3,5 кг зерна и 9 руб. деньгами. Крупные денежные доходы позволили колхозу «Коммунар» построить электростанцию мощностью в 50 квт, зернохранилище на 10 тыс. центнеров, две конюшни, типовой свинарник и две кошары для овец. Колхоз приобрел три грузовых автомашины и выделил 700 тыс. руб. на пополнение и обновление колхозного стада. Колхоз запланировал построить две конюшни, типовой коровник, две овчарни на тысячу голов, гараж, пекарню, клуб, бани в бригадах и на фермах, около 80 домов для новоселов.

Богатейшие перспективы открываются и перед многими другими колхозами, осваивающими целинные и залежные земли. В Атбасарском районе Акмолинской области, например, все 22 колхоза в 1954 г. стали миллионерами, тогда как в 1953 г. миллионный доход имела только одна сельхозартель. Число колхозов-миллионеров в Акмолинской области выросло с 38 в 1953 г. до 140 в 1954 г.

За последние два года в Казахстане создано 337 новых зерновых совхозов, организуется 26 новых МТС. Из 9 млн. га новых земель, которые предстоит поднять Казахстану, 5,5 млн. га будет освоено совхозами. Опыт крупных зерновых хозяйств, созданных в республике в 1954 г., показал, что организация новых совхозов является наиболее целесообразной фор-

мой массового освоения целинных и залежных земель. Уже теперь многие совхозы республики дают хлеб по себестоимости ниже плановой. Так, например, совхозы Павлодарской области в 1954 г. снизили себестоимость одного центнера зерна на 6—7 руб. по сравнению с плановой.

Важное значение в развитии районов освоения новых земель имеет строительство железных и шоссейных дорог, мостов, предприятий по производству строительных материалов, по переработке продуктов сельского хозяйства, заводов сельскохозяйственного машиностроения. В этих районах будет построено свыше двух тысяч километров узкоколейных и ширококолейных железных дорог, большая часть их пройдет по территории Казахстана. Все линии должны быть сданы в эксплуатацию к осени 1957 г. В 1955 г. на ряде важнейших направлений было открыто временное движение. В течение 1955—1957 гг. в северо-восточных областях Казахстана будет введено в действие 1800 км грейдерных и асфальтированных дорог. Таким образом, выполнение комплексной программы работ по освоению целинных и залежных земель сыграет исключительную роль в развитии не только сельского хозяйства, но и всей экономики республики.

Характерной для Казахстана культурой является просо, отличающееся высокой засухоустойчивостью. В Казахстане сосредоточено 15% посевов проса СССР. Основные посевы этой культуры расположены в Акмолинской, Западно-Казахстанской и Павлодарской областях. Сортовые посевы проса в колхозах и совхозах республики составляют 51,3%.

В долинах Сыр-Дарьи и Каратала развито рисосеяние. Площадь под посевами риса увеличилась с 13,7 тыс. га в 1930 г. до 29,2 тыс. га в 1953 г.

Из технических культур наибольшее значение в Казахстане имеют хлопок, сахарная свекла, табак. Хлопководство сосредоточено главным образом в Южно-Казахстанской области, свеклосеяние — в Талды-Курганской, Алма-Атинской и Джамбулской областях, табаководство — в Алма-Атинской области. Сады и виноградники в Казахстане занимают 23 тыс. га.

Большое значение для Казахстана имеет орошение. Основные массивы орошаемых земель расположены в Южно-Казахстанской, Кызыл-Ординской, Джамбулской, Талды-Курганской и Алма-Атинской областях. Только за четвертую пятилетку площадь орошаемых земель выросла на 16%. Создание нового водохранилища на Сыр-Дарье обеспечит увеличение орошаемых площадей на 120 тыс. га (впоследствии — на 365 тыс. га). Это позволит сделать Кызыл-Ординскую область главным районом в СССР по возделыванию риса, а также даст 2 млн. га пастбищ в песках Кызыл-Кума. Продолжается строительство Арысь-Туркестанского канала, водохранилища с каналом на реке Курты, Джетысайской оросительной системы, которая позволит оросить 83 тыс. га хлопчатника и 54 тыс. га сенокосов.

Если за 20 дореволюционных лет капиталовложения в строительство оросительных систем достигали всего 10 млн. руб., то сейчас эта сумма составляет более 160 млн. руб.

В результате осуществления национальной политики Коммунистической партии Советского Союза в Казахской ССР была совершена подлинная культурная революция. На основе общего подъема социалистической экономики республики расцвела национальная по форме, социалистическая по содержанию культура казахского народа.

До революции в Казахстане было 2011 общеобразовательных школ, число учащихся в них составляло 105,2 тыс. человек, число учителей — 3325 человек. В настоящее время в республике работает 9100 школ, число

учащихся в них — 1302,2 тыс. человек, число учителей — 70 706 человек.

В дореволюционном Казахстане работало всего 7 техникумов и средних специальных учебных заведений, в которых обучалось 300 человек, сейчас насчитывается 128 таких учебных заведений, обучается в них 56,6 тыс. студентов.

Первое высшее учебное заведение в Казахстане было открыто в 1928 г. В настоящее время в 26 вузах республики обучается более 43 тыс. юношей и девушек.

Высшие и средние специальные учебные заведения Казахстана готовят кадры по самым разнообразным специальностям: по сельскохозяйственным наукам, геологии, горному делу и металлургии, физико-математическим, юридическим наукам, философии, педагогике, истории, лингвистике, иностранным языкам, журналистике, медицине, физической культуре и т. д.

В 1946 г. были создана Академия наук Казахской ССР. Ее многочисленные научно-исследовательские институты ведут исследовательскую работу в различных отраслях науки.

В республике работает филиал Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. Разносторонняя научная деятельность этого филиала во многом способствовала глубокому внедрению достижений мичуринской агробиологической науки в сельское хозяйство Казахстана.

В республике создана широкая сеть медицинских учреждений. Количество больничных коек по сравнению с 1913 г. выросло в 15 раз. Кроме станций скорой помощи, имеется 16 санитарно-авиационных станций. Подготовка медицинских кадров ведется в трех медицинских институтах (в Алма-Ате, Семипалатинске и Караганде) и 19 фельдшерско-акушерских школах.

В годы Советской власти невиданное развитие получили литература и искусство казахского народа. В республике выросли талантливые прозаики, поэты, драматурги. Произведения народного поэта Джамбула переведены на 22 языка народов СССР. Они изданы не только в СССР, но и за рубежом. Роман Мухтара Ауэзова «Абай» высоко оценила советская общественность. Большой популярностью пользуются произведения писателей Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Габиден Мустафина и многих других.

Искусство казахского народа сравнительно молодо. Театры, музеи, художественные и музыкальные училища, филармонии созданы лишь при советской власти. Тридцать музыкально-театральных учебных заведений готовят кадры художественной интеллигенции. Крупнейшим театральным коллективом является Казахский государственный театр оперы и балета им. Абая. Здесь были поставлены первые национальные оперы «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын», «Жалбыр». В дальнейшем репертуар театра обогатился такими спектаклями, как «Биржан и Сара», «Абай». Первый драматический театр был организован в Казахстане в 1926 г. Казахские артисты неустанно повышают исполнительскую культуру, расширяют свой творческий диапазон.

Казахские артисты выступают не только в городах, но и в самых отдаленных районах республики. Двадцать пять театров и восемь концертных организаций ежегодно дают большое количество спектаклей и концертов, на которых присутствуют миллионы зрителей.

В дореволюционном Казахстане было всего 146 массовых библиотек, книжный фонд которых составлял 139 тыс. экземпляров. В настоящее время имеется 6076 библиотек с книжным фондом в 16 949,6 тыс. экземп-

ляров. До революции в Казахстане не было ни одного клуба, имелось всего три музея и двадцать киноустановок. В настоящее время в республике функционируют 5812 клубов, 21 музей и 2024 киноустановки. В Алма-Ате создана киностудия, выпускающая художественные и документальные фильмы.

Огромные успехи, достигнутые казахским народом во всех областях государственного, хозяйственного и культурного строительства, являются результатом мудрого руководства Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, результатом постоянной помощи великого русского народа и всех народов нашей страны.

Утвержденные XX съездом КПСС директивы по шестому пятилетнему плану — это глубоко обоснованная программа хозяйственного и культурного строительства нашей родины. Директивами предусмотрено в Казахской ССР увеличение валовой продукции всей промышленности в 2,2 раза, дальнейшее развитие энергетической базы, цветной металлургии, угольной, нефтяной и химической промышленности, машиностроения, легкой и пищевой промышленности. В области сельского хозяйства в 1960 г. предусмотрено увеличение производства зерна по сравнению с 1955 г. в 5 раз, сахарной свеклы — в 2,2 раза, хлопка-сырца — в 2,3 раза, мяса — в 1,5 раза, молока — в 2,2 раза и шерсти — в 2,6 раза.

Осуществление шестой пятилетки явится новым крупным шагом вперед в развитии социалистической экономики и культуры казахского народа. Под руководством Коммунистической партии Советского Союза трудящиеся Казахстана обеспечат выполнение величественной программы шестой пятилетки и тем самым внесут достойный вклад в общее дело борьбы советского народа за коммунизм.

ПИСЬМЕННОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНА¹

У ЮЙ-ЧЖАН

Реформа письменности — мы говорим здесь о реформе китайской иероглифической письменности — является одной из важных проблем нашего государства. Это сложная проблема, затрагивающая все стороны общественной жизни. Все наши языковеды и специалисты по письменности, а также все работающие в области культуры и просвещения должны тесно сплотиться и, сознавая свою ответственность, активно включиться в работу и упорно трудиться в течение длительного периода. Только тогда эта важная проблема может быть радикально и успешно разрешена.

В задачи нашей нынешней конференции не входит коренное преобразование китайской письменности. Мы должны лишь, придерживаясь правильного курса на реформу китайской иероглифической письменности, в первую очередь разрешить два наиболее конкретных вопроса: об упрощении иероглифической письменности и о распространении путунхуа, основанного на пекинской произносительной норме, то есть о распространении общего языка китайской нации.

Я думаю, все согласятся с тем, что в многовековой истории культуры китайского народа иероглифическая письменность сыграла огромную положительную роль. Она оказала глубокое влияние на все стороны общественной жизни нашей страны. Уже на заре своей истории китайцы пользовались этой письменностью для записи разговорного языка (правда, древнее письмо по своей форме значительно отличается от современного).

Более того, некоторые близкие соседи Китая, например Япония, Корея, Вьетнам, также пользовались или частично продолжают пользоваться китайской иероглифической письменностью для записи своих собственных языков. Через тысячелетия она донесла до наших дней богатейшие древние литературные памятники Китая и сейчас попрежнему остается письменностью, которой пользуются ханьцы — китайцы, составляющие подавляющее большинство населения Китая. В руководимой коммунистической партией великой народной революции иероглифическая письменность была использована как важное средство распространения марксистско-ленинского образования среди китайского народа. Нет никаких сомнений в том, что и в дальнейшем в течение довольно длительного

¹ От редакции. В октябре 1955 г. в Пекине были проведены научные конференции, посвященные вопросам реформы письма и нормализации китайского языка. Мы публикуем доклад У Юй-чжана, решение конференции по реформе письма, доклад Ло Чан-пэя и Люй Шу-сяна и краткий обзор работы конференций. Доклады переведены Н. Н. Коротковым и И. М. Ошаниным.

периода китайская иероглифическая письменность попрежнему будет служить средством чтения и письма для широких народных масс и получит еще более широкое применение в великом деле социалистического строительства и социалистических преобразований в нашей стране, в области культуры и просвещения, производства и строительства.

С другой стороны, мы не можем не признать, что эта письменность имеет серьезные недостатки. Китайская письменность является не фонетической, а идеографической, каждый иероглиф имеет свою особую форму. Глядя на иероглиф, нельзя тут же определить его чтение, зная чтение, можно не суметь его написать, и, наконец, видя перед собой иероглиф и определив его чтение, можно не понять его значения. Поэтому иероглифы приходится заучивать каждый в отдельности, а это создает большие трудности для изучения и пользования ими. Начертания иероглифов в большинстве случаев очень сложны. Так, если мы возьмем список двух тысяч наиболее ходовых иероглифов, опубликованный Министерством просвещения, то окажется, что эти иероглифы в среднем имеют 11,2 графических элемента, а 221 иероглиф этого списка содержит 17 графических элементов и более.

Учащиеся нашей начальной школы за шесть лет могут заучить только около трех тысяч иероглифов, и к тому же вряд ли могут их закрепить, не говоря уже о том, чтобы полностью понимать их значения. В китайской письменности всего шесть-семь тысяч более или менее ходовых иероглифов. Учащиеся не только не в состоянии заучить их все в средней школе, но и, окончив высшую школу, не знают многих из этих иероглифов и, кроме того, постоянно делают ошибки в чтении и написании многих знакомых иероглифов.

Вот почему на изучение китайских иероглифов приходится затрачивать много больше времени, чем на изучение любой фонетической письменности. Так, в частности, по существующей у нас школьной системе, на общие дисциплины в средней школе приходится отводить 12 лет — на два года больше, чем во многих других государствах.

В свое время мы пробовали создавать рабоче-крестьянские ускоренные средние школы с трехлетним сроком обучения, задумывались и над перестройкой начальной школы в школу-пятилетку, но факты показывали, что это очень сложное дело. Хотя это объясняется не только тем, что китайские иероглифы трудно изучать, узнавать и запоминать, однако и недостатки самой китайской иероглифической письменности в значительной мере осложняют как работу школы, так и работу учебных заведений для взрослых и сети ликбеза. При практическом пользовании иероглифами в письме, при печатании на машинке, отыскании незнакомых иероглифов в словаре, при составлении указателей приходится затрачивать намного больше труда, чем при пользовании фонетическим письмом.

С большими трудностями сталкиваются при создании и внедрении различных машин, связанных с применением письменности: пишущих машинок для печатания иероглифами, литьевых, телеграфных печатающих аппаратов и т. д. Словом, сохранение иероглифики в ее теперешнем виде может серьезно помешать распространению и поднятию культуры и просвещения народа и косвенно неблагоприятно отразиться на индустриализации страны и развитии нашего народного хозяйства в целом.

Китайский народ уже с давних пор стал стремиться так изменить свою письменность, чтобы знаки ее было легко узнавать, легко запоминать, легко писать, легко читать. Уже в течение долгого времени народные массы создают много упрощенных иероглифов и привыкли заменять сложные начертания уставного почерка — кайшу курсивным написанием — синшу и скорописным — цаошу. За последние шестьдесят лет — в эпоху

возникновения и развития в Китае движения за демократическую революцию, был поставлен на повестку дня и вопрос о реформе письменности. В период, начиная с последних лет Цинской династии и кончая полным освобождением страны, патриотически настроенные люди, выходцы из всех классов, из всех слоев китайского общества выдвигали всевозможные предложения и конкретные проекты реформы китайских иероглифов. Многие из этих людей вели длительную борьбу за осуществление реформы письменности. Возникшие после революции 1911 г. движения за унификацию произношения и единый общегосударственный язык — гоюй, за упрощение иероглифов, за романскую транскрипцию произношения гоюй, за новую латинизированную письменность, сыграли определенную роль в борьбе за реформу китайской письменности. Благодаря самоотверженным усилиям бесчисленных участников работы по реформе письменности китайский народ понял, что письменность может и должна быть реформирована. Был накоплен богатый и драгоценный опыт и, таким образом, сделано очень много для разрешения проблемы реформы письменности в дальнейшем.

Однако, хотя наши предшественники в деле реформы письменности отдавали ему свои силы в течение долгого времени и добились выдающихся успехов, в ту эпоху нечего было и думать о том, чтобы под единым руководством, организованно, планомерно, шаг за шагом разрешить проблему реформы китайской письменности. Такая возможность появилась только сегодня, когда наш народ взял власть в свои руки, стал сплоченным и организованным, когда завершено объединение всей страны.

Председатель Мао Цзэ-дун в своей работе «О новой демократии» указывал: «Письменность должна быть при определенных условиях реформирована, язык должен быть приближен к народным массам». После образования Китайской Народной Республики, благодаря правильному руководству Коммунистической партии Китая и Центрального народного правительства ученые-языковеды, а также все те, кто работает в области языка и письменности и в области культуры и просвещения, сплотились воедино и стали отдавать все силы созданию или реформе письменности братских национальностей нашей страны, с одной стороны, и реформированию китайской иероглифической письменности, с другой. Реформа письменности сейчас уже не только мечта, она стала важной составной частью культурного строительства нового Китая.

Нашему народу теперь уже ясны направление и цели этой реформы. Председатель Мао в 1951 г. указал нам: «Письменность должна быть реформирована, надо пойти по пути, общему для всех письменностей мира, по пути перехода на фонетическое письмо». Кроме того, председатель Мао указал нам, что для перехода на фонетическое письмо нужно сделать большую подготовительную работу: перед тем как осуществить переход на фонетическое письмо, необходимо упростить китайские иероглифы, чтобы облегчить пользование ими в настоящее время. Одновременно нужно активно вести подготовительную работу различного характера. Таков правильный курс в деле реформирования нашей письменности. Именно на основе указаний председателя Мао и Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и определены два пункта повестки дня нашей конференции.

Работа по упрощению китайских иероглифов преследует цель — постепенно сократить количество графических элементов в составе отдельных иероглифов, а также сократить количество самих иероглифов для того, чтобы уменьшить трудности, связанные с их запоминанием, написанием, чтением и воспроизведением в печати.

Сейчас положение с китайской письменностью таково: с одной стороны, в печатных изданиях и документах, носящих официальный характер, применяются сложные по начертаниям почерки — кайшу и так называемый сунский почерк, с другой стороны, в народе издавна широко распространено значительное количество созданных самими народными массами упрощенных иероглифов, а также курсивный и скорописный почерки. При этом как в печатном, так и в рукописном воспроизведении отсутствуют строгие нормы, которые определяли бы форму и графический состав иероглифов. Поэтому в рукописных текстах часто можно обнаружить ошибочные иероглифы, а в книгах встречаются различные графические варианты одних и тех же иероглифов. Главная цель работы по упрощению иероглифической письменности — ввести в употребление в печати упрощенные знаки, которые народ давно уже привык употреблять в рукописи, заменив ими сложные по своему графическому составу иероглифы, и одновременно произвести отбор среди часто встречающихся в печати и рукописях графических вариантов. Таким образом мы добьемся упрощения начертания иероглифов, сокращения их количества и постепенно достигнем такого положения, когда иероглифы будут иметь твердо установленную форму, число их будет ограничено определенным количеством, а начертание их в печати и рукописном изображении сблизится.

В течение довольно длительного периода, который будет предшествовать полному переходу на фонетическое письмо, наш народ, как и прежде, будет использовать китайские иероглифы для записи речи, печатания литературы, обучения детей и взрослых. Да и после того, как этот переход осуществится, многие попрежнему должны будут изучать нынешнюю китайскую письменность и пользоваться ею. Хотя упрощение иероглифов не есть еще коренная реформа письменности, тем не менее оно может значительно облегчить изучение и использование иероглифов, сэкономить труд, который приходится затрачивать при пользовании письменностью, а все это принесет пользу делу социалистического строительства и работе в области культуры и просвещения в нашей стране.

Курс, который мы приняли в работе по упрощению китайских иероглифов, это курс на «использование того, что уже вошло в обиход народа, продвижения вперед уверенными шагами». «Использование того, что уже вошло в обиход народа» — это курс на то, чтобы черпать у народных масс и нести обратно народным массам. Многие упрощенные иероглифы являются плодом творчества народной мудрости. Принимая в первую очередь те упрощенные иероглифы, которые созданы народными массами и вошли в обиход, и в то же время используя принятые в народе способы упрощения (например, замена иероглифа другим с тем же чтением, придание скорописному изображению формы, принятой в уставном почерке — кайшу, сокращение количества графических элементов) для создания некоторых новых иероглифов, мы можем упростить большинство сложных по своим начертаниям иероглифов. Кроме того, постепенно упрощая некоторые составные элементы иероглифов — ключи и фонетики, мы можем по аналогии распространять эти упрощенные написания на все иероглифы, в которые входит данный элемент (например, введя вместо иероглифа 東 сокращенное написание 东, мы можем по аналогии упростить написание целого ряда иероглифов — 陳, 棟, 凍, в которые входит этот элемент). Таким путем нам удастся упростить еще большее количество иероглифов.

Применяя описанные выше приемы, можно упростить очень много иероглифов. Однако мы вовсе не сторонники того, чтобы сразу упрощать большое количество знаков, мы стоим за то, чтобы продвигаться вперед уверенными шагами. Это значит, что мы не будем упрощать все иероглифы

за один раз, а сделаем это в несколько приемов, причем, публикуя каждую очередную серию упрощенных иероглифов, мы можем разбивать их предварительно на группы и вводить их в употребление постепенно, группа за группой. В этом году в Пекине и по всей стране было осуществлено пробное использование упрощенных иероглифов в печатных изданиях. В первую группу вошло 57 иероглифов, во вторую 84 иероглифа. В результате выяснилось, что подавляющее большинство читателей остались очень довольны. Факты говорят о том, что этот метод внедрения упрощенных иероглифов серия за серией очень хорош. Конечно, если исходить только из нужд книгопечатания, издательской работы, преподавания языка и письменности, легче было бы ввести новые написания всех иероглифов, подлежащих упрощению, разом. Но если бы мы сразу изменили существующую форму большого количества иероглифов, то многие люди, уже знающие иероглифы, читая книги и газеты, наверняка испытали бы неприятное ощущение непривычности. К тому же упрощенные формы многих иероглифов невозможно окончательно установить сразу, более правильно будет сначала подвергнуть их обсуждению в народе, пустить их на определенный период в пробное использование и внедрять в практику только тогда, когда народные массы уже более или менее освоятся с ними.

С точки зрения техники книгопечатания изготовление матриц упрощенных иероглифов также потребует определенного времени, и было бы затруднительно сразу переделать большое количество иероглифических матриц, в особенности, если делать их красиво. Что же касается упрощения элементов иероглифов и распространения упрощенного их написания на целые ряды иероглифов, то это тем более придется делать постепенно, во много приемов. Хотя такой метод постепенного упрощения серии за серией, группы за группой и потребует довольно много времени, зато внедрение упрощенных иероглифов будет проходить много успешнее, чем если бы мы попытались упростить их все сразу.

После того как в январе 1955 г. Комитет по реформе китайской письменности опубликовал «Проект упрощения иероглифов», заинтересованные учреждения, демократические партии и группы, народные организации в Пекине, а также работники культурно-просветительных учреждений и народных организаций во всех провинциях и городах страны провели множество собеседований и обсуждений этого проекта. По неполным данным, в обсуждении приняло участие примерно двести тысяч человек. Кроме того, нами получено 5167 писем с замечаниями, как исходящими от отдельных лиц, так и являющимися результатом коллективных обсуждений. Эти факты говорят о том, что весь наш народ с огромным вниманием следит за работой по реформе письменности. Из полученных нами писем видно, что подавляющее большинство их авторов одобряет замену сложных иероглифов упрощенными. Кроме того, по проекту было внесено немало и конструктивных предложений. На основе этих предложений Комитет по реформе китайской письменности внес предварительные поправки в первоначальный проект и в сентябре месяце текущего года передал его на утверждение в Комитет по рассмотрению проектов упрощения китайской письменности при Государственном Совете.

Государственный Совет окончательно согласился с «Исправленным проектом упрощения китайской иероглифической письменности», включающим 512 упрощенных иероглифов и 56 упрощенных элементов иероглифов, одобрил его в качестве первого шага по пути упрощения китайской иероглифической письменности и ныне передает его на обсуждение данной конференции. На обсуждение конференции передается также список вариантов написания иероглифов, подлежащих изъятию из употребления, который был повсюду подвергнут обсуждению на

массовых собраниях, а также рассмотрен, исправлен и дополнен редакциями центральных газет и центральными издательствами. Что же касается упрощения рукописных начертаний иероглифов, то, поскольку в этой области нет каких-либо существенных разногласий, нет необходимости обсуждать этот вопрос на данной конференции. В соответствии с пожеланиями народных масс Комитетом по реформе китайской письменности будут составлены и изданы прописи, которые и будут переданы соответствующим учреждениям как учебный и справочный материал для людей, приступающих к изучению иероглифов.

После того как этот проект упрощения китайской письменности будет обсужден и принят данной конференцией, мы будем просить Комитет по рассмотрению проектов упрощения китайской письменности подвергнуть его окончательному рассмотрению, а затем просить Государственный Совет официально его обнародовать. Поскольку данный проект включает свыше пятисот упрощенных иероглифов и более пятидесяти упрощенных составных элементов иероглифов, внедрение их в практику одновременно представило бы некоторые трудности и с точки зрения навыков чтения, и с технической стороны. Поэтому мы вносим предложение просить Государственный Совет о введении этих упрощенных иероглифов и упрощенных составных частей иероглифов в практику не сразу, а по частям.

Настоящий проект отнюдь не охватывает всех китайских иероглифов, которые должны быть и могут быть упрощены. Сюда входит лишь некоторая их часть. Кроме того, есть еще много составных частей иероглифов, которые должны быть упрощены путем придания курсивному или скорописному их изображению формы, принятой в уставном почерке — кайшу. Часть упрощенных написаний, вошедших в обиход народных масс, не включена в настоящий проект потому, что о них еще нет единого мнения. Кроме того, народные массы будут продолжать создавать новые упрощенные иероглифы, и этот процесс еще более ускорится после официального опубликования и проведения в жизнь данного проекта. Поэтому Комитет по реформе китайской письменности будет продолжать свою работу по обследованию и изучению способов упрощения китайских иероглифов и через год-два предложит новый список упрощенных иероглифов. Словом, эта работа будет продолжаться вплоть до окончательного выполнения задачи упрощения китайской иероглифической письменности.

Как вы знаете, упрощение китайских иероглифов еще не может окончательно разрешить проблему реформы письменности. Поэтому одновременно мы должны вести активную подготовку к переходу на фонетическое письмо. Для того чтобы в корне разрешить проблему реформы письменности и направить развитие китайской письменности по пути, общему для всего мира, по пути перехода на фонетическое письмо, нужно провести целый ряд подготовительных работ.

Сейчас нам предстоит изучить и выбрать лучший, наиболее отвечающий реальным потребностям и возможностям проект фонетического алфавита, нужно изучить словарный состав китайского языка и методы разграничения омонимов на письме, нужно изучить местные диалекты китайского языка и отобрать лучшие методы применения фонетического письма в районах местных диалектов, обследовать и изучить опыт реформы письменности в других странах, в особенности опыт перехода на фонетический алфавит или реформы китайских иероглифов в государствах, пользовавшихся китайской идеографической письменностью (Вьетнам, Корея, Япония).

К некоторым из этих подготовительных работ мы уже приступили, другие начнем в ближайшем будущем. Однако из всех работ, которые мы ведем и будем вести в целях подготовки к переходу на фонетический ал-

фавит, самой важной является работа, направленная на то, чтобы постепенно унифицировать произношение китайских слов, или, выражаясь более точно, добиться того, чтобы в масштабах всей страны у нас была единая произносительная норма, и шаг за шагом расширять сферу распространения произношения, соответствующего этой единой норме.

Что нужно делать для того, чтобы достичь этой цели? Прежде всего необходимо всемерно распространять основанный на пекинском произносительной норме общий язык китайской нации — путунхуа. Именно поэтому мы и включили в повестку дня нашей конференции вопрос об этой работе как один из актуальнейших конкретных вопросов.

Само собой разумеется, распространение общего языка китайской нации необходимо не только ради осуществления реформы письменности, — это важнейшая работа, связанная с жизненными интересами всего нашего государства и народа. Местные диалекты китайского языка представляют весьма сложную картину, и различия между ними очень велики. Не только северяне и южане испытывают затруднения при разговорном общении, различия наблюдаются и в произношении уроженцев одной и той же провинции и даже одного и того же уезда. В прошлом в течение длительного исторического периода, когда наша страна надолго задержалась в своем развитии на этапе феодализма, отсутствие языкового единства было трудно преодолимым явлением. Когда же на основе народной демократии было осуществлено полное единство нашей страны и в особенности когда мы вступили в период великого строительства — в период социалистической индустриализации и кооперирования сельского хозяйства, отрицательное влияние такого положения на всю деятельность нашего народа в области политики, экономики и культуры стало еще более заметным, да и условия для устранения такого положения также полностью созрели.

Китайский народ издавна стремился к созданию единого для всей страны национального языка, обладающего ясными и точными нормами, да и фактически в течение последних столетий процесс складывания такого единого национального языка уже приближался к своему завершению. Развернувшееся после революции 1911 г. «движение за гоюй» поставило своей главной целью унифицировать произношение в масштабах всей страны и добилось в этой области некоторых успехов. «Обучение на основе гоюй», за которое ратовали тогда сторонники этого движения, дало возможность миллионам учащихся начальной и средней школы в разных районах, а также китайским эмигрантам за рубежом овладеть пекинским произношением. В течение последних десятилетий пекинское произношение было, как правило, принято в радиопередачах, кино и театре, что в значительной мере способствовало его распространению.

В то же время с развитием в нашей стране экономики и путей сообщения современного типа и развертыванием движения за новую культуру, во всех крупных и средних городах сложился своего рода общий язык. Этот общий язык по своему словарному составу и грамматическому строю основывается на северном диалекте, его произношение пока еще не унифицировано, однако в большей или меньшей степени оно приближается к пекинскому произношению. Поэтому хотя в огромных сельскохозяйственных районах и во многих городах и поселках местные диалекты абсолютно преобладают, хотя во многих районах преподавание в начальной и средней школе, а также в рабоче-крестьянских вечерних школах ведется на местных диалектах, хотя диалектные различия еще очень велики, все же мы можем утверждать, что китайский язык в настоящее время быстро идет к единству.

Сейчас наша задача заключается в том, чтобы, опираясь на государственные органы и другие силы нашего общества, добиваться дальнейших

успехов в этом направлении; действуя в соответствии с закономерностями объективного процесса, всемерно распространять основанный на пекинской произносительной норме общий язык — путунхуа. Для этого необходимо: во-первых, в начальных и средних школах, а также в педагогических учебных заведениях всех ступеней по всей стране вести преподавание на путунхуа; во-вторых, вести агитацию за применение путунхуа в армии и в учреждениях; в-третьих, постепенно внедрять путунхуа и в другие сферы общественной жизни с тем, чтобы постепенно осуществить единство языка китайской нации.

Единство национального языка не только будет благоприятствовать социалистическому строительству, но и создаст необходимые условия для коренной реформы китайской письменности. Письменность — это средство записи устной речи. Переход на фонетическое письмо может быть осуществлен более или менее успешно в масштабах всей страны только тогда, когда единая произносительная норма распространится на всю страну и будет понятна для большинства населения. Поэтому все те товарищи, которые работают над реформой письменности, должны придавать большое значение распространению путунхуа, основанного на пекинской произносительной норме. Для распространения путунхуа нужно решить много сложных и трудных задач. Надо, например, обследовать и изучить все диалекты, составить различные пособия, энергично готовить преподавательские кадры, вести широкую пропаганду и т. п. Это общие задачи ученых-языковедов и преподавателей языка, в то же время это важные задачи и для тех, кто работает в области реформы письменности.

Упрощение китайских иероглифов, распространение путунхуа и активная подготовка к переходу на фонетический алфавит — все это огромные и сложные задачи, и выполнить их мы сможем только в том случае, если под руководством Коммунистической партии Китая и Центрального народного правительства активно мобилизуем на их выполнение широкие массы нашего народа. Реформа письменности — это дело народных масс, и если широкие трудящиеся массы, интеллигенция, все те, кто работает в области языка и письменности и в области просвещения, а также представители всех кругов населения не будут всеми силами его поддерживать, нечего и думать о разворачивании работы по реформе письменности. Поэтому мы выражаем надежду, что благодаря этой всекитайской конференции по реформе письма все, кому дорого дело реформы письменности — специалисты, ученые и просто энтузиасты — еще более тесно сплотятся и организуются. Активно участвуя в работе и уверенно продвигаясь вперед под единым руководством партии и правительства, они отдадут этому делу все свои силы и будут сообща бороться за выполнение великой задачи реформы письменности.

РЕШЕНИЕ ВСЕКИТАЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РЕФОРМЕ ПИСЬМА

23 октября 1955 г.

Всекитайская конференция по реформе письма проходила в столице с 15 по 23 октября 1955 г. В ее работе участвовали делегаты от 28 провинций и городов, от автономных районов и центральных учреждений, от войсковых частей и народных организаций в количестве 207 человек. Конференция заслушала и обсудила доклады председателя Комитета по реформе китайского письма тов. У Юй-чжана «Письменность при определенных условиях должна быть реформирована» и министра просвещения КНР тов. Чжан Си-жо «Энергично распространять путунхуа на основе пекинской произносительной нормы» и единогласно одобрила оба доклада.

Конференция обсудила представленный Комитетом по реформе китайского письма исправленный Проект упрощения китайского иероглифического письма и единогласно одобрила его, внося необходимые поправки и дополнения.

После оживленных прений Конференция признала, что китайское иероглифическое письмо необходимо реформировать, и что коренная реформа этого письма должна быть направлена по общему для всех письменностей мира курсу перехода на звуковое письмо. В настоящее время постепенное упрощение китайской иероглифики и энергичное распространение путунхуа на основе пекинской произносительной нормы, т. е. китайского национального языка, отвечают настоятельным требованиям народа всей страны и нуждам нашего социалистического строительства; распространение путунхуа подготовит прежде всего важнейшие условия для коренной реформы китайского иероглифического письма.

Конференция постановляет:

1. Рекомендовать Комитету по реформе китайского письма передать исправленный Проект упрощения китайского иероглифического письма на утверждение Государственного Совета для опубликования и проведения в жизнь.

2. Предложить органам печати и культурно-просветительным организациям широко пропагандировать иероглифы упрощенного начертания, учебным заведениям всех ступеней пользоваться упрощенными иероглифами, а типографиям немедленно приступить к переливке матриц и быстро перейти на сокращенные начертания, изъав из обращения разнописи иероглифов в соответствии со «Списком упорядочения разнописей».

3. Предложить Комитету по реформе китайского письма продолжать работу по упрощению китайского иероглифического письма и по упорядочению разнописей, а также продолжать широкий сбор предложений от населения с целью скорейшего завершения работы по упрощению и упорядочению китайского иероглифического письма.

4. Рекомендовать Министерству просвещения КНР в первую очередь дать указания всем низшим и средним школам и педагогическим учебным заведениям всех ступеней энергично распространять путунхуа на основе пекинской произносительной нормы, а также дать указания административной сети органов просвещения в плановом порядке практиковать в учебных заведениях всех ступеней отзыв на переподготовку учителей родной речи для усовершенствования в путунхуа. Что же касается методов распространения путунхуа в воинских частях Народно-освободительной армии — конференция вносит предложение, чтобы таковые были выработаны и приняты Политуправлением Народно-освободительной армии.

5. Рекомендовать учреждение во всех провинциях и городах страны рабочих комиссий по распространению путунхуа, а также мобилизацию всех общественных сил (прежде всего радиостанций широкого вещания и домов культуры) на энергичную пропаганду изучения путунхуа и пользования им.

6. Рекомендовать Китайской Академии наук в сотрудничестве с заинтересованными высшими учебными заведениями провести обследование диалектов на всей территории страны и составить учебные материалы и справочные пособия для изучения путунхуа населением районов распространения местных диалектов.

7. Рекомендовать Министерству культуры и заинтересованным ведомствам КНР еще шире распространять горизонтальное расположение строк в газетах, журналах и книгах. Рекомендовать государственным учреждениям, воинским частям, учебным заведениям и народным организациям распространять горизонтальное расположение строк в официальной документации и в письме.

8. Рекомендовать Комитету по реформе китайского письма скорее разработать проект китайского звукового алфавита и передать его на обсуждение и опытное использование общественности всей страны.

ВОПРОС О НОРМАХ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

ЛО ЧАН-ПЭЙ и ЛЮЙ ШУ-СЯН

I

Наш доклад, в соответствии с разбираемыми в нем тремя вопросами, делится на три части: почему вопрос о нормах современного китайского языка ставится именно в настоящее время; какие принципиальные вопросы нормализации современного китайского языка должны быть разрешены; как проводить работу по нормализации. Мы не толкуем здесь термин «современный китайский язык» широко, в смысле китайского языка в любой его форме: под этим термином мы понимаем национальный китайский язык, литературный китайский язык. Под словом «нормы» мы подразумеваем определенный стандарт во всех областях языка — в фонетике, лексике, грамматике.

Почему вопрос о нормах китайского языка ставится на обсуждение именно в настоящее время? Потому, что на современном этапе хозяйственного и культурного строительства нашей родины вопрос этот приобретает особенно важное значение. Язык является средством, дающим людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности — как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Поэтому язык развивается с развитием общества. Развитие политики и экономики за последнее столетие и особенно народная революция, руководимая Коммунистической партией Китая, совершенно изменили лицо Китая. Китайский народ поднялся во весь рост, взял в свои руки власть, учредил Китайскую Народную Республику и сплотился воедино, как никогда раньше. Мы победоносно провели гигантскую борьбу за реформу аграрной системы, за восстановление народного хозяйства, разработали пятилетний план и проводим великое социалистическое строительство. Мы стремительно идем вперед. Каким же в этих условиях должен быть наш язык — то самое орудие, которое нужно для обмена мыслями, которое нужно, чтобы наладить совместную работу во всех сферах нашей деятельности? Нам нужен высокоразвитый язык, единый, общераспространенный национальный язык китайского народа, с точными нормами как в письменной, так и в устной форме.

Только такой национальный язык позволит нам успешно справиться с нашими задачами, позволит сплотить весь народ, развить нашу культуру, поднять культурный уровень нашего народа. В условиях народной демократии, в эпоху нашего решительного продвижения к социализму все

более и более широкие массы активно включаются в общественную жизнь. А это значит, что общественное значение и роль слова как в печати, так и в устной форме неизмеримо возрастают. Вопросы языка становятся вопросами всенародного значения. Развитие науки, расцвет литературы, успех мероприятий в области культуры и народного образования, успешное проведение всей нашей политической и общественной деятельности — все это связано с использованием языка. Успешная борьба за обеспечение высокого развития национального языка есть непосредственное и естественное выражение роста национального сознания и подъема национальной культуры.

Сейчас в политическом и экономическом отношении вся наша страна объединена, как никогда раньше. Люди из разных районов собираются на собрания, работают вместе, работники перебрасываются из одной местности в другую по всей стране, военнослужащие покидают родные места и едут служить в отдаленные районы. Отсутствие единого общего языка создает для нас большие трудности. Радио, кино, театр являются важными средствами для поднятия культуры народа. Но насколько снизится их значение, если хотя бы часть слушателей и зрителей не будет в состоянии понять, что им сообщается? Школьное образование является важнейшей формой культурного строительства. Без ясных и точных языковых норм обучение родному языку и отечественной литературе будет весьма затруднено. Наша письменность подлежит реформе и в конечном итоге пойдет по пути звукового письма. Но без общего языка с ясными и точными нормами нет возможности составить проект звукового письма. Не распространяя такой язык, трудно распространять и фонетическое письмо. С любой точки зрения нам необходим национальный язык с ясными и точными нормами, язык, распространенный во всех районах страны.

В процессе развития китайского языка за последние столетия у нас на основе северного диалекта постепенно формировался национальный язык путунхуа, который за последние десятилетия широко распространился. Обработанная литературная форма национального языка — байхуа имеет еще более долгую историю, чем путунхуа, на нем написаны и пишутся многие замечательные произведения. Однако если учесть те требования, которые мы предъявляем сейчас к нашему национальному языку, всего этого недостаточно в двух отношениях: во-первых, наш национальный язык еще не получил повсеместного распространения, у нас еще много людей, которые не умеют говорить на путунхуа и говорят лишь на диалектах; во-вторых, нормы литературного языка до сих пор не вполне ясны и определены, не вполне отточены и отшлифованы.

Диалекты китайского языка еще не обследованы полностью. Насколько нам сейчас известно, их можно разделить на восемь крупных диалектов, каждый из которых включает ряд говоров. Максимальное число людей говорит на северном диалекте, которым пользуется, по приблизительным подсчетам, свыше 70 % всех говорящих на китайском языке. Вот примерные статистические данные (в млн.):

Северный диалект ¹	387
Диалект Цзянсу-Чжэцзяна	46
Хуаньский диалект	26
Диалект Цзянси	13
Диалект Хакка	20
Северно-фуцзяньский диалект	7
Южно-фуцзяньский диалект	15
Гуандунский диалект	27

¹ В широком понимании этого термина, включая гуаньхуа низовьев Янцзы и Юго-Запада.

Фонетические различия между диалектами китайского языка довольно значительны. Если взять согласные, то в одних диалектах сохраняется древняя звонкость, в других произошло оглушение согласных, причем в последнем случае в одних диалектах произошла дифференциация аспирированных и неаспирированных парных согласных, в других диалектах все они стали аспирированными или, наоборот, неаспирированными; в одних диалектах *чж-*, *ч-*, *ш-* и *цз-*, *ц-*, *с-* или *цзв-*, *цв-*, *св-* и *цз-*, *ц-*, *с-* различаются, в других — нет. Изменений же в гласных звуках нельзя даже перечислить. Если взять конечные согласные слога, то в одних диалектах существуют *-л*, *-нь*, *-н*, *-п*, *-т*, *-к*, в других сохранились только *-нь* и *-н*; в третьих не различаются четко даже последние два звука. Наконец, есть диалекты, в которых конечное *-н* целиком или частично исчезает, а гласный звук назализуется. Основное различие в системе тонов заключается в том, что в северных говорах северного диалекта отсутствует входящий тон, в говорах же прочих диалектов он существует. Число тонов колеблется обычно от четырех до семи, однако имеются такие диалекты, в которых только три тона, а также такие, в которых их десять и больше. Даже там, где тональная номенклатура совпадает, тональная мелодика тоже часто не совсем одинакова.

Диалектные различия заметны и в словарном составе. Одна и та же вещь сплошь и рядом в разных местностях называется по-разному. Например, для кукурузы существуют названия *юйми*, *банцза*, *баогу*, *баоми* и *чжэньчжуми*, для мыла — *фэйцзао*, *ицза* и *янцзянь*, для спичек — *янхо*, *цзылайхо* и *цюйдэир* и т. д. Еще более заметны расхождения в разных местностях в названиях степеней родства. Одно и то же действие в разных диалектах обозначается разнокоренными словами. Например, в Пекине 'надевать (платье)' — *чуань*, а в Шанхае — *чжао*; в Пекине 'пить чай' — *хэ ча*, в Шанхае — *чи ча*, а в Кантоне — *инь ча*. Такие отличия имеются в основном в бытовой лексике. Если различия в модальных частицах рассматривать как лексические, то в области грамматики расхождения между местными диалектами незначительны.

Хотя расхождения между диалектами китайского языка замечаются главным образом в фонетике (в подавляющем большинстве случаев существуют закономерные соответствия между звуками диалектов) и частично в бытовой лексике (удельный вес этих расхождений в общей массе лексики невелик), однако в совокупности их вполне достаточно, чтобы люди из районов распространения различных диалектов при первой встрече чувствовали в разговоре большие или меньшие трудности, чтобы взаимопонимание между ними устанавливалось только после некоторого приспособления к речи друг друга.

Если взять литературный язык, его нормы тоже недостаточно ясны и точны, особенно в области словарного состава. Наиболее отчетливо это сказывается в обилии синонимов: 'известь' — *янхуй* и *шуйни*; 'термос' — *нуаньху* и *жэшуйпин*, 'аудитория' — *цзяоши* и *кэтан*; 'столовая' — *шитан*, *фаньтан* и *фаньтин*; 'театр' — *сюань* и *цзюйчан*; 'музей' — *бо'угуань* и *бо'уюань*; 'стенгазета' — *цяньбао* и *бибао*; 'вторник' — *син-циэр* и *либайэр*; 'русский язык' — *эюй* и *эвань*; 'лексика' — *цыхуй* и *юйхуй*; 'исторический материализм' — *вэйучжэси* и *вэйулунь*; 'меченые атомы' — *шицзун юаньцзы*, *таньсо юаньцзы* и *бяоцзи юаньцзы*. Все подобные примеры просто невозможно перечислить.

Мы знаем, что богатство языка средствами выражения одного и того же значения свидетельствует о высоком его развитии. Однако при этом имеются в виду только синонимы, имеющие различные смысловые или стилистические оттенки. Вышеприведенное положение никак нельзя распространять на слова, которые не имеют ни малейших различий, дубли-

руг друг друга, загромождают словарь и затрудняют обучение. Многие из этих пар ненужных синонимов представляют собой кальки иностранных слов, созданные в разных случаях разными переводчиками. Это — кальки, подлежащие унификации, но до сих пор еще не унифицированные. Наряду с ними встречаются некоторые слова из старого литературного языка вэньянь, синонимы которых существуют в современном китайском языке, но которые иногда тем не менее употребляются.

Другой проблемой в области словарного состава является крайняя неустойчивость в употреблении многих слов, имеющих более или менее абстрактное значение. Например, в каких случаях можно пользоваться такими словами, как 'решать', 'преодолеть', 'овладеть', 'в основном' и т. д. и в каких нельзя — здесь единого мнения часто не существует. Проблемами являются также произвольное словотворчество и злоупотребление аббревиатурами.

В области грамматики положение менее серьезно, однако и здесь есть свои затруднения. Например, нужно ли дифференцировать орфографию *ды* в различных случаях его употребления? Если нужно, то следует ли вводить два или три орфографических варианта? Сейчас большей частью различают только *的* (в функции форманта определения) и *地* (как формант наречия). Однако некоторые считают, что много важнее дифференцировать *底* и *的* (после существительного и после прилагательного или глагола).

Другим вопросом является выбор и разделение функций между словами *和, 同, 跟, 與* и *及*, употребляющимися и как союзы, и как предлоги. Сколько их нужно в языке? Как дифференцировать их употребление? Все это — вопросы, требующие решения, но до сих пор еще не решенные.

Сопшемся еще на пример из другой области — на употребление союза *除非*. Раньше его употребляли только с положительной формой сказуемого, например: *除非大家同意才能做出决定* 'решение можно будет вынести только с общего согласия'. Теперь, однако, его употребляют и с отрицательной формой: *除非大家同意不能做出决定* 'без всеобщего согласия нельзя будет вынести решение'. Значение оказывается одним и тем же, в то время как грамматически эти формы противостоят одна другой, и в нормативной грамматике, пожалуй, придется оставить только одну из них.

Что касается фонетики, то в настоящее время правительство уже вынесло решение о принятии в качестве стандарта пекинской произносительной нормы. Это совершенно правильное решение, соответствующее историческому развитию нашего языка и не противоречащее принципу нормализации. Однако и в самом пекинском говоре еще имеются расхождения в произношении тех или иных морфем. Например, слово 'снабжать' читают то *гунцзи*, то *гунгэй*, слово 'назревать' — то *юньнян*, то *вэньжан*, слово 'опасность' — *вэйсянь* с тонировкой первого слога то первым, то вторым пекинским тоном, слово 'агрессия' — *цинъюе* с тонировкой первого слога то первым, то третьим тоном. Таких примеров существует множество. Бывает, что в словарях приводится только одно произношение слова, а многие произносят его не так; иногда составители словаря предпочитают дать на всякий случай два произношения, однако это еще больше ставит читателя в тупик.

Если говорить только о правописании, то тут есть две проблемы: одна — о разнописях и произвольном иероглифотворчестве, другая — о знаках препинания. Эти вопросы кажутся с точки зрения нормализации языка вопросами второстепенными, однако в редакционных отделах и

корректорских наших издательств эти вопросы оказываются чрезвычайно серьезными; они поглощают огромное количество человеческого труда, а читатель все равно остается недовольным.

Из вышеизложенного краткого обзора явствует, что в области норм современного китайского литературного языка есть немало больших и малых вопросов.

Число говорящих на китайском языке очень велико, район его распространения чрезвычайно обширен. Поэтому диалектная раздробленность языка легко объяснима. Поскольку байхуа зародился и развивался в условиях безраздельного господства вэньяня и, расширив рамки своего употребления, всего за какие-нибудь несколько десятилетий стал литературным языком в полном смысле этого слова, нет ничего удивительного в том, что нормы его недостаточно отточены и отшлифованы. Однако, как мы уже говорили выше, наличие диалектной раздробленности и неотшлифованность норм литературного языка мешают развитию нашей культуры и нашего социалистического строительства, а потому подлежат изменению. Оба эти факта представляют собой две стороны одного и того же вопроса. Общий язык и нормализованный язык неразделимы, без определенных норм язык не может быть общим.

До освобождения, в период господства реакции, на этот вопрос не обращали никакого внимания, каждый говорил и писал, как ему заблагорассудится. Ученые-лингвисты, создавшие немало работ о языке и письменности, также почти не касались этого вопроса. Институт истории и языка старой китайской Академии наук не вел в этой области никакой исследовательской работы, в программах филологических факультетов наших вузов этот вопрос тоже не затрагивался. Каждый ученый-лингвист включался в «движение за общегосударственный язык», однако он не вел сколько-нибудь эффективной научно-исследовательской работы по многообразным вопросам, касавшимся общенационального языка.

Коммунистическая партия Китая и его народное правительство обращают на этот вопрос серьезное внимание. 6 июня 1951 г. передовая статья газеты «Жэньминьжибао» призвала «правильно пользоваться родным языком, бороться за чистый и здоровый язык». За прошедшие несколько лет писатели, ученые-лингвисты, работники прессы и печати приложили немалые усилия, и положение несколько улучшилось. Однако, вообще говоря, улучшений этих немного, и в языке печати и документов все еще часто попадаются неправильности.

По мере развития экономики и путей сообщения сфера применения путунхуа постепенно расширяется. Однако в средних и малых городах, в районах распространения диалектов, в необъятной нашей деревне этот язык не имеет еще влияния. В районах распространения диалектов пьесы на путунхуа не привлекают зрителей, отдельные киностудии выпускают фильмы, озвученные на диалектах, радиостанции, кроме передач на путунхуа, ведут передачи на диалектах, даже преподавание в большинстве школ еще ведется на диалектах. Такова одна сторона дела. С другой стороны, массы все чаще требуют единого нормализованного общенационального языка. В некоторых местностях районные работники добиваются того, чтобы собрания велись на путунхуа, ибо многие термины в местных диалектах отсутствуют. В некоторых местах учащиеся, занимаясь театральной и прочей самодеятельностью, требуют, чтобы преподаватели учили их этому языку, так как они без него не могут обойтись. Некоторые выпускники педагогических институтов, направляемые на преподавательскую работу за пределы своей местности, жалеют, что не занимались должным образом путунхуа во время своего пребывания в школе. Бойцы воинских частей и работники госучреждений по собственной инициативе

занимаются грамматикой и ведут постоянные споры на тему, правильно ли то или другое предложение. Очень многие уделяют большое внимание тщательному отбору слов и выражений в своих сочинениях. Все это показывает, что назрел момент для изменения положения, о котором мы говорили выше, назрел момент для дальнейшей нормализации национального языка, для его распространения среди широких масс.

II

Необходимо обсудить некоторые принципиальные вопросы нормализации языка.

Первый вопрос: как складывается национальный язык? Каково взаимоотношение национального языка и диалектов? Ответить на этот вопрос крайне важно для определения направления нормализации языка.

Формирование национального языка — процесс весьма сложный и не только потому, что он может проходить в весьма различных формах, но и потому, что первоначальная «языковая жизнь» народа может быть весьма различной. Здесь мы можем сказать об этом вопросе лишь в самых общих чертах. Во-первых, процесс формирования национального языка зависит не только от политических и экономических условий, но еще и от предшествующего состояния его развития, например, от количества диалектов и степени их расхождения, от соотношения сил этих диалектов и т. д., особенно же от того, имел ли язык до того свою письменность или был бесписьменным, и если имел, то каков был характер письменного языка, насколько долгой была его история, каковы были сфера его употребления и связь с живой речью народа и т. п. Если в качестве письменного использовался язык другого народа, то в период формирования национального языка он должен быть отброшен и заменен письменным языком данного народа. Если первоначальный письменный язык сложился на основе одного диалекта, он постепенно укрепляет свои позиции и оказывает заметное влияние на развитие всего языка, включая и диалекты. Во-вторых, в период формирования национального языка, помимо развития письменного языка, постепенно складывается и единый разговорный язык. И тот и другой в своем развитии взаимодействуют, сливаясь друг с другом. Первоначальный письменный язык постепенно изменяется, принимая форму высокоразвитого, литературно обработанного общенационального языка, становится литературным языком. Национальный же язык через свою литературную норму распространяется, еще более ослабляя диалекты. В-третьих, важнейший признак национального языка заключается в его нормативности. Его нормы, охватывая грамматический строй, лексику и орфографию, закрепляются в литературном языке. Только в конечный период формирования национального языка эти нормы устанавливаются и в литературном произношении.

Национальный язык развивается на основе одного диалекта. Этот диалект-основа, как правило, является диалектом района, занимающего важное положение в культуре и политике данного народа, и диалект-основа чаще всего в наибольшей степени воплощает в себе тенденции развития всего языка в целом. Однако при всех условиях национальный язык никогда не берет всего, что есть в диалекте-основе, наиболее специфические особенности диалекта-основы остаются вне рамок национального языка. Вместе с тем национальный язык в процессе своего развития непрерывно питается и за счет прочих диалектов. Постепенно все живое, необходимое для его развития, концентрируется в национальном языке, и все, оставшееся за его рамками, имеет в нем синонимичные средства

выражения. Вклад диалектов в национальный язык постепенно становится все меньшим, сами же диалекты под влиянием национального языка постепенно хиреют и в конце концов совершенно исчезают. Однако это весьма долгий процесс. Формирование национального языка вовсе не предполагает уничтожения диалектов в качестве предварительного условия. Эти два процесса протекают одновременно².

Остановимся теперь вкратце на историческом развитии китайского языка. Китай давно уже имеет свой письменный язык. Этот письменный язык возник, несомненно, на базе устной речи. Более ранние письменные памятники в большей или меньшей степени содержат те или другие особенности, позволяющие установить место и время их написания. Однако после периода Чжаньго (403—221 гг. до н. э.) таких отчетливых расхождений в их языке больше не замечается. Труд Ян Сюна 方言 (Диалекты) говорит нам, что в Ханьскую эпоху существовало множество диалектов, однако существовал и «общий язык». Каковы были взаимоотношения этого «общего языка» с письменным языком того времени — вопрос, подлежащий еще детальному изучению. В феодальном обществе письменный язык был средством общения лишь для небольшого круга людей, получивших образование, и это легко могло привести к его отрыву от устной речи народа. Большую роль играл здесь и специфический характер китайской иероглифической письменности. Об отрыве норм письменного языка от устной речи мы кое-что знаем благодаря таким книгам, как 世說新語 (Изречения современников и новые афоризмы) и некоторым случайно сохранившимся документам. Еще яснее вскрывают это записи речей буддийских монахов Танской эпохи, произведения народной литературы, найденные в пещерах Дуньхуана. Эти произведения представляют первые образцы нового письменного языка, на котором в XII—XIII вв. появятся в довольно большом количестве относительно чистые по языку произведения: юйлу (записи речей буддийских проповедников и неоконфуцианских философов), записки дипломатических послов, помещенные, например, в сборниках: 三朝北盟會編 (Северные союзы трех царствований), 諸宮調 (Мелодии в ладе «Гун»), 話本 (Сборник сказов)³, а также отрывки диалогов, сохранившиеся в тексте ряда записей и заметок.

Назначение произведений, написанных этим письменным языком, показывает, что он был связан с устной речью. Этому новому письменному языку последующие поколения дали название «байхуа», в то время как старый письменный язык был назван «вэньянь». Хотя эти письменные языки и оказывали взаимное влияние друг на друга, однако в основном они развивались разными путями, и у каждого была своя сфера применения. Байхуа и явился источником, откуда произошла письменная форма китайского национального литературного языка. Произведения на байхуа, начиная от сборников сказов, через юаньскую драму, роман 儒林外史 (Неофициальная история конфуцианцев) и до романа 紅樓夢 (Сон в красном тереме) несут на себе печать места своего происхождения, однако, вообще говоря, у них общая диалектная основа — северный диалект. Такова одна сторона дела. Другая сторона за-

² По вопросам формирования национального языка и взаимоотношений национального языка и диалектов см. Р. И. Аванесов. Общепрофессиональный язык и диалекты. М., 1954, а также статьи других советских лингвистов.

³ Датировка дошедшего до нас «Сборника сказов» не установлена: однако ее нельзя устанавливать, опираясь исключительно на данные о дате ее напечатания. Судя по его содержанию, можно думать, что часть сказов была перепечатана с более раннего оригинала.

ключается в том, что эти произведения часто печатались не в районах распространения северного диалекта; да и писали их иногда авторы, жившие не в этих районах. Отсюда можно видеть, что этот язык в известной степени уже имел всенародный характер.

Что касается формирования общего устного языка, то трудно точно определить эпоху, когда оно началось. Во всяком случае, это не могло произойти позже XIV в. Основания для этого дают два разговорника, составленные, предположительно, в начале Минской эпохи для корейцев, изучающих китайский язык. Это 樸通事 (Пу-Тунши) и 老乞大 (Лао-Цида). По содержанию этих книг можно твердо сказать, что они написаны на пекинском разговорном языке, однако автор «Лао-Цида» называет этот язык «языком китайцев», откуда видно, что этот язык уже признавался иностранцами в качестве представителя всего китайского языка. Язык этих двух разговорников ни в грамматике, ни в лексике не отличается сколько-нибудь значительно от языка диалогов юаньской драмы. Это показывает, насколько тесно новый письменный язык того времени слился с живой устной речью в их совместном развитии в сторону общего национального языка. В скором времени этот язык получил название «гуаньхуа». Чжан Вэй (1550?—1625?) в своем произведении 問奇集 (Вэнь-ци-цзи) говорит: «К югу от Янцзы в большинстве оказываются неясными глухие зубные звуки, однако таково же их произношение в центральных районах гуаньхуа; если же взять местные говоры в различных местах, их понимание оказывается еще более затруднительным». Здесь заслуживают внимания два момента: во-первых, гуаньхуа уже распространился на район южнее Янцзы, во-вторых, он отчетливо противопоставлен диалектам, т. е. термин этот употребляется в том же значении, что ныне путунхуа⁴. Факт постепенного проникновения северного диалекта в диалекты юга подтверждается и примерами «книжного чтения» иероглифов в этих диалектах. Эти «книжные чтения» близки к фонетике северного диалекта и в сравнении с «разговорными чтениями» представляют относительно более позднее произношение, т. е. они введены позже. Конечно, распространение гуаньхуа не может не отставать от распространения байхуа. Многие представители районов, где северный диалект не был распространен, выучивались через литературные произведения читать байхуа и даже писать, но говорить на нем не умели (это весьма распространенное явление и сейчас). В начале XVIII в. маньчжурское правительство дало властям провинций Фуцзянь и Гуандун приказ об учреждении там «Школ правильного произношения» для обучения гуаньхуа, однако эта мера не дала заметных результатов⁵. После революции 1911 г. термин «гуаньхуа» вытесняется, заменяясь терминами «путунхуа» и «гоюй».

Длительный процесс формирования общенационального языка ускорился к началу нашего века. Еще до революции 1911 г. многие начинают работать за определение чтения иероглифов при помощи способа «рассеяния звуков» и за сокращенные начертания иероглифов, пытаются в порядке опыта вводить их в жизнь. И то, и другое отражало требования реформы письма, единства устного и письменного языка и единого разговорного языка. После революции 1911 г. правительство своими декретами пыталось провести «объединение языка через объединение чте-

⁴ Морфема *гуань* имеет значение «общий, общественный». Например: в пашках есть термин *гуань-цзы* «общие пашки», а в старых театральных труппах — термин *гуань-чжун-синтоу* «общественный реквизит». Ван Чжао в предисловии к своему 王照官話合聲字母 (Алфавит гуаньхуа) писал: «Я понимаю „гуань“ как общественный. „Гуаньхуа“ — это общераспространенный язык».

⁵ См. 黎錦熙 國語運動史綱 (Ли Цзинь-си. Краткая история движения за общегосударственный язык). Шанхай, 1934, стр. 26.

ния иероглифов». «Движение 4 мая» 1919 г. было направлено против вэньяня за байхуа. Оно впервые поколебало господствующее положение вэньяня. Определенную роль в распространении северного диалекта сыграла также разработка азбуки чжуиньцзыму и латиницы для китайского языка. Однако все эти попытки не пользовались со стороны реакционных властей никакой поддержкой, наоборот, они наталкивались на безразличие, а то и просто подавлялись ими. Хотя в невероятно трудных условиях это движение все-таки получило некоторое развитие, однако его пути были извилисты, а успехи — ограничены. Вплоть до 1949 г., когда рухнула власть реакции, вэньянь все еще играл довольно значительную роль, например, в корреспонденциях и статьях газет, в документации правительственных учреждений, в коммерческой корреспонденции. Однако уже примерно с 1930 г. на территории революционной базы в Цзянси, руководимой Коммунистической партией Китая, в правительственной документации широко употреблялся байхуа, существовали газеты, выходившие целиком на нем. Применение байхуа росло по мере расширения территории освобожденных районов, а в 1949 г. байхуа одержал полную победу, и новый литературный язык полностью занял место старого письменного языка во всех областях.

Еще медленнее развивался общий устный язык. Движение за гоюй (общегосударственный язык) за тридцать лет достигло некоторых успехов, заметных в Цзянсу, Чжэцзяне, Фуцзяни и Гуандуне и особенно среди китайских эмигрантов в странах Южных морей, однако в общегосударственном масштабе эти успехи еще абсолютно недостаточны. Мы должны признать заслуги участников движения за гоюй, и вместе с тем должны обобщить опыт успехов и неудач этого движения.

После освобождения страны требование национального языка стало на повестку дня, и среди лингвистов развернулась дискуссия о стандарте общего языка. Товарищи, стоявшие за принятие пекинского стандарта, говорили: согласно марксистскому учению о языке, формирование общенационального языка происходит на основе определенного диалекта. Среди всех диалектов китайского языка только один пекинский обладает данными, позволяющими ему лечь в основу общенационального языка. Пекин — политический, экономический и культурный центр страны; пекинский говор уже нашел себе довольно широкое применение в таких областях, как, например, радио, кино, театр и т. д. На пекинском говоре написаны превосходные литературные произведения. Кроме того, только конкретный живой язык имеет свои нормы, обладающие внутренним единством. Путунхуа таких норм не имеет. В свою очередь товарищи, стоявшие за путунхуа, как основу национального языка, приводили аргументы: на пекинском говоре умеют говорить немногие, на путунхуа же говорят многие; нужно принять во внимание интересы большинства, не следует заставлять большинство приспосабливаться к меньшинству. К тому же письменная форма литературного языка — байхуа отражает именно путунхуа, и даже среди литературных произведений лишь немногие написаны на чистом пекинском говоре.

С точки зрения исторического развития национального языка такая постановка вопроса является нелепой. Такая постановка вопроса равносильна тому, как если бы мы сказали: у нас сейчас еще нет национального языка, и нам предстоит теперь избрать определенный стандарт, на котором мы и будем строить наш национальный язык. Если бы, поставив вопрос таким образом, мы остановили свой выбор на путунхуа, мы зашли бы в тупик в вопросе о нормах; если бы мы избрали говор Пекина, то оказались бы в трудном положении перед лицом существующего ныне письменного языка. С точки зрения исторического развития вопрос надо ставить

по-другому: у нас уже существует национальный язык, однако он недостаточно нормализован. Если сейчас мы хотим добиться его большей нормализации, нам надо посмотреть, как он развивался до сих пор. При такой постановке вопроса путунхуа и пекинский говор не оказываются противопоставленными один другому; в процессе исторического развития национального языка они уже объединились. При историческом подходе к вопросу оказывается, что диалектная основа литературного языка (байхуа) шире пекинского говора, отчего совершенно невозможно снова втискивать его грамматику и лексику в рамки последнего. Нам нужно добиваться лишь его внутреннего единства, требовать, чтобы здесь не было хаоса. С другой стороны, путунхуа в области фонетики строился на пекинской произносительной норме. Если эта норма не усваивалась в полной мере, — это и называлось «всеобщим» языком, однако сама по себе эта «всеобщность» никакой нормой служить не может. Путунхуа оказывается, таким образом, «общепонятным языком», причем «путун» (всеобщий) в составе этого термина не содержит никакого исключительного значения. Мы должны осудить ошибочные попытки вложить в термин «путунхуа» это неправильное, не свойственное ему значение, и восстановить его понимание как «нормализованного национального языка».

Каковы, однако, взаимоотношения путунхуа и пекинского говора с точки зрения тех конкретных норм, вопрос о которых подлежит решению? Например, какие звуки следует считать специфическими для пекинского говора и не включать в нормы путунхуа? Каковы взаимоотношения путунхуа и пекинского говора в области грамматики и лексики? Входят ли в рамки путунхуа те слова, которые имеют хождение в пекинском говоре, но являются относительно чуждыми для районов распространения других диалектов? Все это следует обсудить.

Второй вопрос — вопрос о соотношении письменного и устного языка, другими словами, вопрос о тех характерных чертах, которые являются общими для письменного и устного языка, или, наоборот, специфическими для одного из них.

В истории китайского языка бывали длительные периоды расхождения устного и письменного языков. Движение за байхуа в литературе исходило из требования о единстве языка и письма, однако в дальнейшем и в самом байхуа проявились тенденции отрыва от устной речи. Выдвинутый двадцать лет тому назад лозунг «дачжуньюй» (язык широких масс) и появившийся в последние годы лозунг «писать разговорным языком» также имели своей целью исправить это ненормальное положение. Однако, если механически принять за правило «писать, как говоришь», это может ограничить литературный язык в его развитии, снизить его качество. Литературный язык имеет свой устный аспект, однако далеко не всякая речь является литературным языком. Литературный устный язык вовсе не является простой репродукцией бытовой речи, а представляет собой форму устной речи, прошедшей литературную обработку. Писать сочинение — это совсем не то, что говорить: собеседник не стоит перед тобой, да и содержание сочинения всегда более сложно, более абстрактно, поэтому приходится требовать большей отшлифованности и тонкости литературного письменного языка, его большей логичности и большей силы убеждения. Главная форма литературного языка есть форма письменная, и письменный язык через посредство печати и литературы играет огромную роль в развитии культуры. Письменная форма литературного языка является ведущей для всего языка в целом (до бытовой речи включительно), направляя его по пути дальнейшего совершенствования.

Взглянем теперь на вопрос еще с одной стороны. Литературный язык в своем развитии непрерывно обогащается, черпая материал со всех сто-

рон. Товарищ Мао Цзэ-дун указывал нам, что следует учиться языку народных масс, а также всему живому, что есть в языке древних; что следует брать из иностранных языков все, что нам нужно⁶. Эти древние или заимствованные извне элементы обычно появляются прежде всего в письменной форме, минуя устную речь. И это обстоятельство легко может завести нас еще на один неправильный путь. Нам необходимо избежать повторения ошибок, совершенных в течение известного периода после «движения 4 мая» 1919 г., когда байхуа был превращен в «новый вэньянь». Еще в 1931 г. тов. Цюй Цю-бо предложил правильный метод решения этого вопроса: современный литературный язык должен быть в основном единым с современной живой речью, из архаизмов лучше всего применять лишь те, для которых нет современных синонимов, из варваризмов — лишь те, которые не нарушают собственных законов китайского языка⁷. Эти принципы неуклонно поддерживаются работниками в области языка, но в практике многочисленных авторов и переводчиков постоянно нарушаются. Особенно это касается переводчиков. В области пользования языком их работа оказывается во много раз более трудной, чем работа авторов, а потому она требует особой бдительности. Одним словом, интересы литературного языка требуют, чтобы он не отрывался от своей начальной основы — от живой речи народа. Вот почему товарищ Мао Цзэ-дун, ставя вопрос об обучении языку, прежде всего требует, чтобы мы учились у народных масс.

Письменная и устная формы языка переплетаются в весьма сложных отношениях, и об этом вопросе необходимо поговорить подробно.

Попутно скажем несколько слов и об устной форме литературного языка. В древнем Китае образованные люди высоко ценили искусство устной речи. Одной из четырех областей, в которых совершенствовались ученики Конфуция, была речь. На тех, кто читал «Цзочжуань», глубокое впечатление производит изящество диалогов, которые ведут послы разных уделов эпохи Чуньцю. Нам не удалось в полной мере сохранить эту прекрасную традицию. Когда человек выходит говорить с трибуны, его речь, казалось бы, мало чем должна отличаться от языка статьи, представляемой в письменном виде. В тех странах, где обращают серьезное внимание на культуру речи, стоит немного отредактировать стенограмму устного выступления, и получается готовая статья. У нас же это возможно лишь как исключение, и эффект такого выступления, конечно, уже не тот. Следует сказать, что это также одна из важных проблем в работе по нормализации языка. Видимо, тут нужно начинать с начальной школы, надо, чтобы уроки родного языка не ограничивались одним чтением.

Третий вопрос — это вопрос о нормализации и индивидуальных стилях. Нужно разъяснить одно недоразумение, связанное с проблемой нормализации. Некоторые полагают, что нормализация будет заключаться в том, что все должно быть закреплено намертво, что для каждого явления будет допускаться только одно название, одну мысль нельзя будет выражать двумя разными способами. Следует сказать, что эти опасения совершенно напрасны. Правда, они не совсем лишены основания, ибо некоторые могут именно так и истолковать нормализацию языка. Однако, если кто-нибудь действительно предложит говорить только *ду шу* 'читать', а не *нянь шу* 'читать'; предложит употреблять только слово *фэйцзехэ* 'туберкулез', не применяя слов *лаобин* 'чахотка' и *фэйбин* 'болезнь легких', то это будет попыткой заставить людей сделать невозможное и наверняка не пройдет на практике. Нормализация, как нам представляется, отмечает лишь то,

⁶ См. Мао Цзэ-дун. Избр. произв., т. 4. М., стр. 103.

⁷ См. 瞿秋白文集 (Цюй Цю-бо. Сочинения), т. II, стр. 647—649.

что в языке бесполезно, все же языковые формы, которые чем-то отличаются одна от другой, безразлично в лексическом или в грамматическом отношении, по основным значениям или по стилистическим оттенкам, должны быть сохранены. Нормализация языка отнюдь не противоречит многообразию литературных стилей, не исключает индивидуальных стилей. Литературный язык — это одно сложное целое. В нем есть основной массив: те его элементы — слова и грамматические конструкции, которые могут быть использованы при любых обстоятельствах. Кроме этого основного массива имеется ряд элементов с ограниченным употреблением: архаизмы, варваризмы, просторечия, диалектизмы, специальные термины, элементы, присущие диалогам, публицистике, официальному и переводному стилям и т. п. Эти элементы в определенных случаях допустимы и даже необходимы. Они делают литературный язык богатым и красочным и позволяют ему лучше обслуживать людей. С другой стороны, языком пользуются люди, а человек — не машина. Если заставить двух человек устно или письменно передать одно и то же содержание, слова и предложения у них не совпадут полностью, оттенки никогда не будут совсем одинаковы. А это значит, что хотя литературный язык и имеет определенные нормы, определенные стандарты, это — обширная область, позволяющая каждому развивать свою индивидуальность. Поэты и писатели, великие мастера слова требуют большей свободы, и мы с радостью предоставляем им эту свободу, ибо их творчество может раздвинуть границы нашего литературного языка. Конечно, мы не можем не видеть разницы между обычным и специфическим, не можем лишать силы то или иное общепринятое правило на основании своеобразного употребления его в языке отдельного поэта или писателя.

Литературные произведения играют огромную роль в развитии литературного языка. Писатель отбирает в языке народа самые жизненные, самые типические языковые средства и использует их в своих произведениях, а затем эти языковые средства становятся «образцом», частью традиций литературного языка, то есть частью национальной культуры. Поэтому писатель должен пользоваться языком особенно осмотрительно. Тут очень строг был Горький. Он осуждал некоторых писателей за то, что они засоряют литературный язык, как им заблагорассудится, призывал их следовать примеру русских классиков. «Начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот великий и прекрасный язык, служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого»⁸.

Горький выступал против злоупотребления диалектизмами, он считал, что диалектизмы чаще засоряют язык, чем обогащают его. В последние годы этот вопрос был и у нас предметом оживленных дискуссий. Доводы в пользу применения диалектизмов таковы: поскольку действие происходит в определенной местности, писатель может создать ощущение реальности происходящего только в том случае, если он будет писать так, как говорят в данной местности. Этот довод несостоятелен. Литературное произведение не есть рабское копирование действительности. Если в литературном произведении допустимо подвергать обработке те или иные детали событий, почему нельзя обрабатывать язык? Если содержание произведения носит всеобщий характер, язык, передающий это содержание, также должен носить всеобщий характер. Сейчас широкие читательские массы очень недовольны тем, что в некоторых произведениях налицо явное злоупотребление диалектизмами, и в интересах здорового развития литературного языка, для нашего общего блага к их возражениям следует при-

⁸ А. М. Горький: О литературе: М., 1955, стр. 668.

слушаться. Конечно, иногда бывает необходимо передать местный колорит, в этом случае не обойтись без нескольких местных словечек. Примеры этого можно найти в произведениях Тургенева, Толстого и даже самого Горького. Вопрос только в том, что надо научиться правильно ими пользоваться, и это обязательно учтет всякий подготовленный писатель.

Четвертый вопрос — это вопрос о нормализации и развитии языка, то есть вопрос о том, как относиться к борьбе между традиционной нормой и вновь появляющимися изменениями. В языке постоянно возникают такие явления, как фонетические изменения слов (например 'вскрывать' — *пулу* → *баолу*), расширение или сужение значения слова (например, *ай-жэнь* 'возлюбленный -ая', → 'супруг -а'), вытеснение старой грамматической конструкции новой (например, 'невозможно выполнить' *вань бу чэн* → *ваньчэнбуляо*). В прошлом в Китае существовало преклонение перед традицией, высоко ценили такие произведения, в которых «не было ни одного слова, не имеющего своей истории». Это, конечно, неправильно. Сейчас наблюдается обратная тенденция — приветствуют без разбора чуть ли не все новое, легко дают ему право гражданства в литературном языке, а на критику всегда готов один ответ: «нужно подходить с точки зрения развития». Подходить с точки зрения развития действительно необходимо, однако при этом надо учитывать направление развития китайского языка в целом, нельзя рассматривать эволюцию каждого отдельного явления изолированно. Например, раньше обычно говорили *ни нэн лай бу нэн!* 'ты сможешь придти?'. Сейчас же чаще говорят *ни нэн бу нэн лай?* (значение то же). Такое развитие представляет положительное явление, так как в современном китайском языке члены предложения обычно более развернуты, чем прежде, и удобнее *бу нэн* вынести вперед: предложение *ни нэн машан цзю цюй бу нэн?* 'можешь ли ты пойти немедленно?' звучит явно хуже, чем *ни нэн бу нэн машан цзю цюй?* (значение то же). Однако в последние годы появилось еще одно новшество: вместо *нинэнгоу бу нэнгоу?* 'ты можешь или нет?', говорят: *ни нэн бу нэнгоу?* (значение то же). (Ср. *сюй бу сюйяо?* — 'нужно ли?'; *ин бу ингай?* 'следует ли?'). А над этим уже стоит призадуматься. Такие построения отражают глубоко укоренившуюся в разговорном языке тенденцию рассматривать двусложный комплекс как два слова. Однако вместе с тем эти построения противоречат тенденции современного литературного языка к массовому созданию двусложных слов. Следует ли тогда поощрять их применение? Словом, решая вопрос о необходимости или ненужности того или иного языкового средства, мы должны в каждом отдельном случае исходить из внутренних законов развития языка, именно поэтому такое важное значение имеет для нас изучение истории языка.

Последний вопрос — нормализация языка и задачи языковедов.

В конце девятнадцатого века среди буржуазных ученых Европы и Америки имела хождение ошибочная теория, сваливавшая в одну кучу общественные явления и явления биологические. Применяя эту теорию в языкознании, некоторые языковеды стали рассматривать и язык как самостоятельно развивающийся организм, заняли позицию невмешательства: язык-де развивается стихийно; когда в нем появляется тенденция к изменению, никто не может этому помешать, если он такой тенденции не проявляет, никто не может заставить его измениться; расхождения и схождения диалектов, разноречия в нормах — все это плоды стихийного развития языка, людям остается только предоставить все естественному ходу вещей, ибо пытаться как-то вмешиваться в этот процесс совершенно бесполезно. Если верить этой теории, люди, в том числе и языковеды, бессильны как-либо влиять на развитие языка.

Главная ошибка этой теории в том, что она рассматривает язык в отрыве от самих носителей языка, рассматривает развитие языка в отрыве от развития общества. Согласно положениям марксистского языкознания, появление письменности (и литературного языка), изобретение книгопечатания, возникновение национального языка — все это важнейшие события в истории языка. С возникновением литературного языка, национального языка, должны появиться и единые нормы. Само возникновение литературного и национального языков свидетельствует о том, что когда язык в своем развитии достигает определенного этапа, он проявляет тенденцию к нормализации. Столь очевидный факт иногда не могут не признать даже и эти буржуазные языковеды. Однако они твердо решили не обращать на него внимания, не изучать его. Основоположник современного европейского структурализма Ф. де-Соссюр говорит: «Затронутые в этой главе факты имеют столь общее распространение, что их можно было бы считать нормальным фактором в истории языков. Однако в нашем изложении мы отвлечемся от всего, что заслоняет от нас картину естественного географического разнообразия, и сосредоточим все наше внимание на основном феномене вне всякого вмешательства чужого языка или образования языка литературного. Такое схематическое упрощение как будто противоречит реальности; но естественный факт должен быть прежде всего изучен в самом себе»⁹.

Так неужели же литературный язык не представляет собой одного из естественных фактов и не заслуживает изучения? Неужели его можно отбросить по своему усмотрению?

Не таковы взгляды языковедов-марксистов. Язык при определенных условиях проявляет тенденцию к нормализации, точно так же, как при других определенных условиях он проявляет склонность к распадению на диалекты. Все это — факты языкового развития, все это должны изучать языковеды. Изучая законы развития языка, языковеды через познание этих законов могут перейти и к воздействию на развитие языка. Они должны изучать законы языка и на основе этого изучения ускорять нормализацию языка. В передовой первой номере издающегося в СССР журнала «Вопросы языкознания» говорилось: «Определение и кодификация структуры национальных языков, разработка систем письма и орфографии, создание нормативных грамматик и словарей, установление орфографических норм, выяснение связи национально-литературного языка и ее характера с народно-диалектной базой, упорядочение и развитие терминологии, вопросы перевода... — все это область напряженного труда советских языковедов».

И далее: «Перед советскими языковедами стоит задача определения понятия нормы для разных периодов в развитии языка и особенно для нашего времени. Исходя из конкретно-исторического понимания лексических, грамматических, произносительных (в том числе и акцентологических) норм, наши языковеды должны создать для разных национальных языков целую серию справочных пособий-словарей, орфоэпических указателей и т. п., предназначенных для школы и широкого круга читателей. Острая нужда и потребность в справочных пособиях нормативного характера в социалистическом обществе, поднимающем на высоты культурного развития все слои народа, чрезвычайно велики»¹⁰.

Китайские языковеды в прошлом обращали очень мало внимания на этот вопрос. До освобождения, когда китайская наука находилась под влиянием буржуазно-идеалистической идеологии, и особенно реакционной

идеологии прагматизма, распространяемой Ху Ши и его последователями, это было вполне понятно. Ху Ши был против кардинального рассмотрения вопросов и увлекал исследователей на путь научного делячества. Он говорил, что не бывает важных или неважных объектов исследования: «разъяснение древнего значения одного иероглифа и открытие новой звезды одинаково являются крупными заслугами». Его ученик Фу Сы-нянь, хозяйничавший в Институте истории и языка, говорил еще более откровенно. Он называл изучение языковой теории «развитием... общих идей языка». Он говорил: «За последнее столетие регресс латыни и греческого в системе общего образования в Европе прямо пропорционален прогрессу, достигнутому там в науке. Мы надеемся, что так будет и в Китае». Он не мог не признать, что «развитие исторической науки и языкознания», естественно, в некоторой степени влияет и на постановку образования, однако тут же добавлял: «но все это вряд ли можно считать делом государственного значения, оставляющим память на долгие времена. Нужно лишь, чтобы с десятков кабинетных ученых согласились потратить всю свою жизнь на сие неприбыльное дело, и этого будет достаточно, чтобы показать уважение государства и к этим наукам»¹¹. Так издевался этот реакционный ученый-политикан над научным исследованием.

Сейчас, вооруженные марксистско-ленинской теорией, мы, конечно, не можем оставаться безучастными к проблеме нормализации языка и готовы отдать все свои силы для этого великого дела, от которого зависят благополучие нашего народа и развитие национальной культуры. За последние годы многие наши языковеды, участвуя в обсуждении проблемы общего национального языка, проделали известную работу и по некоторым вопросам языковых норм. Однако мы должны быть настороже, чтобы не впасть в другую ошибку. Нормы языка создаются людьми в процессе языковой практики, и расхождения в них не являются случайными. Поэтому и к упорядочению норм нельзя подходить непродуманно. В этом вопросе нужны непредубежденность и осмотрительность, тщательное обследование и терпеливое изучение. И если мы сможем в развитии языка открыть действительно ему присущие законы и указать их людям, те, конечно, с радостью их примут. С одной стороны, мы не можем занимать позицию невмешательства, полагая, что все существующее правильно (или что вообще нельзя говорить о правильности или неправильности), и, описав явления одно за другим, считать, что мы уже выполнили свой долг исследователей. С другой стороны, мы не должны впадать в ошибки субъективистского толка, не должны грубо навязывать языку какие-либо нормы, как говорится, «учреждать правила поведения и создавать ритуальную музыку». Как избежать в конкретной работе и тех и других ошибок — это тоже вопрос, заслуживающий изучения.

Все, о чем мы говорили выше, — серьезные проблемы, связанные с нормализацией языка. Мы высказали по ним и некоторые собственные суждения. Суждения эти, может быть, не совсем правильны и, возможно, не учитывают все стороны рассматриваемых вопросов. Поэтому мы просим товарищей обсудить их.

III

Для того чтобы ускорить нормализацию китайского языка, необходимо провести работу в ряде областей.

Прежде всего это идеологическая работа. Необходимо изменить обычай нашего общества, стремиться к тому, чтобы во всей общественной де-

⁹ Ф. де-Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 178.
¹⁰ «Вопросы языкознания», 1952, № 1, стр. 25—26.

¹¹ 中央研究院歷史語言研究所集刊 («Сборник Института истории и языка Китайской Академии наук»), т. I, ч. I, стр. 8.

тельности применяли путунхуа, надо заставить каждого пишущего следить за тем, чтобы его язык был чистым и здоровым.

Особенно важно достигнуть единого понимания задач среди товарищей, которые служат примером для подражания в области применения языка. Языковые нормы всегда воплощаются в чем-то вещественном. Прежде всего это печатное слово и особенно литературные произведения, через которые главным образом эти нормы и распространяются. В настоящее время переводы иностранной и особенно советской литературы имеют огромное количество читателей и оказывают чрезвычайно широкое влияние в деле распространения языковых норм. Трудно даже учесть, насколько велико влияние, которое оказывают на читателей уважение или неуважение к нормам языка со стороны того или иного писателя или переводчика. Поэтому мы не можем не возлагать на них особенно больших надежд. Такими же пропагандистами языковых норм являются радиодикторы и актеры драматических театров. Каждый день у них сознательно или бессознательно учится бесчисленное количество зрителей и слушателей. И в прошлом у них уже были крупные заслуги в деле распространения путунхуа. В дальнейшем в условиях планомерного внедрения путунхуа в масштабе всей страны они сыграют еще большую роль. Поэтому они, естественно, должны внимательнее следить за тем, чтобы их язык соответствовал нормам.

Далее, необходимо принять и некоторые административные меры. Министерство просвещения недавно выработало проект плана внедрения путунхуа в учебных заведениях всех ступеней и в скором времени он будет принят официально. Мы надеемся, что этот план будет эффективно проводиться в жизнь и обеспечит учащимся возможность получить всестороннюю подготовку в области нормализованного языка. Министерство культуры также может принять некоторые меры для большей нормализации языка радио, сцены и кино. Кроме того, для преподавания путунхуа по радио можно создать специальные радиокурсы. Сейчас на радио и в кино еще пользуются местными диалектами, в переходный период это явление неизбежное. Однако лучше всего его должным образом ограничить, с тем чтобы оно не способствовало укреплению диалектов.

Еще важнее провести ряд научных исследований в различных областях. Это задача наших лингвистов.

В первую очередь это изучение лингвистической теории. Если мы не будем руководствоваться правильной теорией, мы не добьемся успеха в работе. Необходимо упорно изучать марксистское языковедение, научиться применять к исследованию китайского языка его принципы и методы. Особенно глубоко нужно исследовать проблемы формирования национального языка, взаимоотношений национального языка и диалектов, взаимоотношений письменного-литературного языка и языка повседневной речи. Кроме того, необходимо ознакомиться и с тем, какие меры принимали и какой опыт накопили другие государства в области нормализации языка.

Остановимся теперь на конкретных объектах работы.

1. **Словари.** Словари — это важнейшее средство проведения нормализации. Слова — строительный материал языка. Существующая сейчас путаница в языковой практике в наибольшей степени сказывается в употреблении слов. В словарном составе китайского языка за последние десятилетия произошли крупные изменения, но у нас до сих пор нет словаря, который отражал бы подлинную картину словарного состава современного китайского языка. Современный китайский язык давно уже вышел из того состояния, когда, как правило, слово состояло лишь из одной морфемы, фиксируемой одним иероглифом, однако в большинстве

своем мы попрежнему пользуемся «словарем иероглифов», а не «словарем слов». Словари, вышедшие за эти десятилетия, принадлежат к одному из двух типов. Первый — это словари, дающие объяснения отдельных иероглифов. От **新字典** (Синь цзидянь) и **學生字典** (Сюэшэн цзидянь), вышедших сорок лет назад, и до вышедших в последнее время **學文化字典** (Сюэ вэньхуа цзидянь), **新華字典** (Синьхуа цзидянь), **同音字典** (Словарь омонимов), по правде говоря, вышло немало различных словарей. По мере перехода от вэньяня к байхуа содержание этих словарей непрерывно изменялось. Большой прогресс был замечен и в толковании значений иероглифов, где новым явлениям отводилось почетное место. Однако, вообще говоря, крупным недостатком этих словарей является то, что они принимают за единицу иероглиф, а не слово, и поэтому не могут оказать нам помощи в нормализации словарного состава. Вместе с тем размер их недостаточен, толкования значений иероглифов по необходимости даются очень кратко и даже иногда в слишком общих выражениях, они еще не избавились полностью от старой методики, при которой один иероглиф объясняется через другой (в этом отношении «Синьхуа цзидянь» демонстрирует новую тенденцию; хотя в силу ограниченности реальных возможностей этот словарь попрежнему исходит из иероглифов, однако в пояснительных примерах он дает возможность за иероглифом увидеть и слово).

Другой тип словаря — это словарь комплексный. Таковы, например, словари **辭源** (Цыюань), **辭海** (Цыхай) и **國語辭典** (Гоюй цидянь), которые, помимо иероглифов, включают в себя и слова, и идиоматику, и значительное количество материала, носящего энциклопедический характер. «Гоюй цидянь», имеющий дело с современным китайским языком, по своему словнику, конечно, отличается от словарей «Цыюань», и «Цыхай». Однако если удалить из этих словарей материал энциклопедического характера и сравнить только их собственно языковой материал, то в «Гоюй цидянь» он оказывается совершенно недостаточным. Иными словами, «Гоюй цидянь» обслуживает людей, пользующихся современным китайским языком, не так хорошо, как «Цыюань» и «Цыхай» обслуживают тех, кто пользуется вэньянем.

Конечно, составить более или менее удовлетворительный толковый словарь современного китайского языка — работа нелегкая. Для этого следует не только изучить современный научный метод составления словарей, усвоить передовой опыт, нужно еще разрешить и некоторые специфические проблемы, с которыми сталкивается составитель китайского словаря: определить, во-первых, является ли рассматриваемая форма словом или нет (в последнем случае это нечто меньшее, чем слово — словообразовательная морфема, или нечто большее, чем слово — словосочетание); далее — дать к слову грамматические пометы (включая указание на принадлежность к определенной части речи). В условиях, когда исследование грамматического строя китайского языка еще не дало удовлетворительных результатов, все это чрезвычайно трудные задачи. Кроме того, необходимо систематически собирать ту лексику, которая не встречается в текстах, но широко распространена в языке представителей разных профессий (особенно в различных отраслях промышленности). Отбор лексики, решение вопроса о месте идиом в словарной статье, анализ и объяснение значений слов, собирание и отбор иллюстративных примеров — все эти обычные вопросы словарной работы также должны разрешаться на основе правильного учета реального положения, существующего в китайском языке. Работа эта несомненно трудная, однако потребность в ней настолько острая, что мы больше не можем ее откладывать.

Кроме словаря современного китайского языка, обслуживающего

обычных читателей, нам нужен еще большой китайский словарь, охватывающий весь китайский язык, с древности до наших дней. Это словарь, без которого не могут обойтись люди, изучающие историю китайского языка и древние литературные памятники. Но, с другой стороны, приступить к его составлению можно только после того, как эти древние памятники будут в определенной мере исследованы. Несмотря на то, что сейчас еще нет возможности приступить непосредственно к его составлению, мы должны уже теперь вести некоторую подготовительную работу, как, например, изучать употребление лексики в разных контекстах и производить сбор материала.

Помимо толковых словарей, рассчитанных на широкого читателя, нам нужны еще различные большие и малые словари специального назначения. Для внедрения литературного произношения огромную пользу может принести фонетический словарь, в котором имелась бы в виде приложения систематическая сводка основных сведений по фонетике. Небольшой словарь синонимов окажет большую помощь в деле ликвидации нынешней путаницы в употреблении слов. Что касается словарей служебных слов, то в Китае этот род словарей имеет давние традиции. 助字辨略 (Чжу цзы бянь люе), 經傳釋詞 (Цзин чжуань ши цы) и другие словари этого типа сыграли в прошлом определенную роль в деле изучения языка, а это говорит о том, что характер китайского языка обуславливает необходимость в таких словарях. Конечно, мы можем собрать вместе все слова (как служебные, так и знаменательные), значения которых должны быть разграничены, а употребление представляет известные трудности, и составить словарь с объяснением их употребления; значительную пользу принес бы учащимся и небольшой словарь, в котором были бы собраны все наиболее распространенные идиомы.

Нужны нам и специальные терминологические словари как по естественным наукам, так и по техническим, как по философии, так и по социологии. Такого рода словари могут сыграть двойную роль: во-первых, собрать воедино термины, во-вторых, унифицировать их. Терминология по многим отраслям науки и техники никогда не собиралась, и если человек, не владеющий данной специальностью, встречает какое-либо незнакомое слово, он не может нигде найти его объяснение, а это создает большие неудобства. Далее, в наибольшей степени нуждается в строгих единых стандартах именно специальная научная терминология. Однако наука и техника развиваются сейчас семимильными шагами и новые термины появляются в великом множестве. Поэтому в передовых в научном отношении государствах также возникает необходимость в том, чтобы какие-то государственные органы или организации, объединяющие ученых, постоянно вели работу по упорядочению терминологии. Подавляющее большинство современных научных терминов в нашей стране вошло в язык через переводы, поэтому в них особенно велики разнобой и путаница. В свое время у нас существовала комиссия по унификации научной терминологии, которая в некоторых отраслях естественных наук добилась кое-каких успехов. В настоящее время эту работу продолжает редакционно-переводческое бюро Академии наук Китая. Однако в области общественных наук еще нет никаких результатов, а ведь термины, относящиеся к этой сфере, особенно часто встречаются в печатных изданиях, и разнобой в терминологии очень легко может повести к путанице. Стоит только перелистать «Словари новых терминов», вышедшие за последние годы, и мы увидим, что дело обстоит именно так. Выпуск большого количества таких словарей говорит о том, насколько велика потребность в работах этого рода. Однако без поддержки со стороны государства и без сотрудничества ученых эта работа не может дать нужных результатов. Составление словарей по

отдельным специальностям — это главным образом дело самих представителей данной специальности, и языковеды могут здесь помочь своими советами лишь в случае необходимости.

С проблемой отраслевых словарей тесно связана проблема создания двуязычных словарей — например русско-китайского, англо-китайского и т. п. Люди, которые сейчас занимаются переводом научно-технической литературы, далеко не всегда имеют специальную подготовку в той отрасли, с которой они имеют дело, и часто находятся в зависимости от таких двуязычных словарей. Поэтому при их составлении необходимо обеспечивать тесное сотрудничество специалистов по всем отраслям науки и техники. Однако, как правило, дело здесь обстоит довольно плохо. Двуязычные словари очень сильно влияют и на обычную лексику. Именно в этих словарях нередко можно обнаружить неправомерное словотворчество и многочисленные ошибки в словоупотреблении, которые мы наблюдаем в переводах с иностранных языков. Составление двуязычных иностранно-китайских словарей должно быть поручено специалистам по иностранным языкам, однако и здесь необходимо сотрудничество людей, изучающих китайский язык.

В настоящее время есть еще одна работа, не терпящая отлагательств. Это — составление нормативного словника наиболее употребительных слов. Поскольку для подготовки толкового словаря требуется определенное время, тем более необходимо сначала составить словник. Такой словник будет иметь самое различное применение. Прежде всего он ускорит нормализацию словарного состава, сделает невозможным всеобщее произвольное словотворчество, не позволяя по своему усмотрению соединять корнеслоги в слова (конечно, это вовсе не исключает пользования специальными терминами, не входящими в словник, и не закрывает пути для создания новых слов; однако наличие словника заставит призадуматься каждый раз, когда используется или создается слово, которого нет в словнике). Далее, словник может быть использован для того, чтобы проверить на нем пригодность предлагаемого фонетического письма. Наконец, еще одно применение — в качестве базы для составления китайско-иноязычных словарей. В настоящее время ощущается большая потребность в сопоставлении китайского языка с языками братских национальностей внутри Китая и с иностранными языками. Если мы будем принимать за единицу иероглиф, таких словарей не составишь. Словник этот, естественно, придется все время исправлять и дополнять. Если мы хотим, чтобы он действительно носил характер руководящего документа, необходимо также установить определенный порядок рассмотрения новых слов и включения их в словник.

2. *Грамматические исследования.* За последние годы как в обычных, так и в вечерних учебных заведениях изучение грамматики уже получило довольно широкое распространение. Однако у нас до сих пор нет нормативных пособий по грамматике. Мы часто обнаруживаем в печатных изданиях предложения, в которых есть грамматические погрешности, однако чтобы критиковать их, надо иметь, на что опереться. Несколько грамматик, которыми мы сейчас располагаем, еще не могут удовлетворить потребностей сегодняшнего дня ни по систематичности изложения теории, ни по полноте материала, ни с точки зрения правильности приводимых в них грамматических норм. Из различных областей изучения китайского языка грамматика привлекала к себе внимание наибольшего числа исследователей. Следует признать, что со времени выхода в свет грамматики 馬氏文通 (Ма ши вэньтун) многие ученые внесли в нашу грамматическую науку определенный вклад. Но не следует умалчивать о том, что писали книги многие, серьезных же исследований частных конкретных вопросов было

очень мало. Правда, в таких книгах удавалось иногда удачно объяснить то или иное явление, но стоило к ним подойти, как к инструменту, с помощью которого нужно направлять языковую практику, как все их недостатки сразу же становились очевидными. Необходимо устанавливать подлинную картину любого грамматического явления на основе анализа обширного и тщательно отобранного материала, и только тогда будет надежная база для написания грамматики. На первый взгляд кажется, что такой метод, требующий слишком много времени, не годится для удовлетворения наших насущных потребностей. Однако в конечном счете это все же лучше, чем действовать по старинке.

Здесь мы сталкиваемся еще с одной проблемой — проблемой системы и терминологии. Описывать грамматические факты необходимо в определенной системе (если попытаться просто описывать их один за другим, то не только будет мало толку, но и фактически из этого ничего не выйдет), которая должна соответствовать грамматической системе самого китайского языка. В противном случае наверняка не удастся даже правильно описать грамматические факты. За последние десятилетия прошло много дискуссий по вопросу о системе грамматики китайского языка. Особенно горячие споры велись в последние годы. Это совершенно естественно, ибо все стремятся найти истину, а истина дается нелегко. Следует пожалеть лишь о том, что почти все силы были отданы дискуссиям о системе и по-прежнему мало велось монографических исследований, а без материала, накопленного в результате таких исследований, трудно удовлетворительно разрешить и вопрос о системе. Не следует допускать, чтобы вопрос о системе стал камнем преткновения, мешающим нам двигаться вперед. Нужно в ближайший год-два найти систему, на которой мы временно могли бы согласиться, и, высвободив часть наших сил для проведения монографических исследований, на основе данных этих исследований непрерывно совершенствовать принятую нами систему.

3. *Обследование диалектов.* В прошлом при внедрении гоюй в районы местных диалектов в преподавании целиком придерживались прямого метода. В школах этот метод еще может дать определенные результаты, для широких же слоев населения он очень малоэффективен. Если мы сможем объяснить фонетические соответствия между местными диалектами и путунхуа и составить сопоставительные таблицы наиболее употребительных слов, то не только изучающие язык вне школы получат необходимое им пособие, но это окажет большую помощь и в школьном преподавании. В прошлом при обследовании диалектов обращать также лексику и грамматические явления. Важнейшие диалекты должны быть глубоко и всесторонне исследованы и подробно описаны. Так, например, следует детально обследовать словарный состав пекинского диалекта, важными объектами обследования должны стать и диалекты Шанхая и Кантона.

Диалекты китайского языка распространяются на огромных территориях и представляют чрезвычайно сложную картину. Сплошное и всестороннее их обследование потребует довольно много подготовленных работников, которых у нас пока еще далеко недостаточно. Поэтому сейчас необходимо составить план обследования, рассчитанный на длительный период, и начать с важнейших объектов, готовя в ходе этой работы и необходимые кадры, а затем постепенно приступить к развертыванию сплошного и всестороннего обследования диалектов.

Значение работы по обследованию диалектов отнюдь не ограничивается только тем, что она способствует внедрению путунхуа. Диалекты представляют ценнейший материал для изучения определенной части истории

китайского языка. Этот материал может привлекаться для сопоставления с письменными источниками, но особенно он может помочь там, где письменных источников недостаточно. Изучение истории китайского языка, сочетаемое с обследованием диалектов, позволит нам яснее представить себе детальную картину развития китайского языка, вскрыть многие внутренние его закономерности и, опираясь на них, направлять работу по нормализации современного китайского языка.

4. *Учебные пособия и разработка методики преподавания.* Это важная научная работа, непосредственно связанная с работой по распространению путунхуа. В первую очередь необходимо разработать методику обучения правильному произношению, изучить приемы, которые следует применять, чтобы передать учащимся знания, необходимые для правильного произношения. Одновременно для обучения правильному произношению следует составлять пособия, строящиеся применительно к различным диалектам и говорам. Важной областью является и преподавание лексики. Следует разграничивать лексику путунхуа и пекинские диалектизмы. В прошлом в первом же уроке одного из учебников «*общегосударственного языка*» — гоюй была такая фраза: 太陽北京人管它叫老爺兒 'Солнце пекинцы называют лаоэр'. Такое пособие было насмешкой над «общегосударственным» языком и оно совершенно справедливо было подвергнуто критике.

Преподавание лексики включает и определение различий в значениях слов. Работа эта не обязательно связана с учетом расхождений между диалектами и путунхуа, но это одна из важных проблем в практике преподавания языка. В настоящее время даже выпускники филологических факультетов часто употребляют слова неправильно, а это уж никуда не годится. Для разрешения этой проблемы главным средством будет хороший словарь. Разумеется и в учебных заведениях всех ступеней нужно обращать больше внимания на преподавание лексики, кое-что в этом направлении могут сделать и наши лингвистические журналы (журналы 語文知識 «Языковые знания» и 語文學習 «Языковая учеба» проделали в этой области некоторую работу, но эффект ее еще невелик). Пока не получают широкого распространения необходимые знания в области лексики, трудно будет преодолеть тот хаос, который мы наблюдаем в наших печатных изданиях.

Кроме вышесказанного, есть еще много других исследовательских задач, непосредственно связанных с нормализацией языка, например, изучение языка писателей, языка переводных произведений, изучение особенностей художественного чтения и языка сцены.

Нам предстоит проделать огромную научную работу в самых различных областях. Эта задача не может быть выполнена силами одной-двух организаций. Нужно призвать всех языковедов организованно включиться в эту работу, только тогда мы можем надеяться успешно выполнить свои задачи. Задачи эти не совсем однородны по своему характеру, и конкретная организация работы по их выполнению должна принимать в разных случаях различные формы. Например, для работы над словарями нужно специальное учреждение. Обследование диалектов удобнее вести по отдельным районам, используя в качестве опорных пунктов филологические факультеты университетов и возложив на Академию наук обобщение результатов обследования. Изучение общей теории языкознания, грамматики и истории китайского языка не требуют твердо установленных организационных форм. Однако и здесь необходимо постоянно поддерживать контакт между всеми участниками через печатные издания и путем организации обсуждений, а для изучения отдельных специальных тем и здесь можно создавать исследовательские группы. Работу над пособиями и методикой преподавания наиболее целесообразно воз-

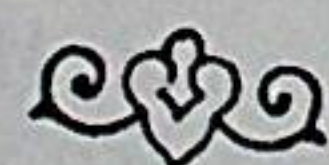
ложить в основном на педагогические институты, однако в случае необходимости можно создавать для этого и специальные исследовательские учреждения как в центре, так и на местах.

Мы должны сотрудничать и с товарищами, которые не являются языковедами. Например, издательства и редакции газет в своей редакторской работе нуждаются в помощи специалистов по языкознанию, и мы должны помогать им. Они заинтересованы в том, чтобы мы готовили для них кадры литературных редакторов, и мы должны готовить эти кадры. Изучение языка писателей требует сотрудничества с писателями и литературными критиками, изучение языка сцены — сотрудничества с актерами и режиссерами. Во всей подобной работе мы должны поддерживать связь с заинтересованными организациями, почаще устраивать обсуждения.

Работа по нормализации китайского языка — одно из важных звеньев социалистического строительства. Это большое событие в нашей культурной жизни. Эта работа будет продолжаться довольно длительный период. Особенно велика в ней ответственность работников языкознания, научных работников и педагогов, работающих в других областях. За последние годы они, каждый на своем посту, много потрудились, но из-за недостаточной плановости и связи не смогли в полной мере использовать все свои возможности. Работа, сделанная за эти годы самим Институтом языкознания Академии наук, далеко недостаточна, особенно слабой была его связь с работниками языкознания, фактически он оторвался от масс.

Мы полны решимости исправить этот неправильный стиль работы, имевший место в прошлом, и надеемся с помощью данной конференции сплотить работников языкознания всей страны для совместной борьбы за наше общее дело. В старом Китае языковедной науке не уделялось достаточно внимания, и сейчас, когда мы столкнулись лицом к лицу с огромными и сложными задачами, мы, конечно, испытываем некоторые трудности из-за отсутствия подготовленных кадров. Однако мы уверены, что благодаря заботе и поддержке со стороны нашей партии и правительства эти трудности будут преодолены и задачи будут успешно выполнены. Мы должны принимать все меры для подготовки новых молодых кадров и в то же время правильно использовать имеющиеся силы. Товарищи должны тщательно обсудить также вопросы о том, как мы должны налаживать сотрудничество, вырабатывать планы и, делая упор на главное, последовательно их осуществлять.

Но вместе с тем в деле дальнейшей нормализации китайского языка найдется работа для всех, кто пользуется китайским языком, в особенности для всех образованных людей, и каждый из них должен внести свою долю. Мы должны превратить нормализацию языка в общественное движение, проводить ее общими усилиями всего народа, только тогда нам удастся выполнить эту задачу в наиболее короткий срок.

К ВОПРОСУ О РОЛИ СУБСТРАТА В РАЗВИТИИ ИНДОАРИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

Индийская группа индоевропейских языков, именуемая обычно индоарийской, представляет ценный материал для изучения роли субстрата в развитии близкородственных языков. Объясняется это тем, что древнеиндийский (ведический) язык, совокупность диалектов которого явилась языком-основой для индоарийских языков, сохраняет с большой морфологической прозрачностью основные черты древнего флективного индоевропейского строя. Это позволяет путем сравнения с другими древними индоевропейскими языками довольно четко выявить в индоарийских языках новые явления и тенденции, ведущие к ним. Новейшие археологические раскопки и исследования по древней истории Индии позволяют воссоздать, хотя и в общих чертах, картину древней Индии и ее населения к моменту вторжения племен, говоривших на диалектах древнеиндийского языка. Это вторжение произошло, как свидетельствуют археологические и исторические данные, в середине II тысячелетия до н. э. Позднейшее развитие индоарийских языков вплоть до наших дней документируется многочисленными памятниками различных эпох, что позволяет проследить постепенную эволюцию строя этих языков, а также их лексики.

Кроме того, в настоящее время индоарийские языки представлены довольно большим количеством близкородственных языков и диалектов, сравнение которых дает возможность выявить внутренние законы их развития. Важной предпосылкой изучения роли субстрата в развитии индоарийских языков является также то, что представители языковых семей, послуживших субстратом для индоарийских языков — дравидийские языки и языки группы мунда, существуют и в наши дни.

К моменту вторжения племен, говоривших на диалектах ведического языка, население Северно-Западной Индии по языку принадлежало, очевидно, к дравидийской группе. Положение это не может считаться строго доказанным до тех пор, пока не будут прочтены надписи, датированные IV—III тысячелетием до н. э., найденные в Мохенджо-Даро и в Хараппе. Однако некоторыми доводами в его пользу мы располагаем и в настоящее время. Во-первых, область распространения одного из дравидийских языков, языка брагуи, лежит на крайнем западе Индийского полуострова, вокруг Калата в Белуджистане. Переселение носителей языка брагуи с юга Индии в эту местность в исторических источниках не засвидетельствовано, и допустить его по целому ряду соображений трудно. Сравнение языка брагуи с другими дравидийскими языками показывает, что язык этот в течение очень длительного времени развивался изолированно.

Таким образом, в языке брагуи можно видеть остаток одного из дравидийских языков, которые были распространены в Северо-Западной Индии до прихода туда племен, говоривших на диалектах ведического языка.

Другим аргументом в пользу выдвинутого предположения служит современное расселение дравидийских народностей на Деккане. Там на протяжении последних двух тысяч лет граничат друг с другом территории распространения языков тамиль и телугу, двух в лингвистическом отношении наиболее отличающихся друг от друга дравидийских языков. Все остальные дравидийские языки Деккана, в том числе и язык гондов, которые ныне живут севернее телугу, занимают в отношении взаимного родства промежуточное положение между этими двумя языками. Отсюда может следовать, что предки телугу жили некогда севернее гондов, возможно в Западной Индии, и были вытеснены оттуда пришельцами.

Еще одним аргументом в пользу того, что Западная Индия была заселена народностями и племенами, говорившими на дравидийских языках, является сходство дравидийских языков с эламским языком. Типологически эта близость не вызывает сомнений. Так, в качестве основного морфологического ресурса эламский язык, как и дравидийские языки, использует суффиксальную агглютинацию. Функции падежных форм имен выполняет сочетание основ этих имен с послелогом — суффиксами, причем как в эламском, так и в дравидийских языках к одной основе может присоединяться несколько послелогов, передающих различные падежные отношения. И в дравидийских языках, и в эламском языке функцию финитных форм глагола часто выполняют отглагольные существительные с местоименными показателями.

Наблюдается сходство между эламским языком и дравидийскими языками и в фонетике. К общим явлениям в этой области относится отсутствие фонематической разницы между глухими и звонкими согласными. Озвончение и оглушение согласных как в дравидийских языках, так и, очевидно, в эламском зависит от положения согласного в слове, т. е. является позиционным. Родство в области формальных показателей и лексики между эламским языком и дравидийскими языками прослеживается с большим трудом. Значительным препятствием для этого является плохая изученность эламского языка. Тем не менее и здесь можно отметить некоторые элементы сходства¹. Так, эламский послелог дательного-местного падежа *ikki*, *ikka* может быть родственен по происхождению дравидийскому послелогу дательного падежа *ki*, *ku*, *ukku*.

Эламское личное местоимение 2-го лица единственного числа *ni* 'ты' может быть сопоставлено с тем же местоимением *nī* 'ты' в дравидийских языках бадага, тода и кота и *nī* в дравидийских языках тамиль, малаялам, каннада, брагуи, корава, кайкади и ирула. Личное местоимение 2-го лица множественного числа имеет в эламском языке форму *nim* 'вы'. Точно такую же форму имеет это местоимение в языке брагуи. В ряде других дравидийских языков местоимению *nim* языка брагуи соответствует форма с гласным *i* вместо *u*. Например: в курух и мальто *nīm*, в языке тамиль *niṅgaḷ* (*gaḷ* в данной форме показатель множественного числа, *n* перешло в *n* под влиянием последующего *g*), в корава *nīga* (*ga* в этой форме является показателем множественного числа). Чередование *i(i)* и *u*, наблюдаемое в этих дравидийских формах, известно и в эламском языке. Так, параллельно с приведенной выше формой личного местоимения 2-го лица единственного числа в эламском языке засвидетельствована форма этого местоимения *ni*

Указательное местоимение, выполняющее функцию личного местоимения 3-го лица, в единственном числе в эламском языке имеет форму (*h*) *e* и *i*; в брагуи — *e*. Во множественном числе в эламском языке это местоимение имеет форму *ar*, а в языке брагуи — *efk* и *ofk*. Генетически эти формы могут быть родственны. Окончание *k* в формах брагуи является, вероятно, остатком какого-то показателя, а *f* и *p* — оба глухие губные согласные.

Таким образом, родство эламского языка, который был распространен на юге современного Ирана, с дравидийскими языками представляется весьма вероятным и, может быть, будет окончательно доказано в недалеком будущем.

Археологический материал также говорит в пользу такого родства. Как было выяснено раскопками А. Стейна², энеолитическая культура Южного Ирана очень близка энеолитической культуре Юго-Западной Индии. Кроме того, возможно, что часть населения Систана еще несколько столетий тому назад говорила на одном из дравидийских языков, родственном языку брагуи, и сравнительно недавно утратила его, усвоив один из диалектов персидского языка³.

Все эти данные свидетельствуют о том, что в эпоху, предшествовавшую вторжению в Индию племен, говоривших на диалектах ведического языка, дравидийские языки были распространены в Западной Индии и, вероятно, за ее пределами, в пограничных областях. Эти языки и послужили наиболее древним субстратом для индоарийских языков.

Не исключено однако, что в Северо-Западной Индии в начале II тысячелетия до н. э. имелись племена и народности, говорившие на языках группы мунда и, может быть, какой-либо другой языковой группы. Тем не менее следует признать, что значительную роль в раннем периоде развития индоарийских языков сыграл именно дравидийский субстрат.

Выяснением отдельных сторон влияния этого субстрата занимался целый ряд исследователей, начиная со второй половины прошлого века. По данному вопросу накопилась уже довольно обширная литература, рассматривать которую мы не имеем возможности в данной статье⁴. Хотя отдельные выводы исследователей, занимавшихся этим вопросом, и подлежат сомнению, все же в настоящее время можно считать окончательно установленным, что дравидийский субстрат оказал влияние на индоарийские языки как в области лексики и фонетики, так и в области морфологии и синтаксиса. Изучение влияния субстрата мунда на индоарийские языки протекало менее интенсивно⁵. Только сравнительно недавно была напечатана большая работа, посвященная влиянию субстрата мунда на лексику индоарийских языков в древности⁶.

Не отрицая важности изучения влияния того или иного субстрата на развитие отдельных сторон лексики, фонетики, морфологии или синтаксиса всех индоарийских языков в целом или же какого-либо отдельного языка этой группы, мы хотели бы в данной статье остановиться на влиянии субстрата на общее развитие индоарийских языков.

² A. Stein. Archeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937; его же. The Indo-Iranian borderlands: their prehistory in the light of geography and of recent explorations. London, 1934; его же. Old routes of Western Iran. London, 1940; R. F. Starr. Indus valley painted pottery. London, 1941.

³ P. M. Sykes. Ten thousand miles in Persia or eight years in Iran. London, 1902, p. 366—367.

⁴ Сводку этих работ до начала XX в. см. G. Grierson. Linguistic survey of India, vol. IV. Calcutta, 1906, p. 296—297.

⁵ См. там же, стр. 25—26, библиография.

⁶ F. B. J. Kuiper. Proto-munda words in Sanskrit. Amsterdam, 1948.

¹ Эламские слова взяты из статьи И. М. Дьяконова «О языках древней передней Азии». «Вопросы языкознания», 1954, № 5, стр. 57—61.

Как известно, современные индоарийские языки по своему строю существенно отличаются от своего предка — древнеиндийского ведического языка. За последние три с половиной тысячи лет они претерпели столь сильные фонетические и морфологические изменения, что удалились в этом отношении от своего предка гораздо более, чем, например, современные языки балтийской группы от реконструируемого общиндоевропейского языка-основы. При этом некоторые индоевропейские языки, как, например, те же языки балтийской группы, использовали в своих новообразованиях ресурсы, типологически тождественные ресурсам индоевропейского языка-основы, и сохранили благодаря этому флективный строй. Индоарийские языки развили новые средства для передачи грамматических отношений, отличные от старых флективных, и почти совершенно утратили старую флексию. Строй подавляющего большинства индоарийских языков является аналитическим, а в некоторых из них развивается агглютинация и намечаются тенденции к созданию новых флективных форм⁷.

Из всего этого следует, что за последние три с половиной тысячи лет весь строй индоарийских языков претерпел большие изменения, чем строй ряда других индоевропейских языков. Такая относительная быстрота изменения строя индоарийских языков как в области фонетики, так и в области морфологии и синтаксиса безусловно должна иметь какие-то причины. Данные индоарийских языков свидетельствуют о том, что одной из причин является влияние субстрата. Для подтверждения этого необходимо обратиться к истории самих языков и их носителей.

Вторжение индоарийских племен в Северо-Западную Индию во II тысячелетии до н. э. привело их в соприкосновение с иноязычным населением этой части Индии. Как отмечалось выше, население это говорило, очевидно, на языках дравидийской группы. После того, как вторгнувшиеся племена заняли Западную Индию, в частности долину реки Инд, начался процесс скрещивания их языков с языками местного населения, культура части которого была для того времени весьма высокой. Из этого скрещивания победителем вышли языки вторгнувшихся племен. Они сохранили преемственность в развитии своего грамматического строя и основной словарный фонд. Побежденные языки вышли из употребления, но из них был заимствован ряд слов. Языки местного населения оказали влияние и на фонетику языков пришельцев. Общеизвестным является тот факт, что церебральные звуки в индоарийских языках развились под влиянием дравидийского субстрата. Имеется еще ряд изменений в фонетике индоарийских языков, которые могут быть объяснены его влиянием, например, озвончение одиночных согласных между гласными в пракритах. Произошли также значительные изменения в морфологии и синтаксисе, например, замена надежных окончаний послелогами. Все эти процессы начали протекать, очевидно, при наличии двуязычия у определенной части населения Западной Индии.

Вскоре после того как племена, говорившие на индоарийских языках, прочно обосновались в долине Инда, часть их приступила к заселению долины Ганга. Условия, при которых происходило заселение этой части Индии, были совершенно иными. Так, в долине Инда и в Пенджабе имелась высокоразвитая городская культура, большинство удобных для земледелия территорий было уже освоено. Существовали ирригационные системы. Остальная же территория из-за отсутствия влаги не могла прокормить сколько-нибудь значительное количество людей. Поэтому

⁷ См. А. П. Баранников. Флексия и анализ в новоиндийских языках. «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, 1949, вып. I, стр. 3—17.

население, которое застали вторгнувшиеся племена в Северо-Западной Индии, могло либо ассимилироваться пришельцами, либо покинуть эту часть Индии. Ассимиляция происходила здесь сравнительно быстро. Ряд данных свидетельствует о том, что уже в конце I тысячелетия до н. э., подавляющая часть населения Западной Индии говорила только на индоарийских языках.

В долине Ганга местное население стояло в то время на гораздо более низком уровне развития. Большую часть территории занимали джунгли, где жили племена, основное занятие которых составляли охота, рыбная ловля и собирательство. Лишь небольшое пространство, главным образом по берегам Ганга и других крупных рек, было заселено племенами, занимавшимися подсечным земледелием и знавшими гончарное ремесло и начатки металлургии. Плотность населения в долине Ганга была гораздо ниже, чем в долине Инда. Поэтому завоевание и заселение этой территории пришельцами протекало не так, как в Западной Индии. Поскольку местные племена были разрознены, сопротивление, оказанное ими, было не значительно. Война шла главным образом из-за освоенных участков земли. Завоевание их приводило к ассимиляции одной части населения, другая часть отеснялась в джунгли и гористые местности.

Языки этих племен, принадлежавшие в большинстве своем к группе мунда, послужили вторым субстратом для части индоарийских языков. Языковое скрещение, которое здесь произошло, было, вероятно, менее интенсивно, чем в Западной Индии, но зато продолжалось значительно дольше. Отесненные в джунгли племена все еще представляли значительную военную силу, и их набеги постоянно угрожали оседлому населению. Освоение новых земель приводило к столкновению с лесными племенами, которые либо отеснялись дальше вглубь джунглей, либо включались в общественную структуру оседлого населения. В последнем случае отдельные племена постепенно утрачивали свой старый язык, воспринимая индоарийскую речь.

Развитие государств в этой части Индии сопровождалось установлением постоянной связи оседлого населения с племенами, остававшимися жить в джунглях. Правители государств стремились использовать их военную силу для охраны границ своего государства и для нападения на соседей. Кроме того, многие лесные племена облагались данью, которая состояла из продуктов охоты и собирательства. Все это способствовало развитию и длительному сохранению двуязычия у части населения долины Ганга.

Таким образом, языки мунда явились вторым субстратом для индоарийских языков Центральной и Восточной Индии. Дравидийский субстрат оказал на них сильное, но сравнительно непродолжительное действие в Западной Индии. Затем менее интенсивное, но гораздо более продолжительное действие оказал на них субстрат мунда. Индоарийские языки племен, перешедших к оседлой жизни в долине Инда, испытали на себе действие только одного субстрата, очевидно дравидийского. Причем двуязычие в этой части Индии существовало гораздо более короткий срок. Впоследствии из языков этих племен образовались языки народностей синдхи и лахнда.

Возможно, что вторжение племен, говоривших на индоарийских языках, было неоднократным. Так, деление индоарийских языков на внешнюю и внутреннюю группу может рассматриваться как результат по меньшей мере двух вторжений, следовавших одно за другим. Первоначально в Индии появились племена, из языков которых развились современные языки внешней группы: лахнда, синдхи, маратхи, ория, бихари, бенгальский и ассамский. Затем последовало вторжение ряда племен, из языков которых развился язык промежуточной группы — восточный

хинди и, наконец, вторглись племена, говорившие на языках, которые легли в основу языков внутренней группы: пахари, панджаби, западного хинди, гуджарати и раджастхани. В этом случае необходимо допустить, что часть территории, занятой племенами, пришедшими во время второго вторжения в Индию, была первоначально заселена племенами, из языков которых образовались языки внешней группы. Если так, то в языках внутренней группы должно быть гораздо меньше явлений, обусловленных влиянием дравидийского субстрата и субстрата мунда. Этого однако не наблюдается. Отсутствуют также и исторические данные в пользу того, что между вторжением в Индию племен, говоривших на языках внешней и внутренней групп, прошел достаточно длительный промежуток времени⁸.

Положение здесь таково, что для изучения влияния субстрата на индоарийские языки более ценный материал дают языки внешней группы. Это, конечно, не значит, что при исследовании данной проблемы могут игнорироваться данные языков внутренней группы.

В ряде явлений все индоарийские языки показывают одинаковое влияние субстрата. В области фонетики в этом отношении показательны упомянутые выше церебральные звуки. Их появление в индоарийских языках все исследователи приписывают влиянию дравидийского субстрата. Следует отметить, что эти звуки существуют и в языках мунда. Поэтому их развитие в индоарийских языках племен долины Ганга могло стимулироваться также влиянием субстрата мунда. Однако в употреблении этих звуков индоарийские языки не обнаруживают принципиальных расхождений, в зависимости от того, принадлежат ли они к внутренней или к внешней группе.

Церебральные звуки употребляются как в словах, происходящих из общеиндоевропейского словарного фонда, так и в словах, этимология которых не ясна и которые могут быть заимствованы из неиндоевропейских языков. К первым относится древнеиндийское числительное *aṣṭau* 'восемь', имеющее правильные соответствия во всех древних индоевропейских языках (ср. авестийское *ašta*, старославянское *осмь*, латинское *octo*, тохарское *Аоканти*, *Вокт* и т. д.). Во всех современных индоарийских языках в этом слове представлен простой или придыхательный церебральный *ṭ*. Наиболее архаичной формой этого числительного является форма *aṭṭha*, засвидетельствованная в диалекте каччи языка синдхи. Она ничем не отличается от среднеиндийской формы, в которой древнеиндийское сочетание согласных *ṣṭ* ассимилировалось в долгий придыхательный церебральный *ṭṭh*. Далее из этой формы путем выпадения конечного согласного развилась форма *aṭṭh*, употребляющаяся почти во всех диалектах языков лахнда, панджаби и западного пахари, а также в диалекте гуджурри языка раджастхани и диалекте бангару западного хинди. Большинство индоарийских языков имеет форму *āṭh*, образовавшуюся из предыдущей путем сокращения конечного согласного и компенсационного продления предыдущего гласного. Эта форма засвидетельствована в маратском языке, во всех диалектах восточного хинди, в большинстве диалектов западного хинди, в диалекте догри языка панджаби, в большинстве диалектов языков гуджарати и раджастхани, в восточном и центральном пахари и диалектах джаунсарри, сирмаури, багхати, шодочи и мандеали западного пахари, а также в ассамском языке и диалекте сирипурия бенгальского языка.

В языке ория та же форма получила дополнительно конечный гласный *a* и имеет вид *āṭha*. Этот конечный гласный не является этимологиче-

ским. Он присоединен после того, как среднеиндийский долгий согласный *ṭṭh* сократился, оказавшись в конце слова. Об этом свидетельствует наличие компенсационного продления предыдущего гласного *a*. Появление конечного гласного *a* в форме *āṭha* языка ория может быть объяснено влиянием дравидийских языков уже в новоиндийскую эпоху⁹. Территория распространения языка ория ныне, как известно, граничит на юге и востоке с территориями распространения дравидийских языков. В дравидийских языках к слову, оканчивающемуся на согласный, присоединяется краткий беглый гласный, который не имеет морфологических функций, а служит лишь вспомогательным ресурсом для произношения конечного согласного.

Наконец, в литературном бенгальском языке и во всех его диалектах, а также в диалекте конкани маратского языка употребляется форма *āṭ*, которая отличается от приведенной выше формы *āṭh* только утратой придыхания конечным согласным.

В диалектах вичоли и лари языка синдхи процесс дальнейшего развития среднеиндийской формы *aṭṭha* пошел иным путем. Конечный гласный здесь не выпал, а сократился в очень краткий гласный звук *ā*. Долгий согласный *ṭṭh* сократился в *ṭh*. Так как он не был в абсолютном исходе, то за его сокращением не последовало компенсационного удлинения предшествующего гласного. Таким образом возникла форма *aṭhā*, засвидетельствованная в этих диалектах.

В словах, этимология которых не ясна и которые, вероятно, частично заимствованы из субстрата, церебральные представлены также почти во всех индоарийских языках. В качестве примера можно привести древнеиндийское слово *ghoṭikā* 'лошадь'. В среднеиндийский период церебральный *ṭ* в этой форме озвончился согласно фонетическим законам этого периода. Почти во всех новоиндийских языках и их диалектах это слово представлено в двух формах: *ghoṭi* и *ghoṛi*. Первая из этих форм употребляется в маратском языке и его диалектах, в диалекте каччи языка синдхи, и в большинстве диалектов языка гуджарати, в языке кхандеши и в диалектах мальви, нимади и лабхани языка раджастхани; вторая — во всех диалектах языка лахнда, в диалектах вичоли и лари языка синдхи, в языке ория, во всех диалектах языка бихари, в ряде диалектов бенгальского языка, а также восточного и западного хинди, в панджабском языке и его диалектах, в диалектах марварри, джайпури и гуджурри языка раджастхани, в восточном и центральном пахари и в большинстве диалектов западного пахари¹⁰. Различие между формами *ghoṭi* и *ghoṛi* вызвано тем, что в ряде новоиндийских языков церебральный *ṭ* в положении между гласными перешел в церебральный *ṛ*. Это является результатом развития языков в последнее время.

Приведенные примеры показывают, что отдельные языковые факты, появившиеся в индоарийских языках под влиянием субстрата, присущи им всем и развиваются в них по внутренним законам развития этих языков.

Однако рассмотрение различных форм числительного 'восемь' в современных индоарийских языках показывает, что среди этих форм имеются сильно отличные от среднеиндийской, а также и очень близкие к ней. Иными словами, фонетический облик у некоторых новоиндийских языков изменился по сравнению с их среднеиндийским состоянием силь-

⁹ J. Bloch. L'indo-aryen du Veda aux temps modernes. Paris, 1934, p. 43.

¹⁰ В остальных диалектах этого языка, а именно в багхати, киунтхали, шодочи и кулун употребляется форма *gohṛi* которая в отношении сохранения церебрального ничем не отличается от форм *ghoṛi*.

⁸ См. R. Hoernle. Grammar of the Gaudian languages with special reference to the Eastern Hindi. London, 1880, p. XXXII.

нее, чем у других. Как правило, фонетика западных индоарийских языков обнаруживает больше архаизмов, чем фонетика восточных.

Особенно показательна в этом отношении сохранность исхода в словах, среднеиндийские формы которых оканчивались в именительном падеже на *a* или *o*, и этим гласным в них предшествовал долгий согласный. Одним из таких слов является рассмотренное выше *attha* 'восемь'. Можно привести еще целый ряд таких слов, например, *satta* 'семь' (из древнеиндийского *sapta*), *hattha* 'рука' (из древнеиндийского *hasta*), *uttha* 'верблюд' (из древнеиндийского *uṣṭra*) и т. д. В словах этого типа органическое сохранение конечного гласного, хотя и в сокращенном виде, отмечается только в языке синдхи и его диалектах. Язык этот относится к западной подгруппе языков внешней группы. Он распространен по нижнему течению Инда на территории, называемой Синд. На этой же территории находятся раскопки Мохенджо-Даро. Как отмечалось выше, на развитие этого языка оказал сильное воздействие, очевидно, только один субстрат.

Во многих других языках и диалектах Западной Индии конечный гласный в словах этого типа выпал, но согласный, предшествовавший ему, сохранил свою долготу. Это языки лахнда и панджаби с их диалектами, ряд диалектов западного пахари и отдельные диалекты раджастан и западного хинди. Они занимают часть территории к западу от 73 меридиана и к северу от 22 параллели. В языках и диалектах, распространенных восточнее и южнее их, долгий согласный сократился и утрата его долготы компенсирована продлением предшествующего гласного. Наконец, на крайнем востоке в бенгальском языке отмечаются многочисленные случаи утраты придыхания конечным согласным.

Эти процессы не могут быть объяснены непосредственным влиянием субстрата языков групп мунда и дравидийской, так как они не наблюдаются в этих языках. Например, как упоминалось выше, в языке ория вторичный конечный гласный появился под влиянием дравидийских языков. Поэтому нет никаких оснований объяснять выпадение конечного гласного в новоиндийских языках влиянием дравидийского субстрата и т. д. Указанные процессы обуславливаются внутренними законами развития индоарийских языков, но протекали эти процессы тем быстрее, чем дольше и интенсивнее каждый из языков подвергался действию субстрата.

Архаизм фонетического облика языков северо-запада Индии не исчерпывается только исходом слова. В начале и середине слова в этих языках сохраняются некоторые сочетания согласных, давно исчезнувшие благодаря ассимиляции в других индоарийских языках. Так, например, числительное 'три' имело в древнеиндийском форму именительного падежа мужского рода множественного числа *trayah*. Из нее развилась форма *trāe*, засвидетельствованная в диалектах мультани, хинди, тхали, дханни и шахпурском диалекте языка лахнда. В других диалектах этого языка ей соответствует форма *trā*, в которой звук *ā* представляет дальнейшее развитие *āe*. В диалекте каччи языка синдхи и диалекте гуджури языка раджастан эта форма имеет вид *tre*. К древнеиндийскому *trayah* восходят также форма *traī* литературного панджаби, его диалектов догри и кангра, а также диалекта чамеали западного пахари и формы *trāe*, *tlā*, *tlāe* и *tlāi*, засвидетельствованные в некоторых диалектах западного пахари.

Для всех этих форм характерно сохранение сочетания согласных *tr* (иногда в виде *tl*) в начале слова. Этого не наблюдается ни в одном индоарийском языке или диалекте Центральной и Восточной Индии, где звук *r* в этом сочетании был ассимилирован предшествующим *t* уже в начале I тысячелетия н. э.

Во всех пракритах древнеиндийская форма *trayah* имеет вид *tao*¹¹. Параллельно с ней в пракритах употребляется форма *tiṇṇi*, восходящая к древнеиндийской форме именительного и винительного падежей множественного числа среднего рода от этого же числительного *trīṇi*, но утратившая категорию рода. В этой пракритской форме также не сохранилось сочетания *tr*. К форме *tiṇṇi* восходит *tīn* 'три', засвидетельствованная почти во всех индоарийских языках и диалектах Центральной и Восточной Индии. Ее фонетические варианты, имеющиеся в этих языках и диалектах, — *tini*, *tīni* и другие — также утратили *r* после начального *t*.

Этот факт свидетельствует о том, что в фонетике языков северо-запада Индии сохраняются до наших дней отдельные архаизмы, утраченные языками Центральной и Восточной Индии еще в среднеиндийский период. Из этого следует, что фонетические изменения протекали в индоарийских языках в Центральной и Восточной Индии последовательнее и быстрее, чем на Северо-Западе уже в начале среднеиндийской эпохи, т. е. во второй половине I тысячелетия до н. э. Такой вывод позволяет сделать также и взаимное сопоставление восточных и западных надписей Ашоки (III в. до н. э.). Тем не менее основные направления, по которым изменялся фонетический строй, являются общими для всех индоарийских языков.

Сохранение большего количества архаизмов в индоарийских языках северо-запада Индии по сравнению с языками Центральной и Восточной Индии не ограничивается только областью фонетики. Аналогичное явление наблюдается и в морфологии. В качестве примера можно привести некоторые формы причастий прошедшего времени.

Исторически эти причастия в индоарийских языках восходят к древнеиндийским причастиям прошедшего времени страдательного залога. Они образовывались в древнеиндийском от большинства глаголов путем присоединения суффикса *ta* или *na* к слабому виду корня, например, *dr̥ś* 'смотреть' — *dr̥ṣṭa*, *lī* 'лечь' — *līna* и т. д. При этом конечный согласный корня и начальный согласный суффикса в этих причастиях часто ассимилировались. Некоторые простые и все производные глаголы принимали между конечным согласным корня и суффиксом *ta* соединительный гласный *i* (*ī*), например, *rakṣ* 'хранить' — *rakṣita* и т. д. Таким образом древнеиндийские причастия подразделялись на ряд фонетико-морфологических типов.

Новоиндийские языки взяли один из этих типов и распространили его на все глаголы, современные корни которых восходят к различным древнеиндийским основам. Так, новоиндийский корень *mār* 'бить', развившийся из древнеиндийской основы каузатива от корня *mṛ* 'умирать', образует в шахпурском диалекте языка лахнда причастие прошедшего времени *māreā*, в языке синдхи *māreo*, в языке панджаби — *māreā*, в западном хинди — *mārā*, в гуджарати и некоторых диалектах языка раджастан — *māryo*, в маратхи — *mārilā*, в диалекте майтхили языка бихари — *māral*, ория — *māri*, бенгали — *māriyā* и т. д. Почти все другие глаголы в каждом из этих языков образуют причастия прошедшего времени по соответствующему типу. Исключение представляют лишь немногие глаголы, которые сохраняют древнеиндийские причастия, изменившие свой внешний облик согласно законам эволюции фонетики индоарийских языков. Так, например, корень глагола 'делать' имеет в современном хинди форму *kar*. По аналогии с приведенным выше причастием *mārā* и другими следовало бы ожидать, что причастие прошедшего

¹¹ R. Pischel. Grammatik der Prakrit-Sprachen. Strassburg, 1900, S. 311—312.

времени этого глагола будет *karā*. Однако такого причастия не существует. Причастие этого глагола имеет форму *kīyā*. Оно восходит к древнеиндийскому причастию прошедшего времени *kṛta* 'сделанный', к которому в среднеиндийскую эпоху был присоединен суффикс *ka*.

Количество таких неправильных причастий в языках Центральной и Восточной Индии очень невелико. В языках Северо-Западной Индии их гораздо больше. Наиболее богаты ими языки синдхи и лахнда. В языках панджаби и гуджарати их меньше, чем в синдхи и лахнда, но больше, чем в индоарийских языках Центральной и Восточной Индии. К числу таких неправильных причастий относятся в частности те, которые восходят к древнеиндийскому причастию *dr̥ṣṭa* 'увиденный'. Это — *dīṭho* в синдхи при корне *dis*, *dīṭhā* в шахпурском диалекте языка лахнда при супплетивной основе *vekh*, *dīṭhā* в панджаби при инфинитиве *dekhnā*, *dīṭho* и *dīṭho* в гуджарати при инфинитиве *dekhaṇ*. Языки Центральной и Восточной Индии имеют правильное причастие этого глагола: хинди — *dekḥā*, бенгали — *dekhiyā* и т. д. Глагол со значением 'спать' имеет в указанных языках также неправильные причастия, представляющие дальнейшее развитие древнеиндийского причастия *supta* 'заснувший'. Это — *suto* в синдхи при основе *sumh*, *suttā* в шахпурском диалекте языка лахнда при основе *sām*, *sutā* в панджаби при инфинитиве *saunā*, *suto* в гуджарати при инфинитиве *suṇ*. В языках Центральной и Восточной Индии причастие это образуется правильно, например, в хинди — *soyā* при инфинитиве *sonā* и т. д. Количество такого рода примеров можно было бы значительно увеличить. Показательным является то, что в языке синдхи таких неправильных причастий несколько десятков¹², а в хинди только пять. Их очень мало и в других языках Центральной и Восточной Индии.

Весьма показательна в этом отношении и система личных местоимений. В древнеиндийском, как и в других древнейших индоевропейских языках, личные местоимения образовывали формы ряда падежей в единственном, двойственном и множественном числе от основ с различными корневыми элементами. Так, например, в первом лице единственного числа именительный падеж образовался от основы *aha*, а ряд косвенных падежей — от основы *ta*. Во втором лице в единственном числе выступал корневой элемент *tu*, *tva*, а во множественном и двойственном — *yu* (*yū* в именительном падеже двойственного числа).

На протяжении всего развития индоарийских языков супплетивность основ у личных местоимений постепенно упрощается. Это, несомненно, одна из закономерностей развития данной категории в индоарийских языках, однако процесс устранения супплетивности основ у личных местоимений протекал в различных индоарийских языках неравномерно. Он завершился полностью в языках восточной подгруппы внешней группы индоарийских языков, но в языке синдхи древнеиндийская супплетивность основ упростилась лишь незначительно. Так, в этом языке в образовании форм личного местоимения 1-го лица участвуют основы с тремя различными корневыми элементами, а в образовании форм личного местоимения 2-го лица — с двумя различными корневыми элементами. Все остальные индоарийские языки занимают в этом отношении промежуточное положение между языком синдхи и языками восточной подгруппы внешней группы.

В этой связи интересно отметить, что язык синдхи сохраняет и по сей

день формы личного местоимения второго лица множественного числа, корневой элемент которых восходит к древнеиндийскому *yu*. Таких форм нет ни в одном другом индоарийском языке, так как большинство индоарийских языков еще в среднеиндийский период заменили корневой элемент *yu* корневым элементом *tu*, употреблявшимся ранее только в единственном числе.

Большую интенсивность сокращения супплетивности основ личных местоимений в восточных индоарийских языках по сравнению с западными нельзя считать непосредственным воздействием субстрата. Тенденция к ее устранению имеется и в других индоевропейских языках. Кроме того, этот процесс имел место в индоарийских языках в доисторическую эпоху. Сравнение с другими индоевропейскими языками показывает, что в индоевропейских языках основа именительного падежа и у личного местоимения второго лица единственного числа была отлична от основы косвенных падежей. Она состояла из согласного *t*, первого ларингального и гласного между ними. Эта основа сохранилась в оскском *tium*, *tiu* 'ты' и хеттском *zek* (*z* здесь палатализованное *t*). Предок индоарийских языков утратил эту основу еще в доведический период.

В отдельных случаях упрощение супплетивности основ у личных местоимений связано с изменением всего строя языка. Так, в новоиндийскую эпоху в большинстве индоарийских языков Центральной и Восточной Индии выходят из употребления древние формы именительного падежа местоимений, корневой элемент которых восходит к древнеиндийскому корневому элементу *aha*. Они заменяются формами, развившимися из древнеиндийских форм косвенных падежей с корневым элементом *ta* или *m*. Объясняется это тем, что при образовании прошедших времен в индоарийских языках используется древнее причастие страдательного залога, требовавшее логический субъект в одном из косвенных падежей. Процесс замены этих форм наблюдается во всех индоарийских языках, однако на Северо-Западе старые формы встречаются значительно чаще.

В новоиндийскую эпоху устранение супплетивности основ у личных местоимений тесно связано также с тенденцией создания почтительных и уничижительных форм личных местоимений. Так, в языках восточной подгруппы внешней группы старые формы единственного числа становятся уничижительными формами личных местоимений, а старые формы множественного числа теряют семантику множественности и превращаются в почтительные формы личного местоимения единственного числа соответствующего лица. Ранее существовавшее между ними взаимоотношение форм единственного и множественного числа нарушается, от вновь образованных почтительных и уничижительных форм личных местоимений начинают образовываться новые формы множественного числа.

Например, в литературном бенгальском языке уничижительное местоимение второго лица *tui* представляет дальнейшее развитие формы единственного числа местоимения второго лица. Его старая форма множественного числа *tumi* превратилась в форму почтительного местоимения второго лица единственного числа. Оба эти местоимения образуют формы множественного числа при помощи суффикса *rā*: *torā* 'вы' (уничижительно) и *tomrā* 'вы' (почтительно). Тенденция к такому переосмыслению старых форм личных местоимений наблюдается во всех индоарийских языках, однако процесс их грамматикализации завершился только в языках Восточной Индии. Это нельзя объяснить непосредственным влиянием субстрата. Рассмотренный процесс является отражением в языке усложнения структуры индийского общества в классовый период его развития. Однако субстрат оказал, вероятно, косвенное содействие грамматикали-

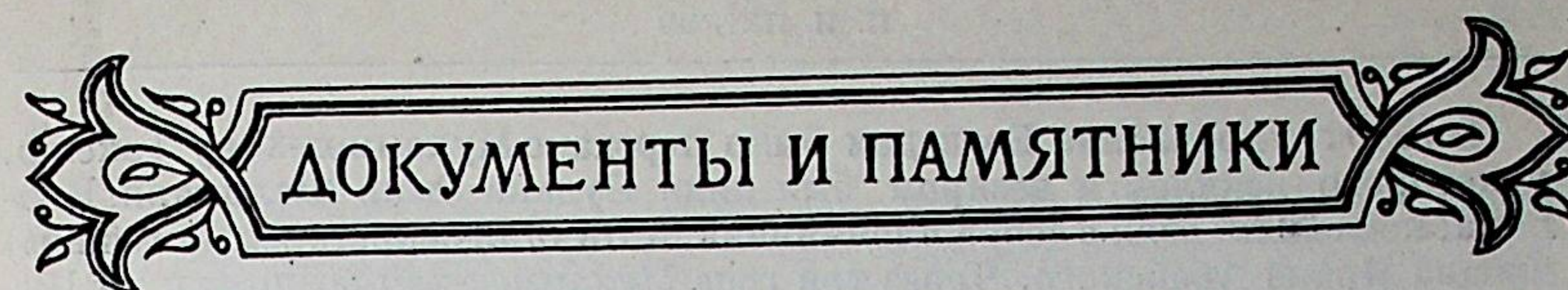
¹² См. E. Trumpp. Grammar of the Sindhi language. London—Leipzig, 1872, p. 272—279.

зации уничижительных и почтительных форм, ослабив устойчивость старой системы личных местоимений.

Большая архаичность западных индоарийских языков по сравнению с восточными прослеживается еще на целом ряде явлений. Так, восточные индоарийские языки совершенно утратили старую грамматическую категорию рода. Языки Западной и Центральной Индии сохраняют или все три древних рода: мужской, женский и средний (языки маратский и гуджарати) или два рода: мужской и женский (языки западный хинди, панджаби, лахнда, синдхи и др.).

Таким образом, сравнение индоарийских языков между собой с учетом истории народов, говорящих на них, показывает, что субстрат оказывал на них двойное действие. Во-первых, он воздействовал на них непосредственно, т. е. он являлся источником лексических заимствований, а в грамматическом строе этих языков возникали различные явления, первоначально свойственные субстрату. Во-вторых, его действие ускоряло эволюцию индоарийских языков по внутренним законам их развития. Чем дольше и интенсивнее воздействовал субстрат, тем быстрее и последовательнее проходили сдвиги в фонетическом и морфологическом строе языка, хотя направление этих сдвигов и не всегда определялось строем языка-субстрата.

В этом, очевидно, и заключается одна из главных причин того, что в индоарийских языках Западной Индии сохранилось гораздо больше архаизмов, чем в языках Восточной Индии, и ряд процессов, завершившихся в языках Восточной Индии, не завершился в них. В этом же следует искать и одну из причин того, что индоарийские языки изменяли свой строй быстрее, чем некоторые другие группы индоевропейских языков, например, балтийская.

ОБ ОДНОМ РЕДКОМ ИСТОЧНИКЕ ПО ИСТОРИИ СЕФЕВИДОВ

П. И. ПЕТРОВ

Сефевидское государство за два с половиной века своего существования имело немало персидских историографов, оставивших обстоятельные труды, на которых, главным образом и основывают свои исследования европейские историки. Наряду с такими первоклассными источниками, как произведения Хондемира, Яхьи Казвини, Хасана Румлу и Искандера-мунши, используются и второстепенные источники, о чем свидетельствуют ссылки и библиографические справки в работах как наших, так и западноевропейских востоковедов. Однако нигде не упоминается Будака Казвини, (بوداق قزوینی) автор рукописи «Перлы известий» (جواهر الاخبار), живший в XVI в. Уникальная рукопись «Перлы известий» хранится в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В Дорновском каталоге рукописей библиотеки, где она значится за № 288, имеется краткое ее описание.

Из каталога мы узнаем, что в «Перлах известий» излагается история династий, правивших в Персии до ислама и после него вплоть до вступления на престол сына Тахмаспа Исмаила II. История доведена до 984 г. хиджры, или 1576—1677 г. н. э. В рукописи 678 страниц. Написана она хорошим, простым языком, но читать ее неопытному человеку трудно, так как по крайней мере половина диакритических знаков отсутствует, чем и остается объяснить упорное игнорирование ее исследователями Ирана.

Прежде чем выяснить, какую ценность имеют «Перлы известий» как исторический источник, обратимся к автобиографии ее автора, о котором не имеется никаких сведений у европейских и восточных библиографов; она изложена на 315 листе рукописи. Написанная правдиво, она интересна еще и потому, что дает картину жизни и карьеры среднего персидского чиновника в XVI в. Приводим ее здесь в сокращенном виде.

Будак говорит, что четырнадцать лет, в начале царствования Тахмаспа, он поступил на службу в шахскую канцелярию и в следующем году стал писцом канцелярии учета и хранения сумм с жалованием в три тумана. Четыре года спустя главноуправляющий финансовым ведомством («мустоуфи уль-мамалек») Ходжа Шах-Хусейн Каши, увидев почерк Будака, приказал, чтобы ведомость состояния писалась им, причем жалованье было назначено уже в пять туманов. На шестой год его службы была учреждена канцелярия докладов, где записывались наличность и расходы по стране. Будак был переведен в эту канцелярию с жалованьем в восемь туманов; начальником канцелярии был его брат Ходжа Изз-уд-дин.

В 1530 г. управление Багдадом было передано Мухаммед-хану Текелю, у которого векилем и везиром был дядя Будака Эмир-Шаликани Казвини; последний взял с собой племянника, и тот стал секретарем («мунши») будивана Ирака Арабского. Через три года Мухаммед-хан возложил на Будака еще войсковое писмоводство и жалование его, составлявшее до того двадцать туманов, достигло тридцати. Служебная карьера Будака была настолько успешна, что, по его же словам, он «шагал к рангу везира».

Весною 1536 г., уже после ухода из Багдада, Мухаммед-хан Текелю, назначенный в Герат, взял с собой и Будака, но войсковое писмоводство отнял от него и дал другому. Правда, хан обещал сделать его в Герате везиром своих личных владений и мунши, но Будака обиделся и в Кермане сбежал от него. Это был первый неверный шаг, за которым последовали и другие, вследствие чего дальнейшая служба его проходила скачками: он то поднимался, то падал и годами не работал. Необходимо отметить, что в жизненных перипетиях Будака спасали от худших бедствий его несомненные способности и близость ко двору, где сам шах время от времени вспоминал о нем.

Сбежав от Мухаммед-хана, будущий историк остался без средств и, находясь в стесненном положении, написал поддельный документ, где назвал себя послом Султан-Мухаммед-мирзы, будущего шаха Мухаммеда Худабенде, и Мухаммед-хана Текелю, и получил сто туманов для мирзы и хана и тридцать для себя. Подлог был обнаружен, и то, что было дано ему лично, не отняли, а полученное для мирзы и хана взяли. В Казвине брат шаха Бахрам-мирза взял его к себе в качестве мунши, и он пробыл в этой должности четырнадцать лет. Дружба с мирзой вызвала зависть везира Ходжи Инаятуллы, и он сказал какую-то ложь о Будаке; шах разгневался и Будака арестовали. В другом месте «Перлов известий»¹ наш автор говорит, что в результате наговоров на Бахрам-мирзу шах приказал арестовать его окружающих, из которых некоторые были даже казнены. Правда, Будака отделили сорока днями ареста и конфискацией «накопленного и унаследованного», но, если верить его клятвам, он не был виноват ни в чем, и все это было сделано Инаятуллой из зависти.

Шесть лет Будака «просидел в углу уединения и неисполнения желаний»; наконец, шах вспомнил о нем и дал ему калантарство в Соуджбулаке и других городах. Через три года Мухаммед-хан вызвал его к себе и прислал деньги на расходы; он выехал с удовольствием, но насильно удержанный в Себзеваре, остался на службе в Хорасане, где и пробыл на разных должностях много лет. По автобиографии невозможно в точности установить время, так как автор слишком округляет и явно преувеличивает сроки. Около 1565 г. он приехал в Казвин с хорошими средствами, но по доносу был оштрафован и шесть лет оставался не у дел. «Опять подул ветерок милости со стороны государя», и Будаку дали должность везира и ревизора в Дамгане, Бастаме, Бияруджменде и Араб-Амери. Некоторое время спустя, он опять был уволен по доносу. После пяти лет вынужденного безделья ему было поручено по приказу шаха написать отчет о поступлениях и расходах по Казвину за десять лет; эту работу он проделал в два года. Автобиография кончается словами: «Теперь я сижу в углу бедствий и недостижения цели без работы и дела, а возраст мой сейчас 68 лет и то, что мною описано, было в 984 году (1576—1577 г. н. э. — П. П.)».

Сведения об авторе имеются и в других местах рукописи.

Приступая к оценке «Перлов известий», заметим, что из 120 страниц, посвященных Сефевидам, одна четвертая часть отведена истории предшественников Исмаила и его самого, а царствованию Тахмаспа и вос-

بود و دلش آدم مقصود که ممدی اوی ناید طهوره و فرخ یک رک رکارت و باطلی
مع منسه شش مون از خون مردگان در آن قایم که کشیدند و فرخ را فرخ نه و فرخ زفت
و بل آن پیر سرش خجابه بجای داشت شعر که ام عیش که آنرا نایب تیره کرد
که ام روز که آنرا ملک بخت رفتند که ام صبح اقبال که در عجب خود نام
ادباری ندارد که ام دل فارغست که از مایب دور خدا را باری نه از کجا خوشی خبره
او خوش که در اوج علاء و ال کوف مبتلا شد و کی باسی علم بر افغان که اسحق ملکوت
شده و انسان سواره خند بر شوخات خود میزدند که بر زمین خود که دزد و است را
بیار که اوی و بنیه سلطنت خوانند بیت مبارک باد بر سلطان عالم سلطان
جهانی که رنای شده بد و تاج جهانی در دار عالم و در اسی دور آن اسماعیل
نایب ملک و پش منت و سده سلمانی چون پادشاه را فرخ شده و آن شد بار او چنانکه می آید
آمد در آن که مرز که میری که وزیر او نایب پادشاه بود که بخند آمد جو صغای طامری داشت
شاه را بد و توجه شد و او را کلید آذربایجان خواند سبب آمدن میرزا که با بتری
آورده اند که وزیر اعظم میرزا که وزیر او نایب پادشاه بود و شری از اثر ارد و لب توان
تقریر کرده بود و وزیر بزرگ ملک محمود دلی مرونی بود و خواست که مرز که داجسه اثر و شافقی
در هم آورد و یکصد تومان و آرداد و در آن نام یکصد تومان کلی بود از اسباب و جهات امر که
خانه توان هم رسید و همه خانه و کمر حرمی کشید و خبر شاه دین نایب پادشاه که نایب بود و پادشاه
و اخبار نگردد و امدار آنجک حرمی کرد و مبالغه در رفش نمود اما که مادر شاه رف و فرخ کرد
و میرزا که او را ساز ساخت و او را و او را در زمان این پادشاه و بعد از او پادشاه علی
فراف و اراک کرده معصود این مقدم است که در آن زمان یکصد تومان کلی بود و او را کلی

دوازده

шествию на престол Исмаила II отведены остальные три четверти. Поэтому в первой четверти рассматриваемого материала Будах Казвини очень ценных сведений не дает, тем более, что деятельность Исмаила описана в таких обстоятельных трудах, как «Лучшая из историй» (حسن التواريخ) Хасана Румлу (حسن روملو) (خواند مير * حبیب السیر) Хондемира, а также в «Сердцевине историй» (یحیی قزوینی * لب التواريخ) Яхьи Казвини, причем все три историка были современниками Исмаила. В некоторых местах Будах просто повторяет сообщение Яхьи Казвини. Тем не менее, будучи близко связан с эмирскими и чиновными кругами, он иногда дает подробности, не встречающиеся в других источниках. Например, причину перехода Мир-Закарии от Эльвенда к Исмаилу он объясняет следующим образом. «Говорят, что великий везир Мир-Закария был везиром падишаха Эльвенда; ему был назначен взнос в 200 туманов. Главным везиром был Махмуд Дейлеми Казвинский; он не хотел, чтобы возникли шум и беспокойство, сделал уменьшение и назначил сто туманов. В то время сто туманов были большой суммой. Из вещей и доходов получилось пятьдесят туманов, и из-за других пятидесяти он терпел бесчестье. Весть о шахе Исмаиле получила распространение; Мир-Закария явился к шаху, дал хорошие сведения, побуждал эмиров к войне и настойчиво говорил о движении, так что шах выступил и одержал победу, а Мир-Закарию сделал везиром. Поэтому и дети его много лет как во время того падишаха, так и после него, при высоком правителе Тахмаспе жили в покое и довольстве.

Этим пояснением я имею в виду показать, что в то время сто туманов были большой суммой и у великих везиров состояние и возможности не достигали ста туманов. В настоящее время по милости этого падишаха Абуль-Музаффар-шаха Тахмаспа, — да продлится его могущество до появления Мехдия! — сто туманов дают сборщик и письмоводитель. Между прочим, автор этой рукописи отдал за два раза пятьсот туманов счастливому правителю и еще двести туманов взяли сборщики налогов. В нынешнее время существует большое число турок и таджиков, мощь которых достигает десяти, двадцати и тридцати тысяч туманов. Имеющий тысячу туманов не пользуется авторитетом; у повара и бакалейщика запасов на двести-триста туманов и это происходит из-за процветания государства и справедливости падишаха. Канцелярские сборы исчезли, и причитающиеся с населения деньги по налогам за десять и двадцать лет остаются у него. Перо «денежных ордеров» [притаилось] подобно змее в щели, которая сразу высовывает голову»².

Как чиновник, Будах не интересуется положением податного населения; он описывает только события государственной важности и всякого рода назначения, перемещения и смещения в окружавшей его среде. Если его сведения, касающиеся чиновников, точны и интересны, то описания крупных политических событий, несмотря на живость изложения, не уходят далеко от официальных версий. Возьмем для примера два события, сыгравших важную роль в жизни только что сложившегося Сефевидского государства, а именно: разгром кизилбашского войска под Бухарой в 1512 г. и Чалдеранский бой 1514 г.

Хондемир дает подробное описание борьбы Исмаила с узбеками; говорит об этом и Хасан Румлу, хотя гораздо короче. Из этих трудов мы знаем, что после разгрома Шейбани Бакур выступил из Кабула и предложил Исмаилу союз с обязательством признать его суверенитет в Мавераннахре; Исмаил согласился и послал вспомогательное войско. Оба

² Л. 284 об.

قدرت وقت یکصد ومان نرسید اکنون صید این پادشاه ابوالمظفر شاه طهماسب
که دولتش به هزار صاحب الامر متصل باشد که یکصد تومان اقباضی و پوسندید
از جمله مولف این نسخه قریب به صد ومان بدو دفعه خواب میباید داده و دوست
توانم یک مصلحت گرفته اند و جمعی کثیر درین زمان شنیده که بی هزار تومان بیت برار و
و ده هزار تومان ارک و تاجیک قدرت این میرسد و هزار ومانی در هر چهار
و آتش بر و قبال را عونت از دویب و سید زیاده است اینها از نوروی یک است
و عهد اب پادشاه و تکالیف دوانی از میان رفته و مال به دست سال زور عیا
باقیت و قلم حواله بخور مار در روزان که یکبار رسد بر می آرد
فتح احمد باچان و حکام بهر ما الی ندیمک س و صیف منزه این حسن شد
چون الوند یک من و او صیف مرا بر این حسنک و الی آدر باچان دیار بکر بود فنا
ایلم کش بدفع او در حرکت آمد و در سال شصت و سیاه یک او سوجه شد و پیریک
رو طو را جرجی کرد و در فساد او طرف الوند یک حسنک اسکر افغانی که ارشجان بود
آمد در کرد و بهم رسد و حسنک تاب صده عاریان تا و در و این و در سرور
بخوان مرد و سر کیم زدک سده شصت و صد که این سینه دل مکر و غارت
کان مکرش از ابر و اسار. حکم در گرفت در اندک زمانی رخای عهد و طیف یک
و سده ی عاری یک که از اعدای اندر به و دند میل آمدند و الوند لکن بیت
جنان محبت که تر از کان جهان نمید. خان برف که باد صبا خان رود و ما عالم شاه
روایه بر شد و می سلطه او را کان شب و زبان محمد ملک الملک که دند که راست
سلطه کا مکار را را و جرسه مان می بر از اشد و صحت سمره زان آینه فتح طو

مع و دهم

войска шли победоносно до Самарканда, откуда узбеки ушли заблаговременно. Вступив в Самарканд, Бабур щедро одарил персидских эмиров и отпустил вспомогательный отряд с подарками Исмаилу; однако отнесся недостаточно внимательно к Мухаммед-Джану, представителю всемогущего и напыщенного «векиля» Наджме-Сани. Этот Мухаммед-Джан доложил находившемуся в то время в Куме шаху Исмаилу, что Бабур якобы имеет враждебные намерения. Тогда шах отправил Наджма с войском в Мавераннахр. Но еще до прибытия его узбеки двинулись на Бухару. Бабур с небольшим войском вступил с ними в бой недалеко от Бухары и потерпел поражение. Тогда он отступил сначала в Самарканд, а затем в Гисар, где и укрепился. Узнав об успехе узбеков, Наджм выступил через Герат в Балх, а оттуда, соединившись с Бабуром, двинулся сначала на Гузар, сдавшийся без сопротивления, а затем на Карши. Жители последнего за оказанное сопротивление были перебиты по приказу Наджма все поголовно, числом около 15 тыс. человек; не было сделано исключения даже для сеидов. Отсюда войско направилось к Бухаре. Седьмого рамазана 918 г. [в ноябре 1512 г. н. э.] около Гыдждувана произошел бой, в котором персидское войско было перебито почти целиком и Наджм, взятый в плен, был убит по приказу узбека Убейдуллы-хана.

Описание этой борьбы за Мавераннахр у Хасана Румлу не расходится с рассказом Хондемира. Из обоих описаний видно, что были две операции: первая — победоносная без Наджма, закончившаяся занятием Самарканда и Бухары; вторая с Наджмом, завершившаяся полным разгромом персидского войска вследствие тупости и упрямства его предводителя. В кратком изложении Будака Казвини обе операции соединены в одну под командованием Наджма, причем Бабур обвиняется в том, что не только не сражался с узбеками, но еще разграбил персидский обоз. Автор, несомненно, находился под впечатлением тех разговоров, которые велись в свое время в Казвине добравшимися кое-как до столицы кизилбашами с целью свалить всю вину на Бабура.

В другом разгроме, происшедшем у Чалдерана в 1514 г. и имевшем более тяжелые последствия, винить союзников не пришлось, ибо их не было. Наш историк говорит, что Исмаил был так увлечен боем, что не знал о том, что делалось справа и слева от него, пока ему не сказали, что никого не осталось и не заставили его повернуть обратно. Он был ранен в глаз и ехал в Дереджезин без остановки. После ухода Селима Исмаил прибыл в Ирак, чтобы собрать войско на случай вторичного прихода Селима. Если бы падишах, говорит хвастливо Будака, думал о завоевании мира, он овладел бы пространством от востока до запада и ни у кого не было бы силы сопротивляться ему.

Описание царствования Тахмаспа начинается перечислением качеств последнего³. Здесь работа Будака-мунши не является исключением из общего правила персидских историков писать характеристику правящего монарха в виде сплошного панегирика. По его словам, вступив на престол 20 раджаба 930 г., т. е. в июне 1524 г., и имея 11 лет 5 месяцев и 24 дня от роду, Тахмасп продолжал с успехом заниматься науками, так что за небольшой промежуток времени усвоил все тонкости шариата и обычного права. Так как он имел большое влечение к каллиграфии и рисованию, были привлечены прекрасные преподаватели, из которых каждый был единственным в своем искусстве, а именно: из каллиграфов — Абди Нишапурский, Шах-Махмуд Нишапурский и Расм-Али Гератский; из живописцев — Бехзад, Мирек Исфаганский, Мир-Мусаввер и Дуст-Диване. У Тахмаспа было большое расположение к этим людям и поэт

³ Л. 295 об. — 297 об.

Бук-уль-ишк по этому поводу сказал двустипшие:

Их было четыре, кто в гору пошел:
Писец, живописец, казвинец, осел.

Почему в это двустипшие включены писец и живописец, понятно; казвинец здесь потому, что Казви-джехан Казвинский стал его управляющим делами («векилем»). Что же касается упоминания осла, то в дни детства Тахмаспа сажал верхом на осла группу детей, катался с ними и играл.

Перейдя к перечислению достоинств Тахмаспа, когда он достиг зрелого возраста, Будака говорит, что вследствие справедливости его у векилей, везиров, мустоуфиев и чиновников не осталось возможности убавить или прибавить хотя бы один карат. Он разделил неделю на части, чтобы каждый день заниматься определенным делом. Садры, судьи и правоведы были все время наготове, чтобы решать дела по шариату. Все издержки по решениям, которые числились в канцеляриях, пожертвовал грамотой об отмене; снял тамгу по областям, что составляет ежегодно около 80 тыс. туманов и то, что причиталось с населения за десять-двадцать лет, оставил у подданных. Короче говоря, ни в какие времена население не пользовалось таким спокойствием и отдыхом и как только какой-нибудь подданный, хотя бы без имени и звания, заявлял во дворец жалобу на правителя, последний после разбора жалобы увольнялся. Он сам исправлял черновики писем, которые посылались государям Турции, Индии и Мавераннахра. Благодаря своей удивительной памяти Тахмасп помнил год за годом зимовки и летовки за пятьдесят четыре года своего царствования; всех вельмож, старшин и знатных лиц он знал по имени и в лицо. У него было три тысячи курчиев и до трех тысяч есаулов, букаулов, должностных лиц и внутренней стражи; обо всех он знал, кто в какое время стал мулязимом, какую храбрость проявил в походах и у какого хана и султана служил прежде.

Прославляя далее Тахмаспа, наш историк так увлекался, что говорил, будто при этом шахе в течение тридцати лет «ни из одной страны и вражеской границы не поднимали головук смуте и волнению». На самом же деле, из дальнейшей хроники Будака видно, что первые семь-восемь лет юному Тахмаспу пришлось быть безмолвным свидетелем борьбы между эмирами текелю и устаджлу, затем начались вторжения турок, перед которыми приходилось отступать, — не говоря уже об узбеках, неоднократно нападавших на Хорасан. Из трех братьев Тахмаспа только Бахрам-мирза вел себя лояльно, а с Элькас-мирзой пришлось даже долго бороться. Наконец, время от времени нужно было подавлять смуту то в Ширване и Гиляне, то в Астрабаде и Герате. Лишь в последние годы жизни Тахмаспа на западной границе наблюдается спокойствие, купленное у турецкого султана Сулеймана путем позорной выдачи царевича Баязида. Что касается более мягкой налоговой политики, отмечаемой не одним Будаком, то она объясняется не столько личными качествами Тахмаспа, сколько тем, что кизилбашское государство к этому времени уже сложилось и территория его определилась. Исмаил смотрел как на родину только на Ардебиль с его «священными» могилами сефевидских предков и прилегающими земельными владениями. Его завоевательные походы сопровождались ограблением жителей, причем население неподчинявшихся городов подвергалось поголовному избиению, чего не сделал в Тавризе даже Селим Грозный после Чалдеранского боя. Только богатой добычей и можно объяснить щедрость Исмаила, о которой говорит его современник Яхья Казвини. Векили, везиры и мустоуфии Тахмаспа понимали, что надо было дать как-то отдохнуть истощенному населению от налогового бремени, чтобы потом снова иметь возможность выкачивать из него необходимые

ресурсы. Отмена некоторых налогов была лишь временной мерой, и наш автор откровенно подчеркивает это, сравнивая финансового чиновника со змеей, притаившейся в щели и сразу высовывающей голову, чтобы напасть на свою жертву. Впрочем, Тахмаспу нельзя отказать в некоторых положительных качествах, приписываемых ему, правда, в увеличенных размерах. Так, он не был жесток, в особенности в отношении своих братьев, не поддавался легко наговорам приближенных и выражал иногда чувство благодарности в реальной форме, как мы это увидим в дальнейшем.

События периода царствования Тахмаспа изложены в строго хронологическом порядке. Если о некоторых событиях повествуется сжато, то те, очевидцем которых был автор, описаны с интересными подробностями, которых нет у других историков.

Сразу после смерти Исмаила началась борьба между эмирами текелю и устаджу. Будах не излагает всех перипетий этой борьбы и лишь время от времени останавливается на некоторых знаменательных этапах. В 937 г. (1531) текелю потерпели решительное поражение и ушли в Багдад, не желая оставаться в окружении шаха. Правителем Багдада в это время был Мухаммед-хан Шараф-эд-дин-оглы, хотя и принадлежавший к племени текелю, но относившийся отрицательно к этой смуте. Наш автор служил тогда в Багдаде в должности войскового письмоводителя. Мухаммед-хан не пустил в город непокорное племя и поручил Будаху пересчитать прибывших; их оказалось 1800 семейств. Мухаммед-хан назначил им продовольствие и фураж, которые Будах еженедельно распределял между ними.

В месяце Зиль-хидже 939 г. (июль 1533 г.) Тахмасп двинулся на выручку своего брата Бахрам-мирзы, осажденного в Герате узбеками. При шестнадцатилетнем Бахрам-мирзе, бывшем официально гератским губернатором, в качестве «лала», т. е. воспитателя, а фактически правителя области, состоял Гази-хан Текелю, который затем сбежал к Сулейману; через пять лет после возвращения в Иран он был убит по приказу Тахмаспа. Об этой осаде, продолжавшейся восемнадцать месяцев, Будах рассказывает со слов Бахрам-мирзы, у которого служил впоследствии. Уже к концу первого года запасы продовольствия в городе иссякли; каково было положение горожан, можно судить по тому, что варили кожу и ели. Даже у самого Бахрам-мирзы никаких запасов не было, и он жил только тем, что ему приносили два его мулязима. Узбеки взяли бы Герат измором, если бы Тахмасп не подоспел во-время⁴.

После освобождения Герата над Ираном нависла угроза с запада: султан Сулейман выступил в свой первый поход на Иран. По словам Будаха, Тахмасп не набрал и пяти тысяч человек, да и те большей частью были изменниками. Так, Мухаммед-султан Зулькадар и Хусейн-султан сын Бурун-султана Текелю бежали к Сулейману и сообщили о численности и состоянии персидского войска. Когда шах пришел в Дереджезин, он потребовал эмиров на совещание. Каждый высказал свое мнение; шах сказал: «Я не поступлю по правилу моего отца. Этот враг чрезвычайно силен; я не встану лицом к лицу против него, но буду действовать так, как действовал Хасан-падишах против султана Абу-Саида, когда он кружился вокруг него и не допускал, чтобы люди того вышли из войска или вошли в него. Я так и поступлю». Тахмасп разделил войско на три-четыре части, которые по очереди выходили для несения сторожевой службы. Начальник одной из этих частей Хусейн-хан сговорился со своими людьми, что когда будет его черед, он для несения сторожевой службы не пойдет. Его курчи Хасан-ага и ишик-агаси Ша'бан-ага Зулькадар

прибыли в ставку и доложили, что Хусейн-хан поклялся с Гази-ханом Текелю, Мухаммед-султаном Зулькадар и Мелик-беком Хойским, что уйдут к туркам. Тахмасп решил с приближенными, что на следующий день, когда Хусейн-хан подойдет с войском, вызвать его к себе. Когда Хусейн-хан вошел в палатку, курчи-баши Севендук-бек ударил его кинжалом, а Элькас-мирза изрубил саблей на части, и голову его выбросили вон. Его войско («кошун») было отдано Бахрам-мирзе, и курчи Хасан-ага, проявивший преданность, был назначен «лала» и векилем Бахрам-мирзы, а должность даруги Исфагана была пожалована Ша'бан-аге Зулькадару. Гази-хан бежал в ту же ночь; Вейс-бек и Джафар-бек, двоюродные братья Мухаммед-хана Текелю, прибывшие в ставку, сговорились с Гази-ханом и ушли к туркам. Серьезных операций в 941 г. (1534—1535) не было и все военные действия свелись к борьбе в Армении с Улама-султаном за город Ван⁵.

Что же касается Сулеймана, то в своем наступательном движении он был задержан сильными морозами и потому направился на зимовку в Багдад. Внутренние неурядицы вынудили Мухаммед-хана оставить город туркам без всякого сопротивления и в то же время с большим трудом вследствие сопротивления племени текелю. Дело в том, что когда были получены сведения о приближении Сулеймана с намерением зазимовать в Багдаде, Мухаммед-хан собрал своих «ага» и сказал о создавшемся положении. Племя текелю, численность которого была около трех тысяч, не согласилось уходить, заявив, что к шаху не пойдет и Багдад султану не сдаст, а будет само оберегать его. На стороне хана была тысяча человек из других аймаков. Вскоре прибыли даруги из Ханекина, Енги-имама и других пограничных мест и сообщили, что султан пришел. Хан опять стал уговаривать текелю, но ничего не добился. Тогда он объявил: кто держит сторону турок, пусть выйдет из города с женами, детьми и имуществом; ушло около семисот семейств. Хан положился на остальных и снова созвал людей, но разговор был тот же, так как текелю не были расположены к шаху. Тогда хан с целью удалить зачинщиков смуты и беспорядков заявил, что раскаивается в своем желании уходить и хочет сдать крепость султану. В качестве посланцев с письмом и ключами крепости были отправлены к Сулейману самые отъявленные главари, после чего хан с боем переправился на правый берег Тигра, т. е. на сторону, противоположную той, откуда подходил султан; оставшееся имущество и снаряжение были отданы на разграбление и припасы крепости сожжены. Как этот уход из Багдада, так и дальнейшее движение на юг с преодолением всяких препятствий подробно описаны Будахом, участвовавшим в этом походе. Только через три месяца Мухаммед-хан прибыл в Рамз (Рам-Хормуз), где люди отдыхали сорок дней после перенесенных тягот и невзгод⁶.

Двенадцать лет спустя, по проискам завистников и врагов, у Мухаммед-хана было отнято управление Гератом. Уже после этого в одном собрании в присутствии Тахмаспа мулязими хана стали спорить и рассказывать о том, что когда хан вышел из Багдада, он не знал о бегстве Гази-хана, который был его шурином, а когда услышал об этом в Дизфуле и Шустере, захотел вернуться, но племя ага-чери помешало. Говорили много; Шустере не обращал внимания и не отвечал, пока шах не сказал: «Дай ответ на эти речи!» Честный и правдивый хан встал с своего места, сел напротив шаха и сказал: «Когда Ибрагим-паша прислал ко мне человека с сообщением: если придешь, я отдам тебе Багдадскую область до Сирии,—

⁵ Л. 308—308 об.

⁶ Л. 309 об.— 311 об.

⁴ Л. 304—304 об.

маспа, ни выдачу турецкого царевича Баязида по требованию султана Сулеймана и его сына Селима, впоследствии султана Селима II. В рассказе об этих событиях Будах держится официальной версии. Если помощь, оказанная Тахмаспом Хумаюну, не принесла пользы кизилбашскому государству, то выдача Баязида Сулейману сыграла немаловажную роль в деле установления мирных отношений между обеими странами, хотя бы на два десятилетия. Еще при Исмаиле Чалдеранский бой показал превосходство турецкой регулярной пехоты, имевшей огнестрельное оружие, над конницей кизилбашских племен и надолго отбил у персов охоту встать лицом к лицу с таким сильным противником, как турки; поэтому, при Тахмаспе борьба с последним, как мы уже видели, приняла оборонительный характер. Сын султана Сулеймана Баязид вступил в борьбу со своим братом Селимом и затем с отцом, принявшим сторону Селима; потерпев в 1557 г. поражение, Баязид укрылся вместе с четырьмя сыновьями в Персии. Шах Тахмасп устроил ему торжественную встречу и клятвенно заверил в том, что не выдаст отцу; когда же последовало грозное требование Сулеймана, персы нашли выход, не нарушая клятвы, удовлетворить Сулеймана: было решено выдать Баязида не отцу, а брату. Так как слишком натянутое оправдание такого вероломства бросалось в глаза, было решено обвинить Баязида в покушении на жизнь Тахмаспа с целью захватить власть в Иране. Длительные переговоры турецких послов с Тахмаспом закончились выдачей Баязида и его четырех сыновей и казнью их в сентябре 1561 г. на персидской же территории специально присланным турецким палачом⁹. Так был куплен мир с Турцией, не нарушавшийся в течение остального царствования Тахмаспа. Официальная версия о нелояльности Баязида не только полностью вошла в «Перлы известий», но и повторяется во всей своей наивной простоте у позднейших персидских историков.

Четыре года спустя, говорит Будах, когда султаном был уже Селим (Селим II вступил на престол в 1566 г. — П. П.), в Иран приехал Мехмед-челеби для утверждения мирного договора; кроме того, Селим был обеспокоен слухом, будто старший сын Баязида Орхан жив. После этого посла приезжал Мехмед-бей Чаушбаши, принятый в Иране с большим почетом. После его отъезда к Селиму был отправлен правитель Азербайджана Шах-кули-султан Устаджлу, человек умный и находчивый. Великий везир Турции сказал как-то ему, что при отпуске Селим требует от него клятву, что Орхан был действительно убит, потому что говорят, будто вместо него убили кого-то другого. Шах-кули-султан не стал отговариваться незнанием и во избежание дурного впечатления тотчас поклялся.

Последнее назначение везиров и мустоуфиев, о котором говорит Будах, состоялось за два года до смерти Тахмаспа. Сеид-Хасан Ферахани вместе с Ходжей Джемаль-эд-дином Али Тебризи были назначены везирами, причем Хорасан, Гилян, Ирак, Фарс и Керман были даны Сеид-Хасану, а Азербайджан, Ширван и Шеки — Джемаль-эд-дину Али. Должность мустоуфия всей страны была дана Мирзе Шукрулле, а управление недоимками поручено Шах-Казию. Жалованье каждому из обоих везиров было назначено в 500 туманов, главному мустоуфию — также в 500 туманов, а управляющему недоимками — 200 туманов. Везиры плохо справлялись со своими обязанностями. Оба стали предметом шуток. Когда Джемаль-эд-дин начинал говорить, шах замечал: «Ходжа бормочет». Через год оба везира были уволены, и жалованье было потребовано обратно. Что

اما چه می مانع شد که مکر کند و خائن شد جواب نمی شد ما نمی که ذات علی فرمودند که
 جواب این سخنان را که بخوان صاف الاعتراف از جای خود برخاست و در مقابل نشست
 و مهارت با کبر گفت که در وقتی که اراستم داشت کس نداشت که اگر با پی نهاد امانت
 شام تو میدهم و سوگند ملاطفت و آند محو زم و آن پوشه عزت اکمل کس اسباب
 و حکایت آورده بود کشم و اما ده حکم روی شام نیامدند در یکی که ساوستان
 که بنده اورا بگذارد و پادشاه را بر سر کوهی بود و می گفت که نشین می نمیت ای بنده اورا
 که میدارم نه فریباس میدهم و نه بروی باز او ملازم ملوک با آن می رانند که دم و نامی از
 روان مال خود اگر داشتم از جمله مال و از دهنه از شر خاضع می بود و حاکم قرار میدادند و می
 خاین و پوخت خود را خارت ادم و پانفسش مرشد و ولی نم که داشتم و اگر
 میگویند که خوار کس عار جان اسباب عار جان و شتاب و سلطان و سلطان
 غرور و خود را حاضر دارم که در بنده آورده اند و باز در قول می شود که شمشیر
 این دو اما که در برابر سینه اند که می محمد ملک است در بنده ملازم من خود در کار می دارم
 و ما حسین و بی بی در راه بعید ملازم شد و بدیش جاعل را داشت که او را به
 آنها از گفته و فرموده اس است که در محل اندکی گفت اگر امانت آنها که میداد
 مرا این خانی و سلطان می باید و من است اس را را این ساک را بر بنده ام گفت و رجا
 شاه عالم پناه نیز حکایت گفت و برخاست و از شرم حلقه های باغ با کروج کوثر اریل
 فرمود که یکصد تومان بخت کرد و باز مرا بستید و از حوالی مراغه رخصت دادند
 آمدن بهرام میرزا بدین کار عالمینا در وقتی که حالت اس کسند اراستم
 هم مثل مکر کند که بارادر زبان دارد و اما نه که در آنکه داشت و کسین زوب و می میداد

касается мустоуфиев, то они были на своем месте, и Мирза Шукрулла с большим авторитетом и достоинством исправлял свою должность, так что никто не мог возражать ему и вес его со дня на день увеличивался¹⁰.

В конце 1575 г. здоровье Тахмаспа расстроилось, и в 1576 г. он умер. Анархия, возникшая после его смерти, описана Будаком ярко, ибо он был очевидцем всех беспорядков.

При восшествии на престол Исмаила II, Будака Казвини, посылая всякие пожелания новому шаху, выражает надежду, что тот окажет милости и утешит всех обиженных, в том числе и его, невинно страдавшего. Но вряд ли наш автор дождался такого же благодетельного ветерка, какой время от времени дул в его направлении со стороны невоинственного, нехраброго, но зато и нежестокое Тахмаспа. Вскоре после окончания рукописи, т. е. в 1578 г., новый шах скончался при загадочных обстоятельствах, не успев убить своего последнего брата Мухаммеда Худабенде.

Заканчивая обзор «Перлов известий», напоминаем, что Будака Казвини не был профессиональным историком. Он излагал события в строго хронологическом порядке, но часто без причинной связи, вследствие чего все изложение имеет отрывочный характер. В описании важных политических событий автор держался официальной версии и часто опускал то, что, по его мнению, хорошо известно современникам. Зато о событиях, очевидцем которых он был, Будака писал живо и с интересными подробностями, которых нет у других авторов. Имея связи в придворных и эмирских кругах, он описывал многое со слов участников и компетентных очевидцев; являясь административным чиновником, Будака Казвини был хорошо знаком с финансовым аппаратом и мимоходом сообщал цифровые данные, характеризующие экономическое положение страны. Поэтому «Перлы известий» представляют собой ценный источник, дополняющий другие современные ему исторические источники XVI в.

ТАКСИЛЬСКАЯ НАДПИСЬ АШОКИ

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

Время правления царя Ашоки — знаменательный период в истории древней Индии. В III в. до н. э. в эпоху Маурьев на огромной территории от Гималаев на севере и до 12° северной широты на юге, от Гиндукуша на западе и до Брахмапутры на востоке впервые в истории Индии возникло единое централизованное государство, достигшее своего наивысшего расцвета в годы правления Ашоки.

К сожалению, за исключением знаменитых надписей Ашоки на скалах, колоннах, пещерах, до нашего времени сохранилось очень мало эпиграфических документов этой эпохи. Поэтому каждая надпись заслуживает самого подробного изучения.

В 1915 г. при раскопках древнеиндийского города Таксилы (санскр. Takṣaśīla) был обнаружен восьмигранный камень из белого мрамора с арамейской надписью. Раскопки в Таксиле пролили новый свет на многие вопросы истории Северо-Западной Индии. Они показали, что на протяжении столетий на территории древней Таксилы существовало не менее двенадцати городов. Камень с надписью был найден в Сиркапе — городе, построенном в начале II в. до н. э. бактрийскими греками.

Рассматриваемая надпись является единственной арамейской надписью, обнаруженной до настоящего времени в Индии¹. Эта находка поставила перед учеными новые вопросы как исторического, так и филологического характера. Первоочередная задача заключалась в правильном прочтении надписи и ее датировке.

Одна из первых работ, посвященных рассматриваемой надписи, принадлежит английскому филологу Л. Д. Барнету. Л. Д. Барнет признал надпись арамейской и отнес ее к IV в. до н. э., исходя из палеографических данных². Собственное имя (в девятой и двенадцатой строках) он читал как Pravira-gāṣa, соответствующее санскритскому Pravira-gāja³. Такое прочтение не решало, однако, вопроса о датировке надписи.

Английский ученый А. Коулей, переводчик многих арамейских документов, в частности Элефантинских папирусов, тоже сделал попытку прочесть надпись⁴. Но и Коулею не удалось найти ключ к ее датировке. Девятую строку он читал: «наш правитель PDIDU(?)» и двенадцатую «к нашему правителю PVIDDŠ(?)»⁵. Коулей датировал надпись лишь

¹ Имеется еще одна арамейская надпись, найденная в Лампаке (около Кабула). Правда, эта территория в III в. до н. э. при маурийском императоре Ашоке входила в состав его государства.

² L. D. Barnett. An Aramaic Inscription from Taxila. «Journal of the Royal Asiatic Society» (в дальнейшем — JRAS), 1915, стр. 340—342.

³ Барнет указывал, что имя Pravira хорошо известно в индийском эпосе.

⁴ A. Cowley. The first Aramaic Inscription from Taxila. JRAS, 1915, стр. 343—346.

⁵ Там же, стр. 343.

на основании формы письма. Сравнивая таксильскую надпись с арамейскими папирусами древнееврейской колонии на Элефантине, Коулей относил ее примерно к середине IV в. до н. э. и считал надпись документом персидской монархии.

Датировка надписи во многом зависела от правильного прочтения содержащихся в ней собственных имен.

В 1928 г. Е. Херцфельд предложил новое чтение таксильской надписи⁶. Он читал в девятой строке — Mṛan Prydr (господин Prydr), а в двенадцатой — Imṛan Prydrsh (к господину Prydrsh). Это дало Е. Херцфельду возможность высказать предположение о том, что слово Prydr, упоминаемое в надписи, может быть отнесено к индийскому царю Ашоке.

После смерти известного немецкого ираниста Ф. Андреаса в его архиве были найдены заметки о таксильской надписи⁷. Впервые обратив внимание на надпись в 1916 г., Ф. Андреас в дальнейшем несколько раз возвращался к ее изучению. К сожалению, Ф. Андреасу не удалось закончить исследования надписи. Независимо от Е. Херцфельда он также прочел в девятой и двенадцатой строках — Prydr[šy]. Приведем перевод надписи⁸ (по Ф. Андреасу)

Первая строка — в память...

Вторая строка — он назначил [послал] Ромедота...

Третья строка — над Нагарудой ...⁹

Четвертая строка — друг города Нагаруды ...¹⁰

Пятая строка — и к его отцу они были...

Шестая строка — этот Ромедот, [обладающий хорошим послушанием...]¹¹

Седьмая строка — эта работа была выполнена благодаря его [Ромедота] усилиям...

Восьмая строка — хороший приказ его господина...¹²

Девятая строка — наш правитель [господин] Приядарши...

Десятая строка — пошли эти...¹³

Одиннадцатая строка — и также его сыновья...

Двенадцатая строка — нашему правителю [господину] Приядарши...

Ф. Андреас считал возможным связать имя Приядарши (Prydršy) с царем Ашокой.

Тем не менее и после работ Е. Херцфельда и Ф. Андреаса вопрос о датировке надписи оставался открытым. Некоторые авторы продолжали на основании палеографических данных и форм письма относить надпись к более раннему периоду; так, Д. Сиркар на основании палеографического анализа надписи считает, что она может быть отнесена ко времени Чандрагупты Маурья¹⁴.

Автор «Истории Индии» индийский ученый А. Н. Шастри пишет, что надпись может быть датирована как временем Ашоки, так и временем

⁶ «Epigraphia Indica», vol. XIX, 1928, p. 251. Цит. по D. Sircar. Select inscriptions bearing on Indian history and civilization, vol. I. Calcutta, 1942, № 44.

⁷ F. C. Andreas. Erklärung der arameischen Inschrift von Taxila. Aus dem Nachlaß hrsg. von Dr. H. A. Winkler. Tübingen. «Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse». Berlin, 1932, S. 6—17.

⁸ Там же.

⁹ Нагаруда (Nāggārūdā) является арамейским переводом слова Takṣašila. Подробнее см. ниже.

¹⁰ А. Коулей переводит «Кедр и слоновая кость...» Там же.

¹¹ А. Коулей эту строку переводит так: «Смотри, это мое поручение». Там же.

¹² Д. Маршалл дает несколько другой перевод этой строки: «(Все его деяния были преданы) образцовому порядку его господина...» J. Marshall. Taxila, vol. I. Cambridge, 1951, p. 165.

¹³ Д. Маршалл переводит эту строку так: «привратники (стражники) пошли...»

¹⁴ D. Sircar. Указ. соч., Комментарии к надписи из Таксилы, № 44.

его деда Чандрагупты¹⁵. Широко известный своими раскопками в долине Инда Д. Маршалл, которому принадлежит открытие таксильской надписи, склонялся к мысли о том, что имя Priyadarśi относится к Ашоке, но указывал вместе с тем, что самый титул Priyadarśi мог употребляться и предшественниками Ашоки¹⁶.

Правильное истолкование термина Priyadarśi (Piyadasi) имеет важнейшее значение для датировки надписи.

Высказывалось мнение, что имя Priyadarśi вовсе не относится к Ашоке. Так, Л. Шах пытался доказать, что Priyadarśi — это внук Ашоки, который в отличие от своего деда буддиста был джайнистом¹⁷. С таким толкованием согласиться нельзя.

Мы попытаемся показать, что слово Prydršy (Priyadarśi) в таксильской надписи относится именно к Ашоке и употреблено здесь как его имя. Имя Priyadarśi мы находим не только в таксильской надписи, но и в различных эдиктах Ашоки. В них Ашока выступает как «devānam piye Priyadraśi» — «милый богам, царь Приядраши» (наскальный эдикт № 1 из Мансехры); «devānam piye Piyadasi lājā» — «милый богам, царь Пиядаси» (наскальный эдикт № 1 из Кальси); «devānam piyo Priyadraśi rāja» — «милый богам, царь Приядраши» (наскальный эдикт № 3 из Шахбазгархи); «Lājā Piyadasi» «царь Пиядаси» (посвятительная пещерная надпись из Барабара); «Piyadasi lājā Māgadhe» «царь Магадхи Пиядаси». Байрат-Бабрский эдикт¹⁸. Наиболее полный титул Ашоки — «devānāmpriya Piyadasi rāja» «милый богам, царь Пиядаси». Наряду с этим в одном из эдиктов Ашоки (малый наскальный эдикт № 1 из Маски) говорится: «Вот уже два с половиной года как милый богам Ашока — упасака ...» (т. е. последователь буддизма). Здесь вместо Priyadarśi употреблено собственное имя царя — Ашока. Это важнейшее доказательство того, что Ашока и Priyadarśi (Piyadasi) одно и то же лицо¹⁹.

До нас дошли пещерные надписи как самого Ашоки, так и его внука Дашараты (228—220 гг. до н. э.). Интересно сравнение этих надписей. В Барабарской пещерной надписи Ашока именуется — Lājā Piyadasi (царь Пиядаси). Титул (эпитет) devānam piya здесь отсутствует. Надпись же Дашараты гласит: «Пещера Вакияка милым богам Дашаратой вот сейчас добрым адживикам для поселения подарена и [должна быть их владением] пока существует солнце и месяц»²⁰.

В приведенной надписи Дашарата называет себя Devānāmpriya — милый богам. Имя Piyadasi отсутствует. Видимо, Дашарата в честь своего деда присвоил себе один из его эпитетов «милый богам» (devānāmpriya)²¹, но не назывался Priyadarśi, поскольку это было именем только Ашоки.

Мы не располагаем другими эпиграфическими документами маурийского периода, в которых встречались бы титулы правителей Индии.

¹⁵ K. A. Nilakanta Sastri. History of India. Madras, 1950, p. 55.

¹⁶ J. Marshall. Taxila, vol. I, p. 15.

¹⁷ L. Shah. Ancient India. History of ancient India for 1000 years in four volumes, vol. I. Baroda, 1938, p. 10.

¹⁸ Цит. по A. C. Woolner. Asoka text and glossary. Punjab University Oriental publications. Oxford press, part. I, 1924.

¹⁹ «Dev (ā) na (m) piyasa Asokasa [a] dh [ā] t (i) [yāni] vasāni (ya) m sumi bumpā-sake...» A. C. Woolner. Указ. изд.

²⁰ Vahiyak [ā] kubhā Daśalathena devānam piyenā ānāptaliyam abhiṣitenā [Ajivi-kehi] bhadantehi vāsaniṣidiyāye niṣiṭhe ācamdamasūliyam. A. C. Woolner. Указ. изд.

²¹ Cave Dedications of Dāśaratha.

Многие авторы считают, что devānāmpriya — это царский титул. Так, В. Смит указывал на то, что devānāmpriya является синонимом rāja. См. JRAS, 1901, стр. 577—578, см. также D. Sharma. Devānāmpriya. «Indian historical quarterly». Calcutta, 1950, июнь, т. 26, № 2, стр. 149—151.

Обычай назначения принцев царской семьи в качестве правителей наиболее важных провинций существовал и в более позднее время. Так, Ашока послал в Таксилу своего сына Dharmavivardhana. Об этом свидетельствует, в частности, китайский путешественник Фа-сянь, побывавший в Индии в 399—414 гг. н. э.³⁹

Нам известно также из буддийских хроник, что Ашока, после пребывания в Таксиле, был наместником Западной Индии в городе Уджайне. В «Дипавамсе» говорится: «Этот внук Чандрагупты, сын Биндусары (царь Ашока) собирал налоги в этой провинции (Уджайн)»⁴⁰. Находясь в Уджайне, Ашока узнал о смерти своего отца Биндусары и поспешил в столицу — Паталипутру. После борьбы с братьями за власть, он обеспечил себе Магадхский трон⁴¹.

Вполне понятно, что принц Ашока мог находиться в Таксиле как ее правитель до воцарения на престоле Магадхи, т. е. до 272 г. до н. э.⁴² Отсюда таксильская надпись может быть датирована не позднее 272 г. до н. э., а скорее, и более ранним временем, поскольку Ашока после того как он был принцем северо-запада, некоторое время находился в Уджайне в качестве правителя Западной Индии.

Надпись же, как указывалось, датируется не позднее 272 г. до н. э. Этому времени в Таксиле соответствует второе поселение на холме Бхир Маунд. К началу II столетия до н. э. городиз Бхир Маунда был перемещен к Сиркапу и расположен по образцу эллинистических городов. Вполне естественно, что многие вещи из Бхир Маунда попали в Сиркап. Среди них оказалась и часть разрушенной колонны с арамейской надписью, которая была употреблена впоследствии в качестве строительного материала при постройке дома в Сиркапе.

Таксильская надпись интересна и тем, что в ней рассказывается о каком-то чрезвычайном событии. «С помощью Ромедота и по приказу правителя работа была выполнена», — говорится в надписи. К сожалению, нам очень мало известно о тех событиях, которые имели место в период правления Ашоки и его отца Биндусары. Правда, традиции сохранили воспоминания о грозном восстании, происшедшем в Таксиле при царе Биндусаре. На подавление этого восстания был послан принц Ашока. «Дивьявадана»⁴³ рассказывает об этом следующим образом: «И вот взбунтовался город царя Биндусары по имени Таксила. Туда был послан Ашока царем Биндусарой. «Иди, принц, в город Таксилу для (его) успокоения. Тебе дана армия, состоящая из четырех родов войск (слоны, конница, колесницы и пехота), но путь избиений (т. е. путь войны) запрещен». Жители Таксилы, когда услышали о движении армии во главе с Ашокой, вышли ему навстречу и сказали: «У нас вражды к принцу, а также к царю Биндусаре нет, однако злые сановники чинят над нами несправедливость. Так с великим гостеприимством Ашока вошел в Таксилу...»⁴⁴

Конечно, подобные восстания не были исключением, а повторялись довольно часто. Так, еще при жизни Ашоки восстание опять вспыхнуло

³⁹ «A record of Buddhistic kingdoms being an account by Chinese monk Fā-Hien of his travels in India and Ceylon (399—414) A. D. in search of the Buddhist books of discipline», J. Legge, Oxford, 1886, p. 31.

⁴⁰ «Дипавамса», гл. VI, шлока 15.

⁴¹ «Махавамса», гл. V, шлоки 39—40.

⁴² Тибетская традиция сообщает о том, что последние годы жизни Ашока провел в Таксиле. Это не подтверждается другими источниками и вряд ли является правдоподобным. См. Н. Raychaudhuri. Political history of ancient India. Calcutta, 1952, p. 346.

⁴³ См. «Divyāvadāna», a collection of early buddhist legends. Now first edited from the Nepalese sanscrit by Cowell and Neil. Cambridge, 1886.

⁴⁴ «Divyāvadāna», стр. 371—372.

в Таксиле. Принц Кунала, сын Ашоки, был послан для его усмирения. Об этом сообщает «Дивьявадана»⁴⁵, а также тибетский историк XVII в. Тараната⁴⁶, который пишет: «Однажды для усмирения взбунтовавшегося в отдаленном северо-западном царстве Ашмапаранта (Таксила. — Г.Л.) царя Гакарна, отправлен был с войском царевич Кунала...»⁴⁷.

Поскольку таксильская надпись Ашоки сохранилась в фрагментарном виде, то затруднительно установить, какому конкретному событию она посвящена. Специальное воздвижение колонны с надписью свидетельствует о том, что она была посвящена, несомненно, крупному событию. Не исключено, что найденная в Таксиле надпись могла быть составлена и в связи с тем восстанием, которое произошло в Таксиле.

Несколько слов о языке надписи. Хотя надпись является арамейской, в ней имеются еще индийские и иранские слова⁴⁸. Уже указывалось, что в надписи употреблено имя Ашоки — Priyadarśi (Priydr[śy]). В отличие от формы Priyadasi в надписи встречается форма, взятая из северо-западного пракрита (гандхари). Подобную форму мы находим в эдиктах Ашоки из Шахбазгархи и Мансехры. Вполне понятно, что писец взял титул Ашоки именно в той форме, в какой он употреблялся на северо-западе Индии.

Передать слово Priyadarśi арамейским словом писец не мог, так как подыскать соответствующее значение этому слову очень трудно. Да и вообще титул правителя следовало оставить без изменений в его употребляемой форме; все же некоторые слова писец попытался изобразить по-арамейски. Так, например, слово Takṣaśila передано словом Нагаруда (Nāggārūdā). Будучи иранцем⁴⁹, писец воспринимал первую часть слова Takṣaśila — как takṣan, что значит плотник, а вторую śila в значении: искусство, привычка, характер и т. д.⁵⁰ Поэтому он заменил Takṣaśila словом Nāggārūdā, имеющим значение — искусство плотника⁵¹.

Последняя строка надписи гласит: «Imran Priyadarśi» (Господину Приядарши). Эта фраза, обращенная к принцу Ашоке, является, возможно, сохранившейся частью благословений, которыми обычно заканчивались надписи. Некоторые персидские надписи времен царя Дария оканчивались иногда словами «Дариусу, нашему царю, все блага». Можно думать, что этот обычай персидских царей высекать надписи на камне в честь большого события или для прославления своих успехов проник в Индию⁵².

⁴⁵ «Divyāvadāna», стр. 407—408.

⁴⁶ В его книге «История буддизма в Индии» имеется значительный материал, почерпнутый из буддийских сочинений, некоторые из которых сохранились лишь по-тибетски. Наряду с фантастическими данными в произведении Таранаты содержится немало верных исторических сведений. «История буддизма в Индии». Соч. Таранаты. Пер. с тибетского В. Васильева. СПб., 1896.

⁴⁷ Там же, стр. 51.

⁴⁸ В арамейской надписи у Кабула также имеется ряд пракритских слов. Хеннинг доказал, что «неизвестные» слова, попадающие в надписи, являются пракритскими. Например, ms'rths (праkrit. imasa arthasa — с этой целью), wprgys (праkrit. Devānapriyasa — милого богам), bhyts (праkrit. abhisitasa — возведенного на царство) и др. Эти слова употреблены в эдиктах Ашоки. См. W. B. Henning. The Achaemenid inscription of Asoka found in Lampāka. «Bulletin of the School of Oriental and African studies University of London», vol. XIII, part I, 1949, p. 80—88.

⁴⁹ См. F. C. Andreas. Указ. соч., стр. 11—12.

⁵⁰ śila — еще и гора, но здесь не это значение.

⁵¹ См. F. C. Andreas. Указ. соч., стр. 11—12.

⁵² Указывая на влияние Персии на Индию, вместе с тем нельзя согласиться с мнением о том, что маурийские колонны являются лишь подражанием персидским памятникам. См. D. Spooner. The Zoroastrian period of Indian History. JRS, 1915, p. 63—91 и 405—457. Критику подобных взглядов см. в кн. G. N. Banerjee. Hellenism in ancient India. Calcutta, 1920, p. 59.

Высекание надписи на камне приводило к необходимости делать копии с нее, чтобы рассылать их в различные части империи. Нам известно, что копии Бехистунской надписи Дария найдены были в Египте (среди документов еврейской колонии на Элефантине) и в Вавилонии. Вполне возможно, что копии различных персидских надписей попадали и в Индию.

Обычай рассылать копии надписей существовал и в Индии, например, при Ашоке. Это подтверждает находка его надписи около Кабула. Подобно тому как ахеменидская канцелярия послала копию Бехистунской надписи в арамейском переводе в свою колонию на Элефантине, так и канцелярия Ашоки отправила текст его надписи своим иранским подданным⁵³.

В Северо-Западную Индию арамейский язык проник из Персии; при Ахеменидах он был официальным языком империи.

Северо-Западная Индия входила в то время в состав персидской монархии под названием провинции Гандхара⁵⁴. При Чандрагупте Северо-Западная Индия была подчинена маурийской власти. Арамейский же язык оказался настолько жизненным, что и после политического упадка Ахеменидской империи он употреблялся в течение долгого времени. В Северо-Западной Индии арамейский язык, наряду с северо-западным пракритом, употреблялся в эпоху Маурьев в качестве официального, канцелярского языка. Большую роль играла в то время также и традиция. Конечно, не только в Индии, но и в Персии, в IV в. до н. э. уже никто по-арамейски не говорил, но по традиции он оставался официальным языком.

Находка рассматриваемой надписи позволяет отодвинуть далеко на Восток границу распространения арамейского письма.

Открытие арамейской надписи в Индии представляет интерес и для решения вопроса о происхождении письма «кхарошти», которое возникло из арамейского письма под влиянием брахми. Рассмотрение этого вопроса выходит за пределы нашего сообщения.

Можно надеяться, что в ближайшем будущем археологические раскопки, ведущиеся сейчас в Индии, доставят новые эпиграфические памятники этого периода древнеиндийской истории; это позволит более полно осветить многие вопросы исторического и филологического характера.

⁵³ C. F. Altheim. Weltgeschichte Asiens im Griechischen Zeitalter. Bd. I. Halle 1947, S. 32—33.

⁵⁴ Гандхара названа в Бехистунской надписи среди провинций, входивших в состав государства.

С О О Б Щ Е Н И Я

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РЕСПУБЛИКЕ ИНДИИ

(Обзор статистических материалов)

Г. Г. КОТОВСКИЙ и В. И. ПАВЛОВ

Самоотверженные усилия народов Индии по реконструкции и развитию своего хозяйства встречают горячую поддержку со стороны миролюбивых и прогрессивно настроенных людей всех стран мира. И это понятно, так как превращение Индии из классической страны нищеты и колониального гнета в экономически самостоятельное государство еще более увеличит ее значение как фактора мира и развития дружественных взаимоотношений между всеми народами независимо от политического и экономического строя их стран.

«Ход общественного развития, — заявил Н. С. Хрущев 21 ноября 1955 г. в своем выступлении в парламенте Республики Индии, — говорит о том, что каждая страна, чтобы действительно стать независимой и обеспечить благосостояние своего народа, должна иметь свою развитую экономику, независимую от иностранного капитала. Исторический опыт учит, что усилия колонизаторов добиться порабощения экономически менее развитой страны могут проявляться в самых различных формах. Они стараются всячески тормозить развитие отечественной промышленности в этих странах, боясь того, что создание собственной промышленности, создание собственной интеллигенции, повышение жизненного уровня народа укрепит ранее зависимую страну и поможет ей идти по пути самостоятельного развития»¹.

Иностранный капитал, принужденный отказаться от политической власти в Индии, рассчитывал надолго сохранить в стране свое экономическое господство. Импералистические державы намеревались в первую очередь использовать искусственно созданные колониализмом трудности: огромный дефицит продовольствия и сельскохозяйственного сырья, нехватку промышленного и транспортного оборудования при отсутствии собственного машиностроения, слабость металлургической и энергетической базы и химической промышленности, незначительность тоннажа морского флота.

Экономические достижения, которых добилась Индия в последние годы, свидетельствуют о том, что народы Индии, завоевавшие политическую свободу, преисполнены решимости вырваться из чужеземной экономической кабалы. Постепенно, в некоторых случаях быстрее, в других — медленнее, Индия ликвидирует узкие места своей экономики.

* * *

Сельское хозяйство — самый крупный сектор экономики Индии. По данным переписи 1951 г., 83% населения страны живет в деревнях и около 70% его занято в сельском хозяйстве. В 1953/54 финансовом году стоимость продукции сельского хозяйства

¹ Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. Госполитиздат, 1955, стр. 32.

и промышленного производства в национальном доходе Индии, по официальным данным, составляла соответственно 54 и 18 млрд. рупий².

Земледелие — главная отрасль сельского хозяйства Индии. По данным Комитета по национальному доходу, стоимость валовой продукции земледелия составляла в 1950/51 г. 48 млрд., а животноводства — 11 млрд. рупий³. Важнейшими культурами являются рис (23% всей посевной площади), пшеница (7,5%), прочие виды зерновых, включая просо, кукурузу, ячмень (30,4%), бобовые (15,2%), масличные (8,6%), а также технические культуры — сахарный тростник (1,5%), хлопчатник (4,6%), джут (0,5%)⁴.

Уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве Индии все еще довольно низок. Отсталость индийского сельского хозяйства — тяжелое наследие двухвековой эксплуатации Индии английским капитализмом. Аграрная политика английских колонизаторов в Индии была направлена на сохранение феодальных пережитков в сельском хозяйстве и использование их в целях колониальной эксплуатации страны. Помещичья собственность на землю и основанная на ней система эксплуатации крестьянства явились важнейшей органической частью всей системы колониальной эксплуатации Индии в эпоху империализма. Полуфеодалные методы ведения хозяйства обусловили примитивность сельскохозяйственной техники и отсталые приемы возделывания земли.

В первые годы независимости Индии сказывались вызванные господством колониализма и феодальных пережитков процессы деградации сельскохозяйственного производства, в частности наблюдалось падение урожайности важнейших культур, кроме пшеницы и хлопка. В 1947 — 1952 гг. производство продовольствия сохранялось примерно на довоенном уровне, что, ввиду роста народонаселения, привело к падению и без того низкого сбора на душу населения. Острый недостаток продовольствия оставался в Республике Индии, как и в колониальной Индии, одной из самых серьезных внутренних проблем. С 1948 по 1953 г. голод ежегодно поражал многие районы страны. Как заявил министр сельского хозяйства П. Дешмукх, еще весной 1953 г. голодом были охвачены районы с населением в 26 млн. человек⁵.

Не менее тяжелое положение сложилось и в области производства технических культур, когда после раздела Индии к Пакистану отошли важнейшие хлопко- и джутопроизводящие районы.

Народы Индии приложили самоотверженные усилия, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать или хотя бы заметно уменьшить дефицит продовольствия и сельскохозяйственного технического сырья, который использовался иностранным капиталом как дополнительное средство сохранения контроля над экономикой Индии. Как известно, главной задачей первого пятилетнего плана Индии (1951—1956) было увеличение сельскохозяйственной продукции. По окончательному варианту пятилетнего плана, капиталовложения в сельское хозяйство равны 3737,4 млн. рупий, а в строительство ирригационных и комплексных гидроэнергетических систем — 4694,7 млн. рупий, что в целом составляет 39,5% ко всей сумме капиталовложений, предусмотренных планом⁶.

Согласно плану, основой увеличения сельскохозяйственного производства являлись распахивание целины и расширение орошаемых площадей. Обрабатываемая пло-

² «Monthly abstract of statistics. Issued by the Central Statistical Organisation» (в дальнейшем — MAS). New Delhi, April, 1955, p. XIII. Финансовый год заканчивается 31 марта означенного года.

³ «Final report of the National Income Committee». New Delhi, 1954, p. 45, 51.

⁴ «Agricultural situation in India. Issued by Economic and Statistical Adviser, Ministry of Food and Agriculture» (в дальнейшем — ASI). New Delhi, November, 1954. Supplement, p. 76.

⁵ «Eastern economist», 29 мая 1953, стр. 877.

⁶ MAS, June-July, 1955, p. XI.

щадь Индии составляет около 131 млн. га, в том числе под посевами 110 млн. га и под паром — 21 млн. га⁷. В 1951/52 г. площадь земель, годных для обработки, но не используемых, определялась в 45 млн. га⁸. В области разрешения продовольственной проблемы и общего подъема земледелия важное значение в Индии придают освоению пустошей и залежных земель, а также созданию опытно-показательных государственных ферм. В итоге выполнения пятилетнего плана в обработку предполагалось включить: за счет сокращения паров — 1,48 млн. га, путем распахивания целины государственными центральными тракторными станциями и тракторными станциями штатов — 1,05 и частными землевладельцами — 0,43, а всего — 2,96 млн. га⁹.

Государственные тракторные станции (центральные и отдельных штатов) были созданы в 1947 г. К февралю 1955 г. центральными тракторными станциями было распахано в штатах Бхопал, Мадхья Прадеш, Мадхья Бхарат, Уттар Прадеш и Ассам около полумиллиона га земель¹⁰. Тракторные станции штатов в 1947/48—1952/53 гг. подняли 760 тыс. га земли¹¹. Основная часть земель, поднятых тракторными станциями, принадлежит частным земельным собственникам, которые получают кредиты от государственных сельскохозяйственных органов или кредитных кооперативов для дальнейшего освоения земельных участков.

На распаханных государственных землях (расположенных главным образом в штатах Бхопал и Уттар Прадеш) созданы государственные опытно-показательные фермы, а также расселено несколько тысяч семей безземельных сельскохозяйственных рабочих, демобилизованных военнослужащих, выпускников сельскохозяйственных колледжей¹². Выплата за земельные участки производится в рассрочку в течение десяти лет.

Одну из государственных ферм на вновь поднятых землях посетили во время своей поездки в Индию Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев. Это — государственное хозяйство в районе Тараи, в предгорьях Гималаев. На землях, очищенных от джунглей, была создана опытно-показательная ферма, которой Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев дали весьма высокую оценку¹³.

Важным источником увеличения сельскохозяйственной продукции является расширение орошаемых площадей. В 1949/50 г. в Индии орошалось 19,6 млн. га земли, или около 15% обрабатываемой площади¹⁴. По пятилетнему плану должно быть орошено 6,69 млн. га, и тем самым орошенные площади должны составить 20% всей обрабатываемой земли. В результате ввода в строй как крупных, так и мелких ирригационных систем и сооружений с 1 апреля 1951 по 31 марта 1954 г. было вновь орошено 4,4 млн. га¹⁵, а за все пятилетие, по предварительным данным, свыше 6,8 млн. га.

Огромные резервы увеличения сельскохозяйственного производства таятся в переходе к современным машинам и инвентарю, росте употребления удобрений и применении более совершенных приемов возделывания земли. По данным переписи сель-

⁷ Данные за 1951/52 г. ASI, November, 1954. Supplement, p. 76.

⁸ ASI, September, 1954, p. 347.

⁹ «The First Five-Year Plan» (Government of India. Planning Commission). Delhi, 1953, p. 222.

¹⁰ «Commerce and industry», 16 февраля 1955 г., стр. 9.

¹¹ J. G. Anand. Reclamation and settlement of new lands in India. ASI, September, 1954, p. 351.

¹² «Commerce and industry», 16 февраля 1955 г., стр. 9; 20 июля 1955 г., стр. 8.

¹³ См. «Правда», 24 ноября 1955 г.

¹⁴ «Indian agricultural statistics», 1952, vol. I, p. 2.

¹⁵ Эти и приводимые ниже данные о выполнении пятилетнего плана взяты из следующих источников: ASI, October, 1954, p. 420—422; ASI, January, 1955, p. 676—680; P. S. Deshmukh. Agriculture under Five-Year Plan. «Commerce», annual number, 1954, p. 18.

скохозияйственного инвентаря, в 1951 г. в Индии насчитывалось лишь 931 тыс. железных плугов (при 31 780 тыс. деревянных). В сельском хозяйстве работало 8354 трактора¹⁶. После этого года переписи тракторного парка в стране не производилось, однако известно, что на протяжении 1950—1954 гг. в Индию было импортировано 17 500 тракторов¹⁷.

В последние годы в Индии увеличилось производство искусственных удобрений. В 1948—1954 гг. годовое производство сульфата аммония, самого распространенного искусственного удобрения в Индии, возросло с 35,2 тыс. тонн до 340,2 тыс. тонн¹⁸. Все же малоимущее индийское крестьянство не может покупать искусственные удобрения в большом количестве. Естественное удобрение — навоз — из-за острой нехватки топлива в большинстве индийских деревень в качестве удобрения использовалось лишь на 40%.

Некоторые результаты были достигнуты также в улучшении агротехники. Например, в 1951—1954 гг. различными правительственными организациями было распределено среди крестьянства в порядке ссуд и т. п. 240 тыс. тонн сортовых семян зерновых культур, что дало возможность повысить урожайность на площади в 8 млн. га. Особое значение в Индии придается внедрению японского метода выращивания риса. В 1953/54 сельскохозяйственном году рис по указанному методу возделывался на площади около 200 тыс. га, что дало дополнительно 138 тыс. тонн пaddy (неочищенного риса)¹⁹.

Пятилетним планом предусмотрены и некоторые другие мероприятия, направленные на увеличение сельскохозяйственного производства. По данным на сентябрь 1954 г., в 85 тыс. деревень, в которых проживало около 20% сельского населения Индии, проводились комплексные мероприятия по организации кредитной и сбытовой кооперации, освоению целинных и пустыющих земель, сооружению местных ирригационных систем, внедрению современной агротехники, улучшению сельскохозяйственных орудий, строительству дорог, развитию просвещения и здравоохранения. Эти мероприятия осуществляются в соответствии с программами «общинных проектов» и «содействия национальному развитию». Обе программы охватывают свыше 100 тыс. деревень с населением более 68 млн. человек. В ходе их выполнения освоено около 240 тыс. га пустыющих земель, орошено 520 тыс. га, построено 10 тыс. школ, 33 тыс. км дорог, вырыто и отремонтировано 53 тыс. колодцев²⁰.

Главным показателем достигнутых в индийском сельском хозяйстве успехов является повышение в 1952—1954 гг. средней урожайности основных сельскохозяйственных культур: риса — с 7,2 ц с га до 9,0 ц, пшеницы — с 6,7 до 7,6, земляного ореха — с 6,6 до 8,4, сахарного тростника (в переводе на сахар-сырец) — с 31,8 до 32,6, хлопка-сырца — с 0,86 до 1,03 и джута-сырца — с 10,9 до 11,9 ц с га²¹. В результате повышения урожайности, а также увеличения посевных площадей с 1953 г. в Индии наметилось увеличение сборов основных сельскохозяйственных культур (см. табл. 1).

По заключению Государственной плановой комиссии, увеличение сельскохозяйственной продукции объясняется в равной степени как благоприятными метеорологическими условиями, так и выполнением мероприятий первого пятилетнего плана²². Сравнительно небольшое падение сбора зерновых в малоблагоприятном по условиям погоды 1954/55 г. свидетельствует об относительной прочности достигнутых индийским народом успехов в области земледельческого производства.

Таблица 1

Движение сельскохозяйственного производства *
(в тыс. тонн)

Культуры	Сельскохозяйственные годы ¹								
	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955*
Рис (очищенный)	22017	21588	22960	23542	20575	21260	22899	28003	24598
Пшеница	5051	5659	5741	6391	6462	6182	7501	7999	8676
Другие зерновые ³	16159	17196	15309	16824	15376	16060	19613	22847	22941
Масличные ⁴	5231	5199	4575	5224	5157	5012	4720	5478	5857
Сахарный тростник ⁵	4992	5910	4947	5017	5705	6163	5099	4688	5635
Хлопок	386	389	315	468	518	558	557	700	788
Джут ⁶	300	372	559	594	847	832	566	572	586

* Источники: MAS, April, 1955; ASI, August, 1955, p. 338.

¹ Годы оканчиваются 30 июня означенного года.

² Предварительные данные.

³ Включая джовар, баджру, раги и прочие виды проса, ячмень, кукурузу.

⁴ Земляной орех, льняное семя, горчица, сурепное семя, кунжут, клещевина.

⁵ В переводе на сахар-сырец.

⁶ Данные по календарным годам.

Состояние другой важнейшей отрасли индийского сельского хозяйства — животноводства — характеризуется следующими данными о поголовье скота (по переписям 1945 и 1951 гг.):

	1945 г. (в млн. голов)	1951 г. (в млн. голов)
Коровы и быки	136,74	155
Буйволы	40,73	43
Овцы	37,73	38,8
Козы	46,30	47
Лошади, ослы, мулы	2,57	2,8
Свиньи	3,71	4,4

Убой скота в Индии ввиду религиозных представлений населения крайне незначителен. Огромное и непрерывно увеличивающееся поголовье скота в условиях отсталого земледелия создает острую проблему кормов. В 1945 г. на каждые 100 га сельскохозяйственной площади (посевы плюс пар) приходилось 114 голов крупного рогатого скота, а в 1951 г. — 151 голова.

Необходимо отметить, что в отличие от земледелия,носящего преимущественно торговый характер, животноводство в Индии все еще в значительной степени сохраняет потребительский характер. Так, например, в 1949/50 г. товарная часть продукции животноводства составляла в среднем по Индии 24%²³. Основным видом продукции животноводства в Индии является молоко и молочные продукты (общая стоимость в 1950/51 г. 6,2 млрд. рупий в сравнении со стоимостью мясопродуктов в 0,8 млрд. рупий)²⁴. Удойность коров в Индии одна из самых низких в мире. В 1951 г. она составляла 190 кг в год на корову²⁵.

²³ «The National sample survey. General report on the first round». Delhi, 1952, p. XXXVIII.

²⁴ «Final report of the National Income Committee». Delhi, 1954, p. 51.

²⁵ «Yearbook of food and agricultural statistics, 1953». Vol. VII, part I, Rome, 1954, p. 167.

¹⁶ ASI, July, 1953, p. 316.

¹⁷ «Times of India», 1 октября 1954 г.

¹⁸ MAS, June-July, 1955, p. 15.

¹⁹ ASI, September, 1954, p. 339.

²⁰ «Правда», 13 декабря 1955 г.

²¹ ASI, November, 1954, Supplement, p. 76.

²² ASI, November, 1954, p. 420.

После урожайных 1953 и 1954 гг. продовольственное положение Индии улучшилось. По официальным данным, производство зерновых и бобовых в 1950—1952 гг. составляло 90% от урожая 1949/50 сельскохозяйственного года, а в 1953/54 г. уже — 116%²⁶. Объем продукции сельского хозяйства в 1950—1954 гг. увеличился на 13,5%. По заявлению министра сельского хозяйства Индии П. С. Дешмукха, уже в 1953/54 г., т. е. в начале четвертого года первого пятилетнего плана, задание по производству зерновых, установленное на 1955/56 г., было перевыполнено на 6,5 млн. тонн²⁷. В 1954/55 г. валовой сбор зерновых, по предварительным данным, снизился по сравнению с 1953/54 г. на 2,7 млн. тонн, что явилось следствием засухи и наводнений, поразивших обширные районы страны. Однако и эта цифра превышает задание первого пятилетнего плана на 3,8 млн. тонн.

Вследствие улучшения продовольственного баланса Индия смогла сократить импорт продовольствия. Если в 1951 г. импорт зерна и муки составлял 4,7 млн. тонн, в 1952 г. — 3,9 млн. тонн, то в 1953 г. — 2 млн. тонн, а в 1954 г. — 799 тыс. тонн²⁸. Тем самым Индии удалось в значительной степени ликвидировать свою тяжелую зависимость от иностранных монополий в снабжении продовольствием.

Как известно, первый пятилетний план ставил своей задачей сохранение народного потребления примерно на уровне 1949/50 г., когда существовал дефицит продовольствия в несколько миллионов тонн. Поэтому министр сельского хозяйства Индии подчеркивает, что «продовольственная проблема решена в том отношении, что в продаже имеется достаточно продовольствия»²⁹. В этой связи необходимо отметить, что и при абсолютном увеличении производства продовольствия потребление народных масс в Индии остается недостаточным вследствие их низкой покупательной способности. Индийский народ еще делает только первые шаги к полному обеспечению страны основными продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем.

Сельское хозяйство Индии не будет зависеть от милостей природы лишь после завершения начавшихся работ по его агротехнической реконструкции. Успех этих мероприятий в конечном счете зависит от решения аграрного вопроса. Проводимые в настоящее время в отдельных штатах земельные реформы предусматривают выкуп государством части помещичьих земель, с последующей передачей их за выкуп или безвозмездно крестьянам (в Кашмире помещичьи земли отчуждены без выкупа). Важное значение имеет предусмотренное в проекте второго пятилетнего плана (1956—1961) ограничение максимальных размеров земельных участков, находящихся в собственности частных лиц. Вокруг решения аграрного вопроса в Индии идет серьезная борьба, от исхода которой в значительной степени зависят реальные результаты проводимых в Индии мероприятий по ограничению помещичьего землевладения.

* * *

За годы независимости объем промышленного производства возрос примерно в полтора раза: если его индекс в 1946 г. принять за 100, то в 1954 г. он составил 146,4, а за первые девять месяцев 1955 г. (по предварительным оценкам) — 159.

Объем производства еще далеко не соответствует числу рабочих, занятых в промышленности Индии — 14—15 млн. человек. Низкая производительность труда в индийской промышленности объясняется прежде всего преобладанием мелкой, немеханизированной промышленности и технической отсталостью фабрично-заводского сектора промышленности.

²⁶ MAS, April, 1955.

²⁷ P. S. Deshmukh. Agricultural production in India, «Commerce and industry», 17 августа 1955, стр. 6.

²⁸ ASI, January, 1955, p. 715.

²⁹ «Commerce and industry», 17 августа 1955, стр. 6.

Упрочение независимости Индии невозможно без создания современной промышленности. Чтобы преодолеть тяжелые экономические последствия хозяйничанья колонизаторов, республика Индия стремится увеличить объем промышленного производства и прежде всего построить заново или коренным образом реконструировать те отрасли промышленности, без которых невозможен самостоятельный экономический прогресс страны.

Но Индия не только строит новые предприятия. Ввиду хищнического использования основного капитала иностранными монополиями, бесконтрольно хозяйничавшими в Индии, ведущие отрасли ее промышленности (например, текстильная и угольная) и железнодорожный транспорт нуждаются в существенной технической реконструкции. Чтобы значительно расширить сельскохозяйственное производство, необходимы сотни тысяч тракторов и других сельскохозяйственных машин. Понятно, что проблема обеспечения промышленности современным оборудованием стала одним из главных условий выполнения Индией планов ее экономического развития.

В колониальной Индии современного машиностроения, исключая несколько арсеналов и железнодорожных мастерских, по существу не было. Колониальные власти всеми способами препятствовали развитию этой отрасли тяжелой промышленности. В результате Индия не имела собственного производства современных средств производства и была лишена возможности сама воспроизводить основной капитал. В. И. Ленин писал: «В колониях *своего* капитала нет или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может»³⁰. История национальной промышленности в колониальной Индии показывает, что и в этой стране иностранный капитал использовал отсутствие отечественного машиностроения для контроля над ее экономическим строительством, для усиления ее политической подчиненности.

Несмотря на первые успехи в области машиностроения, Индия пока еще зависит от ввоза оборудования: в 1953 г. ввоз оборудования составил 838 млн. рупий, в 1954 г. — 760 млн. рупий³¹, а в первом полугодии 1955 г. — 450 млн. рупий. Но в наше время уже не существует прежней «обстановки финансового капитала». Ввиду появления мощных рынков оборудования в Советском Союзе, Чехословакии и других демократических странах, иностранные монополии не могут попрежнему диктовать Индии свои условия.

Однако и в новой обстановке Индии, несомненно, будет затруднительно полностью удовлетворять свои многочисленные и растущие потребности в оборудовании исключительно путем его импорта. В декабре 1954 г., выступая на заседании плановой комиссии, Джавахарлал Неру заявил: «Если мы собираемся развивать нашу промышленность, мы должны отказаться от мысли беспрерывно получать машины из-за границы, мы должны делать их сами»³².

За годы независимости в стране налажено производство паровозов и вагонов, несложного электрооборудования, прядильно-ткацкого оборудования, сельскохозяйственных орудий, маломощных дизелей, велосипедов, шарикоподшипников. Сделаны первые шаги в производстве станков, морских судов, автомобилей.

В колониальной Индии ввиду жестокого сопротивления английских паровозостроительных фирм так и не удалось приступить к серийному выпуску паровозов. Между тем подвижной состав управлявшихся колониальной администрацией железных дорог нуждался в обновлении. На 1 апреля 1951 г. каждый третий паровоз и каждый четвертый вагон, действующие на железных дорогах Индии, были выстроены еще до первой мировой войны³³. В январе 1950 г. в городе Читтаранджане (Западная Бенгалия) вошел в строй государственный паровозостроительный завод, являющийся гордостью индийского машиностроения. В 1955 г. предполагалось выпустить

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 323.

³¹ «Commerce and industry», 1 июня 1955 г., стр. 8.

³² «Commerce», 18 декабря 1954 г.

³³ «Commerce», 9 января 1954 г.

120—130 паровозов. В Джамшедпуре (штат Бихар) действует принадлежащий концерну Тата завод локомотивов для узкоколейных железных дорог. Индия выпускает около двухсот паровозов в год, но такой объем производства паровозов еще не может полностью удовлетворить потребностей железнодорожного хозяйства страны. Лучшее положение в вагоностроительной промышленности, которая выпускает товарные вагоны и осваивает массовое производство пассажирских (на государственном заводе в Пирамборе, около Мадраса).

Английские колонизаторы приложили немало усилий, чтобы помешать развитию индийского морского флота и его базы — собственного судостроения. Они рассчитывали, лишив Индию флота, сохранить контроль над ее внешней торговлей, большая часть перевозок которой производится морским путем.

Из огромного количества грузов, транспортируемых Индией морским путем, лишь 5% перевозится на индийских судах³⁴. Индия вынуждена уплачивать огромные суммы в виде фрахта иностранным, главным образом английским, судовладельцам (650—950 млн. рупий в год)³⁵, что ложится тяжелым бременем на платежный баланс страны. Дж. Неру сказал: «Если бы Индия имела свой собственный торговый флот, десятки миллионов рупий были бы сбережены ею на фрахте»³⁶. Индийский журнал «Commerce and industry» в редакционной статье «Проблемы иностранной монополии на морские перевозки» отмечал: «Страна твердо поддерживает правительство Индии в любом мероприятии, направленном на то, чтобы существующая у нас иностранная монополия на морские перевозки более не обладала высокими фрахтами нашу внешнюю торговлю»³⁷. Сейчас Индия прилагает большие усилия, чтобы развить отечественное судостроение. Уже расширена государственная судостроительная верфь в Висакхапатнаме (штат Андхра), строящая океанские корабли. За годы независимости тоннаж морского флота Индии вырос примерно в пять раз и достигает 500 тыс. тонн.

В Индии уже в течение десяти лет предпринимаются попытки создать собственную автомобильную промышленность. Индийскими компаниями были заключены соглашения с иностранными автомобильными фирмами о строительстве в Индии автозаводов. Однако эти контролируемые иностранцами предприятия застряли на первой стадии производства — сборке автомобилей из импортных частей. В 1954 г. автосборочные заводы выпустили 8 тыс. грузовых и 5300 легковых автомашин. Правительство Индии предложило автосборочным компаниям представить перспективные планы перехода к полному циклу изготовления автомобилей. Американские компании «Форд» и «Дженерал моторс» отказались выполнить предложение правительства Индии, закрыли свои предприятия и даже вывезли их оборудование.

В 1941 г. в Бангалуре (Майсур) был основан автосборочный завод. В настоящее время это государственное предприятие освоило производство спортивных самолетов.

В последние годы Индия достигла серьезных успехов в производстве велосипедов. За три-четыре года выпуск велосипедов увеличился в несколько раз и достиг в 1954 г. 372 тыс. штук³⁸. В независимой Индии налажено массовое производство маломощных дизелей, употребляющихся, в частности, в качестве двигателей для подачи воды на поля. Если в 1948 г. было выпущено 1030, то в 1954 г. — 8650 дизелей³⁹. Центрами дизелестроения являются Бомбей, где выстроено несколько дизельных заводов, и Фаридабад (около Дели).

Изготовление оборудования для текстильной промышленности еще сильно отстает от ее потребностей. Так, в 1954 г. в Индии было выпущено около 1800 ткацких станков. Между тем на хлопчатобумажных фабриках Индии действует свыше 210 тыс. ткацких станков, значительная часть которых нуждается в замене.

³⁴ «Commerce and industry», 25 мая 1955 г., стр. 3.

³⁵ «New age», 30 октября 1955 г. Industries fair supplement, стр. XIII.

³⁶ «Commerce and industry», 16 ноября 1955 г., стр. 5.

³⁷ «Commerce and industry», 25 мая 1955 г., стр. 3.

³⁸ MAS, March, 1955, p. 22.

³⁹ Там же.

Строительство электростанций увеличивает потребности страны в электротехническом оборудовании. Производство этого оборудования началось в годы второй мировой войны, но широкое развитие получило лишь в последнее время. В Индии налажен массовый выпуск электромоторов мощностью до 225 л. с., трансформаторов, кабеля, ламп. Выпуск электромоторов с 1948 по 1954 г. увеличился (по мощности) в три раза, а трансформаторов — в пять раз⁴⁰. В Бангалуре вошел в строй государственный завод, на котором предполагается выпускать 60 тыс. телефонных аппаратов в год. Намечается строительство крупного государственного завода тяжелого электротехнического оборудования, который, в частности, будет выпускать двигатели для электровозов. Центрами производства электротехнического оборудования являются Калькутта и Бомбей.

Таким образом, после завоевания независимости Индия добилась первых успехов в транспортном и энергетическом машиностроении. Однако в Индии пока еще нет производства оборудования для тяжелой промышленности, в частности, крайне слабо развито станкостроение. В 1954 г. только 15% (по стоимости) нужных Индии станков производилось на индийских заводах⁴¹. На отставание станкостроения оказывает влияние позиция иностранных монополий, которые особенно препятствуют развитию именно этой отрасли машиностроения.

Индийская печать указывает на задержку с вводом в эксплуатацию государственного завода токарных станков, который строится в Джалахалли (около Бангалура) швейцарской фирмой «Эрликон», добившейся участия в портфеле акций. Пока завод приступил лишь к сборке машин из импортируемых фирмой «Эрликон» деталей⁴².

Важнейшей проблемой, стоящей перед промышленностью Индии, является увеличение производства металлов. В 1954 г. выплавка стали в Индии составила 1245 тыс. тонн против 855,6 тонн в 1948 г., а чугуна — 1792 тыс. тонн против 1405 тыс. тонн в 1948 г.⁴³ Выплавка стали могла быть больше, если бы крупнейший в стране концерн Тата, добиваясь повышения цен на сталь, не свернул часть своих производственных мощностей. Этот уровень выплавки стали (в 1955 г., по предварительным данным, 1260 тыс. тонн) не удовлетворяет потребностей страны, и в 1954 г. Индия импортировала 387,4 тыс. тонн стали⁴⁴.

Существующий объем производства черных металлов не может обеспечить выполнения задач реконструкции промышленности и сельского хозяйства. Правительство Индии приняло решение об увеличении мощностей металлургической промышленности к 1961 г. до 6 млн. тонн стали. Для выполнения этой программы Индия нуждается в больших поставках металлургического оборудования, которое в настоящее время не производится в стране. Правительство Индии заключило соглашение с западногерманскими фирмами Круппа и Демаг о строительстве в Руркелла (Орисса) металлургического завода мощностью в 1 млн. тонн стали. По условиям соглашения, западногерманским монополиям будет принадлежать четвертая часть акционерного капитала. Близятся к концу переговоры правительственных организаций с английскими фирмами о строительстве металлургического завода. Эти переговоры встретились с большими трудностями из-за мало благоприятных для Индии условий кредита, предложенных английской стороной⁴⁵.

В феврале 1955 г. между правительствами СССР и Индии было подписано соглашение о строительстве в Бхилаи (штат Мадхья Прадеш) металлургического завода мощностью в 1 млн. тонн стали в год с обеспечением расширения мощности завода до 1300 тыс. тонн стали.

⁴⁰ MAS, March, 1955, p. 26.

⁴¹ «Экономическое положение капиталистических стран в 1954 г.», М., Внешторгиздат, 1955, стр. 104.

⁴² «Eastern economist», 19 августа 1955 г., стр. 268; «Capital», 22 сентября 1955 г., стр. 387.

⁴³ MAS, March, 1955, p. 13.

⁴⁴ «Eastern economist», 17 июня 1955 г., стр. 967.

⁴⁵ «Commerce and industry», 16 ноября 1955 г.

Район Бхилай, расположенный в самом сердце Индии, богат железной рудой, углем, п марганцем. Первая очередь металлургического завода войдет в строй в 1958 г., вторая очередь — в 1959 г.

Советские организации выполняют проектные работы, поставляют оборудование и осуществляют техническое руководство строительством. Часть оборудования намечено произвести на индийских заводах, что будет способствовать созданию в Индии собственного производства металлургического оборудования. Советские ученые и инженеры готовят в Индии и в Советском Союзе индийских металлургов. В связи со строительством завода советское правительство предоставляет правительству Индии долгосрочный кредит на льготных условиях. Построенный завод будет находиться в полной собственности правительства Индии. Таким образом, соглашение Индии с Советским Союзом о строительстве металлургического завода принципиально отличается от подобных соглашений Индии с иностранными монополиями.

Растущая промышленность Индии увеличивает потребности страны в цветных металлах. Индия расширила производство алюминия с 3360 тонн в 1948 г. до 4880 тонн в 1954 г. В последние годы Индия увеличила выплавку алюминия (из бихарских бокситов) на заводах в Асансоле (Западная Бенгалия) и Алвайе (Траванкур-Кочин), но дальнейший рост производства алюминия задерживается из-за недостатка электроэнергии. Увеличилось производство меди (с 586 тонн в 1948 г. до 717 тонн в 1954 г.) и олова (соответственно — 625 и 1788)⁴⁶. Производство цветных металлов еще сильно отстает от потребностей народного хозяйства.

Одним из пагубных последствий хозяйничанья в Индии иностранных монополистов является слабость энергетической базы страны. Единственным значительным промышленным источником энергии в колониальной Индии был каменный уголь. Однако добыча угля, находившаяся в руках английских монополий, производилась самыми отсталыми методами и росла крайне медленно. Перевозка угля из основных районов его добычи на востоке страны к местам потребления обходилась очень дорого ввиду высоких железнодорожных тарифов. Поэтому промышленности Бомбея и других городов на западе Индии нередко приходилось пользоваться углем, доставляемым из Южной Африки.

Еще в 20-х годах концерн Тата выстроил около Бомбея несколько гидроэлектростанций, но они использовали лишь незначительную часть огромных гидроресурсов Индии. В снабжении нефтепродуктами индийская промышленность и транспорт зависели от английских монополий, контролирующей добычу нефти на Ближнем Востоке и в Бирме. Захватив снабжение топливом народного хозяйства Индии в свои руки, английский капитал получил не только возможность взимать тяжелую дань с индийской промышленности, но и мощное средство для торможения ее развития.

Перед независимой Индией встала задача укрепления собственной энергетической базы. Важнейшим средством увеличения угледобычи в стране является механизация. Даже в 1955 г. только около 22% угля подрубалось врубовыми машинами, а навалка и отгрузка производились почти полностью вручную. В конце 1952 г. правительство Индии приняло решение о механизации процессов угледобычи, но это решение потребует много времени для своего осуществления, так как шахтовладельцы привыкли пользоваться дешевым трудом шахтеров. В настоящее время прилагаются усилия для увеличения добычи угля на государственных шахтах.

За семь лет (1948—1954) добыча угля в стране выросла с 29 800 тыс. до 36 800 тыс. тонн⁴⁷. Рост добычи угля задерживался также ввиду нехватки железнодорожных вагонов для его перевозки в южные и северные районы страны. В последние месяцы, благодаря принятым правительством Индии мерам, эти транспортные затруднения удалось преодолеть.

Необеспеченность большинства районов Индии каменным углем увеличивает потребности народного хозяйства страны в гидроэлектроэнергии. Наиболее рацио-

нальным решением этого вопроса является строительство на реках Индии мощных гидроэлектростанций. Однако ко времени своего освобождения Индия, кроме гидроэлектростанций около Бомбея, имела лишь несколько установок на Кавери и других маловодных реках Южной Индии, водный режим которых зависит от муссонов. Огромные энергетические ресурсы рек бассейнов Ганга и Брахмапутры, а также рек Пенджаба оставались почти неиспользованными.

Правительство Индии, как уже сообщалось в нашей печати, одобрило многочисленные проекты комплексного освоения рек страны как источников энергии и орошения. За последние пять лет в Индии затрачено на строительство электростанций в два с половиной раза больше средств, чем за все время английского господства. В результате строительства новых электростанций производство электроэнергии увеличилось с 4570 млн. квт-ч в 1948 г. до 7500 млн. квт-ч в 1954 г.⁴⁸ Примерно половину электроэнергии вырабатывают гидроэлектростанции. Однако промышленность Индии пока испытывает недостаток в электроэнергии, особенно в штатах Бомбей и Мадрас.

Нефтяные богатства Индии еще мало изучены. Единственным в стране нефтедобывающим районом является штат Ассам, где расположены промыслы Дигбой. В настоящее время Индия добывает всего лишь около 300 тыс. тонн нефти, которые удовлетворяют 7—8% потребностей страны. Недавно в Ассаме открыто крупное нефтяное месторождение. Разведывательные работы, в которых принимают участие советские специалисты, ведутся государственными организациями в Западной Бенгалии, Раджастане, Саураштре и других районах. Пока же Индия вынуждена тратить сотни миллионов рупий на ввоз нефтепродуктов. Чтобы уменьшить валютные расходы, в Индии выстроено несколько крупных заводов, перерабатывающих импортную нефть. Однако эти предприятия принадлежат английской и американской нефтяным монополиям, которые сбывают продукцию по высоким ценам.

Для Индии, отличающейся весьма неравномерным распределением энергетических ресурсов, особое значение приобретает проблема использования атомной энергии в мирных целях. Страна богата запасами атомного сырья. В Траванкур-Кочине и на восточном побережье находятся крупнейшие в мире залежи монацитового песка, содержащего торий и уран. Правительство уже выстроило в Алвайе предприятие по извлечению урана и тория из монацита. Второе подобное предприятие выстроено в Тромбее, около Бомбея⁴⁹. Там же сооружается опытный атомный реактор. В Индии созданы научные учреждения, занимающиеся изучением проблем атома. Сотрудничество со странами, занятыми мирным использованием атомной энергии, несомненно, облегчит Индии разрешение этой проблемы.

Экономическая независимость Индии не может быть обеспечена без создания современной химической промышленности. Особенно неотложны нужды Индии в красителях для хлопчатобумажной промышленности и удобрений для сельского хозяйства. Вложения в эту отрасль составляют примерно одну треть всех капиталовложений в промышленность Индии в 1951—1954 гг. (411,6 из 1255,4 млн. рупий)⁵⁰.

Первый в Индии современный завод красителей был открыт в марте 1952 г. в Парнера (штат Бомбей). Десятая часть капитала принадлежала американцам⁵¹. Однако несмотря на некоторые успехи в производстве красителей, их ввоз из-за границы пока не уменьшился и составляет значительную статью импорта: 193 млн. рупий в 1954 г. против 163 млн. в 1948 г.⁵²

Одной из причин низкой урожайности в колониальной Индии было истощение почвы из-за ничтожно малого внесения удобрений. Министерство сельского хозяйства Индии оценивает годовую потребность сельского хозяйства страны в 2 млн. тонн азота, или 10 млн. тонн сульфата аммония. До завоевания Индией независимости производ-

⁴⁸ MAS, March, 1955, p. 10.

⁴⁹ «Commerce», 8 января 1955 г.

⁵⁰ «Capital», 25 ноября 1954 г., стр. 705.

⁵¹ «Foreign commerce weekly», 28 апреля 1952 г.

⁵² MAS, March, 1955, p. 34.

⁴⁶ MAS, March, 1955, p. 23

⁴⁷ Там же, стр. 11.

ство сульфата аммония составляло несколько десятков тысяч тонн. В октябре 1951 г. в Синдри (Бихар) вступил в строй государственный завод по производству сульфата аммония. Однако продукция этого завода еще далеко не удовлетворяет потребности индийского сельского хозяйства в азотистых удобрениях. В настоящее время правительство Индии проводит работы по расширению завода в Синдри. В 1954 г. Индия произвела 340 тыс. тонн сульфата аммония⁵³.

В развернувшемся в Индии промышленном строительстве и в сооружении гидроэнергетических систем широко применяется железобетон. В связи с этим производство цемента в 1954 г. по сравнению с 1948 г. выросло в три раза и составило 4,5 млн. тонн⁵⁴. Цементная промышленность сильно централизована, большинство ее предприятий принадлежит нескольким индийским монополистическим объединениям.

Таким образом, после завоевания независимости Индия прилагает большие усилия для создания и расширения отраслей промышленности, обеспечивающих самостоятельное экономическое развитие страны: машиностроения, энергетики, химической и металлургической. При выполнении намеченных планов промышленного строительства Индия пока не может обойтись без поставок оборудования и технической помощи индустриальных стран. Иностранные капиталистические монополии пытаются использовать свою помощь для того, чтобы добиться участия в управлении предприятием и в распределении его доходов. Тем самым иностранный капитал стремится поставить под свой контроль новые отрасли промышленности, призванные укрепить экономическую самостоятельность страны. В этих отраслях происходит особенно ожесточенная борьба за заказы между английскими, американскими, западногерманскими, швейцарскими, японскими компаниями.

Самой крупной и старейшей отрасли промышленности Индии — хлопчатобумажной — колониальный режим оставил тяжелое наследство. В результате отделения Пакистана индийская хлопчатобумажная промышленность лишилась части своего хлопка, особенно длинноволокнистого. В стране не было собственного производства красителей. Оборудование, не обновлявшееся десятилетиями, было изношено и устарело. По данным специального обследования, 49% всех ткацких станков установлено до 1910 г. и 75% — до 1925 г., 30% веретен введено до 1910 г. и 65% до 1925 г. Для обновления основного капитала требуется заменить оборудование на 2615 млн. рупий⁵⁵.

В первые годы после войны эти трудности, а также стремление фабрикантов получить сверхприбыли на сбыте тканей по спекулятивным ценам привели к падению выпуска тканей до 3300 млн. метров (1950 г.). Лишь с 1951 г. началось восстановление текстильного производства. В 1954 г. фабрики Индии дали 4590 млн. метров тканей, что на 10—15% превышает их довоенное производство⁵⁶. Кроме того, 1200—1300 млн. метров производится в ручном ткачестве.

Для дальнейшего увеличения производства хлопчатобумажная промышленность нуждается не только в увеличении сборов хлопка, но и в техническом перевооружении. Между тем капиталовложения в эту отрасль промышленности относительно невелики. Фабриканты предпочитают повышать свои прибыли путем «рационализации», т. е. усиления интенсивности труда рабочих.

Джутовая промышленность — одна из наиболее крупных и старейших отраслей фабрично-заводской промышленности Индии — после раздела Индии попала в тяжелое положение. Главный район возделывания джута (Восточная Бенгалия) вошел в состав Пакистана. За последние годы Индии удалось увеличить сборы джута в Западной Бенгалии и Бихаре, хотя часть джута, перерабатываемого на фабриках Индии, еще закупается в Пакистане. Английские монополии, господствующие в джутовой промышленности, избегают необходимых затрат на обновление оборудо-

вания. Производство джутовых тканей по сравнению с довоенными годами сократилось примерно на четверть и держится на этом уровне.

Объем производства в пищевой промышленности, которая в Индии состоит главным образом из мелких полукустарных заведений, зависит прежде всего от сборов продовольственных культур. В последние годы, в связи с ростом урожаев, объем производства в этой отрасли промышленности увеличился. В единственной в Индии значительной отрасли пищевой промышленности, представленной крупными предприятиями, — производстве тростникового сахара — сильны позиции местного монополистического капитала. В послевоенные годы монополии, чтобы поддерживать высокие цены, задерживали производство сахара на уровне 1—1,2 млн. тонн в год. Лишь в сезон 1954/55 г. выработка сахара достигла 1,6 млн. тонн.

Заканчивая обзор основных отраслей крупной промышленности Индии после завоевания независимости, следует подчеркнуть, что общий рост индекса промышленного производства произошел главным образом благодаря увеличившемуся выпуску продукции в новых отраслях тяжелой промышленности, в которых ведущую роль играют государственные капиталовложения.

Согласно наметкам второго пятилетнего плана (1956—1961), роль государства в строительстве тяжелой промышленности еще более увеличится. По проекту второго пятилетнего плана при резком увеличении общего объема государственных капиталовложений доля промышленности в них (помимо затрат на строительство электростанций) возрастает с 8,4 до 19%⁵⁷.

Активное участие государства в промышленном строительстве создает условия для повышения темпов развития производства средств производства, а также позволяет более эффективно ограничивать и контролировать участие иностранного капитала в строящихся предприятиях.

В начале января 1956 г. Постоянный Комитет Совета по вопросам национального развития под председательством Дж. Неру рассмотрел проект меморандума о втором пятилетнем плане. Было решено, что государственный сектор должен постепенно расширяться, особенно в отраслях тяжелой промышленности, включая машиностроение. Было указано на недопустимость того, чтобы деятельность торговых и промышленных предприятий приводила к концентрации богатства и могущества. В то же время подчеркивалось, что частный сектор должен иметь возможность свободно функционировать в той области, где имеются частные предприятия.

* * *

В промышленном производстве Индии, как уже отмечалось, преобладает кустарная промышленность. В фабрично-заводской промышленности Индии в 1953 г. было занято 2403 тыс. человек, кустарная промышленность в 1951 г. давала работу свыше 11 млн. человек. В 1948 г. по официальным данным, в стоимостном выражении доля продукции кустарной промышленности в национальном доходе составила 8,7 млрд. рупий, или 58,8% стоимости продукции всей промышленности (14,8 млрд. рупий). В 1953 г., по предварительным данным, стоимость продукции кустарной промышленности увеличилась до 9,7 млрд. рупий, но ввиду того, что крупная и горная промышленности росли быстрее, доля ручного производства уменьшилась до 53,9%⁵⁸. Преобладание малопроизводительного ручного труда — тяжелое наследие колониального режима.

В кустарной промышленности Индии до сих пор существуют самые разнообразные формы экономических отношений. В отсталых сельских районах, а также в отдельных

⁵⁷ Подробнее о планировании в Индии см. М. Рубинштейн. Об экономическом развитии в Индии. «Вопросы экономики», 1955, № 10.
⁵⁸ MAS, September, 1954; March, 1955, p. II; «Final report of the National Income Committee», p. 71.

⁵³ MAS, March, 1955, p. 21.

⁵⁴ Там же, стр. 23.

⁵⁵ «Commerce», annual number, 1954.

⁵⁶ MAS, March, 1955, p. 17.

городских промыслах еще встречаются более или менее свободные мелкие товаропроизводители. Но наиболее распространены в индийской кустарной промышленности капиталистическая работа на дому и заведения мануфактурного типа. Главной причиной сохранения ручного производства была возможность использовать почти даровой труд индийских ремесленников и мануфактурных рабочих. Миллионы этих замечательных мастеров не могли найти применения в слабо развитой крупной промышленности колониальной Индии и были вынуждены за бесценок продавать свою рабочую силу, чтобы как-то прокормиться. Используя безвыходное положение кустарей, скупщики ремесленной продукции поставили их в полную зависимость от себя. Скупщики предоставляют в долг непущему «кустарю», фактически надомному рабочему, сырье или полуфабрикат (например, пряжу, металлы, краски и т. п.), а также денежные займы под высокий процент. Закабаленный займами надомный рабочий вынужден сдавать скупщику готовые изделия по заранее установленным крайне низким расценкам.

Заместитель министра торговли и промышленности Индии Н. Канунго заявил, что в 1954 г. средний заработок ткача-кустаря не превышал 20 рупий в месяц при условии полной занятости в течение двухсот дней в году⁵⁹. Крупнейший индийский предприниматель Г. Д. Бирла утверждает, что, по данным неофициального обследования, месячный заработок рабочих на хлопчатобумажных фабриках и в мануфактуре составляет соответственно 82 и 14 рупий⁶⁰.

Оставленная колониальным режимом проблема преобладания в промышленности ручного производства потребует для своего полного разрешения многих лет. Только широкая индустриализация Индии вовлечет в крупное производство десятки миллионов индийских ремесленников и «избыточного» сельского населения. По существу проблема ручного производства есть проблема ликвидации огромной скрытой безработицы, образовавшейся в результате сохранения колонизаторами полуфеодальных отношений в деревне и торможения ими развития в Индии крупной промышленности.

Правительство Индии прилагает усилия для решения проблемы ручного производства как путем вовлечения кустарей в создаваемую промышленность, так и путем организационной и технической реконструкции этой сферы производства. Для этого, согласно проекту второго пятилетнего плана, предполагается затратить примерно 2 млрд. рупий на организацию производственно-сбытовых кооперативов кустарей, строительство производственных и жилых помещений, улучшение орудий труда, обеспечение кустарей сырьем и вспомогательными материалами. Этими мерами индийское правительство стремится создать технически реконструированное и кооперированное кустарное производство.

* * *

Талантливые и трудолюбивые народы Индии достигли серьезных экономических успехов. Эти успехи были бы еще значительнее, не будь на пути экономического прогресса Индии двух препятствий: феодальных пережитков в деревне, сохранившихся на основе помещичьего землевладения, и иностранного монополистического капитала, который еще занимает важные позиции в народном хозяйстве страны.

От решения аграрного вопроса и увеличения сельскохозяйственного производства в огромной степени зависит расширение внутреннего рынка для промышленности Индии. В настоящее время индийская деревня покупает преимущественно потребительские товары. Техническая реконструкция сельскохозяйственного производства, на основе демократического решения аграрного вопроса, неизмеримо увеличит спрос индийской деревни не только на товары легкой промышленности, но и, что особенно важно, на продукцию тяжелой промышленности Индии.

⁵⁹ «Commerce and industry», 10 августа 1955 г., стр. 4.

⁶⁰ «Eastern economist», 19 августа 1955 г., стр. 290.

Для промышленного развития колониальной Индии было характерно столкновение двух сил: политики подчинения и торможения экономического прогресса Индии империализмом и тенденции самостоятельного всестороннего развития народного хозяйства страны. Ко времени завоевания Индией независимости индийские предприниматели значительно расширили и укрепили сектор национального капитала в промышленности страны. В 1943 г. 55% рабочих крупных предприятий (с числом занятых свыше тысячи человек) работало на фабриках и заводах, принадлежавших индийским предпринимателям. Однако важнейшие отрасли промышленности Индии попрежнему оставались в руках английских монополий. Им почти полностью принадлежала джутовая промышленность, которая имела монопольное положение на мировом рынке. Английский капитал господствовал в угольной промышленности и занимал важные позиции в хлопчатобумажной, металлургической, пищевой и других отраслях.

В последнее десятилетие в размерах и направлении иностранных капиталовложений произошли существенные изменения. Некоторые английские компании втроего продали индийским капиталистам свои предприятия. Однако английские монополии уступали свои позиции главным образом в отраслях легкой промышленности — хлопчатобумажной и джутовой и, наоборот, стремились укрепить свои позиции во вновь создаваемых предприятиях тяжелой промышленности.

После завоевания Индией независимости иностранный капитал уже не может бесконтрольно хозяйничать в народном хозяйстве страны. Многие еще неокрепшие отрасли национальной промышленности ныне защищены таможенными тарифами от конкуренции импортных товаров. В случаях совместного с иностранным капиталом строительства Индия стремится ограничить его участие во вновь создаваемом предприятии подрядными функциями. Некоторые ограничения существуют и в вывозе из страны полученных прибылей.

Однако, используя технические и продовольственные затруднения Индии, иностранный, главным образом английский и американский, капитал пытается удержать свои позиции в индийской экономике. По данным английского журнала, выходящего в Индии, частные иностранные вложения с августа 1947 г. до середины 1954 г. составляли приблизительно 590 млн. рупий⁶¹. По данным Резервного банка Индии, общая сумма иностранных (государственных и частных) капиталовложений в Индии с июля 1948 по декабрь 1953 г. увеличилась на 1750—1800 млн. рупий. Большинство капиталовложений — 1370 млн. рупий — поступило из Англии, на втором месте стоят США — 130 млн. рупий. Чистый прирост иностранных капиталовложений (с учетом репатриации капитала) составил 1320 млн. рупий⁶². За последние пять лет иностранные фирмы ежегодно переводят за границу примерно 300 млн. рупий своих прибылей.

Иностранные монополии, особенно американские, весьма недовольны тем, что индийское правительство играет важную роль в развитии новых отраслей индийской промышленности. С участием американских и английских банков создаются кредитные организации для поддержки частного промышленного предпринимательства⁶³. Повидимому, иностранные монополии рассчитывают, что установить контроль над частными предприятиями будет легче, чем над государственными.

Выступая 21 ноября 1955 г. на сборе скаутов штата Дели, Н. С. Хрущев сказал: «Для того, чтобы создать условия для полной независимости и опираться на него, здать прочный фундамент в виде хорошей промышленности и собственных сил, тем более,

При этом важно в первую очередь рассчитывать на собственные силы, тем более, что некоторые богатые страны, оказывая помощь другим, хотят подчинить себе тех, кому эта помощь оказывается»⁶⁴.

⁶¹ «Commerce», 9 октября 1954 г., 5 февраля 1955 г.

⁶² «New age», 11 декабря 1955 г.

⁶³ «Commerce», 20 ноября 1954 г.; «Eastern economist», 4 февраля 1955 г.

⁶⁴ Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане, стр. 17—18.

У великого народа Индии достаточно сил и возможностей, чтобы самому решить исторические задачи по преобразованию своей экономики. Взаимно выгодное, равноправное сотрудничество Индии с дружественными странами ускорит и облегчит прогресс ее народного хозяйства.

23 ноября 1955 г. на митинге в Бомбее Н. А. Булганин сказал: «Советский Союз полностью сочувствует законным желаниям народа Индии добиться экономической независимости и готов сотрудничать с Индией в области экономического строительства. Мы стоим за развитие экономических связей с Индией, за расширение торговли между нашими странами, за обмен научно-техническими достижениями и творчески основанное и взаимно выгодное сотрудничество»⁶⁵.

Принципы взаимно выгодного экономического сотрудничества выражены в Совместном заявлении Н. А. Булганина, Н. С. Хрущева и Дж. Неру и в Совместном советско-индийском коммюнике «К экономическим отношениям между Индией и СССР». В Совместном заявлении приветствуется развитие сотрудничества между двумя странами в строительстве металлургического завода в Бхилаи и в осуществлении других проектов, по которым уже ведутся переговоры. Дальнейшие возможности для такого сотрудничества может представить второй пятилетний план Индии, в котором главное внимание уделено тяжелой промышленности.

В Совместном советско-индийском коммюнике отмечается взаимная выгода увеличения объема торговли до максимально возможного размера. В качестве первого шага в этом направлении была достигнута договоренность о поставках Советским Союзом для Индии в течение ближайших трех лет одного миллиона тонн проката черных металлов, о закупке Индией в СССР оборудования, в частности для нефтяной и горнодобывающей промышленности, и других товаров, о встречных закупках СССР в Индии сырьевых и промышленных товаров. В Коммюнике предусматриваются предоставление взаимных максимальных торговых облегчений и организация регулярных паромных линий между советскими и индийскими портами.

Расширение советско-индийских экономических связей — новый ценный вклад в нерушимую дружбу советского и индийского народов, в великое дело мира во всем мире.

⁶⁵ Н. А. Булганин. Н. С. Хрущев. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане, стр. 48.

ГЕРАСИМ ЛЕБЕДЕВ — ОСНОВОПОЛОЖНИК РУССКОЙ ИНДОЛОГИИ

Л. С. ГАМАЮНОВ

С именем Лебедева связана одна из замечательных страниц в истории культурных связей и дружественных отношений между русским и индийским народами и в истории отечественной индологии, основоположником которой является этот выдающийся ученый-самородок.

Г. С. Лебедев родился в 1749 г. в Ярославле¹, повидимому, в семье священника². Определенных данных о его сословной принадлежности нет. Сам Лебедев об этом говорит неясно: «рода духовного купно и благородного»³. Автобиографический фонд его очень скуден. Особенно мало материала о ранних годах жизни Лебедева. Наиболее подробные биографические данные содержатся в опубликованных Лебедевым печатных трудах, а также в его рукописном наследстве. Рукописные книги Лебедева позволяют относительно полно осветить индийский период его жизни, они вместе с тем дают возможность воссоздать биографию ученого, выяснить характер просветительской деятельности Лебедева в Индии, а также его научные и политические взгляды⁴.

¹ На Ярославль как место рождения Лебедева указывает Ф. Булгаков (Ф. Булгаков. Герасим Степанович Лебедев. Русский путешественник-музыкант в Индии в конце XVIII века. «Исторический вестник», 1880, т. III, стр. 516), а также А. П. Баранников (А. П. Баранников. О культурных отношениях между Россией и Индией. «Известия АН СССР», отд. литературы и языка, 1946, т. V, вып. 6, стр. 462).

² «Происходил из дворян; отец его был священником» («Русский биографический словарь». СПб., 1914, стр. 104); «Из духовного звания; отец его был певчим в петербургской капелле» («Русский энциклопедический словарь», отд. III, т. I. СПб., 1874, стр. 217).

³ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание систем восточной Индии брамменов священных обрядов их и народных обычаев. СПб., 1805, предисловие, стр. II.

⁴ См. Центральный государственный архив литературы и искусства (в дальнейшем — ЦГАЛИ), фонд князей Вяземских И. А., А. И., П. П., № 195, оп. 1. В коллекции четыре книги: 1) ед. хр. 6075 — Лебедев Г. Тетрадь с переводами пьес для театра в Калькутте и копией меморандума. На русском, английском и бенгальском языках, 1795. Автограф, 76 л. (альбом); 2) ед. хр. 6076 — Лебедев Г. Тетрадь с переводами пьес, афишами театра в Калькутте. На русском, английском и бенгальском языках, 1796. Автограф, 199 л. (альбом); 3) ед. хр. 6077 — Лебедев Г. Тетради с копиями писем английской купеческой компании, жалоб, заметок, вызова в суд по вопросу уничтожения театра в Калькутте. На русском и английском языках, 1797. Автограф (альбом); 4) ед. хр. 6081 — Лебедев Г. Тетрадь с записями исторического и лингвистического характера. На русском и бенгальском языках, 1799. Автограф (альбом).

В конце XIX в. в коллекции Вяземских находилась и пятая книга, в которой был переписан текст поэмы бенгальского поэта Бхарат Чандра Рая «Видья Сундара». В настоящее время рукопись эта с подстрочным переводом обнаружена в центральном

По словам Лебедева, отец помешал ему в молодости получить систематическое образование. Только в возрасте пятнадцати лет он научился грамоте и музыке⁵. Очень рано проявилось у него стремление путешествовать. Однако впервые такая возможность представилась Лебедеву только в 1777 г., когда ему удалось выехать из России вместе с графом А. К. Разумовским, назначенным посланником в Неаполь. Надо полагать, что к этому времени Лебедев достиг значительных успехов в музыке, так как обратил на себя внимание такого любителя и знатока музыки, каким был Разумовский, поддерживавший личные связи с рядом крупнейших композиторов своего времени, в том числе с Бетховеном. Так как посольство было вынуждено задержаться в Вене, Лебедев, заручившись рекомендательными письмами А. К. Разумовского и русского посла в Вене князя Голицына, продолжал путешествие самостоятельно как музыкант-профессионал⁶. За время пребывания в Европе Лебедев посетил многие страны, его выступления пользовались большим успехом в европейских столицах и других городах. В 1782 г. он жил во Франции, затем в Англии. Здесь, вероятно, состоялось знакомство Лебедева со священником русской посольской церкви в Лондоне Я. И. Смирновым (Яков Ливинский), преемником А. А. Самборского. С обоими Лебедев переписывался.

12 февраля 1785 г. на корабле «Родни» Лебедев отплыл из Англии и 15 августа 1785 г. прибыл в Мадрас⁷. В Мадрасе он заключил контракт с градоначальником Вильямом Сиднем на организацию различных зрелищ. По контракту Лебедеву было определено содержание в 200 ф. ст., кроме сборов⁸. Занимаясь музыкой, Лебедев уже в Мадрасе пытался приступить к изучению Индии, в частности познакомиться с языками. «Несколько научился я Мальбарскому народному языку, — писал он, — но к распознаванию брамгенских наук определить я не мог в Мадрасе для того, что основания оных, писанные духовным их языком, ни кто из индийцев не был в состоянии истолковать мне на Английском языке»⁹.

В 1787 г. Лебедев переселился в Калькутту. «Из Мадраса в 1787 году я переехал в Калькоту, — писал он, — где моя музыка гораздо более обратила любителей оных на себя внимание; и как она доставила мне там гораздо выгоднейшее состояние, то я начал рачительно входить в распознавание предлагаемых в книге сей предметов»¹⁰. Калькуттский период жизни имел наибольшее значение в формировании Лебедева как индолога. В это же время развернулась и его просветительская деятельность в Индии.

В течение первых двух лет пребывания его в Калькутте попытки предпринять серьезное изучение индийских языков были безуспешны. Вот что он пишет о причинах затруднений, которые он испытывал. «Затруднительно же мне предприятие (изучение Индии. — Л. Г.) по тому, что при всех в разные времена покушениях любопытных

государственном историческом архиве СССР (ЦГИА), в фонде адмирала А. С. Шишкова. Некоторые из рукописных материалов опубликованы в архиве Воронцовых. Часть рукописного наследия Лебедева хранится в Ленинграде, в библиотеке Института востоковедения АН СССР, а также в Москве, в библиотеке им. В. И. Ленина.

⁵ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. II.

⁶ «Я решился продолжать из Вены странствование свое на собственном моем иждивении, надеясь, что музыкальное мое искусство может доставить мне пропитание». Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. II.

⁷ Там же, стр. III; «Исторический вестник», 1880, № 11, стр. 517.

⁸ «Исторический вестник», 1880, № 11, стр. 517.

⁹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. III. Трудно сказать, с каким именно из южноиндийских языков познакомился Лебедев в Мадрасе. Можно предположить, как это сделал С. К. Булич (см. С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в. — 1825). СПб., 1904, стр. 495), что Лебедев познакомился с языком малаяли, распространенным в Западных Гхатах. Однако вероятно и предположение, что он познакомился с тамили или телугу, на которых говорят в Мадрасе. Во всяком случае вопрос этот пока остается открытым.

¹⁰ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. III.

испытателей неточно о Брамгенских Системах, но и свойстве древнейшего их Шомскритского языка точного сведения до сие время Европа еще не имела; да и в самой Индии, ни от кого сих предметов не можно занять, кроме Брамгенов, которые на пребывающих тамо европейцев не иначе смотрят, как на бесчеловечных гонителей, или как на презрительнейших своих париев, которые употребляют у них для выносу и вывозу всякой нечистоты из домов и из дворов»¹¹.

Известно, что с такими затруднениями сталкивались многие из английских ученых, в частности индолог Вильям Джонс, которому долго не удавалось найти преподавателя санскрита; с большим трудом в конце концов он нанял преподавателя, но не брахмана. Лебедев смог преодолеть подобное затруднение. Когда, казалось, иссякла уже всякая надежда найти подходящего переводчика и учителя, домоуправитель Лебедева познакомил его с бенгальцем Голокнатом Дасом. Этот учитель знал бенгали, хиндустани, санскрит и, вероятно, английский язык. Сам Голокнатх Дас очень хотел выучиться музыке. На следующий же день после первой встречи с Голокнатом Дасом, пишет Лебедев, «он предложил мне усвоить санскритскую азбуку, тем более, что в ней я мог найти ключ к неопределенным сокровищам восточных наук и знаний»¹². Приступив к занятиям языками, Лебедев целиком отдался этому делу. «Тебе известно, — писал он Я. И. Смирнову, — с которого времени я начал знакомиться с гиндостанскими[ми] языками, и позабывши так думать о всем другом старался со всевозможною рачительностью совершить»¹³. Вскоре он уже достиг некоторых успехов в своих занятиях¹⁴: составил несколько диалогов на различные темы на бенгальском языке и хиндустани, перевел «краткой но употребительной вообще словарь, написал несколько разговоров, часть Календаря (3 листа), из чего можно о многом справедливо уведомиться, о богопознании их, о планетах, о звездах как местах, и о праздниках, четыре начальные арифметические деления и также перевел из древних книг тракт, героического стихотворства, написанной славным Гиндустанского света писателем... Бгарот чоңдро раи, которой спорядочным разделением частей, написал так сладкоречиво приятно ясно и справедливо что многие вытверживают наизусть»¹⁵.

Герасим Лебедев не ограничился теоретическим изучением индийских языков. Он задумал предприятие, совершенно неслыханное в условиях того времени: он решил использовать свои занятия индийскими языками и литературой, чтобы практически познакомить индийское общество с европейской театральной культурой.

Во время занятий языками Герасим Лебедев перевел с английского на бенгали драму «Притворство» Джодрела и «Любовь — лучший врач»¹⁶. Голокнатх Дас посоветовал ему поставить одну из этих драм и обещал посодействовать в подыскании актеров из бенгальцев. Чтобы удостовериться в правильности переводов, Лебедев пригласил некоторых ученых и прочитал им рукописи своих трудов. Кроме того, Лебедев хотел узнать, какое впечатление произведут на слушателей его переводы драм, так как он очень ценил мнение бенгальской публики и стремился к тому, чтобы драмы удовлетворяли вкусам бенгальцев. После того как подготовленные им переводы были одобрены пандитами, Лебедев обратился к тогдашнему губернатору Индии Джону Шору за официальным разрешением на постановку пьесы¹⁷. Получив разрешение,

¹¹ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., предуведомление, стр. I—II.

¹² G. Lebedeff. A Grammar of the pure and mixed East Indian dialects... London, 1801, p. IV.

¹³ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 35 (22 об.). Письмо Я. И. Смирнову из Калькутты, 23 июля 1797 г.

¹⁴ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание... Предуведомление, стр. IV.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 52 об. (5), 52. (5 об.).

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 52 (5 об.). «Ради обозрения действительного и заставило перевести на бенгальский вообщеупотребительной язык две английские комедии: [одну] называемую Притворство (Disguise) и другую Любовь есть лучший доктор (Love is the best Doctor)».

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 об. (6).

Лебедев намеревался снять помещение у антрепренера английского театра в Калькутте. Однако предложение Лебедева встречено было насмешками, английские театральные дельцы отнесли к идее Лебедева как к предпринятию безумному, обреченному на неудачу¹⁸. В здании ему отказали. И тогда, писал Лебедев, «оградился я непоколебимостью и раскаленного и пылавшего предприятия твердостью замкнувши во уме; смело решился на остальные деньги соорудить в наемном доме в улице Домтола... № 25 свой театр, который вмещал боле трехсот персон, и быть архитектором повелителем надзирателей за столярами, плотниками, кирпичниками и другими работниками»¹⁹.

Подготовка театра велась по плану, составленному самим Лебедевым. Одновременно он производил репетиции и спевки. Труппа состояла из тринадцати человек: трех женщин и десяти мужчин, музыкальный ансамбль — из десяти человек. «Между многочисленными заботами, — писал Лебедев, — успел также научить комедияльному действию дикокажущихся бенгальцев: трех женщин и десяти мужчин. И такое же число научил петь гиндустанскими словами и играть музыку, сочиненную мною на тот случай их любимыми инструментами»²⁰.

Организация театра и подготовка пьес продолжалась три месяца, примерно с августа 1795 г.²¹

Лебедев был одновременно и организатором, и режиссером-постановщиком, и композитором, и дирижером, и музыкантом, и художником-декоратором. Чтобы сделать пьесы более понятными индийцам, Лебедев переработал их, внес ряд изменений и дополнений, перенес действие в города Калькутту и Лакноу, заменил европейские имена действующих лиц бенгальскими.

Весьма примечательно, что, поставив перед собой цель — донести до бенгальцев европейское драматическое искусство, он взял при этом образцом тогда еще молодой русский национальный театр. «И когда на воздвигнутых кирпичных и деревянных столбах и подпорах перекладах и на забойках положена была уже кровля в партере (в зале) и в двух этажах (рядах) насланы были полы, — писал Лебедев, — старался я потом на отделанном для представления явлении полу подобно моему земляку Федору Волкову в Калькуте будто в Москве намалевать ширмы в бенгальском вкусе»²².

Когда подготовка была закончена, Лебедев пригласил на просмотр пьесы своих друзей, которые одобрили постановку. Вест о предстоящем зрелище распространилась за пределы Калькутты, облетев окрестные селения²³. Желавших посмотреть невиданное прежде в Калькутте зрелище было много. Первый спектакль состоялся 27 ноября 1795 г.²⁴. Театр не мог вместить всех желающих увидеть драму. «Собрание было столь многолюдно, — писал Лебедев, — что если

¹⁸ «Потом на первый случай просил я Компанейских слуг у надзирателя театра... отказал (?) и с другими смеялся будто безумному предпринятию прежде представления комедии...». Там же, л. 51 об. (6).

¹⁹ Улица Домтола (Dometola), в настоящее время Эйра-стрит (Eura Street) в центре Калькутты. В письме к Воронцову Лебедев между прочим отмечал, что театр вмещал четырехста зрителей. Это расхождение объясняется тем, что театр был впоследствии расширен. Там же, л. 51 об. (6), 51 (6 об.).

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 об. (7).

²¹ О сроках постройки см. там же. В тетради с переводами пьес (ед. хр. 6076) на внутренней стороне обложки фраза: «Театр мой начат строится».

²² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 51 (6 об.). «Признаюсь, не так как было должно красиво, но был доволен по пословице: Голого неделью да свое-ста рукоделье». Там же, л. 50 об. (7).

²³ Там же, л. 50 об. (7), 50 (7 об.).

²⁴ В кн. «Беспристрастное созерцание...», как известно, говорится, что драма была поставлена дважды в 1796 г. Вероятно, имеются в виду полные постановки в трех актах. В архиве сохранилось объявление о третьей постановке. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6076.

бы театр мой был трижды больше, конечно был бы наполнен»²⁵. Драма имела бурный успех. 21 марта 1796 г. она была показана второй раз и имела также большой успех²⁶. Хорошее начало задуманного Лебедевым предприятия вселило в него уверенность в возможности дальнейших успехов на театральном поприще.

Лебедев расширил помещение театра, стал подбирать труппу и подыскивать декоратора. Но английской администрации пришлось не по вкусу просветительская деятельность Лебедева. К тому же в лице Лебедева и его театра владелец английского театра, в делах которого были заинтересованы некоторые чиновники Ост-Индской компании, увидел конкурента²⁷. Декоратор английского театра некто Иосиф Батль вошел в доверие к Лебедеву, стал его компаньоном и начал подрывать театр Лебедева изнутри. Он увольнял из театра преданных Лебедеву людей, менял декорации, костюмы и репертуар, вводил Лебедева в излишние расходы. Иосиф Батль пытался сжечь театр, а когда вконец расстроил предприятие Лебедева, объявил себя банкротом и ушел к своему прежнему хозяину. Но и после того как театр прекратил существование, Лебедева не оставили в покое. Его систематически донимали ложными доносами, сплетнями, обвинением в несуществующих долгах. Дело кончилось арестом Лебедева по одному из ложных обвинений. Обращение за помощью и защитой в английский колониальный суд было бесплодным. Против Лебедева ополчилось все английское общество в Калькутте, и в конце концов совместными усилиями дельцы Ост-Индской компании погубили театр Лебедева, а самого его довели до разорения²⁸. «Не вспомятовал при заботах, — писал Лебедев, — что в купеческом государстве златоблестящая руда, как и сребросияющая кровь в театральных и жадных богатства людях возпали ненависть заставит суетится опорочить и повредить иностранцев похвальное дело и довести до надения»²⁹.

Вынужденный прервать научные занятия и не имея возможности продолжать просветительскую деятельность, Лебедев покинул страну, которой он в течение многих лет отдавал всю свою энергию и все свои помыслы. Из Индии он сперва направился в Англию, а затем возвратился в Россию.

Оценивая просветительскую деятельность Лебедева в Индии, следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Лебедев общался с брахманами, с пандитами, с индийцами различных общественных рангов, разных каст и классов. Ему удалось преодолеть предубеждение индийцев в отношении европейцев, ибо они встретили в лице Лебедева не колонизатора, а друга. Лебедев сблизился с брахманами, которые были его учителями, наставниками, друзьями. Такие отношения могли установиться не только потому, что в деятельности Лебедева не было и тени колонизаторского, конкистадорского подхода к стране и ее людям. Взаимоотношения Лебедева с индийцами и вся его деятельность свидетельствуют о том, что в тогдашней Бенгалии произошли некоторые социально-экономические сдвиги, в результате чего в Калькутте того времени существовала значительная прослойка передовой индийской интеллигенции, которая стремилась познакомиться с европейской культурой.

Эта интеллигенция стремилась к тому, чтобы Индия вышла из замкнутости, чтобы она, не отказываясь от своей древней культуры, вошла в контакт с мировой культурой.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

²⁶ «21 марта 1796 года тоже комедия Притворство в трех полных актах представлена была во второй раз и беспристрастными нелицеприятно все опять хоша и было похвалено зрителями, только промышленниками сего рода вскоре дано было знать что за сие учащие хиндостанские языки и переводчик весьма на меня сердиты... Но могли ли они остановить когда фортуна на крыльях меня несла». Там же, л. 50 (7 об.).

²⁷ «Смех надзирателя другого театра, — писал Лебедев, — после сего переменялся в зависть и мне на ум не приходило что по простевии ополчит противу меня врагов». ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

²⁸ Данные, относящиеся к последнему периоду жизни Лебедева в Индии, см. ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6075, «Memorandum»; ед. хр. 6077.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 8 об. (49).

Индийских друзей Лебедева, — таких, как Голокнатх Дас и другие, — можно рассматривать как предшественников индийских просветителей. Таким образом, просветительская деятельность Лебедева нашла в Бенгалии благоприятную почву.

* * *

Герасим Степанович Лебедев был не только отважным и предприимчивым путешественником и одаренным музыкантом. Для своего времени он был крупным ученым, труды которого пользовались всеобщим признанием.

В XVIII в. индология, в том числе и русская, переживала процесс становления. Возникновению индологии как науки предшествовал длительный период накопления сведений об Индии. В половине XVIII в. англичане твердой ногой стали на индийском континенте, сведя на нет значение других держав, соперничавших с Англией в установлении безраздельного господства над Индией. Практические потребности английского господства в Индии привели к комплексному изучению ее английскими учеными. Правда, большинство англичан, находившихся в Индии, не интересовалось изучением страны даже с утилитарной точки зрения. Нередко они не знали даже индийских языков. Отмечая это обстоятельство, Г. С. Лебедев писал, что «весьма мало европейцев за тяжестью разумеют бенгальский язык»³⁰, «компанейские сосуны», говорил он, «не доразумевают азбучного ясного блеску; ключи не могут и этот словесных индустанских язычных земчужин»³¹.

В конце XVIII в. наиболее прозорливые деятели английской колониальной администрации уже осознали, что для управления завоеванной страной требуется серьезное изучение ее истории, обычаев, религии, языков и литературы. В правление Уоррена Гастингса, в 1784 г., по инициативе Вильяма Джонса (1746—1794), основоположника английской индологии, было учреждено Азиатское общество Бенгалии (Asiatic Society of Bengal)³². По замыслу его организаторов общество должно было объединить усилия английских ученых в деле всестороннего, комплексного изучения Индии. В деятельности Азиатского общества принимали активное участие такие английские ученые, как Вильям Джонс, Роберт Чамберс, Хайд, Джон Шор, Ричард Джонсон, Френсис Гладвин, Х. Т. Колебрук, Чарлз Вилкинс. Уже первые шаги английской индологии отмечены успехами в области изучения Индии. Достаточно сказать, что Чарлз Вилкинс в 1785 г. перевел с санскрита на английский язык «Бхагавадгиту», в 1787 г. — басни «Хитопадеша», а в 1808 г. издал грамматику санскрита. Вильям Джонс, председатель Азиатского общества, перевел драму великого индийского поэта Калидасы «Сакунталу», «Гитаговинду», «Законы Ману». Х. Т. Колебрук дал переводы ряда произведений с санскрита. Он издал санскритские словари, грамматику Панини и сам написал грамматику санскрита.

В этот период индология возникает и в ряде других западноевропейских стран, в частности в Германских государствах и во Франции. Так, в конце XVIII — начале XIX в. Фр. Шлегель положил начало немецкой санскритологии. Во Франции в 1801—1802 гг. индолог Анкетиль Дюперон опубликовал перевод с санскрита «Упанишад».

В России уже в первой трети XVIII в. отмечается научный интерес к Индии. Знакомство первых русских ученых с отдельными индийскими языками происходило преимущественно через посредство западноевропейской литературы. Однако оригинальных работ русских авторов об Индии до трудов Г. С. Лебедева не было.

Лебедев следил за современной ему литературой по Индии, был в курсе проблем, которые разрабатывали тогда английские индологи. Об этом можно судить, в частности, по тому, что в печатных работах и в рукописных материалах Лебедева содержатся упоминания работ Вильяма Джонса, а также полемические высказывания Лебедева.

³⁰ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 50 (7 об.).

³¹ Там же, л. 20 (37 об.).

³² «Centenary review of the Asiatic society of Bengal. 1784—1883». Calcutta, 1885, p. 13.

В книгах Лебедева затрагивались многие из тех вопросов, которые привлекали внимание и английских ученых.

Г. С. Лебедев проявлял интерес не только к языкам, но и к истории, литературе, астрономии, религии и обычаям индийцев. В своих книгах Лебедев касается этих вопросов.

В 1801 г. он напечатал в Лондоне грамматику языка хиндустани³³. Об этом труде Лебедев говорит: «...издал я в Лондоне 1801 года собственным моим рачением и изданием, собранную индийских смешанных диалектов народную грамматику, каковой Европа еще никогда не имела; в чем оправдать меня могут все знающие оных диалектов свойство беспристрастные испытатели...»³⁴.

Эта работа Г. С. Лебедева интересна как первое сочинение русского автора по индийской филологии. В основу этой грамматики легли лингвистические материалы, собранные Лебедевым в процессе самостоятельного изучения новоиндийских языков.

Лебедев был знаком с грамматиками Дж. Хэдли и Фергюссона, которые до него изучали новоиндийские языки. Он отмечал, что Хэдли и Фергюссон старались подвергнуть незаслуженному сомнению грамматическую науку индийцев.

Симпатии Лебедева к индийскому народу и стремление помешать преуменьшению его культурных и научных достижений выражались, таким образом, в осуждении узкого практицизма в области изучения индийских языков и пренебрежительного отношения к достижениям индийского классического языкознания.

Критикуя английских ученых, Лебедев порою допускал неточности и ошибки, которые позднее сам осознавал и выражал надежду, что будущие исследователи исправят эти недостатки.

Грамматика Лебедева представляет несомненный интерес для истории науки, как первый опыт составления грамматики новоиндийских языков в России³⁵.

Возвратясь в Россию, Лебедев организовал типографию, в которой впервые в Европе отлит бенгальский шрифт, использованный в изданной им в 1805 г. книге «Беспристрастное созерцание...». В этом отношении Лебедев опередил на несколько лет английского ученого Чарлза Вилкинса, который применил отлитый им шрифт деванагари в 1808 г., при издании упомянутой выше санскритской грамматики. До этого в Европе было распространено клиширование индийских текстов. Известно, что когда в Западной Европе узнали о типографии Лебедева, он получил приглашение организовать типографию в Страсбурге, где предполагалось издавать произведения индийской литературы.

В книге «Беспристрастное созерцание...» Лебедев пытался разобраться в содержании индуизма, привел сведения об индийском календаре, об индийской торговле, о некоторых обычаях индийцев, кастах, о торговле в Индии западноевропейских держав. Эта книга состоит из трех частей. В первой части семь глав: 1) О сотворении мира

³³ «Grammar of the pure and mixed East Indian dialects, with dialogues affixed, spoken in all the eastern countries, Methodically arranged at Calcutta, according to the Brahmenian System, of the Shamscrit language. Comprehending Literal Explanations of the compound words, and circumlocutory phrases, necessary for the attainment of the idiom of that language, etc. Calculated for the Use of Europeans. With remarks on the errors in former grammars and dialogues of the Mixed Dialects called Moorish or Moors, written by different Europeans; together with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit Alphabet; and several specimens of Oriental Poetry, published in the Asiatic Researches... By Herasim Lebedeff. London: Printed by J. Skirven, Ratcliff-highway; for, and sold by the author, № 3, Warwick-place, Bedford-row; and by Mr. Deberett, bookseller, Piccadilly. 1801».

³⁴ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. X.

³⁵ Акад. В. В. Бартольд ошибочно считал, что Лебедев написал грамматику санскритского языка. На самом деле книга Лебедева представляет собой грамматику калькуттской модификации хиндустани с весьма заметным влиянием бенгальского языка.

сего; 2) О святой единосущной и нераздельной Троице; 3) Об Ангелах, индийцами распознаваемых; 4) О светилах небесных, первоначального Лунного века; 5) О сотворении всей земной твари; 6) О начальном счислении времени у индийцев; 7) О четырех индийских веках.

Во второй части книги пять глав: 1) О разделении царств природы; 2) О разделении света сего на планеты и градусы; 3) О светилах небесных первоначального солнечного века; 4) О месяцах и знаках к оным принадлежащих и о шести разных временах годичных; 5) О ключе и расположении табелей в Индийском календаре.

Часть третья включает в себя семь глав: 1) О священных Брамгенских обрядах и пяти разных помазаниях младенцев; 2) О храмах и украшениях к оным принадлежащих; 3) О главных праздниках Индийских, и чудесно страдательных торжествах их; 4) О разности чинов и званий Индийского народа; 5) О народных обычаях индийцев; 6) О изобилиях Восточной Индии; 7) О торговле Индийской.

«Беспристрастное созерцание...» является первой оригинальной работой об Индии на русском языке. Некоторые разделы этого политико-географического сочинения XVIII в. представляют интерес и до сих пор. Отдельные положения, содержащиеся в этой книге, интересны как свидетельства очевидца, например данные о торговле.

Характеризуя торговлю различных держав с Индией, Лебедев писал: «Народы составляющие Индийскую торговлю суть следующие:

1-е. Англичане, которые и хозяйствуют уже почти во всей Индии. Они привозят в Индию по большей части из России получаемые товары, по мнению их грубые, как рушен бер, то есть, русские медведи; коим наименованием подобно как и Французов честят френч док: то есть французская собака: так равно как не просвещенных, снисходительно величают и Россиян»³⁶. В числе русских товаров, ввозимых англичанами в Индию, Лебедев называет мачтовый лес, доски, пеньку, лен, парусное полотно, юфть, деготь, сало, железо полосное и дельное, сталь, гвозди, шкуру, кнопку и брусья»³⁷.

Лебедев был сторонником установления прямого контакта с Индией, установления непосредственных торговых связей с этой страной. Действительно, приведенное им краткое описание торговли западноевропейских государств с Индией³⁸ показывает, что Россия теряла на том, что ее товары попадали в Индию круглым путем, в результате перепродажи этих товаров западноевропейскими торговыми компаниями. Кроме того, посредничество этих компаний вело к тому, что ввоз необходимых России товаров из Индии был в руках тех же компаний, что удорожало их. О том, что Лебедев проявлял интерес к вопросу о развитии торговли между Индией и Россией, свидетельствуют также его высказывания в частных письмах. Так, в письме к С. Р. Воронцову он писал: «Хоща я почти догола и разорен, только из подданных России здесь находящихся при желании [и] помочь исправить мое состояние присоветован вашему сиятельству просить исходатайствовать два пашпорта ради тремастных двух кораблей или двумастных естли чрез линию проходить позволяется, чтобы оныя под флагом Российским из должными привилегиями, из Инди [и], из реки Гангам (Ganga) из восточного и средиземного океана по выходе; чрез балтийское море, мною введены могли быть в Неву и чтоб оныя, как можно скорей вы благоволили ко мне прислать: Дабы мог закупить товары в разных местах в такое время, в какое готовые продаются гораздо дешевле и в удобной случай купить. Рассуждая что не требуется денег на покупку кораблей и на товары, и что не токмо внесется умножение в казну но ободрится торг и мореплавание; кроме полезных известий надеюсь, сего ради, благоволите пашпорты ко мне скоро переслать»³⁹.

³⁶ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 171.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 171—173.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6077, л. 21 (36 об.); «Архив князя Воронцова. Бумаги разного содержания», кн. 24. М., 1880, стр. 174—179.

Данные, приводимые Лебедевым о составе и характере торговли западноевропейских государств в Индии, являются исключительно ценными, поскольку они уточняют наши представления об этой торговле. К концу XVIII в. Урал по размерам металлургического производства выдвинулся на первое место в мире⁴⁰. Черная металлургия Урала обслуживала не только внутренний рынок, но и удовлетворяла потребности экспорта. Известно, что большая часть продукции казенных металлургических заводов направлялась в Петербург для продажи в «заморский отпуск»⁴¹. Сведения, сообщаемые Лебедевым, показывают, как далеко за пределами России находило сбыт знаменитое уральское железо. Несомненно, что продажа русских товаров в Индии, без посредничества других европейских государств, представляла бы определенные выгоды как для русских, так и для индийцев. Показательно, что Лебедев, предлагая отправить товары непосредственно из Индии в Россию, подчеркивал, что это будет способствовать улучшению торговли и развитию мореплавания. Однако в историческом смысле его инициатива оказалась запоздалой, поскольку Индия уже потеряла самостоятельность.

Лебедев пытался разобраться в сословно-кастовой структуре индийского общества, вопросе, который представляет значительные трудности даже при современном состоянии науки. Лебедев делил все общество на четыре касты (Чар Чьати), по выражению Лебедева — «классы»: брахманов, кшатриев, вайшьев, райатов⁴².

Судя по перечисленным выше традиционным, древним кастам, Лебедев имел относительно правильное представление о кастовой структуре индуизма, хотя и не смог до конца разобраться в этом весьма сложном вопросе. Он, собственно, и не ставил перед собой задачи выяснить происхождение касты. На этот счет в его книге мы находим только одно замечание: о происхождении париев — неприкасаемых. Он считает, что неприкасаемые не представляют какой-либо нации, что они своим происхождением обязаны завоеваниям и пополнялись пленниками или изгнанниками⁴³.

Описывая касты, Лебедев подчеркивает кастовую замкнутость ремесла, наследственность различного рода занятий в определенной касте, невозможность изменить кастовую принадлежность. Таким образом, отвлекаясь от терминологии, применяемой Лебедевым (классы, звания, чины, пехи), можно утверждать, что он весьма близко подошел к правильному представлению о кастах.

Значительное место в работе Лебедева отведено описанию обрядов культа индуизма, религиозных праздников, обрядов инициации.

В книге содержатся также сведения о природных богатствах Индии, о растениях и плодах, об изделиях индийского ремесла. Так, например, о Дакке он пишет, что она «изобилует всякого сорта лучшими во всей Индии кисеями, называемыми мольмуль или мольмуль, и в множестве другими бумажными разными полотнами, платками и чулками; в коем городе Англических купцов Таможня, ежегодно собирает пошлин с земных произрастаний и с товаров по крайности два крора рупей, иначе называемых така; которой доход, получается ими там с хлеба, соли, табаку, с листов называемых Битель и орехов Шупари, с разного масла и проч. так же и с привозного из Европы сукна, шелковых и бумажных материй и проч.»⁴⁴.

Исключительный интерес представляют приводимые Лебедевым сведения этнографического характера, сведения о нравах и обычаях индийцев, хотя он не всегда и не во всем прав и не всегда приводит достоверные сведения.

⁴⁰ См. В. К. Яцунский. Материалы по истории уральской металлургии в первой половине XIX в. «Исторический архив», т. IX, 1953, стр. 283.

⁴¹ См. Н. И. Павленко. Материалы о развитии уральской промышленности в 20—40-х годах XVIII в. «Исторический архив», т. IX, стр. 173.

⁴² Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 150—154.

⁴³ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 154—155.

⁴⁴ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 166.

В книге Лебедева содержатся очень интересные данные о хозяйничании англичан в отдельных провинциях Индии. Так, например, он писал: «С бывших в древности сильно могущих Государств, называемых Бенгал и Багар ⁴⁵, ныне знаемых под именами уже провинций, как-то сведущим Англичан историю известно, некогда сии славные в свете торгачи получали ежегодно доходу одиннадцать кроров рупей, или 13 750 000 фунтов штерлингов; но что они получают с них ныне, то известно остается одним только их Министрам.

С провинции Ориша или Ориса, прежде бывшего также государства, они не меньше вышесказанных двух, а уповательно гораздо больше получают в год доходу» ⁴⁶.

Работы его отличались горячим сочувствием к индийцам, уважением и любовью к народам Индии, а также объективной критикой и резким обличением английских колонизаторов. В главе «О нравах и обычаях индийцев» Лебедев, как бы подводя итог изучения Индии, пишет: «Из всего выше нами сказанного довольно явствует, что индийцы ни мало не похожи на диких, и что более имеют справедливости приписать сплюснутую тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери. Они не похожи на идолопоклонников, а признают такими тех собою надмевающихся нашельцев, которые жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, к несчастию рода человека, пожирают целые государства» ⁴⁷.

Неоспоримы заслуги Лебедева в области языкознания, в области изучения живых индийских языков, а также в изучении санскрита. Он является основоположником изучения новоиндийских языков в России. Главная заслуга Лебедева перед русской наукой заключается в том, что он первый ввел Индию в круг научных интересов ученых нашей страны.

УЧЕНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ МОНГОЛОВЕДА О. М. КОВАЛЕВСКОГО¹

Н. П. ШАСТИНА

Научное наследство выдающегося монголоведа XIX в. Осипа Михайловича Ковалевского, одного из основоположников русского монголоведения, дошло до нас в далеко не полном объеме. Некоторая часть его материалов хранится в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР, некоторая — в Государственном архиве Татарской АССР. Часть архива О. М. Ковалевского находится в Польском Народной Республике. При этом следует отметить, что большая часть архива Ковалевского погибла в 1863 г. в Варшаве при разгроме дома, где он жил ². Из окон этого дома, но не из квартиры Ковалевского, один из польских патриотов стрелял в царского наместника Берга. В ответ на это военные власти распорядились отдать этот дом на разгром солдатам. Часть имущества всех проживавших в этом доме была расхищена, а часть сожжена на улице. Пострадал при этом и О. М. Ковалевский, у которого погибла часть библиотеки и некоторые рукописи. В числе исчезнувших рукописей было несколько подготовленных к печати томов «Истории Востока», рукописи «Истории буддизма», составленные Ковалевским по монгольским материалам биографии Дзонхавы, Зая Пандиты, тибетских далай-лам, и много других материалов. Почти через десять лет после такого трагичного для ученого случая, О. М. Ковалевский в одном из писем к В. В. Григорьеву вспоминает об этом ³. Он пишет о подбранной им пачке писем Яна Чечота ⁴, который во время своего вынужденного пребывания в Оренбурге усиленно занимался археологическим и этнографическим обследованием края и подробно информировал Ковалевского о своих находках и собранных материалах. «И эта пачка писем, — пишет О. М. Ковалевский, — около 200 листов, во время разгрома моего имущества в Варшаве пропала без вести. Тяжело, тяжело об этом писать». Эти фразы передают не только горечь ученого, но и свидетельствуют о внимательном отношении Ковалевского к своему научному архиву. Он подбирал свою корреспонденцию, нумеровал и бережно хранил ее.

¹ Статья представляет собой предварительное сообщение о найденной переписке О. М. Ковалевского, над намеченным изданием которой ведется сейчас работа.

² Wł. Kotwicz. Józef Kowalewski — orientalista (1801—1878). Ze wstępem Mariana Lewickiego. Bibliografia opracowana przez Marię Kotwiczównę oraz niewydaną Korespondencją Kowalewskiego. Wrocław, Nakładem Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 1948, 207 Str.

³ Письмо О. М. Ковалевского от 27 марта 1872 г. хранится в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив И. В. Помяловского, К-16.

⁴ Ян Чечот (1794—1847 гг.) — польский фольклорист, близкий друг А. Мицкевича, один из членов общества филоматов в Виленском университете, за участие в котором был выслан в Оренбург.

⁴⁵ Бихар.

⁴⁶ Г. С. Лебедев. Беспристрастное созерцание..., стр. 166.

⁴⁷ Там же, стр. 155.

Недавно в Отделе редких книг библиотеки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова были обнаружены две обычные канцелярские папки с небрежной надписью красным карандашом «Архив О. М. Ковалевского». Эти материалы были обследованы научным сотрудником Казанского университета Г. Ф. Шамо-вым, который любезно обратил наше внимание на эту находку, за что, пользуясь случаем, приносим ему глубокую благодарность. На папках имеются номера, написанные тем же почерком, что и надпись «Архив О. М. Ковалевского» — папка № 1 и папка № 13. Можно предполагать, что существовали еще одиннадцать папок, начиная с № 2 по № 12, но где они находятся, каково их содержание, можно только гадать. Неизвестно, сохранились ли они, так же как остается невыясненным вопрос, каким образом папки № 1 и № 13 попали в библиотеку Ленинградского университета. Эти папки пролежали здесь не замеченными не одно десятилетие, о них не знал даже такой тонкий и вдумчивый исследователь как, В. Л. Котвич, написавший большую и интересную книгу, посвященную научной биографии О. М. Ковалевского⁵. В. Л. Котвич весьма тщательно собирал архивные материалы о Ковалевском, выявил многое из его эпистолярного наследия, опубликовал 18 писем О. М. Ковалевского и описал 46 писем, адресованных к нему за 1869—1872 гг., хранившиеся в Публичной библиотеке в Вильно.

В папке № 1 хранится подобранная по авторам корреспонденция О. М. Ковалевского, в папке № 13 имеются 20 разрозненных писем, подшивка с документами, озаглавленная «Служба О. М. Ковалевского в Казани», в которой сохранились деловые бумаги, листы с благодарностями, извещения о наградах, орденах и т. д. Имеются в этой папке также бумаги, относящиеся к покупке имения, к переписи душ некоторых сел и деревень Казанской губернии, библиографический список под заглавием: «Zoologia. Historia. Bibliographia» и другие бумаги.

Наше внимание привлекает папка № 1, которая содержит 231 письмо на 947 пронумерованных страницах. Они писаны на бумаге различного формата, но подобраны и аккуратно подшиты, как бы приготовлены для переплета. Все письма адресованы О. М. Ковалевскому. Они написаны на семи языках: русском, французском, немецком, польском, латинском, английском, монгольском. За небольшим исключением письма носят сугубо научный характер. В них обсуждаются самые разнообразные вопросы востоковедения, научные новости, вскрывается современная жизнь восточных учреждений или отдельных ученых. Подобранные в таком количестве письма открывают перед нами ту интимную сторону научной жизни в востоковедении, которая не всегда находит воплощение в трудах исследователей, но которая занимает их умы и наполняет их бытие. Эти письма позволяют выяснить некоторые вопросы из истории нашей науки, уточнить ряд данных. Кроме того, диапазон вопросов, поднятых в этих письмах, обращение многих известных востоковедов к Осипу Михайловичу Ковалевскому за советом, за разрешением спорных и неясных положений позволяют нам по-новому оценить значение этого выдающегося монголоведа для истории как русского монголоведения, так и востоковедения вообще. Письма не только поднимают значение научной личности Ковалевского, но и свидетельствуют о том, что монголоведение было одним из ведущих участков востоковедения, что связи монголоведения с другими областями востоковедной науки были значительно шире, чем это было известно раньше.

Таково общее впечатление от прочитанной корреспонденции. О том, что Ковалевский вел обширную научную переписку, было известно давно. Об этом упоминает и его биограф Котвич⁶ и анонимный автор заметки в журнале «Нева»⁷. Но содержание переписки оставалось неизвестным.

Корреспондентами Ковалевского были и русские и зарубежные ученые. Собрание писем в папке № 1 начинается с восьми подобранных одно к одному писем известного

индианиста и буддолога Евгения Бюрнуфа (за 1840—1850 гг.). Особый интерес представляют 33 письма (№ 38—72) выдающегося французского синоведа Станислава Жюльена (1799—1873). Каждое письмо Жюльена — это маленький трактат по вопросам источниковедения. В сороковых и пятидесятых годах прошлого века Жюльен был занят изучением «Махавьютпатти», записок Сюань-Цзяна и других источников. По поводу этих памятников он советуется с Ковалевским, обсуждает с ним отдельные «темные» и трудные места перевода, дает различные толкования терминов. В первых своих письмах Жюльен обращается к Ковалевскому с церемонным и вежливым «Monsieur!» Это обращение вскоре заменяется более теплым «Mon savant ami!», свидетельствующем о возникшей дружбе между двумя учеными.

Определенный интерес представляют письма известного французского тибетаниста и буддолога Филиппа-Эдуарда Фуко. В папке № 1 хранятся также письмо миссионера-путешественника по Монголии и Тибету Габэ, несколько писем Сальванди, латинские письма Мюнстера и Фатера. Весьма сердечный характер имеют письма русского ученого акад. О. Н. Бётлинга (всего семь писем), который неизменно обращается к О. М. Ковалевскому с дружескими «Mein gelehrte Freund!» Есть письма от Х. Френа, Б. А. Дорна, А. А. Шифнера, от академика-монголиста Исаака Якоба Шмидта. Писем Шмидта всего три и все они представляют собой случайные записки то с просьбой устроить кого-то, то с рекомендацией какому-то юноше, аккуратному и добросовестному в работе, которого он, Шмидт, направляет в Казань к О. М. Ковалевскому.

В папке имеется ряд писем от польских друзей и знакомых О. М. Ковалевского (54 письма). Несомненный интерес представляют письма старшего брата Осипа Михайловича — Юлиана Михайловича, известного педагога, жившего в Петербурге.

В книге В. Л. Котвича опубликованы сохранившиеся письма О. М. Ковалевского к его польским друзьям по обществу филоматов⁸. Найденные ныне письма свидетельствуют о его широких связях не только среди филоматов, но и в польском обществе вообще. К сожалению, в папке № 1 не обнаружено писем Адама Мицкевича, с которым О. М. Ковалевский был связан по обществу филоматов, и который писал ему неоднократно в Казань. Повидимому, письма Адама Мицкевича были еще при жизни О. М. Ковалевского переданы, вероятно, им самим, издателям переписки великого польского поэта. Известно, что переписка Адама Мицкевича была впервые опубликована в Париже еще в 70-х годах XIX в.⁹ Сохранившиеся письма А. Мицкевича к О. Ковалевскому свидетельствуют о дружеских их взаимоотношениях. «Jósiu Kochany» нежно называет Адам Мицкевич своего товарища. Он интересуется планами восточноведных работ Ковалевского, спрашивает его мнения о своих восточных сочинениях. Дружеские отношения между Мицкевичем и Ковалевским выявлены также в одном из интереснейших произведений поэта — в «Дзядях», в третьей части которых имеется сцена (первый акт), где дано описание тюрьмы и узников-филоматов, ведущих ночью между собой беседу. В числе узников имеется и Юзеф, в уста которого вложены гневные обличительные речи, направленные против царя:

Случалось мне не раз читать о войнах древних.
Война была резней, не знал пощады враг.
Он в рабство угонял, сжигал до тла деревни,
Он истреблял огнем и дерево и злак.
Но царь умней и злей, он вовсе нас раздавит,
Он в Польше и зерна для сева не оставит,
Как будто, злобствуя, сидит в нем сатана¹⁰.

⁸ Wł. Kotwicz. Указ. соч., стр. 175—202.

⁹ «Korespondencja Adama Mickiewicza». Paryż, 1870, t. I, 1872, t. II. (2 изд. Paryż, 1871—1873). На русском языке переписка А. Мицкевича издана частично. Одно из его писем к О. М. Ковалевскому помещено в Собрании сочинений А. Мицкевича. (А. Мицкевич. Собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 383—384).

¹⁰ Адам Мицкевич. Собр. соч., т. 3, Дзяды. М., 1952, стр. 148.

⁵ Wł. Kotwicz. Указ. соч., стр. 128.

⁶ Wł. Kotwicz. Указ. соч., стр. 109.

⁷ «Нева», 1879, № 9, стр. 135.

В Юзефе нетрудно узнать Юзефа Ковалевского, да и Мицкевич не скрывал этого и вывел своих друзей филوماتов в своем произведении под их собственными именами. Ответные письма О. М. Ковалевского к Адаму Мицкевичу, повидимому, не найдены. Два его более ранних письма (от 1819—1820 гг.) были опубликованы значительно позже¹¹, а письма 1826—1827 гг. до сих пор не опубликованы; не имеется их также и в папке № 1.

В найденной ныне переписке особое внимание привлекают интересные письма крупнейших русских востоковедов того времени — Н. Я. Бичурина, В. В. Григорьева, В. П. Васильева. Писем Н. Я. Бичурина всего пять. Четыре из них относятся ко времени работы Н. Я. Бичурина над монументальным его трудом «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Эти письма содержат некоторые до сего времени неизвестные подробности из жизни знаменитого нашего синолога. Так, например, в письме от 6 декабря 1848 г. Бичурин пишет, что «историю среднеазиатских народов вместо последних двух лет я должен был кончить в течение десяти месяцев и это чрезвычайно утомило меня»¹². Вероятно, в результате столь непосильного труда утомленный Бичурин пишет Ковалевскому: «Вы еще далеко от того возраста, в котором все в мире прискучивает, а потому простота моего письма на первый раз покажется вам странною»¹³. Бичурин писал эти строки, когда ему было уже более семидесяти лет и когда он усиленно работал над своей последней книгой.

Основное содержание писем Бичурина и сводится к работе над этой книгой и той помощи, которую оказывал ему Ковалевский, дважды рецензировавший его книгу, сначала в рукописи, затем в отзыве на представление к Демидовской премии¹⁴. Бичурин высоко ценил знания Ковалевского и ожидал его приезда в Петербург, чтобы лично от него получить все необходимые замечания. Поездка Ковалевского в Петербург была отложена. Бичурин вновь принялся за свою работу, о чем и писал Ковалевскому в письме от 17 марта 1849 г. «С первых чисел января по настоящий день я снова просмотрел все три части нашей рукописи», — пишет он, включая в смысл слов «наша рукопись» и помощь ему Ковалевского¹⁵. В этом же письме он жалуется Ковалевскому, что «голова у меня сильно кружит от помех разнообразных трудов в одном предмете, а посоветываться совершенно не с кем»¹⁶. Бичурин советует, как видно из писем, именно со своим казанским адресатом — Осипом Михайловичем Ковалевским.

Любопытны письма В. В. Григорьева, хотя сохранилось их также немного — всего четыре. В одном из писем Василий Васильевич дает весьма живое и интересное описание состояния востоковедной науки в Одессе, где он преподавал в Ришельевском лицее. Это письмо Григорьева представляет собой хорошее дополнение к его многочисленным письмам к П. С. Савельеву, столь широко использованным его биографом¹⁷. На содержании же нескольких строк другого письма Григорьева следует остановиться несколько подробнее. Известно, что среди рукописей О. М. Ковалевского, хранившихся в Казани, имелась папка с «Опытом монгольского корнеслова». Ныне эта рукопись хранится в архиве Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры в Улан-Удэ, куда она попала в результате превратностей гражданской войны. Эта анонимная рукопись была определена и описана в

¹¹ «Archiv Filomatow. Cz. I. Korespondencja 1815—1823». Krakow, 1913, str. 22—23, 127—128.

¹² Библиотека Ленинградского государственного университета, Отдел редких книг. Папка № 1. Письмо 99 (в дальнейшем указывается только номер папки и письма).

¹³ Там же.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». В кн. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., ч. 1. М.—Л., 1950, стр. XXXI—XXXII.

¹⁵ Папка № 1, письмо 98.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887, стр. 36—82.

небольшой статье Г. Н. Румянцевым под заглавием «Неизвестная рукопись О. М. Ковалевского»¹⁸. Излагая содержание этой рукописи, Г. Н. Румянцев пишет: «По своему содержанию словарь представляет собой первую попытку не только в области монгольской лексикографии, но и вообще в области изучения турецких и дальневосточных языков, за исключением китайского, дать этимологию (происхождение) монгольских слов»¹⁹. Приведем теперь цель этой работы, указанную самим О. М. Ковалевским в одном из его писем к В. В. Григорьеву. Это письмо Ковалевского сохранилось в бумагах Григорьева, находящихся в составе собрания известного коллекционера писем и рукописей профессора Петербургского университета И. В. Помяловского. В 1850 г. Ковалевский пишет Григорьеву: «Приготовляется мною довольно толстая книга, которую можете, если угодно, назвать четвертым томом словаря²⁰; в ней найдете корнеслов монгольский, грамматику и 8 или 9 чисто филологических разысканий, которыми желал бы я окончить свои лингвистические занятия и потом приняться за исторические. Исполнение этого не от меня зависит. Кто будет Verleger'ом?» — спрашивает Ковалевский.

До нас дошла основная часть этой задуманной Ковалевским большой работы. Возможно, что к числу филологических разысканий, упоминаемых им в письме, относятся две рукописи, хранившиеся до 1917 г. в библиотеке Казанской духовной академии. Эти рукописи назывались: «Изъяснение разностей в произношении некоторых слогов между корненным монгольским языком и происходящими от него наречиями» (7 стр.) и «Правила правописания монгольского с прикосновенными к оному грамматическими особенностями сего языка» (66 стр.)²¹. Дальнейшие поиски в архивах могут дать дополнительные сведения о задуманной О. М. Ковалевским работе.

Из письма к В. В. Григорьеву мы видим, какую задачу большого научного значения поставил перед собой О. М. Ковалевский в этом «Опыте монгольского корнеслова». Как реагировал на это В. В. Григорьев? Почти через три месяца он с грустью отвечал Ковалевскому на его запрос: «Verleger'a ищите вы для IV-го тома вашего словаря? Да кто-же может быть им в России? Разве есть у нас читатели и покупатели для чего-бы то ни было серьезного?»²². Интересен также тот глубоко скептический тон, в котором автор письма говорит об отношении публики к научным исследованиям в тяжкие годы николаевского режима. Вряд ли подобный ответ мог удовлетворить Ковалевского.

Иначе реагировал на известие о «корнеслове» синолог Василий Павлович Васильев. Его высказывание весьма интересно и содержательно. Оно сохранилось в одном из 13 писем Васильева, находящихся в папке № 1. О «корнеслове» Васильев пишет в письме от 29 февраля 1856 г. Если припомнить, что Ковалевский писал о своем «корнеслове» Григорьеву еще в октябре 1850 г., то можно легко сделать вывод, что он не оставлял задуманной им работы после разочаровавшего ответа последнего и продолжал свое лингвистическое исследование. Он писал о нем В. П. Васильеву, который так отвечал ему: «Но у меня крепко на душе другое Ваше поручение, о котором Вы писали ко мне еще в первом письме по делу о монгольском корнеслове; мысль Ваша самая великая и ученая и заслуживает тех трудов, которые Вы один только можете в настоящее время выполнить; сродство языков гораздо лучше всего может пояснить те проблемы, которые оставлены историей этих стран — это сродство существует не только между

¹⁸ «Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института культуры», 1947, т. VII, стр. 139—142.

¹⁹ Там же, стр. 140.

²⁰ О. М. Ковалевский издал в 1844—1849 гг. три тома «Монгольско-русско-французского словаря», до сих пор считающегося классическим словарем монгольского языка.

²¹ А. Любимов. О неизданных трудах о. Иакинфа и рукописях проф. Ковалевского, хранящихся в библиотеке Казанской духовной академии. «Записки ВОРАО», 1907, т. XVIII, вып. 1.

²² Папка № 1, письмо 109.

языками монгольским, татарским и маньчжурским, но и все они чем больше присматриваемся имеют много общих корней с китайским языком, несомненным доказательством тесной связи всех этих народов. Боюсь только, что мои филологические соображения с первого раза покажутся слишком утрированными, я не жалею букв, ломаю их хоть не по произволу, но беспощадно, так что по моему мнению в языках нет ни одной буквы, которая не переходила в другую — но и в смелости нет вины, когда надо затевать новое дело; притом Ваша осторожность сумеет с ней справиться. И так я не только не отказываюсь в полной готовности насколько смогу и сумею содействовать Вашему предприятию, но и покорнейше прошу Вас принять меня в Ваши соучастники; я думаю, что всего лучше было бы если бы Вы составили только наперед свод всех корней монгольских слов и присоединили к ним известные татарские слова, тогда мне ничего не стоило бы подписать соответствующие китайские и даже маньчжурские»²³.

Это любопытное высказывание В. П. Васильева не только проливает новый свет на работу Ковалевского, но и свидетельствует о том, что автор размышлял, если не о фонетических законах языка, то о каком-то предчувствии их. При этом не следует забывать, что письмо это писано сто лет тому назад, когда наука о языке находилась еще на очень низком уровне развития. Судя по дошедшей до нас рукописи «Опыт монгольского корнеслова», совместная работа двух ученых — синолога и монголоведа не состоялась. Но и то, что было выполнено одним Ковалевским до сих пор не утратило своего научного значения. «Изучение монгольских языков, — пишет Г. Н. Румянцев, — шагнуло далеко вперед по сравнению с тем временем, когда жил и действовал Ковалевский. Тем не менее «Опыт монгольского корнеслова» Ковалевского не утратил еще своего научного значения и в наши дни»²⁴.

Письма В. П. Васильева к Ковалевскому содержат множество различных, весьма интересных для востоковедов высказываний. Из тринадцати писем десять относятся ко времени поездки Васильева в Китай и долговременного там пребывания. Проезжая по Монголии в Пекин, Васильев удивляется статичности жизни феодальной Монголии. «Признаюсь, Монголия поражает меня своей неподвижностью; с тех пор как проехал здесь Тимковский²⁵ ее можно оставить в покое от всяких исследований, кажется не только не переменялась наружность страны, но люди даже спорят с природой о неизменности форм. Сосна, которую видел Тимковский на горе Нара Суту уже засохла, но юрты о которых он упоминает стоят везде на старом месте»²⁶. Так пишет Васильев, пораженный внешней неизменностью феодального быта монголов.

Письма Васильева из Пекина полны не только интересных новостей и наблюдений из китайской жизни, но и научных известий. Например, он сообщает, что архимандрит Аввакум составляет тибетский лексикон, который будет, по мнению Васильева, «не лучше Коросовского» (т. е. словаря Чома де Кёрёш, изданного в 1834 г.) Заслуживает внимание такое мельком брошенное замечание: «Римский Гален был переведен на тибетский язык при префектах Сронцан Гамбо»²⁷. Подобного рода различных сообщений содержится в письмах Васильева довольно много. В них имеется также достаточно много материала для биографии В. П. Васильева, для характеристики его научных взглядов.

В. П. Васильев неизменно почтителен и нежен по отношению к О. М. Ковалевскому. «Мой дорогой учитель и наставник» — это выражение часто встречается в его письмах. Подписывается он также почтительно. «С искренним и глубоким почтением Ваш покорнейший слуга и ученик», — так пишет петербургский профессор своему бывшему наставнику в Казань.

²³ Папка № 1, письмо 158.

²⁴ Г. Н. Румянцева. Указ. соч., стр. 142.

²⁵ Егор Федорович Тимковский, пристав X Духовной миссии, написавший широко известное сочинение «Путешествие в Китай через Монголию в 1810 и 1821 годах». СПб., 1824.

²⁶ Папка № 1, письмо 149.

²⁷ Там же, письмо 151.

И не только В. П. Васильев, О. Н. Бётлинг, Ст. Жюльен и польские корреспонденты тепло и почтительно обращаются к Осипу Михайловичу Ковалевскому. Он заслужил уважение многих, с кем общался. Небезинтересны в этом отношении несколько писем его бывших сослуживцев по Казанской гимназии. Письма эти хранятся в папке № 13, отдельно от научной корреспонденции. Они написаны сотрудниками Казанской гимназии по поводу ухода О. М. Ковалевского с работы и свидетельствуют о чувствах преданности и уважения к бывшему начальнику. Тон писем, сердечный и уважительный, позволяет думать, что Ковалевский был в своих отношениях с подчиненными и сослуживцами более человеком, чем чиновником на своем посту.

В папке № 1 хранятся также несколько писем из французского посольства, из канцелярии прусского короля. Это большей частью благодарности за присланный словарь или извещения о наградах. Так, в письме из канцелярии прусского короля на изысканном французском языке сообщается о пересылке письма короля и золотой медали, поднесенной королем Ковалевскому за его труды в области монголоведения²⁸.

Корреспонденция О. М. Ковалевского, хотя и неполная, несомненно, имеет выдающееся значение для истории русского востоковедения. Работа над эпистолярным наследием нашего крупнейшего монголоведа XIX в. только начата и дальнейшие поиски могут принести ценные и интересные сведения по истории востоковедной науки.

²⁸ Папка № 1, письмо 220.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ИРАН В 1796 г.

А. Р. ИОАННИСЯН

Иран издавна занимал важное место в политике Франции на Ближнем и Среднем Востоке. Начало политических и экономических отношений Франции с Ираном относится еще к первой половине XVII столетия. Особенно активизировалась деятельность французской дипломатии в Иране накануне и в период французской революции конца XVIII в., когда на арену истории впервые выступила французская буржуазия.

Французская дипломатия прилагала немалые усилия, чтобы вовлечь в борьбу против России Швецию и Данию. Еще большее значение придавалось Востоку. 19 февраля 1796 г. Гебель, директор, ведавший в то время вопросами внешней политики, писал, что следует принудить Россию рассеять свои силы и непрерывно тревожить ее диверсиями со стороны турок, персов, китайцев, татар¹.

В мае 1795 г. Порты официально признала Французскую республику. В Константинополь прибыл новый французский посол Вернинак, основная задача которого состояла в том, чтобы добиться заключения с Турцией оборонительного и наступательного союза против России и Австрии. В этих целях Франция стала оказывать Турции военную помощь, чтобы вовлечь ее в фарватер французской политики. В Константинополь были посланы французские офицеры, артиллеристы, военные инженеры и другие военные специалисты и инструкторы.

Если Османская империя играла в планах французской дипломатии на Востоке главную роль, то значительное внимание уделялось и другой пограничной с Россией восточной деспотии — Ирану.

После побед, одержанных Францией в войне против европейской коалиции, и подписания в апреле — июне 1795 г. мирных договоров с Пруссией и Испанией, Комитет общественного спасения термидорианского Конвента, а затем и Директория, наряду с продолжением войны против Англии и Австрии, считали одной из первоочередных задач борьбу против России, заключившей в феврале 1795 г. новый союзный договор с Англией, а в сентябре — тройственный договор с Англией и Австрией. Екатерина II намерена была послать против Франции шестидесятитысячный корпус русских войск. К этому времени изменился и характер внешней политики Франции. Если войны революционной Франции были справедливыми, освободительными, то в эпоху термидорианской реакции и Директории войны Франции и ее внешняя политика приобрели уже агрессивный, захватнический характер, который стал затем основной чертой внешней политики Наполеона.

Интерес французской дипломатии к Ирану, как и к Османской империи, в конце XVIII в. обуславливался не только общей международной обстановкой того времени. Новая буржуазная Франция была еще больше, чем старая феодально-абсолютистская

¹ См. А. Sorel. L'Europe et la révolution française, vol. IV. Paris, 1885—1904, p. 322.

Франция, заинтересована в восточных рынках и в политической и экономической экспансии на Востоке.

Еще в начале французской буржуазной революции жирондистские деятели, тесно связанные с торгово-промышленными кругами юга Франции, издавна заинтересованными в левантской торговле, сразу же придя к власти приняли меры для возобновления и укрепления политических и торговых сношений с восточными странами. В конце октября 1792 г. Временный исполнительный совет только что провозглашенной Французской республики принял решение организовать поездку по Турции, Египту и Ирану двух ученых-натуралистов, сотрудников Ламарка — Оливье и Брюгьера. Кроме сбора различных сведений об этих странах, французские эмиссары должны были выполнить ряд поручений дипломатического характера, имевших целью укрепить торговые и политические связи Франции со странами Востока².

Получив подробные инструкции как письменные, так и устные, Оливье и Брюгьер выехали 7 ноября того же года из Парижа в Тулон, а затем морем отправились в Константинополь. Пробыв некоторое время в турецкой столице и посетив острова Архипелага и побережье Малой Азии, они в октябре 1794 г. прибыли в Египет, откуда вернулись в Константинополь в июле 1795 г.

Оба натуралиста сразу же отправились во французское посольство, чтобы узнать, считает ли французское правительство попрежнему необходимым послать их в Иран. Французский посол в Турции Вернинак, подтвердил это и в последующие дни ознакомил их с предписаниями правительства. Он вручил Оливье и его спутнику письмо на имя иранского визиря и принял меры, чтобы обеспечить их необходимыми средствами. От турецкого правительства были получены фирманы для свободного проезда в Иран, а великий визирь передал им рекомендательное письмо на имя багдадского паши. Кроме того, по свидетельству Оливье, турецкие власти дали им устно «важное поручение к персидскому правительству»³. В начале сентября французские эмиссары отправились в путь.

В своем донесении Комитету общественного спасения от 19 октября Вернинак, сообщая только что полученное им известие о вторжении иранского шаха Ага-Мохаммед-хана в Грузию и намекая на неизбежность его военного столкновения с Россией, писал: «Мохаммед-хан может стать врагом России, в том же роде столь же для нее страшным и опасным, как Пугачев. Я послал вам копии инструкций, врученных мною натуралистам Брюгьеру и Оливье в момент их отъезда в Персию. Если Вы считаете полезным предоставить им больше свободы действий, сообразованные быстро довести до моего сведения соответствующие распоряжения и я поспею их выполнить»⁴.

24 января 1796 г. министр иностранных дел Делакур, видимо в ответ на это донесение, отправил Вернинаку новое предписание, в котором, ссылаясь на намерение Директории всячески поощрять врагов России, предлагал ему воспользоваться войной Ирана с Россией, чтобы создать новые затруднения для последней. Он считал необходимым послать эмиссаров к Ага-Мохаммед-хану и советовал поднять мятеж среди «магометанского населения на русской границе»⁵, т. е. среди кавказских горцев.

Тем временем Оливье и Брюгьер прибыли в Багдад, где они установили контакт с французским консулом Руссо⁶, а также с другим французским агентом — Утреем, про-

² См. G. A. Olivier. Voyage dans l'Empire Ottoman, l'Egypte et la Perse, fait par ordre du gouvernement, pendant les six premières années de la république, vol. I. Paris, 1801—1807, т. 1, р. 1—2.

³ Там же, т. II, стр. 205—207.

⁴ (I). Testa. Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères depuis le premier traité conclu en 1536 entre Suléyman I et François I jusqu'à nos jours. Paris, 1865, p. 220, d. 31.

⁵ E. Marcère. Une ambassade à Constantinople. La politique orientale de la Révolution française, vol. II. Paris, 1927, p. 258.

⁶ Жан-Франсуа-Руссо, старый французский агент на Востоке, сам издавна поддерживал связи с Ираном. Еще в 1768 г. он совершил поездку в Шираз, где вел переговоры с Керим-ханом об уступке Франции острова Харк в Персидском заливе. После

живавшим в этом городе и занимавшимся «медициной и коммерцией»⁷. Через этих двух лиц они должны были впредь сноситься с французским посольством в Константинополе.

Выехав из Багдада, Оливье и Брюгьер с большими трудностями добрались до Тегерана, куда прибыли 2 июля 1796 г. Однако Ага-Мохаммед-хана они там не застали, так как он находился в то время с войском в Хорасане. 29 июля они были приняты правителем Тегерана, который сообщил им, что шах, приведя в покорность Хорасан, вернется к концу лета в столицу, если только, по примеру Надира, не предпримет похода на Индию. Оливье и Брюгьер высказали опасение, как бы русские, воспользовавшись отсутствием шаха, не заняли «провинции к западу от Каспийского моря», т. е. закавказские области. Они спросили своего собеседника, не находятся ли русские перед Дербентом. Тот вынужден был признать, что русские уже овладели этим городом⁸.

Таким образом, к моменту прибытия в Тегеран французские эмиссары были уже осведомлены о событиях последних месяцев. Летом 1795 г. Ага-Мохаммед-хан, стремившийся подчинить своей власти закавказские ханства и Грузию, вторгся с 50-тысячной армией в Закавказье и в сентябре овладел Тбилиси. Грузинская столица была разграблена и сожжена. Оставшиеся в городе жители были перебиты или уведены в плен. Только начавшиеся в Хорасане волнения вынудили шаха вернуться в Иран. Нашествие Ага-Мохаммед-хана, грозившее окончательно подорвать русское влияние в Закавказье, и нанесшее ущерб престижу России на всем Востоке, побудило русское правительство немедленно предпринять поход в Закавказье. В апреле 1796 г. русские войска под командованием Валериана Зубова, начали военные действия и, овладев в мае Дербентом, продолжали быстро продвигаться вперед.

Эти успехи русских войск объяснялись тем, что население всего Закавказья, видело в русских своих освободителей. Об этих настроениях народных масс имеются многочисленные свидетельства. Еще до похода Зубова один из русских агентов сообщал: «Черной народ от Дербанта до Баки и Салияна... радуется бытию в Персию российских войск, ждя через то тишины от междоусобий»⁹. Поэтому теперь, в момент вступления русских войск на территорию Закавказья местные крестьяне и горожане оказывали посильное содействие русским войскам. Многие ханы, не желая восстановления иранского владычества, также стремились добиться покровительства России. Поэтому они не оказывали сопротивления русским войскам и добровольно признавали себя подданными России.

Все эти события придавали особую актуальность миссии Оливье и Брюгьера, а также планам Директории по использованию Ирана против России.

После своей беседы с правителем Тегерана, французские эмиссары выехали в одну из окрестных деревень, чтобы дожидаться там возвращения шаха. 9 сентября они вернулись в столицу, куда одиннадцать дней спустя прибыл со своими войсками Ага-Мохаммед-хан. С ним вместе вернулся и визирь Хаджи-Ибрагим.

22 сентября Оливье и Брюгьер имели официальную аудиенцию у визиря в присутствии его приближенных и чиновников. Они вручили ему письмо Вернинака, а также письмо от багдадского паши, в котором последний рекомендовал их, ссылаясь на предписание, полученное им от турецкого великого визиря. На следующий день француз-

революции он первый предпринял попытку возобновить сношения с Ираном. В 1794 г. в Багдад прибыл шейх-уль-ислам Исфагана Мирза Мортеза. Руссо установил с ним контакт и даже продиктовал ему «мемуар о теперешней революции во Франции», который последний взял за основу при возвращении в Тегеран представить Ага-Мохаммед-хану.

Об этом сообщается в письме Руссо, выдержки из которого см. *H. Deherain. Sylvestre de Sacy. Ses contemporains et ses disciples. Paris, 1938, p. 35.*

⁷ См. *G. A. Olivier. Указ. соч., т. II, стр. 338—339.*

⁸ См. *G. A. Olivier. Указ. соч., т. III, стр. 39—55.*

⁹ Центральный государственный архив древних актов. Фонд Госархива, разряд XXIII, д. № 13, ч. IV, л. 229.

ские агенты вновь посетили Хаджи-Ибрагима. Во время этой частной аудиенции они затронули все вопросы, по которым им было поручено вести переговоры с иранскими властями. Два дня спустя они через своего переводчика представили визирю специальную записку, на которую тот обещал дать ответ через несколько дней. Вскоре они имели с ним новое свидание¹⁰, 14 октября французские эмиссары отправились из Тегерана в обратный путь.

О предложениях, сделанных Оливье и Брюгьером иранскому визирю, мы имеем сведения из трех различных источников.

В официальной иранской хронике, рукопись которой была вручена в 1811 г. английскому послу в Иране Харфорду Джонсу и издана последним на английском языке, мы читаем по этому поводу следующее: «В год мученической смерти покойного государя (Ага-Мохаммед-хана. — А. И.) по возвращении монарха в столицу Тегеран, прибыли два лица, посланные французским правительством, с копией договора, заключенного в былые времена между империями Франции и Ирана; тогда же было установлено, что французские послы прибыли с целью открыть ворота дружбы и возобновить соглашение»¹¹.

Таким образом, по свидетельству иранской хроники, французские эмиссары представили иранскому визирю копию прежнего «договора», т. е. франко-иранских торговых договоров 1708 г. и 1715 г.¹² с предложением возобновить эти договоры, а также восстановить дружественные сношения между Францией и Ираном.

Более подробные сведения о переговорах Оливье и Брюгьера с Хаджи-Ибрагимом мы находим в третьем томе книги Оливье, посвященной описанию его путешествия в Турцию, Египет и Иран. Том этот был издан весной 1807 г., в момент подписания франко-иранского союзного договора¹³. Поэтому Оливье мог с относительной открытостью говорить о своей миссии в Иран за десять лет до этого, миссии, преследовавшей по существу те же цели, какие ставила перед собой и наполеоновская дипломатия.

По словам Оливье, он и Брюгьер во время своей первой беседы с Хаджи-Ибрагимом сообщили ему, что французское правительство, узнав об успехах Ага-Мохаммед-хана, прислало их для переговоров по ряду вопросов. Они напомнили ему о двух договорах (т. е. договорах 1708 г. и 1715 г.), заключенных между Францией и Ираном, и указали на обоюдные выгоды, которые получили бы от этих договоров обе державы, если бы не войны, в которые они были вовлечены. Далее они завели речь о турках. Визирь не скрыл своего недовольства по поводу того, что турки заключили мир с Россией. Он тут же сообщил им, что Ага-Мохаммед-хан намеревался следующей весной выступить против русских, которые овладели уже Дербентом и Баку. Тогда его собеседники сочли необходимым затронуть вопрос о договоре 1783 г., по которому Грузия вступала под покровительство России. Желая выразить изумление по поводу того, что Ага-Мохаммед-хан, захватив Грузию, тотчас же удалился оттуда со своими войсками, но, боясь, что подобное замечание показалось бы

¹⁰ *G. A. Olivier. Указ. соч., т. II, стр. 74—87.*

¹¹ «The Dynasty of the Kajars, translated from the original Persian Manuscript, presented by His Majesty Faty Aly Schah to sir Harford Brydges». London, 1834, p. 274.

¹² В сентябре 1708 г. французскому представителю Мишелю удалось подписать франко-иранский торговый договор, подтвердивший приобретенные ранее льготы французских купцов и предоставивший Франции ряд политических привилегий. Отправленный затем во Францию иранский посол Мухамед-Риза-бек подписал в Версале 13 августа 1715 г. дополнительный «договор о дружбе и торговле», еще более выгодный Франции в политическом и экономическом отношении. Договор этот, ратифицированный шахом Гусейном лишь в 1722 г., в момент крушения Сефевидского государства, не вошел в силу вследствие начавшихся в Иране смут.

¹³ Это видно из предисловия к данному тому, в котором пространно говорится о «дружбе» Франции и Ирана, «ненависти» персов к русским и англичанам и упоминается о прибытии во Францию иранского посла Мирза-Реза, подписавшего в мае этого года Финкенштейнский договор.

слишком резким, они стали говорить о выгодах, которые шах мог бы приобрести, превратив эту страну в провинцию Ирана. Они указали также, что если бы Иран, с согласия Турции, приобрел порты на Черном море, то он мог бы установить прямые сношения с европейскими державами и вести с ними торговлю. [Визирь в ответ выразил уверенность, что шах всегда сможет вновь завладеть Грузией и что русские не смогут этому помешать. «Так как было неудобно, — пишет далее Оливье, — оспаривать это мнение, а к тому же нам было выгодно, чтобы это мнение не изменилось, поскольку уверенность в собственных силах увеличивает их, мы сказали, что мы не сомневаемся, что Мохаммед добьется успеха против этой нации (русских. — А. И.), особенно если он выступит со всей своей армией. Мы очень настаивали на необходимости собрать значительные силы, ввиду того, что русские, зная с каким неприятелем им предстоит иметь дело, не преминут послать новые войска в Ширван в течение зимы»¹⁴.

Сведения, сообщаемые Оливье, дают возможность существенно дополнить свидетельство иранской хроники. Мы видим, что возобновление прежних торговых договоров не было единственной целью приезда французских эмиссаров в Иран. Одной из их основных задач являлось наладить турецко-иранские отношения и побудить Ага-Мохаммед-хана предпринять поход против русских, удалить их из Закавказья и вновь захватить Грузию. Поэтому они всячески старались внушить Ага-Мохаммед-хану мысль о необходимости направить против русских все военные силы Ирана.

Однако Оливье многого не договаривает. Он не говорит ничего определенного о поручениях, данных ему и его спутнику, и о конкретных политических предложениях, сделанных ими визирю от имени французского правительства. Достоверные сведения об этом имеются в русских архивных документах.

Поездку двух французских эмиссаров в Иран не удалось утаить от русского посла в Константинополе Кочубей. Последний сразу же заинтересовался этим подозрительным путешествием французских натуралистов и вскоре получил на этот счет важные сведения.

1(12) декабря 1796 г. он отправил специальное письмо Валериану Зубову, в котором сообщал ему, что «Ага-Мохаммед-хан имеет при себе двух французов — Оливье и Брюгьера¹⁵, людей немалых дарований. Они были здесь (в Константинополе. — А. И.) в прошлом году, сльвя ботаниками... в самом же деле суть они эмиссары Директории мнимой республики французской». Далее он писал: «Особая записка, при сем прилагаемая известит ваше сиятельство до какой степени Оливье, знающий языки ориентальные, может быть опасный эмиссар. Легко стать может, что таланты свои употребит он к руководству армий персидских»¹⁶.

Пересылая в Петербург копию этого письма, Кочубей в своем донесении также выражал опасение, «что признанные таланты сего эмиссара могут произвести некоторую перемену в тех действиях персиян, к коим до сего войска наши привыкли»¹⁷.

Две недели спустя, в своем донесении от 15(26) декабря 1796 г. Кочубей имел уже возможность сообщить о миссии Оливье и Брюгьера следующие дополнительные данные: «Узнал я непосредственно от некоего Галлоа, назначенного консулом французским в Бассору, что главный предмет поручений на них возложенных состоит в том, чтобы условиться с Ага-Мохаммед-ханом об учреждении в Персии французского агента, что Директория полагая сие намерение, ту мысль имела, что не бесполезно быть может России, преобретшую столь явную в Европе поверхность, озабочивать со стороны Персии. В инструкции сего Галлоа предписано ему вести переписку с сим назначаемым агентом в Персии, тоже и с агентами в Маскате и при Типо-Саибе определяе-

¹⁴ G. A. Olivier. Указ. соч., т. III, стр. 85—86.

¹⁵ В. П. Кочубей в своих донесениях и письмах пишет не Брюгьер, а Брюньер, видимо по ошибке принимая Bruguière за Brugnieri.

¹⁶ Архив внешней политики России (в дальнейшем — АВПР), ф. Сношения России с Турцией, 1796 г., л. № 834, л. 31 об., 32.

¹⁷ Там же, л. 8—8 об.

мым, для нанесения в Индии забот англичанам»¹⁸. Однако лишь весной 1797 г. Кочубей получил исчерпывающие сведения о переговорах Оливье и Брюгьера в Тегеране. К тому времени в Константинополь вернулся ездивший с ними в Иран переводчик — тот самый, о котором упоминает и Оливье в своей книге. Переводчик этот поступил на службу в прусское посольство. Именно от него Кочубей и «сведаль стороной» о «неготиации» французских эмиссаров в Иране. Эти ценные сведения, полученные из первых рук, от непосредственного участника переговоров, заключались в следующем. Оливье и Брюгьер вручили визирю письмо Вернинака, переведенное в Багдаде на персидский язык и представленное ими от имени французского правительства. «В письме сем, упоминая только о древних торговых сношениях Франции с Персией, предлагается возобновление оных, но сверх того, вследствие инструкции от Вернинака им данной, словестно отзывались они о победах и могуществе Франции и приглашали к продолжению войны против России, внушая, что не только Швеция и Дания, две могущие державы, расположены сделать диверсию в пользу персиян, но что и Порты в виды их вступить наклонна, так как и Франция заботы России умножить»¹⁹.

Сведения, полученные Кочубеем, дают возможность составить ясное представление о миссии Оливье и Брюгьера. Они подтверждают, что одной из основных задач французской дипломатии было «озабочивать» Россию «со стороны Персии». В этих целях французские эмиссары не только побуждали Ага-Мохаммед-хана «к продолжению войны против России», но и предлагали заключить военный союз с Османской империей, обещая одновременно содействие в борьбе против России как самой Франции, так и Швеции и Дании. Иран должен был, таким образом, явиться одним из звеньев подготавливаемой Францией антирусской коалиции, в которую предполагалось вовлечь как северные государства, так и обе пограничные с Россией восточные державы.

Французское правительство стремилось поэтому установить с Ираном тесные сношения, возобновить прежние торговые договоры и учредить там постоянное представительство. Французский резидент в Иране обязывался также поддерживать связь с другими французскими агентами на Востоке, в частности, с консулами в Басре и Маскате, а также с французскими эмиссарами в Индии. Установление сношений с Ираном имело, следовательно, с точки зрения французского правительства, значение и в плане борьбы с Англией на Востоке²⁰.

¹⁸ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1796 г., л. № 835, л. 8—8 об.

¹⁹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., л. № 851, л. 5, 6 об. Упомянутый переводчик, от которого получил эти сведения Кочубей, по возвращении в Константинополь поступил на службу в прусское посольство. Этим очевидно объясняется, что сведения о миссии Оливье и Брюгьера стали известны и прусскому правительству. В своей «Истории Османской империи» Цинкейзен, широко использовавший материал прусского государственного архива, ссылаясь на донесение французских натуралистов 10 июня 1797 г., кратко упоминает, что посланные в Тегеран французские натуралисты Оливье и Брюгьер были снабжены письмом Директории к Ага-Мохаммед-хану, «в котором его настойчиво призывали поднять оружие против России». См. I. W. Zinkeisen. *Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa*, Bd. VII, Gotha, 1863, p. 218.

²⁰ В этой связи представляет интерес письмо, написанное несколько лет спустя Малькольмом генерал-губернатору Индии лорду Минто. В письме сообщалось, что накануне похода Наполеона в Египет французские агенты под видом ботаников посетили Тегеран и пытались побудить Ага-Мохаммед-хана захватить Басру и Багдад, а также оказать помощь Типу-Саибу против англичан. См. J. W. Kaye. *History of the war in Afghanistan*, vol. I. London and 1890, p. 44. Если первая часть этого сообщения вызывает сомнение, поскольку, как мы знаем, задачей миссии Оливье являлось не разжигание вражды между Ираном и Турцией, а наоборот, объединение их сил против России, то сведения Малькольма о том, что французские эмиссары добивались поддержки Ага-Мохаммед-ханом майсорского султана — непримиримого врага англичан, очевидно, соответствовали действительности.

Действительно, в этот период Директория усиленно засылала своих агентов и шпионов как в страны Ближнего Востока, так и в Индию. Сведения об этом поступали со всех сторон. В марте 1796 г., т. е. в то время, когда Оливье и Брюгьер находились на пути в Тегеран, Кочубей сообщал, «что бывший при Порте французский эмиссар Декорш прибыл в Травник (что в Боснии) с двумя или тремя сотоварищами, имеющими разные комиссии в Персию и в Индию...»²¹. В апреле он извещал о посылке французского агента аббата Бошама в Маскат. В июле английские информаторы сообщили из Парижа: «Директория возбуждает Персию, воздействует на Константинополь, наводняет Индустан своими эмиссарами»²².

Для осуществления своих целей французская дипломатия стремилась использовать повелителя Ирана, только что подвергнутого разгрому Грузию. Именно его и побуждала Франция вновь предпринять нашествие на Закавказье для окончательного порабощения закавказских народов. Деятельность французской дипломатии в Иране в момент русского похода в Закавказье была, следовательно, глубоко враждебной не только интересам России, но и интересам закавказских народов, для которых присоединение к России означало единственную возможность предотвратить восстановление иранского ига.

Каковы же были результаты миссии Оливье и Брюгьера? В иранской хронике по этому поводу говорится следующее: «Хаджи-Ибрагим-хан, в то время визирь Ирана в связи с многочисленными внутренними делами не обращал внимания на внешние сношения государства и не довел этот случай (т. е. приезд французских послов и их предложения.—А. И.) до сведения шахского совета; он дал этим двум лицам ответ от себя и отпустил их»²³.

Известный французский политический агент и востоковед Жобер в своей рецензии на книгу, опубликованную Джонсом, дает следующее изложение соответствующего места этой хроники: «Хаджи-Ибрагим-хан, который был в то время визирем Персии, будучи занят многочисленными внутренними делами, не уделил ей (французской миссии.—А. И.) должного внимания. Он ограничился тем, что поставил о ней в известность верховный совет, дал лично ответ этим посланникам и отпустил их»²⁴.

Таким образом, по словам иранской хроники, Хаджи-Ибрагим ограничился тем, что, доведя французские предложения до сведения шахского совета (или даже не сделав этого), дал от своего имени ответ французским эмиссарам и отпустил их.

Более точные и подробные сведения, полученные Кочубеем, сводились к следующему: «Визирь, как рассказывают, человек смывленный, видя миссию свою без всякой свиты, худо одетую и без подарков, весьма холодно ее принял, хотя подарки и были оною обещаны, и на двух или трех конференциях натуралистам сим отвечивал: что каким образом Порты, с которою Ага-Мохамед-хан в сношении находится, сама ничего не упоминает ему о приписываемых ими ей намерениях, соизбрала к тому иностранцев; что французы по торговле в Персию приезжать пожелавшие найдут всякое покровительство; о диверсии же против России других наций визирь сказал, что им ничего не известно, но что до них касается, то они решены продолжать намерение свое и имеют сами достаточные к тому способы»²⁵.

Сам Оливье, однако, считал результаты своей миссии вполне удовлетворительными: «Наша миссия,— пишет он в своей книге,— безусловно достигла полного успеха, нам ответили благоприятно на все наши просьбы; решили отправить посла к Порте Османской; только от нас зависело пойти еще дальше, возобновить наши прежние договоры и добиться торжественного обещания оказывать покровительство (как то

²¹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1796 г., д. № 829, л. 20. Однако сведения эти впоследствии не подтвердились.

²² A. Sorel. L'Europe et la Révolution française, vol. V. Paris, p. 103.

²³ «The Dynasty of the Kajars», стр. 274.

²⁴ «Nouveau Journal Asiatique». Paris, 1834, XIII, стр. 138—139.

²⁵ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., д. № 851, л. 5—6 об.

было раньше) французским колониям в Исфагане, Ширазе и на Персидском заливе. Мы не сомневались даже, что согласились бы уступить нам остров Харк, который французский двор просил у Керима до упразднения нашей Ост-индской компании».

По утверждению Оливье, они не стали добиваться всего этого, так как, ознакомившись с положением Ирана, пришли к заключению о невозможности и нецелесообразности поддерживать с этой разоренной страной, в которой отсутствовали элементарные гарантии личной и имущественной безопасности, сколько-либо широкие торговые сношения²⁶.

Какой же вывод можно сделать из этих подчас разноречивых свидетельств? Вывод этот, очевидно, сводится к следующему.

Иранское правительство отнеслось, несомненно, недоверчиво к французской миссии. Объяснялось это в значительной мере тем, что Оливье и Брюгьер явились в Тегеран лишь с одним переводчиком, без многочисленной свиты, наличие которой издавна считалось в Иране необходимым атрибутом всякого авторитетного посольства. Кроме того, они не предъявили никаких официальных посланий, кроме письма, составленного Вернинаком, и рекомендации багдадского паши. Вероятно, большую роль сыграло и то, что они не преподнесли никаких подарков, которые также считались на Востоке совершенно обязательными для всякого посольства, снабженного необходимыми полномочиями²⁷. Такой неавторитетный, с точки зрения иранских властей, характер французской миссии и заставил иранского визиря отнестись к ней настороженно.

Поэтому иранское правительство уклонилось и от заключения с французскими эмиссарами какого-либо официального соглашения и от возобновления прежних торговых договоров, хотя визирь устно и обещал оказывать покровительство французским коммерсантам. Вряд ли, конечно, можно верить позднейшим утверждениям (вернее оправданиям) Оливье относительно их собственного нежелания возобновить торговый договор, а также добиться уступки острова Харк. Ведь возобновление торговых договоров 1708 и 1715 гг. было одной из основных данных им директив. Упоминание же Оливье об острове Харк, на который претендовала еще монархическая Франция, вносит лишь новую любопытную деталь в наши сведения о целях французской миссии, одной из задач которой являлось, очевидно, и приобретение этого острова, как важного стратегического опорного пункта в Персидском заливе. Это является тем более вероятным, что ту же цель настойчиво преследовала и наполеоновская дипломатия, которая в этом вопросе, как и во всей своей политике в отношении Ирана, лишь продолжила и развила политику, намеченную еще в эпоху Директории.

Недоверчивое отношение иранских властей, в связи с неофициальным характером миссии, было замечено и учтено самими французскими эмиссарами. Поэтому по возвращении в Багдад они сочли необходимым в своих письмах к новому французскому послу в Константинополе Обер-Дюбайе специально подчеркнуть, «что Франции по-

²⁶ J. A. Oliveir. Указ. соч., т. III, стр. 88—89.

²⁷ Об этом были прекрасно осведомлены и сами французские эмиссары. Именно поэтому они с нетерпением ожидали подарков, которые обещал выслать Вернинак. Еще до возвращения в Тегеран Ага-Мохаммед-хана они дважды отправляли нарочного в Казвине к купцу-агенту Руссо, чтобы узнать, не прибыли ли обещанные подарки. (G. A. Olivier. Указ. соч., т. III, стр. 48, 75). По сообщению Кочубея, «подарки для дачи при дворе Ага-Мохаммед-хана Вернинаком назначенные» прибыли в Тегеран уже после завершения переговоров Оливье и Брюгьера с Хаджи-Ибрагимом и состояли лишь из книжала, часов и еще нескольких вещей «всего на 6 или 7 тысяч пиастров». Поэтому они даже «не были употреблены» (см. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., д. 851, л. 6 об.). Подобная скудность объяснялась финансовыми затруднениями, которые переживало в то время само французское посольство в Константинополе.

лезно было бы иметь в Персии какую-либо особу, облаченную публичным характером, т. е. официального посла²⁸.

Все это вовсе не означает, однако, что иранские власти отнеслись отрицательно к политическим планам, представленным Оливье и Брюгьером от имени своего правительства. Французские предложения не были отвергнуты. Наоборот, по основному вопросу — о борьбе против России, Хаджи-Ибрагим дал заверения о намерении Ирана продолжать эту борьбу всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Если визирь отнесся осторожно к предложению французских эмиссаров «о диверсии против России других наций», то объяснялось это вовсе не отрицательным отношением к этим планам, а неуверенностью в том, насколько истинны эти заверения, не подкрепленные никакими более вескими доказательствами. Под влиянием заверений и предложений французских агентов, было принято решение отправить в Турцию послов для переговоров о союзе против России, что Оливье справедливо расценивает как немалое достижение их миссии.

Решение это было претворено в жизнь. В Турцию были отправлены два иранских представителя, которые прибыли в Константинополь 1 января 1797 г. «Я не сомневаюсь, — писал 9 января С. Р. Воронцову Кочубей (первоначально получивший сведения о прибытии лишь одного персидского агента), — что он послан, чтобы возбудить против нас турок; но я также уверен, что те настолько же будут остерегаться предпринять что-либо сами, насколько, возможно, будут пытаться подтолкнуть персов. Два французских эмиссара, находящиеся подле этого государя или узурпатора-евнуха (Ага-Мохаммед-хана. — А. И.) пишут тысячи нелепостей на наш счет...»²⁹.

Как можно заключить из последних слов, в Константинополе было одновременно получено письмо от Оливье и Брюгьера, в котором те, стремясь содействовать заключению турецко-иранского союза против России, измышляли всяческие небылицы.

Получив сведения о прибытии иранских эмиссаров, Кочубей сразу же обратился с запросом к реис-эфенди. Последний заверил его, что Порта намерена поддерживать дружественные отношения с Россией и «ни в какие виды по персидским делам не замешается»³⁰.

В своем донесении от 15 (26) января, посланном в Петербург, Кочубей смог сообщить уже вполне точные сведения о целях иранского посольства, полученные им через австрийского посла.

Согласно этим данным, иранские эмиссары привезли от визиря к турецкому великому визирю письмо, в котором Хаджи-Ибрагим описывал положение Ирана и события, связанные с русско-иранской войной. Он утверждал, что уже воюющая иранская армия, вместе с той, которую собирает в Тегеране Ага-Мохаммед-хан, более чем до-

²⁸ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. № 837, л. 15—15 об. Кочубей в своем донесении от 1 (12) февраля 1797 г. приводит и другие интересные сведения о переписке Оливье и Брюгьера с Обер-Дюбае, свидетельствующие о финансовых затруднениях французских представителей и агентов на Востоке, что весьма неблагоприятно влияло на всю их деятельность. В тех же письмах, написанных из Багдада, они просили прислать им тридцать две тысячи пиастров для уплаты долгов и на обратный путь. Обер-Дюбае сообщил им в ответ, «что он не только требуемой ими суммы, но и никакой перевести им не может, сам в деньгах нуждаясь; что с большим трудом мог он доставить им прежде шесть тысяч пиастров; что он векселей их не акцептует, ежели они на него их вышлют, и чтоб сюда не приезжали они, а отправились в Александретту, что в Сирии, дабы оттоль на первом судне отъехать во Францию». Однако Оливье и Брюгьер не последовали совету посла. Из Багдада они отправились через Алеппо на Кипр, а оттуда в Константинополь. Прожив там некоторое время, они выехали на корабле в Европу и в сентябре 1798 г. высадились в Анконе. Здесь умер давно уже болевший Брюгьер, а Оливье в декабре того же года вернулся в Париж.

²⁹ «Архив князя Воронцова», т. XVIII, стр. 127.

³⁰ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., д. № 846 л. 24—24 об.

статочно не только, чтобы сопротивляться русским, но и для того, чтобы «сделать значительные завоевания за счет России». Далее он пытался убедить Порта в том, что долг последней — помочь персам. В заключение он просил послать турецкую армию в количестве сорока-пятидесяти тысяч человек к границам Грузии, чтобы не допустить русских завладеть этой страной.

Вручив это письмо, иранские послы устно сообщили, что под Шемахой произошла битва между иранскими и русскими войсками, в которой русские были разбиты наголову, а их главнокомандующий убит и что именно по этой причине русская императрица умерла от огорчения³¹. Все эти небылицы должны были, повидимому, служить дополнительным аргументом в пользу выступления Турции против России.

Одновременно в Константинополь были доставлены письма, полученные багдадским пашой от самого Ага-Мохаммед-хана, содержавшие «просьбу к нему, паше, о содействии его, дабы подвинуть Порта дать ему нужную помощь против войск российских, настоя изобильно о пользе из того для империи сея»³².

Таким образом, иранское правительство в целях вовлечения Турции в войну с Россией пыталось воздействовать на Порта двумя путями: — путем отправки официальной миссии в Константинополь и через багдадского пашу. Последний шаг был также, несомненно, предпринят по совету французских эмиссаров. Весьма возможно даже, что именно они и доставили в Багдад, куда они вернулись из Тегерана, обращение иранского шаха к паше.

Как раз в эти январские дни 1797 г., когда по инициативе французской дипломатии велись переговоры о создании ирано-турецкого военного блока против России, русский посол имел интересный разговор с Обер-Дюбае. Встретившись с Кочубеем в доме венецианского посла, Обер-Дюбае подошел к нему и спросил, не имеет ли он известий от графа Зубова. Русский посол ответил, что поскольку персидские дела (его не касаются, он не поддерживает сношений с генералом. Тогда Обер-Дюбае заявил, что он имеет из Персии «довольно свежие известия». «Армия ваша, — продолжал он, — в хорошем положении находилась, овладев Дербентом и заняв разные другие места, но персияне собираются горячо атаковать вас весною». Ага-Мохаммед-хан возвратился из Хорасанской экспедиции в Тегеран «и старается умножить свое войско». И тут же он задал Кочубею вопрос, правильны ли слухи о том, что император Павел отменил решение послать шестидесятитысячное войско против Франции³³.

Очевидно, французский посол уже не считал нужным скрывать своих сношений с Ираном. Более того, он откровенно угрожал нашествием Ага-Мохаммед-хана на Кавказ, намекая, что для России было бы благоразумнее отказаться от своего намерения послать армию в Западную Европу против Франции.

Однако расчеты французской дипломатии на заключение военного союза между Ираном и Турцией не оправдались. 12 января состоялось совещание турецких министров, и было решено дать персидским послам следующий ответ: «Порта не имеет намерения нарушить мир с русскими и поэтому не может отправить армию к границам Грузии, так как в таком случае необходимо было бы отправить войска и на европейские границы и пойти на открытый разрыв с Россией. Если персы хотят, чтобы турки оказали им теперь помощь в войне с Россией, почему они сами не помогли туркам, когда те, всего несколько лет назад, воевали с русскими и австрийцами?»³⁴.

10 февраля Кочубей писал С. Р. Воронцову по поводу «двух персидских эмиссаров»: «Они позавчера уехали обратно с тем, с чем и приехали. Порта наговорила им много прекрасных вещей, много тех фраз, которые ничего не означают...»³⁵.

³¹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1797 г., д. № 846, л. 57—59.

³² Там же, л. 55.

³³ Там же, л. 42—42 об.

³⁴ Там же, л. 59, 60.

³⁵ «Архив князя Воронцова», т. XVIII, стр. 130.

цианской республики, не позволяли турецкому правительству пойти на разрыв с Россией. Порта теперь уже опасалась Франции, поскольку французы становились непосредственными соседями Османской империи. Эта новая ситуация у западных границ империи представляла для Турции тем большую угрозу, что она могла оказать непосредственное влияние на усиление освободительного движения на Балканах среди поработанных турками народов.

К началу 1797 г. французское влияние в Турции заметно ослабевает. Обер-Дюбайе не только не смог добиться заключения франко-турецкого военного союза, но даже побудить Порту предпринять враждебную Австрии демонстрацию: послать войска на турецко-австрийскую границу. В турецком ответе на это предложение откровенно выражались опасения по поводу продвижения французских войск к границам Османской империи³⁶. Насколько сильны были эти опасения, видно из донесений Кочубея, сообщавшего, что приближение французов к турецким границам внушило Порте особое беспокойство в связи с возможностью распространения «республиканского духа» среди христианского населения пограничных областей и волнений на Балканах и на островах Архипелага³⁷.

Опасения турецкого правительства в связи с военно-политическими успехами Франции были столь велики, что оно решило даже отказаться от французской военной помощи. В том же письме от 10 февраля, в котором Кочубей сообщал о неудачном исходе турецко-иранских переговоров, он извещал и о решении турецкого правительства отправить назад французских мастеров-специалистов, а также отказаться от услуг французских офицеров и военных инструкторов, оставив лишь временно артиллеристов³⁸. Но и те вскоре были уволены со службы и отправлены во Францию.

В то же время смерть Екатерины II, вступление на престол Павла I и переданные от его имени заверения в мирных намерениях России произвели, по сообщению Кочубея, самое благоприятное впечатление на Порту. Вскоре были получены и сведения о прекращении, по распоряжению нового императора, русского похода в Закавказье и выводе оттуда русских войск. Эти события, а также убийство в мае 1797 г. Ага-Мохаммеда-хана и начавшаяся борьба за иранский престол, делали еще более маловероятными расчеты французской дипломатии на вовлечение в борьбу против России как Турции, так и Ирана.

Враждебная России и интересам закавказских народов деятельность французской дипломатии в Иране, проявлением которой была, в частности, миссия Оливье и Брюггера, возобновилась, однако, несколько лет спустя, в наполеоновскую эпоху, когда столь же широкие масштабы приобретает и деятельность англичан в Иране и Закавказье.

³⁶ Zinkeisen, Указ. соч., т. VI, стр. 882—883.

³⁷ «Архив князя Воронцова», т. XIV, стр. 84, 87, 91 и др.

³⁸ Там же, т. XVIII, стр. 129.

ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ МЕСЯЦ VIYAXNA

М. Н. БОГОЛЮБОВ

Упомянутое в Бехистунской надписи (I,37; II,98; III,68) название древнеперсидского месяца viyaxna-, соответствующего февралю-марту нашего календаря, в своей составной части - уах - напоминает новоперсидское слово уах 'лед'. В тот период развития языкознания, когда фонетические законы иранских языков не были еще в достаточной мере определены, казалось вполне допустимым сблизить -уах- древнеперсидского viyaxna- с новоперсидским уах и по аналогии с авестийским vi-āra- 'безводный' осмыслить viyaxna- как '[месяц] свободный от льда'¹.

Хр. Бартоломе, опираясь на достижения современной ему сравнительно-исторической фонетики иранских языков, восстанавливал древнеперсидский праобраз новоперсидского уах 'лед' в звучании *aīxa- (ср. авестийское aēha- 'лед') и считал вышеприведенный перевод древнеперсидского viyaxna- лишенным фонетических оснований².

Однако в настоящее время, по мнению автора этой статьи, древнеперсидское *aīxa-, авестийское aēha-, с одной стороны, и -уах- в древнеперсидском viyaxna-, с другой, уже не представляются генетически разнокорневыми. Непосредственную помощь доказательству общего по корню происхождения этих основ оказывают теории индоевропейского вокализма и индоевропейских корней, обоснованные в работах Куриловича³ и Бенвениста⁴. Согласно этим теориям:

а) каждое индоевропейское слово, начинающееся с гласного, утратило начальный согласный порядка 2-;

б) индоевропейский корень, односложный по природе, образовывался двумя согласными и гласным -е-, например:

и.-е. *ǵes- 'быть' > иран. ah-;

и.-е. *ǵey- 'итти' > иран. ay-;

и.-е. *dheǵ- 'давать' > иран. dā-;

и.-е. *bher- 'нести' > иран. bar-;

в) индоевропейский корень при присоединении суффикса проявляется в двух типах основ:

I — корень с гласным + суффикс без гласного,

II — корень без гласного + суффикс с гласным, например:

I — *ǵéw + kw- > авест. aok- 'говорить'; II — *ǵw + ékw- > авест. vak- 'говорить';
I — *ǵéw + gwh- > авест. aog- 'провозглашать'; II — *ǵw + égh- > авест. égh- 'провозглашать';
ср. авест. vaγ в rāstar.vaγ-ǵanti 'устроитель молитвенных провозглашений'.

¹ F. Justi. Die altpersischen Monate. «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft» 1897, № 51, S. 250.

² См. Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch (в дальнейшем — Air. Wb.) Strassburg, 1904, st. 1475.

³ J. Kurylowicz. Études indo-européennes. Krakow, 1935.

⁴ E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935.

Изложенные положения позволяют представить иран. *aīxa- 'лед' как производное от основы первого типа (I) *au + x- от корня *ǵeu- 'морозить'. Конечное -x- является здесь исторически таким же суффиксом, как -k- < -kw- в основе (I) авест. aok- 'говорить' < *ǵew + kw-.

Корень *ǵeu- 'морозить' без суффикса можно видеть в авестийском прилагательном isay-⁶, 'холодный', образованном от инхоативной основы *isa-, которая произведена от *ǵeu- с помощью инхоативного суффикса -ske/o- > иран. -sa-.

Как было сказано выше, глагольная основа (I) от корня *ǵeu- 'морозить' засвидетельствована в иранском основой *aīx-. Основа второго типа (II) от этого корня, так же как и основа *ǵw + ékw- > авест. vak- 'говорить' от корня *ǵew-, может быть определена в звучании уах-. Именно эту основу и следует видеть в древнеперсидском vi-uah-na-.

Образованное от основы (II) -уах- с превербом vi- и суффиксом -на- (-ана-) древнеперсидское viuahna-(viuahana-) могло значить 'размерзающий', т. е. месяц, в котором наступает потепление, уходят холода, тают снега. Такое значение viuahna- хорошо согласуется как со временем года, предшествующим весне, так и со значением месяца, который предшествовал двенадцатому месяцу viuahna- в древнеперсидском календаре⁷. Одиннадцатый месяц древнеперсидского календаря, как то доказано А. А. Фрейманом, следует читать *zamīma- т. е. 'зимний'⁸.

⁵ В параллель к иранскому суффиксу -x- можно привести индийский суффикс -kh- в ikh-/ékh-/ékhati 'он идет', в глагольных формах, образованных от корня i-/e < *ǵeu- 'итти'; ср. также перс. sēx 'вертел' < иран. *saīxa- 'колющий' при инд. śikh 'колоть'.

⁶ См. Air. Wb., 372.

⁷ Предложенная в этой статье этимология древнеперсидского viuahna- позволяет отвести предположение Бартоломе о связи viuahna- с авест. vūāha- 'собрание', поскольку такая связь не соответствует тому кругу значений, который представлен в названиях древнеперсидских месяцев. Этимология viuahna-, данная Кентом (R. G. Kent. Old Persian. New Haven, 1950, p. 208), основана в звуковом отношении только на эламской передаче древнеперсидского слова и вовсе не учитывает собственно древнеперсидского начертания. В. Хеннинг (Bulletin of the School of Oriental and African studies, vol. XI, part 3, 1945, p. 465, прим. 3) обратил внимание на звуковое сходство согдийского ухнуу (= персидскому уахн 'отложенный', 'запасенный') с древнеперсидским viuahna-, не касаясь смысловой стороны вопроса.

⁸ А. А. Фрейман. Древнеперсидский календарь. «Вестник древней истории», 1946, № 3 (17), стр. 23.

В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Институт востоковедения Академии наук Узбекской ССР закончил 1955 г. с известными успехами в научно-исследовательской работе.

В июне 1955 г. вышел в свет третий том каталога «Собрание восточных рукописей Института востоковедения АН УзССР», включающий описание рукописей по философии и суфизму. Этот коллективный труд издается под редакцией д-ра ист. наук, проф. А. А. Семенова. Подготовлен к печати и сдается в издательство АН Узбекской ССР четвертый том каталога, в который вошли описания хранящихся в институте рукописей по истории ислама и мусульманского законоведения.

Вышли из печати: книга канд. ист. наук А. Х. Бабаходжаева «Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917—1921 гг.», книга канд. ист. наук С. Мирзаева «Библиография произведений Ибн Сины, хранящихся в Институте востоковедения АН Узбекистана».

Закончен перевод, а также филологическая и медицинская редакция второй книги «Канона врачебной науки» Али ибн-Сины, которая подготовлена к печати (как и первая книга «Канона») в тесном сотрудничестве с видными специалистами-медиками Москвы, Ленинграда и Ташкента. Выходит в свет работа канд. эконом. наук М. Г. Пикулина «Афганистан» — обзор современной экономики.

Подготовлены к печати и в ближайшее время выйдут в свет в издании Академии наук Узб.ССР, капитальные переводы из серии материалов по истории народов Средней Азии: «Убайдулла-наме» Мир Мухаммеда Амин Бухари и «Мукимханова история» Мухаммеда Юсуфа Мушши. Переводы выполнены д-ром ист. наук А. А. Семеновым.

Сдан в издательство сборник «Труды Института востоковедения Академии наук УзССР», вып. IV, посвященный вопросам истории народов стран зарубежного Востока.

Кроме перечисленных, подготовлены к печати и находятся в издательстве работы отдельных научных сотрудников института: У. Рустамова «Место пригидушских районов в агрессивных планах Англии (конец XIX — начало XX в.)»; М. Г. Пикулина «Белуджи»; З. Ризаева «Иранский народ в борьбе за мир и независимость своей страны»; А. Каюмова «Махмур», посвященная творчеству известного узбекского поэта, а также ряд переводных работ: «Хронология древних народов» Беруни (перевод М. А. Салье) и «Книга „Тайны тайн“» ар-Рази (перевод У. Каримова).

В 1956 г. перед коллективом научных сотрудников Института востоковедения Академии наук Узб.ССР стоят большие и сложные задачи. По утвержденному плану научные сотрудники отдела восточных рукописей должны завершить перевод третьей, наиболее капитальной книги «Канона врачебной науки». Книга переводится и готовится к изданию на двух языках — русском и узбекском.

В 1956 г. выйдет в свет четвертый том каталога «Собрания восточных рукописей». Будет продолжена работа по подготовке к изданию пятого тома каталога.

В 1956 г. предполагается завершить написание и подготовку к изданию ряда монографий научных сотрудников отдела новой и новейшей истории стран зарубежного

Востока. Будут сданы в издательство работы И. Г. Полинова «Синьзян в период китайской революции 1911—1913 гг.», Г. В. Шитова «Иранская нефть и англо-американские противоречия в Иране после второй мировой войны», А. Х. Бабаходжаева «Английский империализм на Среднем Востоке (1921—1925 гг.)», А. Шамансуровой «Южноафганские племена»; М. Г. Пикулина «Историко-экономический очерк белуджей Пакистанского Белуджистана», С. Ибрагимовой «Борьба демократических сил Пакистана против внутренней и внешней реакции».

В 1956 г. будут начаты работы по составлению «Библиографии по Индии». Эта капитальная работа намечена к выполнению совместно с Институтом востоковедения АН СССР. Совместно с Институтом востоковедения АН СССР будет начато составление «Справочника по Афганистану» и историко-экономических очерков «Кашмир» и «Хорасан».

Коллектив научных сотрудников Отдела восточных рукописей продолжит работу по научному описанию хранящегося в институте рукописного фонда, который ежегодно пополняется новыми материалами; рукописями и литографиями на восточных языках. За последние два года институт приобрел 212 рукописей и 63 литографии. В числе приобретенных рукописей имеются такие ценные произведения, как «Биография поэтов» (до начала XVI в.) на таджикском языке; «Родословная султанов» (по истории Кокандского ханства) на узбекском языке и ряд редких диванов на узбекском языке.

М. Г. Пикулин

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ КИТАЯ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Изучение истории Китая в КНР ведется в научно-исследовательских институтах Академии наук, в партийно-политических учреждениях и институтах Коммунистической партии, на исторических факультетах университетов и пединститутах. Их работа координируется комиссией по истории Китая, возглавляемой вице-президентом Академии наук Китая Чэнь Бо-да, в состав которой входят виднейшие историки Фань Вэнь-лань, Цзянь Бо-цзюнь, Ху Шэн и другие. В июне 1955 г. было организовано Отделение общественных наук Академии наук, которое должно объединять и направлять научно-исследовательскую работу по истории Китая. В состав отделения входят наиболее известные историки.

В системе Академии наук Китая четыре научно-исследовательских института по истории: Институт археологии, Первый институт истории, Второй институт истории и Третий институт истории. В этих институтах работает около ста научных работников, в распоряжение которых предоставлены ценнейшие фонды памятников, документов и исторической литературы.

Институт археологии (директор Чжэн Чжэнь-до, заместитель директора Ся Най) организован в 1950 г. Институт занимается главным образом изучением памятников неолита, эпох Инь и Чжоу и эпох Хань и Тан. Направлению работы института соответствует и его организационная структура. Раскопки в последние годы сосредоточены в основном в тех местах, где производятся крупные земляные работы, связанные с капитальным строительством: в провинциях Хэнань (города Аньян, Лоян и Чжэнчжоу, уезды Хуэй и Байша), Хэбэй (город Таншань), Шаньси (город Сиань), Хунань (город Чанша). Археологические экспедиции работали также в Синьцзяне и в других местах.

Результаты некоторых раскопок уже обобщены и опубликованы в отчетах и статьях. Обнаруженные памятники материальной культуры были экспонированы на археологической выставке и дополнили собою экспозиции ряда исторических музеев. Итоги археологических работ 1950—1954 гг. были обсуждены на созданной Академией наук Китая научной конференции, посвященной двадцатипятилетию со дня открытия синантропа. На конференции были заслушаны доклады об общих итогах археологической работы в Китае. С 1950 по 1954 г. работниками Института археологии было подготовлено 76 научных работ, значительная часть которых опубликована в виде книг и статей. Авторами их являются археологи Чжэн Чжэнь-до, Инь Да, Ся Най, Сюй Бин-чан, Го Бао-цзюнь, Хуан Вэнь-би, Чэнь Мын-цзя и другие. Некоторые из этих работ переведены на русский язык и опубликованы в «Вестнике древней истории».

Первый институт истории (директор Го Мо-жо, заместитель директора Инь Да) занимается изучением древней и частично средневековой истории Китая (до эпохи Суй). Институт создан в 1954 г. В 1955 г. сотрудники института занимались темами: восстановление оригинального текста и составление комментариев к «Гуан-цзы»; критический разбор текста, постановка знаков препинания и составление комментариев к «Цзы-чжи тун-цзян» Сы Ма-гуана; подготовка к печати исследования Дин Шань «Изучение надписей на костях Иньской эпохи». Кроме того, идет подготовка к разработке ряда тем (частично на основе сотрудничества с историческими факультетами университетов). Среди них — история эпохи Вэй-Цзинь (совместно с Пекинским университетом), идеология эпохи Вэй-Цзинь, общественный строй эпохи Инь-Шан, периодизация древней истории Китая (совместно с Шаньдунским университетом).

Второй институт истории (директор Сян Да) также организован в 1954 г. Задача его — изучение средневековой истории Китая с эпохи Суй и до первой опиумной войны. В институте в данное время разрабатываются темы, связанные преимущественно с историей эпохи Суй-Тан: «Развитие собственности на землю при Танской династии»; «Ремесло в эпоху Танской династии»; «Церковное хозяйство в период Суйской и Танской династий»; отношения между наделной системой землепользования, системами аренды, натуральных повинностей, налогов и военной системой фу-бин в эпоху Тан. Кроме того, ведется критическое исследование источников, в частности, записок о путешествии Сюань Цзана в Индию в 629—645 гг.

Первый и Второй институты истории издадут два исторических журнала — «Лиши яньцзю» (Исторические исследования) и «Шисюэ ипун» (Переводы исторических трудов).

Третий институт истории (директор Фань Вэнь-лань, заместитель директора Лю Да-нянь) занимается изучением новой и новейшей истории Китая. Третий институт истории создан в 1954 г. на базе Института современной истории, который существовал с 1950 г. В институте имеется ряд отделов и развернута разработка больших, актуальных тем. Уже проделана большая работа по созданию материальной базы для исследования — организована библиотека в 120 тыс. томов, кабинет материалов, исторический архив в Нанкине, пять научно-исследовательских отделов, редакционный комитет и группы по сбору исторических данных о землетрясениях и по редактированию журнала «Материалы по новой истории Китая».

Научно-исследовательские отделы организованы по тематическому принципу и включают три отдела по новой истории: отдел по разработке истории современных классов Китая и их взаимоотношений (руководитель Лю Да-нянь); отдел политической истории Китая (руководители Шао Шун-чжи, Лю Гуй-у) и отдел истории агрессии иностранных держав в Китае (руководитель Жун Мын-юань), отдел по новейшей истории Китая, занимающийся пока изучением первого этапа (1919—1921) истории коммунистического движения в Китае (руководитель Дун Ци-фан) и отдел по составлению «Общей истории Китая» (руководитель Фан Вэнь-лань, заместитель Ван Чун-у).

С 1953 г. институт уже опубликовал ряд книг и около 150 статей своих научных сотрудников в научных и общественно-политических журналах и газетах. Наиболее значительными трудами института являются «Сборник материалов по новой истории» и «Краткий курс общей истории Китая» (переработанное издание). Из подготовленных

институтом шести сборников материалов три сборника — «Тайпинское движение», «Восстание Нянбао», «Франко-китайская война» — уже опубликованы, сборник «Японо-китайская война» — находится в печати и два сборника: «Северные милитаристы» и «Движение за европеизацию Китая» готовятся к печати. Кроме того подготавливаются к изданию второй том и часть третьего тома «Общей истории Китая». Все издание будет закончено в 1957 г. Первый том Краткого курса «Общей истории» издан в 1953 г. и переиздан в 1955 г.

Третий институт истории имеет пятилетний план научно-исследовательской работы (1953—1957 гг.). В настоящее время сотрудники института работают над темами: «Китайская буржуазия», «Революция 1911 г.», «История вторжения империалистических держав в Китай», «Общая история Китая» и «Сборники материалов по новой истории». В институте также разрабатываются индивидуальные темы, касающиеся преимущественно истории Тайпинской революции. Институт издает свои научные сборники, двухмесячный журнал «Материалы по современной истории» и принимает участие в издании журнала «Лини яньцзю».

Институт располагает ценнейшими фондами государственных китайских архивов периода 1900—1949 гг., включающих документы цинского правительства, пекинских правительств 1912—1928 гг. и накинских правительств 1927—1949 гг. Эти архивные фонды, насчитывающие свыше 1 300 тыс. дел, хранятся в Нанкинском архиве Третьего института истории. К настоящему времени большинство этих документов (свыше 1 млн. дел) приведено в порядок, описано и может быть использовано для научной работы.

История китайской революции и история Коммунистической партии Китая разрабатываются непосредственно партийно-политическими учреждениями Коммунистической партии Китая (Институт Маркса—Ленина, Народный университет, Музей китайской революции) под руководством Отдела агитации и пропаганды ЦК КПК. В этих учреждениях сосредоточены основные кадры историков, занимающихся проблемами новейшей истории Китая. Ими написан ряд работ по истории китайской революции и по новейшей истории Китая, а также систематически публикуются статьи, освещающие эти проблемы.

В Народном университете соответствующие кафедры разрабатывают вопросы общей истории и экономической истории Китая. В этом году заведующим кафедрой общей истории Китая Народного университета Шан Юэ издана книга «Основы истории Китая». В издаваемом в университете журнале «Цзяосюэ юй яньцзю» систематически печатаются исследовательские статьи по истории.

1 июля 1955 г. в Пекине открылся Музей китайской революции, в котором довольно широко представлены документы и материалы по истории китайской революции с 1919 по 1949 г. Основной упор в экспозиции сделан на освещение вооруженной борьбы китайского народа против контрреволюции и японских империалистов. В Пекинском народном университете имеется выставка, посвященная революционной борьбе китайского народа.

Архив китайской революции совместно с Институтом Маркса—Ленина подготавливает материалы по новейшей истории и публикует их в серии «Материалы по современной истории Китая». Издания этой серии широко известны в Советском Союзе.

На исторических факультетах университетов и пединститутов, наряду с преподавательской работой, ведется и научно-исследовательская работа по истории. В тридцати университетах и тридцати пяти пединститутах имеется свыше 500 историков, многие из которых являются крупными специалистами по отдельным проблемам и периодам китайской истории.

Научно-исследовательская работа в области экономики сосредоточена в Институте экономики Академии наук Китая. Институт экономики создан в декабре 1952 г. на базе бывшего Института социологии, входившего в состав гоминьдановской Центральной Академии наук и включенного в октябре 1949 г. в состав Академии наук Китая.

В период гоминьдановского господства Институт социологии занимался изучением аграрных отношений, вопросов труда, торговли, денежного обращения и соци-

ально-экономической истории Китая. Эти исследования, однако, не могли дать больших научных результатов в силу того, что прогрессивные ученые, такие, как Чэнь Хань-пин, Сюй-Ди-синь и другие, пытавшиеся изучать экономику Китая на основе марксистской методологии, преследовались, а труды их не находили доступа к читателям или выпускались в свет в урезанном виде. В Институте социологии усиленно насаждались экономические «теории» Мальтуса, Кэйпса, Маршалла и других западноевропейских и американских экономистов. Экономические исследования, проводившиеся на основе этих «теорий», сводились к апологетике империалистического господства и полуфеодалных отношений, характерных для гоминьдановского Китая.

После победы народной революции и перехода Института социологии в ведение Академии наук Китая началась перестройка его работы, идеологическое перевоспитание его работников и изучение ими марксистского экономического учения как теоретической базы экономических исследований. Часть работников института прошла специальный курс экономической подготовки в Советском Союзе и Народном университете Китая. Некоторые работники института принимали участие в проведении аграрной реформы.

После реорганизации института в конце 1952 г. перед ним были поставлены задачи собрать, обработать и опубликовать статистические данные о развитии китайской экономики за последние сто лет, развернуть изучение экономики нового Китая и принять участие в мероприятиях государственных органов по экономическому районированию и рациональному размещению производительных сил. Выполняя эти задачи, Институт экономики в течение 1953—1954 гг. подготовил сборник материалов по экономической истории Китая, изданный в 1955 г., собрал совместно с Государственным статистическим бюро данные о современном состоянии кустарной промышленности Китая (данные опубликованы в сборнике материалов по кустарной промышленности Китая, выпущенном в 1954 г.), принимал участие в комплексном обследовании бассейна Хуанхэ, вел изучение экономики капиталистических стран.

В настоящее время Институт экономики (директор Ди Чао-бай, заместители директора У Бао-сань и Янь Чжун-пин) располагает хорошей материальной базой, библиотекой в 60 тыс. томов и фондом ценных экономических материалов.

В план работы Института включены следующие основные темы: продолжение сбора, обработки и публикации подробных данных об отдельных отраслях экономики Китая в период 1840—1949 гг. (предполагается подготовить и издать девять томов статистических материалов по фабрично-заводской и кустарно-ремесленной промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, торговле и экономическим позициям империалистических держав в Китае); продолжение изучения кустарно-ремесленного производства в Китае (предполагается обобщить собранные ранее материалы и опубликовать данные по уездам Гаоян и Янцзин); продолжение работы по экономическому обследованию бассейна Хуанхэ — сбор данных по водным ресурсам западной части провинции Шаньси; исследование вопроса об общих принципах размещения производительных сил (на основе советского опыта); изучение мировой экономики и, в частности, вопросов о кризисе промышленного производства в США, состоянии промышленного производства в Японии и Индии, состоянии сельского хозяйства в Индонезии; исследование современного состояния финансов, денежного обращения и кредита в КНР; изучение современного состояния сельскохозяйственной производственной кооперации в КНР — сбор материалов в уезде Гаоян (провинция Хэбэй); изучение вопроса о восстановлении сельского хозяйства в КНР и об аграрной реформе.

Институт постепенно приступает к разработке вопросов современного состояния промышленности, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства, а также теоретических проблем социалистических преобразований, осуществляемых в КНР. Кроме того, разрабатываются такие темы, как кооперирование сельского хозяйства и роль в нем бытовой кооперации; государственный капитализм в КНР; экономические закономерности в переходный период. С декабря 1954 г. проводятся дискуссии в журналах «Сюэси», «Цзинцзи яньцзю» и газете «Женьминьжибао» по экономическим закономерностям переходного периода.

Все большее внимание экономистов привлекают вопросы социалистических преобразований сельского хозяйства. На сессии Академии наук Китая, посвященной образованию отделений, был заслушан доклад о распределении доходов в производственных сельскохозяйственных кооперативах. В решениях этой сессии две экономические проблемы — экономическое районирование страны и закономерности переходного периода — включены в число десяти важнейших научных проблем, подлежащих разработке Академией наук Китая в первой пятилетке.

Кроме этого, в качестве основных экономических проблем отделения общественных наук на первую пятилетку намечены: исследование вопроса о размещении производительных сил, изучение современных процессов производства и обращения в народном хозяйстве КНР, обследование кустарно-ремесленной промышленности, составление сборников материалов по экономической истории Китая.

Для направления и координирования работы по изучению экономики в состав Отделения общественных наук Академии Наук Китая включены виднейшие экономисты КНР.

Институт экономики Академии наук КНР издает двухмесячный журнал «Цзин-цзи яньцзю» (Исследование экономики). Первый номер журнала вышел в мае 1955 г.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что историки и экономисты КНР успешно ведут большую исследовательскую работу по изучению истории великого китайского народа и разработке экономических проблем развития народного хозяйства в Китайской Народной Республике.

Г. В. Астафьев

ВСЕКИТАЙСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РЕФОРМЕ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Конференция по реформе письменности, созванная Министерством просвещения Китайской Народной Республики и Правительственным комитетом по реформе китайской письменности, проходила с 15 по 23 октября 1955 г. в Пекине. Из различных провинций, городов и автономных районов на конференцию съехалось свыше двухсот делегатов: специалисты-языковеды и писатели, учителя и культработники, представители прессы и издательств, воинских частей, профсоюзов, сельскохозяйственных кооперативов и другие.

Конференцию открыл председатель Комитета по реформе китайской письменности У Юй-чжан. Во вступительном слове он охарактеризовал реформу письма как важную составную часть культурного строительства в Китае, как вопрос большой сложности, тесно связанный со всеми сторонами общественной жизни Китая, и призвал к сплочению всех специалистов, работников по реформе и всей общественности для выполнения стоящих перед ними задач. Затем с приветственными речами выступили президент Академии наук КНР Го Мо-жо, заместитель премьера Государственного совета Чань И и министр культуры Шань Ян-бин, наметившие направление работы конференции и пожелавшие ей полного успеха.

Конференция заслушала основные сообщения: доклад У Юй-чжана «Письменность в определенных условиях должна быть реформирована»¹, доклад Е Гун-чо «О работе по упрощению китайских иероглифов» и доклад министра просвещения Чжан Си-жо «Все силы — распространению путунхуа на основе пекинской произносительной нормы».

¹ Перевод этого доклада публикуется в настоящем номере журнала.

В этих докладах подробно проанализированы три главных вопроса: о подготовке коренной реформы письма и переходе на алфавит, об упрощении китайской иероглифики и о распространении путунхуа. Как явствует из доклада У Юй-чжана, первый из этих вопросов в настоящее время представляет собой пока лишь общее направление дальнейшего развития проблемы китайского письма — направление, с учетом которого конференции надлежит решить два других вопроса, являющихся основными в ее работе.

В докладе Е Гун-чо, состоящем из трех частей (подход к проблеме упрощения иероглифики и предлагаемый конференцией проект; порядок работы по проведению упрощения письма; ответы на некоторые вопросы и замечания, высказанные по проекту упрощения иероглифического письма, опубликованному в январе 1955 г.), были приведены интереснейшие данные о состоянии современного иероглифического письма, о крайней сложности всей графической системы иероглифов, о тенденции к упрощению иероглифического письма, начиная с древнейших времен. В докладе показаны безуспешные попытки упростить иероглифы при прежних реакционных режимах.

Е Гун-чо рассказал о работе комиссии по упрощению иероглифического письма и об истории ее январского проекта. С января месяца многие печатные органы попытались ввести 141 сокращенное начертание иероглифов из 798, предложенных январским проектом. Эта попытка оказалась вполне успешной. Вместе с тем комитет, учтя сделанные по январскому проекту замечания, предложил вниманию конференции новый проект в двух отдельных списках — список 512 иероглифов сокращенного начертания и список 56 сокращенных элементов письма.

Во второй части своего доклада Е Гун-чо определил метод работы по упрощению письма двумя лозунгами: «Использование того, что уже вошло в обиход народа» и «Продвижение вперед уверенными шагами». Первый означает, что упрощение иероглифического письма не мыслится как коренная перестройка иероглифики с созданием новой иероглифической и идеофонетической системы, а должно ограничиваться сокращением числа знаков (устранение разнописей), упрощением их графики (на основе признания народом скорописных начертаний) и сокращением некоторых элементов. Второй лозунг означает постепенность при введении сокращений в жизнь.

Е Гун-чо подчеркнул, что в настоящее время любые проекты должны быть достаточно просты, чтобы их можно было провести в жизнь в короткое время, ибо конечной задачей является замена иероглифического письма фонетическим и лишь возможность немедленного осуществления такой коренной реформы заставляет временно ограничиться упрощением иероглифики. Докладчик предложил конференции принять предлагаемый проект и передать его Государственному Совету на утверждение. Вместе с тем, в дальнейшем принятие одной серии сокращений и передача ее в Государственный Совет предполагает продолжение работы со следующей серией сокращений, передаваемой на всенародное обсуждение и т. д.

В заключение Е Гун-чо указал, что упрощение иероглифического письма — заслуга всего народа, и ответил на поступившие от граждан вопросы по январскому проекту, а также призвал строить дальнейшую работу на основе метода серьезных исследований.

Доклад Чжан Си-жо, посвященный вопросу о распространении путунхуа на основе пекинской произносительной нормы, лег в основу специальной научной конференции по нормализации китайского национального литературного языка (об этом см. ниже).

С 17 по 20 октября в комиссиях конференции обсуждались зачитанные доклады. Уже здесь стало ясно, что делегаты имеют единое мнение по всем основным вопросам. Еще ярче это выявилось в прениях на пленарных заседаниях 21 и 22 октября. Мы лишены здесь возможности говорить о каждом выступлении и остановимся только на некоторых.

Чань Шу-хуа (зав. учебной частью рабочей школы 6-го района железнодорожников в Тяньцзине) подчеркнула, что упрощение иероглифического письма — всеобщее требование рабочих страны. Существующая система письма создает большие трудности

в работе ликбеза, а тем самым неблагоприятно отражается и на социалистическом строительстве страны.

Жэнь Пэй-дин (учительница низшей школы из провинции Хэнань) рассказала, с какими горячими надеждами отправляли ее на конференцию крестьяне: «Привезите нам хорошие новости о реформе письма».

Цао Хао-минь (председатель сельскохозяйственного кооператива в уезде Уси провинции Цзянсу) в своем выступлении указал, что у кооперированного крестьянства все имеется в изобилии, не хватает только культуры, чему виной сложная система письма.

Чэнь Хо-цин (директор Педагогической академии в Нанкине) в своем выступлении привел слова крестьян о том, что они: «каждую зиму ходят в школу, и каждый год учат все сначала» из-за трудностей при обучении грамоте. Тов. Чэнь обещал конференции превратить Академию в оплот реформы письма.

Вэй Чуань-тун (Политуправление Народно-освободительной армии) показал необходимость единого нормализованного языка в армии. Упрощение иероглифики поможет ликбезу в армии, куда по призыву вливается много неграмотных или малограмотных новобранцев.

У Ди-пин (профессор Центральной академии национальностей) указал на единое требование мяо и других национальных меньшинств в Китае упростить иероглифику. Сейчас сложная графика письма мешает им изучать китайский язык и, следовательно, препятствует приобщению их к китайской культуре.

Писатель *Лао Ша*, выступивший весьма самокритично, обещал не злоупотреблять в своих сочинениях диалектизмами, беря из диалектов только то действительно ценное, что может обогатить национальный литературный язык.

Многие делегаты, представляющие прессу и разные участки культурной работы, указывали на вред, причиняемый сложной иероглифической системой в различных областях (телеграф, машинопись, типографское дело, школы и ликбез, научная номенклатура, словари и т. д.). Из этих выступлений видно, что требование реформы письма и упрощения иероглифики стало в Китае действительно всенародным. Отметим особо, что ряд делегатов говорили о важности скорейшего опубликования звукового алфавита, необходимого не только для подготовки реформы, но и в целях унификации произносительных норм национального языка на базе пекинской нормы.

Е Лай-ши (Комитет по реформе китайской письменности) сообщил, что закончена предварительная разработка шести проектов алфавитного письма. С тремя из этих проектов (на национальной, русской и латинской графике) делегаты были ознакомлены.

Из выступления учительницы *Ван Мао-е* (низшая школа в районе Порт-Артур — Далянь) видно, что в школе проводится пробное обучение детей на латинице, причем дети постигают грамоту за очень короткое время.

На конференции был принят проект сокращения иероглифов, а также ряд решений об усилении работы по распространению путунхуа на пекинской произносительной основе и о скорейшем опубликовании проекта звукового письма². Выступивший в конце заседания *Ху Цяо-му* (ЦК КПК и Комитет по реформе китайской письменности) призвал к объединению ученых и культурных работников и указал на необходимость создания серьезной научно-теоретической базы (исследование диалектов, создание словарей и экспериментальная работа над проектами алфавита).

Конференцию закрыл министр просвещения *Чжан Си-жо*, призвавший делегатов стать пропагандистами и организаторами работы по реформе письма и отдать все силы осуществлению решений конференции.

После конференции осталась обширная документация. Кроме основных докладов отметим как особо интересные: три проекта алфавитного письма (национальный в четырех вариантах, латинский и русский варианты); пробные оттиски текста на этих

² Текст опубликован в настоящем номере журнала.

алфавитах; проект фонетического списка наиболее употребительных китайских иероглифов; проект списка упраздняемых разнописей и другие.

Решение конференции по реформе письма (§ 4—6) легло в основу проходившей после нее в Пекине Научной конференции по вопросам нормализации китайского национального литературного языка.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ НОРМАЛИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Конференция эта, созванная Академией наук и Министерством высшего образования, проходила в Пекине с 25 по 31 октября 1955 г. В конференции приняли участие 126 делегатов: ученые, лингвисты, педагоги, артисты театров и кино, переводчики и работники издательств и радио. Присутствовали и гости из СССР, Польши и Румынии.

Конференцию открыл директор Института языкознания АН КНР проф. *Ло Чан-пай*. Президент Академии наук *Го Мо-жо* и заместитель премьера Государственного совета *Чэнь И*, выступившие с приветственными речами, указали направление работы конференции. Они сообщили, что конференция по реформе письменности в 4—6 пунктах своего решения уже взяла курс на нормализацию национального литературного языка на базе пекинской произносительной нормы. Основная цель настоящей конференции — пропаганда идеи нормализации, определение объектов работы и мобилизация сил не только ученых-лингвистов, но и всех работников литературного фронта на местах. Чэнь И указал, что коренную реформу письменности в Китае надо закончить в 10—15 лет, а отсюда — необходимость нормализации литературного языка в его письменной и устной формах. Возражая против ряда доводов, приводимых обычно противниками нормализации, Чэнь И критиковал позицию равнодушия в вопросах реформы письма и нормализации. Он подчеркнул, что работникам культурного фронта необходимо учиться у народа и не игнорировать опыта других стран.

После этого конференция заслушала доклад проф. *Ло Чан-пэя* и проф. *Люй Шу-сяна*: «Вопрос о нормах современного китайского языка»³, который дал основную научно-теоретическую установку в работе по нормализации китайского литературного языка и наметил порядок проведения этой работы. Участники конференции познакомились также с докладом проф. Г. П. Сердюченко (АН СССР) «О важности и принципах нормирования китайского литературного языка».

26 октября в пяти секциях конференции, созданных по профессиональному признаку, началось обсуждение этих докладов. Обсуждение показало, что делегаты согласны с основными установками и готовы работать на своих участках в целях быстрого распространения путунхуа на основе пекинской произносительной нормы. При этом была подчеркнута необходимость скорейшего создания нормативного толкового словаря и нормативной грамматики.

27—28 октября на пленарных заседаниях конференции происходили прения. Прения открылись выступлением акад. *Грауэра* (Румынская Народная Республика) «О едином национальном языке», посвященном вопросам взаимоотношения национального языка и диалектов, роли писателя в формировании литературного языка. Оратор критиковал установку некоторых западных ученых, склонных видеть в китайском языке конгломерат языков.

Представитель советских ученых проф. *Ошанин* сделал сообщение на тему «О некоторых вопросах нормализации литературного языка» и на материалах лексики, поделился некоторым опытом нормализации литературных языков в национальных республиках СССР.

Проф. *Лю Ле* (преподаватель корейского языка в Пекинском университете) поделился опытом работы по нормализации корейского языка.

³ Перевод доклада публикуется в настоящем номере журнала.

Затем участники конференции заслушали содоклады: 1) «Некоторые вопросы фонетической системы пекинского говора» (проф. *Лу Чжи-эй*), подробно характеризующий произносительные нормы Пекина (например, наличие суффикса -р, ударных и безударных слогов и т. д.); 2) «О результатах обследования диалектов китайского языка» (проф. *Дин Шэн-шу*), в котором подведены итоги проделанной китайскими учеными работы по обследованию восьми основных диалектов и внесены предложения углубить работу над диалектами, провести планомерное обследование районов местных диалектов и пр.; 3) «О нормализации лексики» (проф. *У Сяо-линь*), посвященный вопросам лексики национального языка и диалектов, диалектизмам и архаизмам в литературном языке, а также вопросу о создании словарей, особенно, нормативного толкового словаря; 4) «О нормализации грамматики» (проф. *Лу Цзун-да*), в котором показано наличие расхождений в грамматике национального языка и диалектов. В содокладе мотивирована необходимость принятия пекинской нормы в области грамматики и подчеркивается важность серьезной научно-исследовательской работы по изучению грамматического строя национального языка и диалектов.

Каждый из этих содокладов представляет собой солидный документ, дающий полное освещение данной стороны проблемы нормализации применительно к китайскому языку.

Большой, насыщенный богатым фактическим материалом доклад *Ху Цяо-му* (ЦК КПК и Комитет по реформе китайской письменности) зачитал проф. *Вэй Цзянь-гун*.

Последовавшие затем выступления отдельных делегатов показали полное единение по вопросу о необходимости нормализации, о порядке ее проведения, о создании серьезной научно-исследовательской базы и т. д.

29 октября прения открылись выступлением советского ученого *Н. Н. Короткова*, поделившегося опытом работы в СССР над вопросами китайской грамматики. Проф. *Яблонский* (Польская Народная Республика) осветил вопросы о значении театра для нормализации языка, о слове и термине и о принципах алфавитного письма.

Выступивший затем польский профессор *Хмелевский* подчеркнул роль старого литературного языка в пополнении словарного состава, роль диалектной лексики как средства обогащения национального языка. Я. Хмелевский отметил также необходимость признания «слоговой морфологии» в китайском языке и ее связи со словообразованием.

Дун Цю-сы предложил сосредоточить руководство работой по нормализации в руках Академии наук и путем организации на марксистско-ленинской основе дискуссии по основным проблемам строя китайского языка поднять языкознание в Китае на новую высоту.

Проф. *Чжоу Цзю-мо* (Пекинский университет) говорил о необходимости скорейшего создания нормативного словаря и грамматики, указывая, что частота употребления данного диалектизма или архаизма должна служить основным критерием для включения его в национальный словарь. Проф. Чжоу предложил считать также и с тем, насколько точно передает понятие данный диалектизм или архаизм и в какой мере он соответствует словообразовательным моделям китайского языка.

Вечернее заседание 29 октября и утреннее 31 октября, проходившие по четырем секциям (грамматики, фонетики, лексики и диалектологии), были посвящены обсуждению проекта резолюции и внесению в него поправок.

На вечернем заседании 31 октября проф. *Цзи Сянь-линь* (Пекинский университет) подвел итоги конференции и поставил на голосование проект решения, который был принят единогласно.

Выступивший затем ректор Фуланьского университета в Шанхае проф. *Чань Ван-дао*, по поручению делегатов, приветствовал успешное завершение конференции и подчеркнул ее значение в эпоху строительства социализма.

Мотивировочная часть решений конференции подчеркивает следующие основные моменты.

1. Эпоха строительства социализма повышает требования к языку как средству

общения. Необходима ориентация на ведущий диалект, каким может быть только северный диалект на основе пекинской произносительной нормы.

2. Все конкретные вопросы этой произносительной нормы (например, различие или неразличение палатализованных, заднеязычных и зубных, нормативность суффикса -р, нормализация так называемого входящего тона, вопрос о силовом ударении и безударных слогах в многосложных словах и т. д.) подлежат решению на основе серьезной научно-исследовательской работы.

3. Силы ученых-лингвистов в Китае пока недостаточны, чтобы самостоятельно справиться с работой по нормализации литературного языка. Необходимо выявление сил на местах (школы, театр, кино, радио и т. д.) и их мобилизация для пропаганды идеи нормализации и проведения практической работы.

Конференция предложила провести следующие конкретные мероприятия:

1. Создать в Академии наук комиссию из специалистов, поручив ей выяснение и установление фонетических норм китайского национального языка. Предложить в годичный срок составить выверенный фонетический список наиболее употребительных слов национального языка. Вместе с тем в компетенцию этой комиссии должно входить консультирование культурных организаций, играющих особенно заметную роль в деле распространения норм литературного языка (радио, кино, театр и т. д.).

2. Создать при Академии наук особый словарный плановый комитет в составе пяти-семи человек, поручив ему распределение работников по основным объектам лексикографических работ. Основной задачей комитета является составление проекта нормативного толкового словаря современного литературного языка. Вместе с тем комитет должен определить, какие специальные словари (технические, двуязычные и пр.) нужны в первую очередь. Срок этой работы определен в шесть месяцев.

3. Академии наук, Министерству высшего образования и министру просвещения спланировать окончание работы по обследованию территориальных диалектов таким образом, чтобы закончить ее в два года. Вопросники для такого обследования разослать на места (фактически вопросник и инструкция по обследованию диалектов были розданы участникам конференции еще на ее заседаниях. — И. О.).

4. Организовать правильный обмен научной информацией между Институтом языкознания АН КНР и другими центрами языкознания (учебные заведения) и организовать выпуск периодического бюллетеня.

5. Поручить Институту языкознания и филологическим факультетам высших учебных заведений, а также редакциям языковедческих журналов мобилизовать работников по языку на местах и направлять их работу, используя для этого такие формы, как диспуты, доклады и лекции, а также исследовательские кружки.

6. Предложить работникам издательств и других организаций печати и прессы, а также работникам радио, театра и кино принять активное участие в исследовательской работе в области языка и вести широкую массовую пропаганду идей нормализации литературного языка среди своих читателей, слушателей и зрителей.

Как видно из вышеизложенного, конференция оставила после себя весьма обширную документацию, подлежащую тщательному изучению.

Для нас нет сомнения, что обе конференции имеют политическое и научное значение, что их работа, как отметила газета «Жэньминьжибао» в передовой статье от 26 октября, является важной частью социалистического строительства в Китае. Нам остается закончить этот краткий обзор пожеланием нашим дорогим китайским друзьям полного успеха в их многотрудной и почетной работе.

И. М. Ошанин

И. П. МИНАЕВ. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885—1886. М., Изд-во АН СССР, 1955, 249 стр., 1 л. портр.

В создании традиций культурных связей русского народа и других народов России с народами Индии и Бирмы большие заслуги принадлежат виднейшему востоковеду второй половины XIX в. профессору Петербургского университета И. П. Минаеву (1840—1890).

Заслуги И. П. Минаева перед востоковедением огромны. Он создал первую в России научную школу индологов. К числу учеников И. П. Минаева принадлежат известный санскритолог акад. Ф. И. Щербатской и акад. С. Ф. Ольденбург. Докторская диссертация И. П. Минаева «Очерк фонетики и морфологии языка пали» использовалась для изучения этого языка не только в России и Западной Европе, но и в самой Индии.

Научное наследство И. П. Минаева обширно и разнообразно. Опубликованные им многочисленные работы (свыше 130) охватывают различные проблемы истории, географии, лингвистики, литературоведения, истории религий и фольклора многих стран Среднего и Дальнего Востока. Перу ученого принадлежит первая работа о таджиках Памира; он также положил начало изучению в России современной ему Индии.

И. П. Минаев совершил три путешествия по Индии — в 1874—1875, 1880, 1885—1886 гг. Во время третьего путешествия он посетил также Бирму. Он собрал значительное количество рукописей на санскрите и пали, много книг и документов, характеризующих современное ему состояние Индии. Рукописи, привезенные И. П. Минаевым из Индии и Бирмы, составляют золотой фонд Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Значительную ценность для востоковедов представляет личная библиотека И. П. Минаева, большая часть которой хранится в Ленинградском университете.

В книге «Очерки Цейлона и Индии» И. П. Минаева отражены результаты первого путешествия по Индии. Преждевременная кончина помешала профессору самому обработать путевые записки, сделанные во время второго и третьего путешествий. Эти записки и изданы теперь в виде отдельной книги. Краткие записки в оставленных И. П. Минаевым дневниках поражают читателей разносторонностью интересов их автор, его широкой эрудицией. Богатая природа Индии и Бирмы, памятники материальной и письменной культуры, особенности обстановки и современных ему событий в этих странах нашли в профессоре И. П. Минаеве внимательного, отзывчивого и сведущего наблюдателя.

Второе путешествие ученого было целиком посвящено Индии. В январе 1880 г. И. П. Минаев прибыл в Бомбей. Затем он посетил Пуру, Голконду, Хайдарабад, Карли и Чамар-лена около Насика, старинные города Аурангабад, Даулатабад, могилы мусульманских владетелей в Розе, пещеры Элнора и Аджанты с их знаменитыми настенными росписями. Из Аджанты он проехал через Индор в древний город Аванту, а

оттуда через Удджайн, Ратлам, Аллахабад в Агру. В Агре И. П. Минаев осматривал знаменитый мавзолей Тадж-Махал, гробницу Акбара и другие достопримечательности, посетил Дели, Лахор, Лудхиану, Амритсар, где интересовался памятниками материальной культуры, в частности святынями сикхов, а затем через Лакнау, Ахмадабад, Бароду, Бомбей в мае 1880 г. уехал на родину.

Третье путешествие И. П. Минаева почти целиком было посвящено Бирме.

В декабре 1885 г. И. П. Минаев высадился в Бомбее, пересек по железной дороге Индию, сел в Калькутте на пароход и прибыл в Рангун. Он посетил монастыри и книгохранилища в городах Рангуне, Мандалае, Маулмейне и в их окрестностях. Здесь И. П. Минаев покупал рукописи и книги. На обратном пути И. П. Минаев посетил Дарджилинг, Аллахабад и в апреле 1886 г. выехал через Бомбей в Европу.

Дневники И. П. Минаева особенно интересны в связи с тем, что его путешествия происходили в годы важных событий в истории Индии и Бирмы, сыгравших в дальнейшем большую роль в жизни народов этих стран.

Несмотря на препятствия со стороны иноземных завоевателей, во второй половине XIX в. в Индии уже развивалась национальная промышленность. Ко времени посещения Индии И. П. Минаевым она достигла заметных успехов. Подавление колонизаторами индийской национальной промышленности вызывало недовольство национальной буржуазии, а дальнейшее ухудшение положения трудящихся вызывало возмущение колониальным режимом. Английские власти пресекали попытки создания национальной промышленности. Говоря о владетеле княжества Гвалиор, И. П. Минаев писал: «В 1872 г. он задумал завести литейный завод... Британское правительство прекратило деятельность этого завода, стоившего много денег...» (стр. 71). В другом месте И. П. Минаев заметил: «Уничтожение ввозной пошлины отозвалось не только на владельцах мельниц (фабрик. — А. Б.), т. е. на людях богатых, но и на бедняках, лишившихся заработков» (стр. 46). Разоренные крестьяне и городская беднота при каждом недороде голодали. Особенно сильным был голод 1876—1878 гг., когда миллионы голодающих, не получая необходимой помощи, погибали.

А в 70-х годах XIX в. приобрели массовый характер восстания индийских крестьян. Вторая поездка И. П. Минаева в Индию совпала по времени с подавлением восстания, возглавлявшегося В. Б. Пхадке в Бомбейской провинции, и повстанческого движения в Рампа в Мадрасской провинции.

В Бирму И. П. Минаев прибыл вскоре после оккупации английскими войсками ее северных провинций (так называемой Верхней Бирмы), когда вне городов хозяевами страны были бирманские партизаны, десятилетиями продолжавшие борьбу за независимость страны.

В годы путешествий И. П. Минаева в Индию в стране наблюдалось значительное повышение политической активности различных слоев населения, проявившееся в ряде выступлений против колониального режима. И. П. Минаев записал такие высказывания махратских студентов: «Воспитанникам колледжей места трудно достаются. Начальники не любят их за независимость...» (стр. 39). «1) Вышние должности не достаются туземцам; 2) Бедный народ терпит от податей. Подати тяжки и не смягчаются даже в голодные годы, чего не бывало при туземных правителях; 3) Индийские деньги уходят в Англию» (стр. 43).

Идеологи буржуазии внушали, будто в Индии английским господством недовольны лишь интеллигенция. Вначале И. П. Минаев этому поверил. Но вскоре ученый пришел к другим выводам: «Убеждение англичан, что в Индии недовольны только образованные классы, — совершенно ложно. Недовольны земледельцы. Это недовольство, конечно, не достигло активной стадии в своем развитии; но оно существует и растет.

Причины недовольства сводятся все к одной главной — высокие налоги, доходившие до 4 ш[иллингов] с человека. Побочные причины: запрещенное пользование лесом; Licence Act. Цирюльник в деревне, иногда не получающий и трех рупи в месяц, обязан платить гораздо более

высокие налоги на землю. Плата податей деньгами, а не натурой» (стр. 41). «Кунби платят 2½ рупи податей и получают 4 рупи дохода. Подати всею своею тяжестью ложатся на земледельцев. Из тысячи земледельцев не более четырех умеют читать и писать» (стр. 46). «Говорили о положении земледельческого класса. Оно ужасно. Земледельцы под гнетом налогов положительно голодают» (56). Записи И. П. Минаева свидетельствуют о сочувствии ученого трудящимся Индии, изнемогавшим под гнетом колониальной эксплуатации.

В эксплуатации масс колонизаторами И. П. Минаев усматривал причины крестьянских восстаний. Под впечатлением этих восстаний находилось население Южной и Западной Индии во время второй поездки И. П. Минаева в Индию. Высказывания ученого проникнуты сочувствием к национально-освободительной борьбе индийского народа: «Пхадке имел чистые, высокие намерения, неудачу его не трудно было предсказать» (стр. 52); «Рампа возмутилась вследствие налога на соль» (стр. 95). В неопубликованной статье И. П. Минаев говорил о восстании в области «Рампа»: «Чендрия восстал против налогов сиркара»². Пхадке он называет здесь «махратским революционером»³.

В своих путевых записках И. П. Минаев разоблачает ложь апологетов колониального режима, будто Ауд присоединился к британским владениям добровольно: «Вот эти стены, пронизанные ядрами. Что же, ужели они свидетельствуют о народном согласии на присоединение Ауда к британским владениям?» (стр. 90). Проезжая по владениям индийских князей Гвалиора и Хайдарабада, путешественник отметил, что население княжеств живет лучше, чем в британских владениях. Налоги в Гвалиоре «не так значительны, как в Британской территории» (стр. 76). «Кунби здесь (в Хайдарабаде. — А. Б.) платят менее податей, нежели в Британской Индии» (стр. 61).

Ценным является анализ, хотя и неполный, положения в Индии в целом, содержащийся в дневниках И. П. Минаева. Во время второго путешествия он отметил: «Недовольство между туземцами общее. Но революционера в полном смысле этого слова мне не приходилось встречать между образованными.

Кажется, незначительные уступки со стороны англичан вполне примирят туземцев с английским владычеством, которое почти всеми образованными признается за нечто необходимое» (стр. 91).

Учредительный съезд партии Индийский национальный конгресс происходил во время пребывания И. П. Минаева в Бомбее. Но ученый на съезде не был. Умеренная позиция, которую занимал Национальный конгресс в первый период своей деятельности, не давала возможности видеть в нем руководителя национального движения. В 80-х годах XIX в. Национальный конгресс не был и массовой организацией, какой он стал в дальнейшем под руководством М. Ганди. Один из основателей Национального конгресса — Банерджи, оказавшись спутником И. П. Минаева по пути из Бомбея в Калькутту, беседуя с ним, отметил, что учредители организации не ожидают от нее больше, чем дальнейшее «развитие национального чувства в Индии, объединение индийцев» (стр. 112). Многие представители местной буржуазии и интеллигенции или не слышали о съезде Индийского национального конгресса, или относились к нему равнодушно (стр. 112—113).

Не раз с законным возмущением гуманный ученый отмечал высокомерное, пренебрежительное отношение английских колонизаторов к покоренному населению. Но И. П. Минаев, отмечая, что передовые представители английского народа осуждали как социальную разобщенность туземцев и европейцев, так и высокомерное отношение европейцев к туземцам, заклеил поведение английской военной в Бирме..

Со сдержанным негодованием и сердечной болью ученый передавал рассказ британского офицера на пароходе, как тот «нечаянно, упражняясь в стрельбе, отправил

¹ Земледельческая каста в Бомбейской провинции.

² Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 30, оп. 21, ед. хр. 1/30.

³ Там же, стр. 13.

на тот свет ничем неповинного бирманца и в виде вознаграждения за печальный казус заплатил родным убитого R. 50»... «Они были очень довольны, смеясь, рассказывал храбрец. — Просили только R. 30 и за лишних 20, вероятно, позволили бы мне пристрелить еще одного». — «А мы, — рассказывал другой, — за такой же случай заплатили R. 300». И с каким равнодушием это повествуется. Точно идет дело о задавленном комаре или затравленном псе» (стр. 150). И делая вывод И. П. Минаев писал: «... в англичанах много варварства» (стр. 152). Разумеется, он имел в виду не английский народ, а представителей колониальных властей и военщины.

В путевых записках ученого мы находим искреннее восхищение выдающимися памятниками материальной культуры Индии и Бирмы и преклонение перед талантами их создателей. О Карлийских пещерах он пишет, что это — «отличный образец древнего буддийского монастыря» (стр. 54); Канхерийские пещеры — «блестящие свидетели прошлого буддизма» (там же); Аджантские пещеры покрыты фресками, которые, пишет И. П. Минаев, «превызошли мои ожидания» (стр. 68). Такие и подобные им высказывания ученого мы встречаем почти на каждой странице дневников.

Ученый отметил пренебрежительное отношение колонизаторов к выдающимся памятникам прошлого Индии: «На мой взгляд, высший интерес в Гвалиорской крепости составляют памятники древности, которых здесь обилие: есть и храмы, и дворцы, обращенные англичанами в провизантские склады, диковинные жайнские пещеры» (стр. 76). В Дели он отметил: «Я был сегодня в форте — видел Диван-и-кхас, Моти-масжид, Диван-и-ам, в котором раздается водка английским солдатам» (стр. 80). Такое отношение английских колонизаторов к ценнейшим памятникам прошлого величия Индии не могло не возмущать выдающегося востоковеда и демократа.

В отличие от многих представителей английской интеллигенции И. П. Минаев относился с уважением к индийским ученым. Директор Деканского колледжа в Пуне Оксенхэм, например, пишет И. П. Минаев, «настаивал на том, чтобы я обратился к д-ру Бюлеру за сведениями о жайнах, и когда я заметил, что те же сведения мне могут доставить туземные ученые, Оксенхэм вполне отрицал» (стр. 43). Но И. П. Минаев всюду, где он бывал, стремился увидеться с учеными. Он встречался с проф. Кунте, Бхандаркар, Шанкар и другими специалистами. Из иных источников нам известно, что в свою очередь И. П. Минаев пользовался большим авторитетом в кругах индийской интеллигенции. Газета «Таймс оф Индия» в феврале 1880 г. поместила сообщение о вечере, посвященном встрече И. П. Минаева с индийскими учеными, причем И. П. Минаев и его собеседники говорили во время этой встречи на санскрите. По единодушному отзыву присутствовавших, беседа с И. П. Минаевым на санскрите протекала вполне свободно. Индийские ученые-санскритологи высоко оценили хорошее знание И. П. Минаевым труднейшего из восточных языков — санскрита.

В Бирме И. П. Минаеву большую помощь в поисках рукописей оказало прекрасное знание языка пали; этот язык являлся единственным средством общения с буддистами Бирмы, среди которых часто можно было встретить знающих кроме родного языка лишь язык богослужебных книг. Буддийские монахи оказывали И. П. Минаеву большое содействие в поисках и приобретении палийских рукописей. Находясь в Бирме, И. П. Минаев 2 февраля 1886 г. записал в дневнике: «Я прослыл здесь за великого ученого» и позднее — 26 февраля — «Я здесь прослыл за знаменитость».

Благодаря прогрессивной деятельности передовых ученых и путешественников складывались дружественные отношения между народами России и индийским и бирманскими народами. Встреченный Минаевым при осмотре мавзолея Тадж-Махал индиец, обращаясь к слугам, сказал: «Это рус, хотя он и похож на сахаб-лок⁴, но он русский» (стр. 75). По самым различным свидетельствам русские в Индии были известны как друзья.

Выдающаяся роль И. П. Минаева в налаживании культурных связей с Индией и Бирмой, особенно же в ознакомлении русского читателя с жизнью и культурой этих

⁴ Сахаб-лок — господа. — Ред.

стран, становится читателю еще яснее благодаря помещению в книге краткой, но содержательной статьи акад. А. П. Баранникова о жизни и творчестве И. П. Минаева. Академик А. П. Баранников, являвшийся ответственным редактором рецензируемой книги И. П. Минаева, выполнил непосредственно и главную работу по подготовке ее к изданию. До своей кончины он успел в основном закончить сверку подготовленного текста с рукописью и написать упомянутый ценный очерк жизни и творчества И. П. Минаева, предназначенный к опубликованию вместе с дневниками.

Дневники путешествий И. П. Минаева снабжены предисловием и обширными комментариями. Предисловие, написанное Н. М. Гольдбергом, в основном правильно характеризует ученого как одного из виднейших представителей прогрессивного направления в востоковедении. Нельзя не согласиться с автором предисловия, что «ученый находил по ряду проблем индийской истории такие решения, которые поныне полностью сохраняют свою познавательную ценность» (стр. 6).

В предисловии следовало бы отметить, что И. П. Минаев, будучи занят своими научными делами, не уделил должного внимания факту развития промышленности в Индии и формирования рабочего класса, хотя ко времени его поездок в Индию промышленность в стране достигла заметного развития.

В предисловии имеются и отдельные неточности. Н. М. Гольдберг утверждает, например, что «непосредственной причиной гибели бирманского королевства Ава послужило резкое столкновение английских и французских колониальных интересов на Индокитайском полуострове, что побудило английское правительство покончить с бирманской независимостью до того, как это осуществит его французский конкурент» (стр. 9). Создается впечатление, будто французское правительство было намерено захватить Бирму, тогда как Франция стремилась сохранить Фирму в качестве «буфера» между своими и английскими колониальными владениями. Преувеличено в предисловии то значение, какое придавал И. П. Минаев движению под руководством В. Б. Пхадке. И. П. Минаеву в данном случае несколько изменила его наблюдательность, в результате чего он не понял факта зарождения буржуазно-демократического революционного движения в Индии, чем, по нашему мнению, является движение Пхадке.

Более полно в предисловии к рецензируемой книге следовало бы отметить патриотизм И. П. Минаева и его оппозиционное отношение к реакционным порядкам в царской России.

И. П. Минаев, уважая патриотов в других странах — борцов за свободу и независимость, — сам был патриотом. Он резко отрицательно относился к порядкам в России, но всегда, находясь вдали от родины, тосковал разлукой с нею. Говоря о циркуляре министра народного просвещения, в котором от попечителей учебных округов и ректоров университетов требовалось полностью использовать предоставленные им обширные права по новому уставу для пресечения антиправительственной агитации среди студентов, И. П. Минаев записал в дневнике: «Вот он наш классицизм. Дураки!! Думают, что из науки можно сделать средство дрессировать покорных хамов... Эти несколько строк (сообщения газеты о циркуляре. — А. Б.) сразили меня» (стр. 184—185). Приведенные строки из записей ученого, не предназначенных для опубликования, подчеркивают прогрессивность его взглядов.

Глубокое сожаление вызывали у И. П. Минаева примеры пренебрежения ко всему русскому, с чем приходилось ему встречаться со стороны правивших в то время в России дворянских кругов. Оформляя проездные документы в русском консульстве в Каире, И. П. Минаев обратил внимание на то, что личный состав русского консульства разговаривал только по-немецки. И. П. Минаев по этому поводу в дневнике записал: «Наши консульства представляют изумительные образцы презрения к русскому языку и национальности... Бедная Русь, имеющая таких представителей за морем»⁵.

⁵ Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 39, оп. 106, ед. хр. 1/42, — запись 14 июня 1880 г.

Ни в статье акад. А. П. Баранникова, ни в предисловии Н. М. Гольдберга не отмечен важный факт из биографии И. П. Минаева — о причастности его к «студенческим беспорядкам», что проливает свет на ряд последующих обстоятельств жизни ученого. Есть все основания предполагать, что реакционеры, обосновавшиеся в царские времена в Академии наук, не допустили И. П. Минаева в Академию именно по этой причине, хотя он был выдвинут кандидатом к избранию.

Крайне жаль, что как приведенное нами, так и некоторые другие высказывания И. П. Минаева, непосредственно не относящиеся к Индии и Бирме, но характеризующие ученого, не опубликованы в тексте дневников. В основном же облик И. П. Минаева особенно как ученого, очерчен в предисловии правильно.

При подготовке к изданию дневников И. П. Минаева большую работу проделали члены редколлегии — Н. М. Гольдберг и Г. Г. Котовский, составившие при участии В. И. Кальянова и В. С. Воробьева-Десятовского семьсот одно примечание. Примечания весьма обстоятельны и подробны. Они облегчают чтение дневников, переполненных индийскими, бирманскими и различными специальными терминами. В отдельных случаях, подробности, приводимые в примечаниях, излишни. В частности, вряд ли была необходимость давать сведения о перемещении по службе ряда чиновников английской колониальной службы (см., например, прим. 29, 53, 177 и др.).

В примечаниях имеется ряд неточностей. В частности, объясняя причины тяжести налога на соль, упомянутого И. П. Минаевым в качестве причины недовольства населения, авторы прим. 59 пишут: «В 1882 г. ставки соляного акциза были повышены на 25%». Но здесь авторы ошибаются. И. П. Минаев не мог в 1880 г. предвидеть повышения налога на соль, какое будет сделано в 1882 г. В действительности же он, очевидно, имел в виду повышение налога на соль на одну треть, произведенное колониальными властями по Бомбейской и Мадрасской провинциям во время голода 1876—1878 гг.: Оно было сделано под предлогом образования фонда помощи голодающим.

В прим. 68 неточно сказано, что Пхадке вел боевые операции в течение 6—7 месяцев. На самом деле его движение происходило с конца февраля до середины мая 1879 г. Движение Пхадке следует рассматривать не как соединение антифеодального движения с национально-освободительным, а лишь как национально-освободительное. Во всяком случае следовало отметить, что движение Пхадке является началом буржуазно-революционного движения в Индии.

Слово «наубат» в прим. 75 автор объясняет как барабан, помещаемый перед входом во дворцы мусульманской знати. Но автор не подумал при этом, причем же тогда здесь санскритские шлоки и «речитатив», если в «наубат» ударили через правильные промежутки времени? Видимо, И. П. Минаев был свидетелем индусского богослужения или какой-либо религиозной процессии, когда и применяется «наубат», — именно это и следовало объяснить читателю.

В прим. 108 неточно сообщается, что зенана — женская половина дома у мусульман, тогда как это слово имеет то же значение и у индусов. Нельзя согласиться с утверждением, что Великие Моголы стали английскими марионетками с 60-х годов XVIII в., как сообщается в прим. 297. Известно, что только с сентября 1803 г. англичане, заняв Дели, поставили Великих Моголов под свой контроль. В прим. 353 неправильно сообщается, что 1889 г. следует считать датой гибели махдистского государства. Сопровождение махдистов было подавлено лишь в 1898 г. перед инцидентом при Фашоде. Сарат Чандра Дас изображается в примечаниях как «известный путешественник по Тибету», на деле же он был английским разведчиком в Тибете. Более резкого определения достойны и Вамбери, который известен фанатической ненавистью к России и систематической пропагандой в пользу захватнической политики Англии в Средней Азии. Наряду с отмеченными, в примечаниях есть и другие неточности.

Меньше ошибок в филологических примечаниях. Однако в прим. 547 об алфавите «нагари» (или деванагари) в качестве даты возникновения алфавита указывается

XIII в., тогда как из прим. 413 читатель видит, что незаконченные формы этого алфавита существовали уже в VI—X вв.

Текст дневников И. П. Минаева издан хорошо. Неточности же в примечаниях, принимая во внимание обширность и разносторонность последних, т. е. большой объем работы, немногочисленны.

Издав «Дневники путешествий в Индию и Бирму» И. П. Минаева, Институт востоковедения Академии наук СССР сделал большое и полезное дело.

А. А. Венедиктов

А. А. ПЕТРОВ. *Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель*. М., Изд-во АН СССР, 1954, 103 стр.

В истории китайской философской мысли одно из самых почетных мест принадлежит великому философу ханьского Китая Ван Чуну.

Ван Чун был благородным борцом с невежеством и мистикой. Его материалистическое мировоззрение формировалось в напряженной борьбе против теологии и суеверий, схоластики и догматизма. В истории старой китайской философии мы вряд ли найдем второго такого же отважного и непримиримого борца против косности и обскурантизма. Ван Чун был именно борец, открыто и смело выступавший против своих идейных противников, хотя в его эпоху подобная смелость обходилась дорого. История ханьского Китая знает много случаев, жестокого преследования тех, кто осмеливался выступать с критикой невежества и предрассудков. Автор совершенно справедливо характеризует основной труд Ван Чуна «Критические рассуждения» (論衡) как «блестящее полемическое, литературно-философское произведение, не имеющее себе равного в китайской литературе по содержанию пропагандируемых идей» (стр. 27).

Трактат Ван Чуна является выдающимся произведением не только китайской, но и мировой философско-публицистической литературы.

Книга о Ван Чуне написана известным советским специалистом по истории китайской философии, крупным китаеведом А. А. Петровым, неожиданная кончина которого в 1949 г. оборвала его работу над рукописью.

Как и все работы А. А. Петрова, рецензируемая книга отличается научной добросовестностью и серьезностью подхода к избранной теме. Автор подробно знакомит читателя со всеми источниками, имеющими отношение к жизни и деятельности Ван Чуна, с краткой биографией философа, написанной историком Фань Е и помещенной в отделе биографий; «Ле-чжуань» (列傳) в династийной истории Второй, или Поздней Ханьской династии (後漢書), и с автобиографией Ван Чуна, включенной в виде последней главы в текст «Критических рассуждений».

Ван Чун родился в 27 г. н. э. на территории современной провинции Чжэцзян в семье простых людей и жизнь провел в бедности. Образование философ получил в столичной высшей школе в Лояне. Одним из учителей Ван Чуна был известный ханьский ученый Бань Бяо, прививший философу интерес к истории.

Ван Чун обладал огромной эрудицией и энциклопедическими знаниями. Точная дата смерти философа не установлена. Он умер в конце 90-х годов I в. н. э.

Главный труд Ван Чуна — трактат «Критические рассуждения», представляет собой обширное и разностороннее полемическое произведение, охватывающее вопросы натурфилософии, метафизики, теории познания, этики, религии, истории, общественной и государственной жизни.

Помимо «Критических рассуждений», Ван Чуном были написаны также «Рассуждение о шести конфуцианцах» (六儒論), «Трактат об обычной морали» (諷俗節義), «О правлении» (政務), «О воспитании характера человека» (養性書).

Не чужда была Ван Чуну и поэзия. В энциклопедии «Тай пин юй лань» (太平御覽) (династия Сун) имеется указание на фрагмент стихотворения Ван Чуна.

Все работы Ван Чуна, кроме «Критических рассуждений», утеряны. Поэтому мы лишены возможности судить о большинстве трудов философа. Не исключена, однако, возможность, что отдельные фрагменты или цитаты из его произведений могут быть еще обнаружены в сокровищнице древней китайской литературы. А. А. Петров указывает, что цитаты из текстов Ван Чуна имеются в трудах Ма Цзуна и Инь Чань-ши. Можно предположить, что фрагменты и цитаты из работ Ван Чуна содержатся в произведениях и других мыслителей средневекового Китая. Например, в труде по истории китайского искусства — танском трактате «Записки о знаменитых картинах и художниках на протяжении истории» (歷代名畫記) содержится неизвестная исследователям творчества Ван Чуна цитата из одной, очевидно утраченной, работы великого китайского просветителя.

В рецензируемой книге серьезное внимание уделяется библиографическим и историческим сведениям о «Критических рассуждениях». Автор прослеживает упоминания о трактате в литературно-библиографических отделах династийных историй, знакомит читателя с китайской филологической литературой, посвященной исследованиям об утерянных частях трактата.

Сопоставляя различные даты, упомянутые в тексте «Критических рассуждений», автор приходит к выводу, что трактат представляет собой результат многолетней работы, законченной лишь в основном к 84 г. н. э. Большой интерес для исследователя представляют страницы книги, посвященные истории текста «Критических рассуждений», и отношения к нему различных китайских мыслителей. Автор указывает, что первое издание появилось лишь в XI в. н. э., и к нему так или иначе восходят все остальные издания трактата, которых за восемнадцать столетий (по XIX в. включительно) насчитывается всего около двадцати.

Острая критика конфуцианства, содержащаяся в трактате, на протяжении многих столетий делала этот трактат неприемлемым с точки зрения официальных представителей конфуцианской идеологии. Книги Ван Чуна охотно читали, предпочитая, однако, о них молчать. Полемический, острый характер «Критических рассуждений» отпугивал исследователей. В результате этот древний текст дошел до нашего времени с незначительными комментариями и пояснениями, в то время как большинство древних текстов имеет многочисленные комментарии.

В рецензируемой книге наибольший интерес представляет третья глава — «Основные проблемы философского учения Ван Чуна». В ней автор анализирует представления философа-материалиста о мире, небе и земле, его учение о всеобщей основе материального мира и принципе «естественности» — цзыжань. (自然) А. А. Петров излагает взгляды Ван Чуна на проблемы жизни и смерти, на человека, говорит о теоретико-познавательной концепции философа, его политических и исторических взглядах и отношении к китайским философским традициям.

В основе философской концепции Ван Чуна лежит глубокое убеждение, что действительность, реальный мир вещей и явлений материален и существует объективно, независимо от сознания человека. С этим убеждением Ван Чун подходит к решению самых различных философских и общественно-политических проблем. В мире, считает Ван Чун, безраздельно господствует слепая и бессознательная сила необходимости, подчиняющая себе все существующее. Эта сила необходимости естественна, она не отделима от природы. Она лежит в основе естественного природного развития всех вещей.

Заслуживают внимания космогонические и космологические представления Ван Чуна. Небо и земля, по мнению философа, — это вечная основа материального мира, представляющего собой некую совокупность материальных тел и находящихся во взаимодействии реальностей.

Особенно важным было учение Ван Чуна о небе, как о бесконечном материальном теле, не могущем влиять на судьбу человека. Доказывая материальную природу неба и отрицая его способность к сознательной деятельности, Ван Чун выступал против

конфуцианских религиозных представлений о небе, распространявшихся, в частности, известным идеологом ханьского Китая Дун Чжун-шу. Представление Ван Чуна о небе в ту эпоху было открытым вызовом не только традициям древней религии и официального конфуцианского учения, но и власти императора, считавшегося «сыном неба».

При решении основного вопроса философии Ван Чун опирается на учение о «ци» (氣), являющееся центральным понятием в философских взглядах Ван Чуна. В основе материального мира, по мнению Ван Чуна, лежит субстанциальный элемент, источник всего сущего — «ци». В результате естественного сгущения этой субстанции и возникают все вещи окружающего нас мира. В то же время «ци» — это и жизненная энергия живых существ, определенная жизненная сила, лежащая в основе природы ощущений, однако неотделимая от тела и вне его не существующая. Таким образом, вне тела нет никакой жизненной силы, никакой души. В «ци», следовательно, нет ничего сверхчувственного, сущность его материальна. Учение о «ци» было заимствовано Ван Чуном из предшествовавшей материалистической философии. С понятием «ци» мы встречаемся, например, в известном комментарии к «И-цзину» (易經) «Си цы чжуань» (繫辭傳), где «ци» также истолковывается как нечто вещественное и материальное. Материалистическая направленность мировоззрения Ван Чуна особенно ярко выражена в признании им вещественности всего происходящего. Идея естественного развития мира проходит красной нитью через весь трактат.

Для Ван Чуна «естественность» — это закономерное изменение и развитие мира, неба и земли, человека и общества. На страницах «Критических рассуждений» Ван Чун приводит десятки примеров, при помощи которых наглядно и убедительно разъясняет свою теорию «естественности».

Ван Чун был глубоко убежден, что явления природы возникают не по воле неба или божества, а в силу естественных причин, сами по себе. В природе, ее вещах и явлениях нет какой-либо высшей, заложенной кем-то цели. Все, что в ней происходит, — естественно.

Теория «естественности» Ван Чуна противостояла конфуцианской идеалистической телеологии, согласно которой все происходящее в природе и обществе — есть результат сознательной деятельности неба. Ван Чун высмеивал телеологическую точку зрения конфуцианцев, утверждавших, что небо рождает злаки для того, чтобы кормить людей, и возвращает туловищу и коноплю для того, чтобы дать людям одежду.

«Трудно найти в древней философской литературе, — пишет А. А. Петров, — более яркую и принципиальную критику телеологии, чем та, которая разворачивается на страницах «Критических рассуждений» (стр. 54).

Учение Ван Чуна о «естественности» природы своими корнями уходит в древний философский даосизм с его понятием «дао» (道), имевшем в «Дао дэ цзине» (道德經) в основном материалистическое содержание, весьма близкое принципу «естественности» у Ван Чуна, который, однако, обходит молчанием это понятие, сосредоточивая все свое внимание на «естественности».

Заимствованное Ван Чуном у философского даосизма понятие «недеяние» (論衡) также тесно связано с его учением о естественности процессов во вселенной и с борьбой против телеологизма. При этом А. А. Петров правильно указывает, что у Ван Чуна понятие «недеяние» не означает пассивности и бездействия.

Обобщая сказанное о взглядах Ван Чуна на окружающий мир, автор делает вывод, что Ван Чун был твердо убежден в том, что мировой процесс есть процесс естественный, подчиненный фатальной необходимости. В этом положении, как отмечает А. А. Петров, заключена и сила Ван Чуна как материалиста, отрицавшего наличие какой-либо духовной субстанции мира и телеологизм явлений, и его слабость как наивного стихийного материалиста, для которого необходимость не есть внутренняя, причинная связь явлений, а слепая сила природы, некий фатум, господствующий над человеком. Следует отметить интересные параллели, проводимые автором между взглядами на мир Ван Чуна и древних греческих и римских философов Демокрита, Левкиппа, Эпикура и Лукреция. А. А. Петров убедительно показывает близость учения Ван Чуна о мире к отдельным положениям этих философов-материалистов. Мате-

риалистически решает Ван Чун также вопрос о месте и роли человека в системе природы и о его отношении к живой природе. Ван Чун отрицает принципиальное различие между животными и человеком, ибо человек, как и все животные, согласно Ван Чуну, порожден сгущением материальной субстанции «ци». «Люди и животные суть существа; все они принадлежат к миру тварей»¹, — пишет он. Вместе с тем Ван Чун подчеркивает особое место человека среди живых существ. «Человек... является самым ценным среди всех тварей»². Человек, по мнению Ван Чуна, стоит выше всех животных, ибо он обладает способностью к знанию и является существом разумным и деятельным, создающим элементы культуры.

Одной из самых интересных в трактате является глава «О смерти», в которой Ван Чун остроумно критикует связанные со смертью суеверия. Китайский мыслитель показывает, что умерший человек подвергается такому же уничтожению, как и все живое, и поэтому никакого вреда живым принести не может. Эти взгляды Ван Чуна были направлены против учения о загробной жизни и культа предков, которые веками использовало конфуцианство. Ван Чун разъяснял, что смерть и рождение — это естественно необходимые явления природы в ее бесконечном процессе движения. Решительный противник и критик учения о «бессмертии» души, Ван Чун выступает как воинствующий материалист-атеист. «Я утверждаю, — писал он, — что человек рождается в мире тварей. Тварь умирает и не может стать духом, почему же только человек, умирая, может превратиться в духа?»³.

Отвергал Ван Чун и традиционное воззрение, что продолжительность жизни и момент смерти человека зависят от его моральных качеств. Он доказывал, что духовная деятельность человека, его психическая жизнь прекращаются вместе со смертью и что поэтому вера в то, что души умерших людей продолжают жить после физической смерти тела, является ложной.

Ван Чун — выдающийся материалист своего времени, «сумевший развеять идеалистические басни о сущности смерти и жизни, суеверия своих современников и фантазии даосов о бессмертии» (стр. 84). О материализме Ван Чуна говорят и его гносеологические взгляды. Ощущение для Ван Чуна является первичным источником знания. («Если человек не слышит и не видит [окружающего], то у него не может быть и представления об этом окружающем»)⁴. Все вещи в зависимости от трудности их познания Ван Чун разбивает на три категории. За познанием, полученным путем ощущения, следует момент осмысленного изучения путем размышления, при этом ценно-всестороннее исследование. Свое учение о познании Ван Чун развивает главным образом в двух главах трактата: «О действительном знании» и «О познании действительности». Ван Чун выступает против конфуцианского учения о врожденном знании. На земле никто не обладает врожденным (природным) знанием, утверждает он. Все может быть познано, хотя познание — процесс трудный. «Вещи мира бывают трудно познаваемы. Их можно уподобить узлам, которые нельзя распутать; но наука вырабатывает умение распутывать эти узлы, и нет таких узлов, которые не могли бы быть распутаны»⁵.

А. А. Петров дает высокую оценку гносеологическим взглядам Ван Чуна, обращая внимание на их революционизирующее значение не только для Китая того времени, но и для последующих веков, поскольку в эпоху Ван Чуна эти взгляды были передовыми, и их деятельное развитие и совершенствование не могло не стимулировать развитие науки в древнем и средневековом Китае.

Коротко останавливаясь на характеристике политических и исторических взглядов Ван Чуна, автор отмечает глубокий интерес философа к истории и историческому

¹ 無爲 («Критические рассуждения») гл. VI.

² Там же, гл. XXXV.

³ Там же, гл. XXI.

⁴ Там же, гл. XXVI, 1 и 2.

⁵ Там же, гл. XXVI, 1 и 2.

факту. Интересно, что основная форма доказательства в трактате Ван Чуна — это доказательство с помощью исторического факта.

Особенно важно было то, что Ван Чун, рисуя картину исторического развития Китая с древнейших времен, показывал поступательный характер этого развития. Для Ван Чуна было ясно, что по мере исторического развития менялись условия существования человека, как менялись его орудия и виды занятий. Однако Ван Чун не видел и не мог видеть действительных причин исторического прогресса. Он понимал исторический процесс как смену своеобразных циклов истории, состоящих из периодов процветания и упадка. Объяснение этой цикличности Ван Чун искал в законах судьбы, которая влияет на расцвет и упадок государства, так же как на расцвет и упадок общества и отдельной личности.

В этой отчасти фаталистической теории судьбы заключался определенный прогрессивный момент, поскольку Ван Чун пытался найти объективную, независимую от человека силу, управляющую общественным развитием, в то время как конфуцианцы считали решающим фактором развития общества нравственные качества правителя, в конечном счете подчиненные божественной воле неба.

Следует отметить прогрессивность исторических взглядов Ван Чуна по сравнению со взглядами на историю, защищавшимися конфуцианцами.

Если конфуцианцы находили свои политические идеалы в прошлом, то Ван Чун был приверженцем современного ему политического порядка.

Для него великой была не династия Чжоу, обладавшая по уверениям конфуцианцев, идеально мудрыми правителями, а династия Хань. Прославляя династию Хань, Ван Чун, писал: «И это не потому, что я живу в эпоху Хань и могу поэтому восхвалять и воспевать ее, чтобы лестью добиться возвышения. Я стремлюсь исследовать действительное положение вещей и установить, насколько справедливы учение».

При этом важно, что Ван Чун на первый план выдвигал экономические факторы, подчеркивая успехи ханьских императоров в области расширения территории государства, укрепления внешних связей и оживления экономической жизни в стране. Он показал, что Китай в период династии Хань по сравнению с чжоуским периодом ушел вперед как в экономическом, так и культурном отношении. Историческая концепция Ван Чуна, при всей ее ограниченности, сыграла положительную роль в развитии китайской исторической науки. Дальнейшие исследования покажут, какое воздействие оказала эта концепция на выдающихся историков Китая. Показывая прогрессивность мировоззрения Ван Чуна и обращая внимание на положительные стороны его учения, А. А. Петров указывает на наивный в целом характер материализма Ван Чуна, на слабость и несовершенство в ряде случаев его аргументации, что объяснялось низким уровнем развития производительных сил, науки и техники в тот период. В конце книги автор обращает внимание на элементы диалектики в мировоззрении Ван Чуна.

Рецензируемая книга не лишена некоторых недостатков: мировоззрение Ван Чуна раскрывается без достаточной связи с идеологической жизнью и борьбой его эпохи. Правда, автор книги указывает: главное, что побудило Ван Чуна написать трактат, заключалось в стремлении философа покончить с мистикой и невежеством идеалистической конфуцианской философии, начавшей играть все большую роль в духовной жизни ханьского Китая. Однако в книге А. А. Петрова недостаточно, например, говорится о том, против чьих конкретно взглядов выступал Ван Чун.

В книге правильно отмечается, что «Критические рассуждения» — произведение философско-публицистическое, в котором Ван Чун наносит удар по идеологическим устоям господствовавших классов, предстает перед нами как публицист, смелый и страстный борец с невежеством и рутинной, обличитель современной ему действительности, в которой «яшма смешана с камнем»... «истины превращены в ложь», а «нереальное в действительность»⁷, но не дается анализа произведения в связи с исто-

⁶ «Критические рассуждения», гл. XIX.

⁷ «Критические рассуждения», гл. XXIX, 2.

рической обстановкой. Характеристике эпохи Ван Чуна посвящено несколько страниц в начале книги, но эта характеристика дана вне связи с биографией и творчеством Ван Чуна как философа.

Просветительский атеизм Ван Чуна не мог не иметь тесных связей с наукой своего времени, и в частности, с ханьской астрономией, математикой, естественными науками.

Ван Чун, как надо думать, был знаком с научными достижениями своей эпохи. Рационализм Ван Чуна, заставлявший его питать отвращение к «фикциям и лжи», был обусловлен общим развитием научных знаний в период ханьской династии. К сожалению, в рецензируемой книге об этом ничего не говорится, тогда как вопрос о связях философской мысли, и в особенности философии Ван Чуна, с наукой в ханьский период представляет исключительный интерес.

В книге указывается, что Ван Чун возродил натуралистическую философию даосизма, способствовал ее развитию и очищению от мистики. Но автор книги не поясняет, в чем проявлялись конкретные связи Ван Чуна с предшествовавшей ему философской материалистической традицией и, в частности, каково было отношение философа к материализму Сюнь-цзы и Хань Фей-цзы. В связи с этим в книге нет достаточной четкости в освещении того, что было внесено Ван Чуном в китайскую философию.

Таким образом, анализ философских взглядов Ван Чуна оказывается в известной мере оторванным от истории предшествовавшей ему китайской философской материалистической мысли. Правда, попытка восполнить пробел во «Введении», написанном Ян Хин-шунем, сделана. Однако «Введение», содержащее всего лишь четыре страницы, слишком коротко, чтобы существенно осветить этот вопрос.

Отмеченные выше недостатки книги отнюдь не умаляют ее достоинств. Эти недостатки объясняются тем, что безвременная смерть помешала автору завершить работу над рукописью. В своей книге о Ван Чуне А. А. Петров показал великого философа ханьского Китая как яркого и страстного материалиста, не имеющего по силе и выразительности равного себе в истории китайской философии. Идеи Ван Чуна в освещении А. А. Петрова, — это идеи «подлинного радикального просветителя древности».

Книга А. А. Петрова является ценным трудом, знакомящим советских читателей с жизнью и философскими взглядами одного из лучших представителей древней китайской культуры.

В. А. Кривоцов

Г. ХЕРСТ. *Нил. Общее описание реки и использование ее вод*. Сокр. пер. с англ. М., Изд. иностр. лит., 1954, 328 стр. с илл. и карт.

До сих пор на русском языке не появлялось ни одной оригинальной или переводной монографии о Ниле. Поэтому издание на русском языке книги Херста — одного из лучших знатоков Нила, следует приветствовать. С 1913 г. Херст служил чиновником в Египте, впоследствии он возглавлял гидрологические работы в бассейне Нила. К сожалению, перевод книги Херста сокращен, опущены, в частности, разделы об этническом составе населения. Это сокращение текста книги, на наш взгляд, ничем не оправдано — работу виднейшего специалиста следовало бы опубликовать целиком. В примечаниях к книге редактор мог бы обратить внимание читателей на те сокращения, с которыми нельзя согласиться, как это сделано в ряде случаев и в сокращенном тексте книги.

Работа Херста — в основном географическое и гидрологическое исследование. Книга, как указывает редактор, «предназначена для широкого круга читателей, хотя содержит немало материала, интересного и для специалиста» (стр. 4).

В рецензируемой книге 17 глав: Общий обзор Нильского бассейна; Египет; Орошение в Египте; Нил в Северном Судане; Голубой Нил и Атбара в Центральном Судане; Голубой Нил и Атбара в Эфиопии; Белый Нил и Центральный Судан, Верхнее течение Белого Нила и Южный Судан; Область великих озер. Озера Альберт и Эдуард; Виктория-Нил и озеро Виктория; Климат и его влияние на здоровье. Растительность; История изучения Нильского бассейна; Исследование Нильского бассейна в новое время; История гидрологических исследований Нильского бассейна; Гидрология Нила; Основные гидротехнические сооружения на Ниле. Общие положения; Проекты нового строительства.

Книге предпослано содержательное предисловие И. В. Самойлова. В нем указаны положительные стороны рецензируемой книги и ее недостатки. К сожалению, в предисловии имеется досадная неточность: перепутаны фамилии и инициалы. Там сказано: «Горный инженер Е. П. Елисеев, направленный в 1848 г. в Египет по просьбе египетского правительства...» Но, как известно, в 1847 г. в Египет был приглашен не А. В. Елисеев, а Е. П. Ковалевский.

Отдельные главы книги посвящены различным географическим или гидрологическим проблемам, причем некоторые главы содержат исторические факты и экономические данные. В частности, в главе «Орошение Египта» дано описание современной системы ирригации и сжатый очерк ее развития, к сожалению, об ирригации древнего Египта в этом очерке почти ничего не сказано. Весьма интересна глава «Климат и его влияние на здоровье. Растительность». В ней приведены подробные данные, характеризующие климат основных районов Нильского бассейна от Египта до Озерного плато в Центральной Африке. В следующих двух главах излагается история изучения Нильского бассейна, дается краткий очерк путешествий и исследований Нила, начиная с глубокой древности и до наших дней.

Упущением автора рецензируемой книги является непонятное умолчание о русских путешественниках и исследователях Нильского бассейна. В известных пределах редактор книги этот недостаток исправил, упомянув в примечаниях фамилии Е. П. Ковалевского и В. В. Юнкера. Е. П. Ковалевский посетил Египет в 1847 г. по просьбе египетского правительства для организации добычи золота, его сопровождали два мастера и естествоиспытатель Л. С. Ценковский¹. Е. П. Ковалевский один из первых среди исследователей высказал правильное предположение о географическом районе истоков Белого Нила, а Л. С. Ценковский опубликовал «Отчет о путешествии в Северо-Восточный Судан». В течение нескольких лет по Центральной Африке путешествовал В. В. Юнкер. Им были исследованы Белый Нил, Собат, Бахр-эль-Газаль, Атбара и водораздел Нил—Конго. Описание путешествия В. В. Юнкером было издано в 1891 г. в трех томах на немецком языке (имеется сокращенный русский перевод). Следует указать также, что упомянутый выше русский путешественник по Центральной Африке врач А. В. Елисеев дважды побывал в Египте, посетил Судан и Абиссинию. Изучая посещаемые им страны с медицинской, этнографической и антропологической точек зрения, А. В. Елисеев обогатил науку весьма ценными наблюдениями и выводами. В конце прошлого столетия наши соотечественники А. К. Булатович и Л. К. Артамонов путешествовали по реке Собат².

¹ См. Е. П. Ковалевский. Путешествие во внутреннюю Африку. СПб., 1872.

² А. К. Булатович. С войсками Менелика II. Дневник похода из Эфиопии к озеру Рудольфа. СПб., 1900; его же. Южная Абиссиния. «Правительственный вестник», 1899, № 10, стр. 2; его же. Из Абиссинии на озеро Рудольфа. «Известия РГО», т. XXXV, 1899, стр. 259—284. Результаты путешествия Л. К. Артамонова не опубликованы и хранятся в архиве Всесоюзного географического общества в Ленинграде. В «Отчете РГО за 1898 г.» (СПб., 1899 г., стр. 24—27) помещен краткий реферат Л. К. Артамонова о его географических исследованиях в Африке. См. также статью А. А. Большова об Л. К. Артамонове в «Отчете РГО за 1899 г.» (СПб., 1900, приложение, стр. 4—9) и в Военной энциклопедии (полумом V, 1911, стр. 68).

В заключение следует отметить, что содержание главы «Основные гидротехнические сооружения на Ниле. Общие положения» не совсем соответствует ее заглавию. Лишь в одном из четырех параграфов главы говорится о гидротехнических сооружениях на реке.

Несмотря на ряд недостатков, отмеченных в рецензии и в предисловии редактора, книга Херста представляет большой интерес для советских читателей как содержательная монография, написанная на высоком научном уровне и дающая полное представление о предмете исследования.

М. А. Коростовцев

ВОСТОЧНЫЕ ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Государственная публичная историческая библиотека (Москва), являясь одним из крупнейших хранилищ исторической литературы нашей страны, имеет значительный фонд по истории стран советского и зарубежного Востока, насчитывающий до 50 тыс. томов книг на восточных (арабском, персидском, турецком, китайском, корейском, японском, санскрите и др.), русском и других европейских языках.

Библиотека имеет специальный читальный зал по истории Востока, обслуживающий научных работников. В подсобном фонде этого зала сосредоточена наиболее ценная часть востоковедной литературы.

Восточный фонд включает общие труды по истории Востока, источники и историческую литературу по отдельным странам, русскую и иностранную периодику.

Русские периодические издания по Востоку в библиотеке имеются полностью. Иностранный журнальный фонд представлен изданиями различных европейских востоковедных обществ Парижа, Лондона, Вены, Лейпцига и др.¹ Имеются также калькутские и бомбейские издания.

Китайский фонд отражает все периоды истории, истории культуры и литературы Китая и представлен как историческими источниками, так и исследовательской литературой. Часть этого фонда составляет приобретенная у известного востоковеда Рудакова коллекция книг, включающая династические истории, большое количество различного рода словарей, литературу справочного характера и классическую художественную литературу. Коллекция Рудакова содержит также большое число источников по древней философии Китая — конфуцианству, даосизму, буддизму, в частности каноны: «четверокнижие» (四書) с комментариями на современном языке и «пятикнижие» (五經), книги философов Мо Ди, Чжуан-цзы и т. д.

Ценным источником по средневековой истории Китая является собрание законов Цинской империи. Коллекция содержит также литературу по китайской археологии, географии, этнографии, эпиграфике, нумизматике.

Большую ценность представляет содержащаяся в фонде литература по древней истории Китая, включающая, помимо династических историй, ряд других источников и исследовательских работ на китайском языке. Здесь можно отметить комментарии Чжу Шао-бина к сочинению Шан Яна (商君書解詁), изд. 1921 г., Тан Цзин-гао «Извлечения из Гуань-цзы» (唐敬果選註.管子.), изд. 1926 г., «Об общественном производстве в древнем Китае» Ли Ши-хэна (中國古代公產制度攷), изд. 1922 г., «Историю аграрного строя Китая» Ван Го-дина (中國田制史), изд. 1934 г.

В китайском фонде достаточно полно представлены древняя и средневековая художественная литература: двенадцатитомное собрание старинных китайских драм

¹ «Journal asiatique», «Journal Royal asiatic Society», «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes» и т. д.

(古本戲曲叢刊初集), классические китайские романы «Речные заводи» (水滸傳) Ши Най-аня, «Троецарствие» (三國志) Ло Гуань-чжуня (XIV в.), «Сны юности» (紅樓夢) Цао Сюэ-пиня, «Из мира конфуцианцев» (儒林外史) У Цзин-цы (XVIII в.) и т. д., а также литература новейшего периода: произведения Лу Синя (полное собрание сочинений), Цюй Цю-бо, Го Мо-жо, Мао Дуя, Дин Лин, Чжао Шу-ли и других.

В библиотеке имеются сочинения русских и европейских китаеведов: описания путешествий И. Петлина, Ф. И. Байкова, Спафария, труды членов Пекинской духовной миссии (почти все работы Н. Я. Бичурина) и другие.

Имеется ряд географических описаний Китая, составленных русскими путешественниками. «Географическое обозрение китайской империи с картою на 4-х листах» З. Матусовского, изд. 1888 г., — одна из лучших работ в этой области. Имеются также работы В. А. Обручева, Г. Н. Потанина, Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова.

Европейское китаеведение представлено работами таких крупных ученых, как Э. Шаванн, Г. Кордье, Ф. Рихтгофен, Г. Масперо и других. Особенно следует отметить переводы и исследования Д. Легге (Legge), знатока классической философии и истории Китая.

Хорошо известна библиография литературы о Китае, составленная Г. Кордье («Biblioteca sinica»). В библиотеке имеется ее второе дополненное издание 1904—1924 гг. Из исторической литературы последних лет необходимо отметить труды известных китайских историков: Го Мо-жо, Цзянь Бо-цзяня, Фань Вэнь-лани, Ван Чжун-мина, Ван Яна и других. Китайский фонд постоянно пополняется как отечественной литературой, так и литературой, выходящей в Китае. В библиотеку регулярно поступает до пятидесяти названий периодических изданий на китайском языке. Среди них: издания Академии наук Китайской Народной Республики — журналы «Исторические исследования» (歷史研究), «Философские исследования» (哲學研究), «Научный вестник» (科學通報), «Материалы по современной истории» (近代史資料) и т. д.

Значительно скромнее в библиотеке корейский фонд, содержащий преимущественно материалы по новой и новейшей истории Кореи. Для исследователя новейшего времени представляют интерес корейские ежегодники за 1950—1952 гг., содержащие документальный материал, периодическая литература современной Кореи, насчитывающая до десяти названий, корейские газеты и журналы.

Литература по Монголии носит в основном описательный характер. Имеются работы русских и иностранных путешественников по Монголии. Среди исследовательских работ выделяются труды А. М. Позднеева. Новый и новейший период истории освещается работами монгольских и советских историков.

Довольно богата литература по Японии. Ценным материалом по древней и средневековой истории Японии на японском языке являются «Кодзики» (古事記) — старинные хроники Японии, обнаруженные в IX в. «Кодзики» имеются в нескольких изданиях и комментированы разными исследователями; «Окагами» (大鏡詳解) — история Японии с 851 по 1036 г.; «Масу кагами» (増鏡) — толкование событий с 1184 по 1338 г.; «Райсаньё — Нихон гайси» (日本外史解義) — история Японии, средние века; «Экономическая история Японии» Такекоси (日本經濟史).

По новой истории имеется полностью «История развития японского капитализма» (日本資本主義發達史), география Японии по районам (17 томов), литературная энциклопедия, разнообразные японские словари и литература по истории японской культуры, в особенности по истории искусства.

По истории дальневосточных стран надо отметить такие издания, как «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» за период с 1883 по 1913 г., изд. Военно-ученого комитета Главного штаба.

Очень интересны материалы по Китаю, Японии, Индии, Турции, Ирану из так называемой Хмыровской коллекции, представляющей собой подборку газетных, журналь-

ных статей на русском и западных языках, а также отдельных сочинений по вопросам истории, экономики, культуры, географии, этнографии Востока. В ней можно найти немало ценных и совсем малоизвестных работ.

Индийский фонд, кроме исторической литературы, располагает богатыми материалами по археологии, эпиграфике, этнографии, языкознанию и искусству Индии. В фонде имеются работы по эпической и классической литературе, а также многочисленные комментарии к ведическим текстам. По древней и средневековой истории Индии фонд содержит как исторические источники, в частности публикации греческих и римских авторов, сочинения китайских путешественников, труды авторов, писавших на арабском языке (Масуди, Фадлиллах Омари, Бруни и т. д.), так и общие работы: труды Смита (Smith), Саркара (Sarkar), Банерджи (Banerjea), Айяра (Ayar), Датта (Dutt), «Cambridge history of India» и другие.

Из периодических изданий, освещающих древний период истории Индии, имеются «Indian antiquary», «Indian historical quarterly» и другие. Наиболее полно отражен в фонде период державы Великих Моголов (особенно XVI в.), как и другие материалы по средневековой Индии. В числе книг по истории этого периода в библиотеке хранятся ценные источники на персидском языке: «Акбар-наме» (اکبر نامه — Книга Акбара), «Хумаюн-наме» (همايون نامه — Книга Хумаюна), «Маасир ал-умара»

(مآثر الامراء — Деяния эмиров), сборник расположенных в алфавитном порядке биографий эмиров державы Великих Моголов с середины XVI в.

Имеются также другие источники на персидском языке по периоду средневековой Индии, в том числе «Табакат-и Акбари» (طبقات اکبری — Акбаровы разряды), «Тарих-и Фирришта» (تاریخ فرشته — История Фирришты), «Мунтахаб-ат Таварих» (تاریخ فیروزشاهی — Извлечения из летописей), «Тарих-и Фируз-шахи» (تاریخ گجرات — История Фируз-шаха), «Тарих-и Гуджарат» (تاریخ گجرات — История Гуджарата (в XVI в.) и другие.

По новой истории Индии библиотека располагает протоколами Ост-Индской компании, сводами статистических данных отдельных провинций, «The Imperial gazetteer of India» (London, 1885, 1908) в двух изданиях, провинциальными газеттирами, переписями населения «Census of India» (London) за разные годы. Среди литературы, посвященной новейшему периоду, надо отметить работы о компартии Индии, о современной индийской экономике, в частности по пятилетнему плану.

Фонд богат археологической литературой: ежегодные отчеты археологических экспедиций, описания отдельных памятников, каталоги и справочники археологических коллекций, библиографии по археологии Индии. Из периодических изданий по археологии можно назвать «Archeological survey of India» (Кулькutta, издания за различные годы).

Коллекция произведений по искусству Индии самая богатая из московских собраний. Она содержит литературу по архитектуре (в том числе описания пещерных храмов, например, «Jazdani Ajanta» Лондон, 1930), скульптуре, справочники, словарь санскритских архитектурных терминов. По прикладному искусству ценным изданием является «Preservation of national monuments India» (Париж, 1884—1885), а также периодическое издание «Journal of Indian art» (разные годы), кроме того, имеется каталог «Indian art, at Delhi», 1903. Being the official catalogue of the Delhi exhibition 1902—1903 (Калькутта).

Для языковедов представляет интерес подбор словарей различных языков Индии, словарь индийских терминов Yule Henry and Burnell A. C., «Hobson — Jobson» (London, 1903) и многотомное издание «Linguistic survey of India» (S. A. Grierson).

Кроме указанных периодических изданий по Индии, в библиотеке есть комплект «Journal of the Asiatic society of Bengal».

Фонды библиотеки содержат литературу по истории Индо-Китая и Индонезии, особенно интересны работы по индокитайскому искусству.

Литература по Индонезии, в основном на голландском и других европейских языках, может служить источником материалов по этнографии и географии различных частей индонезийского архипелага, истории голландского владычества в Индонезии, по истории искусства народов Индонезии и по некоторым другим вопросам. Из монографий можно отметить «Историю Явы» Раффлза, «Ачехцы» Хургронье, труды Кёрнера, посвященные первобытной культуре, обстоятельную работу Крома по индонезийской истории, а также выпуски Батавского общества науки и искусства за 1862—1893 гг. Можно найти в библиотеке материалы и словари по малайскому языку и ряду других языков Индонезии.

Значительна литература по буддизму, в частности по буддийскому искусству (отчеты археологических экспедиций, производивших раскопки памятников буддийской культуры).

Арабский фонд библиотеки состоит из источников на арабском языке и литературы на русском и западных языках. Кроме фундаментальных произведений, таких, как свод ат-Табари — «Сведения о посланниках и царях» (أخبار الرسل والملوك), хроника Ибн ал-Асира — «Полный свод» (الكمال فى التاريخ), в библиотеке имеются произведения по древней и средневековой истории: «Ниспровержение идолов» (كيسية الأصنام), ал-Калби, «История» (تاريخ) ал-Иа'куби, история завоеваний ал-Балāзури (فتوح البلدان) «Завоевание стран», всеобщая история ал-Мас'удй «Золотые луга» (مروج الذهب), «Испытания народов» (تجارب الأمم) Ибн Мискавайха, «Краткая история человечества» (مختصر تاريخ البشر) Абӯл-Фиды, «История халифов» (تاريخ الخلفاء) ас-Су-йутй, «Хронология восточных народов» ал-Бйрүнй (الآثار الباقية), «Введение» (المقدمة) Ибн-Халдūна и другие.

По истории отдельных арабских стран следует отметить географию и историю Египта ал-Мақрйзй — «Наставления и соображения» (المواعظ والاعتبار) в разных изданиях, историю Египта и Каира ас-Суйу́тй, «Приятная беседа» (حسن المحاضرة), историю Египта Ибн Ий́аса — «Чудесные цветы» (بدائع الزهور), «Историю Судана» ас-Са́дй (تاريخ السودان), «Историю Йемена» (تاريخ اليمن) Ум́ары ибн Ал́й ал-Йаманй, историю Йемена ар-Ру́амй (XVI в.) — «Прекрасный сад» (الروض الحسن) и т. д.

По истории других стран важны: «Лучшие сведения о персидских царях» (تاريخ الملوك الفرس) ас-Са'алибий, «История Индии» (تاريخ الهند) ал-Бирунӣ, культурная история Испании Ибн Башкувāла—«Подарок по истории имамов Андалусии» (الصلة في تاريخ أئمة الأندلس), «Веяние аромата от нежной ветки Андалусии» (نفع الطيب من غصن لا أندلس الرطيب).—политическая и культурная история Испании ал-Мак'карий. Много книг посвящено отдельным периодам, династиям, городам и личностям. Есть сочинения, носящие характер описания путешествий, например «Путешествие» (رحلة) Ибн Джубайра ал-Андалусей и «Подарок смотрящим относительно диковинок городов» (تحفة النظر في غرائب الأمصار) Ибн Батуты. Среди книг по истории более нового периода

Из наиболее важных произведений географической литературы на арабском языке можно назвать «Книгу путей и стран» (كتاب المسالك والممالك) Ибн Хурдāзбаха, работу ал-Истахрī с таким же названием, географию халифата ал-Иа'сқубй — «Книга стран» (كتاب البلدان), извлечение из географического свода ал-Идрйси — «Услада в отношении городов» (نزهة الأمصار), космографию ал-Қазвини — «Чудеса миро-

здания» (عجائب المخلوقات), всеобщую географию Абū-л-Фиды в разных изданиях — «Деление стран» (تقويم البلدان), географические словари ал-Бакри — «Словарь того, что мало понятно» (معجم ما استعجم), Йақута «Словарь стран» (معجم البلدان) и другие.

Из работ по мусульманскому праву ценны «Книга о харадже» (كتاب الخراج) Пахьи ибн Адама и произведение ал-Маварди «Султанские установления» (الأحكام السلطانية).

Из источников по исламоведению интересны комментарии к Корану: «Толкование Корана» (تفسير القرآن) ат-Табарь, «Раскрыватель сущности тайн откровения» (أنوار التنزيل) аз-Замахшарь, «Светочи откровения» (الكشاف عن حقائق غوامض التنزيل).

ал-Байдāvī, «Толкование обоих Джалāлей» (تفسير الجلالين) — Джалāl ад-дй-на ал-Махалли и Джалāl ад-дйна ас-Суиути, трактат ал-Газāли — «Оживление наук» (إحياء العلوم), книга о религиозных и философских сектах аш-Шахрастāни — «Книга о верованиях и сектах» (كتاب الملل والنحل), книга о религиозных обрядах в Мекке во время паломнических торжеств ал-Қāри — «Путь, пересекающий центральное место религиозных обрядов» (المسلك المتوسط على المنسك المتوسط).

Среди источников филологического характера можно отметить лексикологические работы: «Книгу различия» (كتاب الفرق) ал-Асма'и и «Книгу об образованности писателя» (الألفاظ الكتابية) Ибн Кутайбы, «Книжные слова» (كتاب ادب الكاتب) Ибн Хамадāни. Из словарей можно отметить «Океан» (القاموس) ал-Фирӯзāбādи и арабско-персидский словарь аз-Замāхшарī — «Преддверие образованности» (مقدمة الأدب). Привлекают внимание работа по арабской поэтике Ибн ал-Му'тазза «Книга нового» (طبقات الشعراء) и его «Разряды поэтов» (كتاب البديع). Арабская поэзия древнего и средневекового периодов представлена такими книгами, как «Песни доблести» (حماسة) Абӯ Таммāма, диван ая-Нāбиги аз-Зубйāни, диван ал-Ахтала и другие. В средневековой художественной прозе можно назвать «Книгу

Из произведений средневековой художественной прозы — «Тысяча и одна ночь» (كتاب البهجة) ал-Джахи́за, «Книгу о хороших поступках и про-
тивоположных им» (كتاب المحاسن والأضداد) его же, «Книгу о хороших поступках
и дурных» (كتاب المحاسن والمساوى) ал-Байха́қи (X в.), «Мақамы» (المقامات) ал-Хари́-
рий, «Тысяча и одна ночь» (ألف ليلة وليلة) и другие.

В библиотеке имеются и работы справочного характера — «Указатель» (فهرست)
Ибн Исхāқа ан-Надима, биографический словарь Ибн Халлика́на — «Некрологи зна-
менитостей» (وفيات الأعيان), библиографический словарь Хаджи Халифы, «Снятие со-
мнений» (كشف الظنون), словарь сподвижников Мухаммеда ал-Асқалāни — «Дости-
жение различия в сподвижниках» (الاصابة في تمييز الصحابة), словарь передат-
чиков различия в сподвижниках (ميزان الاعتدال) и другие.

Также много имеется литературы на русском и западных языках по истории, филологии и искусству арабов и арабских стран.

Литература на таджикском и персидском языках, по своему объему и значительности уступающая арабскому фонду, состоит преимущественно из произведений средневековых авторов как в типографских изданиях Европы и стран Востока, так и в восточных литографированных изданиях. Располагает библиотека и небольшим числом рукописей, среди которых выделяется прекрасно оформленная рукопись Кази Ахмеда Гаффари «Картинная галерея» (نگارستان).

«Сад чистоты» (روضه الصفاء) Мирхонда (Бомбейская литография 1849 г.), а также большое число европейских изданий отдельных частей сочинения Мирхонда, включающих историю различных династий, «Друг жизнеописаний» (حبيب السير) Хондемира (Бомбейская литография 1857 г.), «Избранная история» (تاریخ گزیده) Хамдалаха Казвини и другие. Имеется ряд источников по истории халифата и государств IX—XI вв. на территории Средней Азии, Ирана и Афганистана, по истории государства Сельджукидов, а также по истории отдельных областей и стран под властью различных ветвей сельджукской династии: «Успокоение груди и знак радости» (راحة الصدور وآية السرور) Мухаммеда ибн Али ибн Сулеймана ар-Равенди, история Сельджукидов Малой Азии Ибн-Биби, история Сельджукидов Кермана Мухаммеда Ибрагима (XII—XIII вв.) и другие работы.

По истории монголов, помимо соответствующих разделов произведений Казвини, Рашид ад-дина и других авторов, в библиотеке можно найти такие сочинения, как «История завоевателя мира» (تاریخ جهانگشا) Джувайни, «История Вассафа» (تاریخ وصاف) (Тегеранская литография 1885/86 г.) и т. д. Много работ по истории государства Тимура и Тимуридов: «Книга побед» (ظفر نامه) Низам ад-дина Шахи (нач. XV в.), «Книга побед» (ظفر نامه) Шараф ад-дина Йазди, «Дневник похода Тимура в Индию» (روزنامه غزوات هندوستان) Гияс ад-дина Али (XIV—XV, и другие.

По истории государства Сефевидов можно указать на такие источники, как «Мемуары шаха Тахмаспа (XVI в.) (تذکره طهماسب), популярное толкование законоуложений, составленное Баха ад-дином Амили по приказу шаха Аббаса, — «Сборник Аббаса» (جامع عباسی) (литография 1903/4 г.), «Памятная записка государей» (تذکره الملوك) (нач. XVIII в.) и другие.

Из более поздних сочинений по истории Ирана библиотека имеет труд Мухаммеда ибн Амина Абу л-Хасана (XVIII в.), охватывающий историю Ирана 1747—1750 гг., «Историю Зендов» (تاریخ زندیه) Ибн Абд ал-Карима Ширази (конец XVIII в.), «Историю Каджаров» (تاریخ قاجاریه) Мухаммеда Таги-хана (Лисан ал-Мулка, середина XIX в.; Тавризская литография 1901 г.) и т. д.

По средневековой истории и географии различных областей и городов Ирана — Табаристана, Фарса, Систана, Кермана, Шустера и других — в библиотеке имеется ряд источников: «История Табаристана» (تاریخ طبرستان) Ибн Исфандиара (нач. XIII в.), «История Систана» (تاریخ سیستان), «Книга Фарса» (فارس نامه) (XII в.) и т. д.

Из художественной литературы на таджикском и персидском языках библиотека располагает сочинениями Рудаки, Хайяма, Фарйаби Низами, Саади, Закани; из литографированных изданий — «Шах-наме» (شاهنامه) Фирдоуси (бомбейское издание 1883 г. и тегеранское 1908 г.). В библиотеке можно получить толковые словари, а также специальные словари, например «Словарь к Шах-наме» (لغت شاهنامه), составленный в 1666—1669 гг. Абд ал-Кадиром Багдади.

Что касается современных работ по истории и географии Ирана, то здесь можно указать на «Историю Ирана» (تاریخ ایران), Хамадани, «Историю Реза-шаха Пехлеви» (تاریخ شاهنشاهی علیحضرت رضاشاه پهلوی) Абд Аллаха Амира Тахмаспа, географию Ирана Кейхана Масуда — «Подробная география Ирана» (جغرافیای مفصل ایران) и т. д. Есть также работы по истории и географии Афганистана. В частности, следует назвать комплект законов и положений, изданных афганским правительством в 1922—1929 гг. Библиотека располагает значительным количеством русской и зарубежной литературы по истории Средней Азии, Ирана и Афганистана. Особо хорошо представлена литература по истории культуры древнего Ирана: «Persepolis. Die achämenidischen und sasanidischen Denkmäler und Inschriften von

Persepolis, Ystakhr Pasargadae, Shahpur (I—II, Berlin, 1882); M. Dienlaffoy. «L'art antique de la Perse, achemenides, parthes, sassanides» (I—V, Paris, 1884—1885); Fr. Sarre und Er. Herzfeld, «Iranische Felsreliefs» (Berlin, 1910); Er. Herzfeld «Paikuli» (I—II, 1924); A. Pope. «A survey of Persian art» и другие.

По археологии и первобытной культуре Ирана фонд содержит «Archaeologische Mitteilungen aus Iran» Херцфельда, публикации результатов раскопок, производившихся на территории Ирана и Афганистана и др. Библиотека располагает также литературой и некоторыми изданиями текстов на древнеиранских и среднеиранских языках. В фонде хранится много книг по средневековой и новой истории Ирана, в частности, описания Ирана, сделанные европейскими путешественниками в XVII—XVIII вв., в том числе описания Шардена, Тавернье («Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier... qu'il a fait en Turquie, en Perse, et aux Indes I—III. Paris, 1703»), Ле-Брюна (Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse et aux Indes Orientales. I—II. Amsterdam, 1718) и другие.

Имеется также литература по истории культуры Турции как на русском, так и на европейских языках.

Библиотека обладает достаточно полным комплектом каталогов европейских рукописных собраний и печатных книг на арабском, турецком и персидском языках. Помимо общеизвестных каталогов (Ch. Rieu, A. G. Ellis, E. Edwards, W. Pertsch, G. Flugel и др.), есть редкие справочники-каталоги восточных собраний (Турция, Египет, Индия), а также частных европейских собраний.

Много в библиотеке литературы по Африке, особенно в изданиях XIX — начала XX в., в том числе работы по первобытной истории, археологии, этнографии и искусству ряда африканских народов, описания путешествий по Африке, описания различных областей и народов континента, работы по истории различных стран Африки и т. д. Большую ценность для лингвиста представляет литература по языкам банту (суахили, ньямбеи и др.), а также комплект периодического издания «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin» («Afrikanische Studien»).

Из справочной литературы по Африке отметим: С. Мендельсон «Библиография Южной Африки» (2 т., Лондон, 1910); А. Кардинал «Библиография Золотого Берега» (Акра, 1931); Ибрагим Хильми, «Литература о Египте и Судане с древнейших времен по 1885 г. включительно» (2 т., Лондон, 1886—1887) и Р. Хилл «Библиография Англо-Египетского Судана с древнейших времен до 1937 г.» (Лондон, 1939).

В фондах библиотеки содержится большое количество литературы по истории советского Востока. Труды армянских историков средневековья содержат сведения не только по странам Закавказья, но и по Средней Азии и Ирану. Из справочной литературы редким изданием является «Библиография Армении», составленная аббатом Гарегинином и изданная в Венеции в 1883 г.

Для истории русского востоковедения интересны ранние издания, относящиеся к Востоку: «Алкоран о Магомете или закон турецкий...» (СПб., 1716); «Описание о Японе...» (СПб., 1734); «Военное состояние Оттоманской Империи... де Марсильи» (СПб., 1737) и ряд переводов с китайского за 1771—1784 гг. переводчика коллегии иностранных дел А. Л. Леонтьева.

Подсобный фонд читального зала по истории Востока полностью отражен в каталогах, восточный фонд библиотеки — лишь частично. Ведется работа по выявлению и описанию этого фонда с целью раскрытия перед читателями всех книжных богатств, которыми располагает библиотека.

Кабинет Востока ГПИБ

БИБЛИОГРАФИЯ*

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО СТРАНАМ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА И ИНДИИ

- А в д и е в В. И. *История Древнего Востока*. М., Госполитиздат, 1953 (2-изд.), 759 с. (1-изд. 1948. 588 с.)
- А в д и е в В. И. *Военная история древнего Египта*. М., «Советская наука», 1948. 355 с., 47 илл., карты. Библиогр.: с. 305—333.
- Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию*. Сборник статей. (Ред. коллегия: чл.-корр. АН СССР Конрад и др.). М., Изд-во АН СССР, 1953. 344 с., портр. Библиогр.: в подстр. примеч.
- Белек (подарок) С. Е. Малову к его 65-летию*. Сборник статей. Фрунзе, Кирг. филиал АН СССР, 1946. 71 с. Библиогр., с. 9—14.
- Библиография печатных работ чл.-корр. АН СССР профессора Гордлевского*. Вступит. статья: «Евг. Беляев. «В. А. Гордлевский как исследователь и педагог». М., Ин-т востоковедения, 1946. 52 с., портр.
- Б у ш е в и ч В., Д љ а к о в А. *Народы Востока против фашизма*. Ташкент, 1943. 84 с. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- В и н н и к о в И. Н. *Игнатий Юлианович Крачковский*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949. 191 с., портр. (АН СССР. Материал к библиографии ученых).
- Д љ а к о в А. М. *Колониальные владения Англии* (Полит.-эконом. очерк). М., Воен.-издат, 1940. 72 с. (АН СССР. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- З а х о д е р Б. Н. *История восточного средневековья* (Халифат и Ближний Восток). М., Изд-во Моск. ун-та, 1944. 152 с.
- З а х о д е р Б. Н. *Средиземноморье и Ближний Восток с раннее средневековье*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1940. Вып. I, IV, 144 с. Стеклограф. изд.
- З а х о д е р Б. Н. *Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII в.* М., Изд-во Моск. ун-та, 1940. 82 с. Стеклограф. изд.
- Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов*. Сборник статей. М., Изд-во АН СССР, 1953. 341 с. (АН СССР. Ин-т экономики).
- Индийский сборник*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949. 216 с. (АН СССР. Ученые записки Тихоокеанского ин-та. Т. 2).
- Иранский сборник*. (Отв. ред. М. Н. Иванова и Г. М. Петров). М., Изд-во АН СССР, 1953. 206 с. (АН СССР. Ученые записки Ин-та востоковедения. Т. 8).
- История и филология стран Востока*. Л., 1952. 236 с. (Ученые записки Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, № 128. Вост. фак-т. Серия востоковедческих наук. Вып. 3).

* Продолжение списка вышедших с 1938 по 1953 г. основных работ советских востоковедов, а также написанных ранее и переизданных в этот период работ русских ученых и путешественников, (начало см. «Советское востоковедение» № 5 за 1955 г.).

- К р а ч к о в с к и й И. Ю. *Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях*. 3-е изд., М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948. 203 с. (1-е изд. 1945, 190 с.; 2-е изд. 1946. 107 с.).
- К р а ч к о в с к и й И. Ю. *Очерки по истории русской арабистики*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. 299 с.
- Л у ц к и й В. Б. *Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке*. Ташкент, Гос. изд. Уз. ССР, 1943. 105 с. (АН СССР. Ин-т истории).
- М и л л е р Б. В. *Талышский язык*. М. Изд-во, АН СССР, 1953. 266 с. (АН СССР. Ин-т языкознания).
- Молодежь зарубежного Востока в борьбе за мир, независимость и демократию*. Под общ. ред. Г. Н. Войтинского. М., 1952. 196 с., с илл.
- Новая история колониальных и зависимых стран*. Под ред. И. М. Рейснера и др. М., Соцэкгиз, 1940. Т. I, 784 с., илл. и карт.
- Новая история стран зарубежного Востока*. Под ред. И. М. Рейснера и Б. К. Рубцова. Т. 1—2. М., Изд-во Моск. ун-та, 1952. Т. 1—564 с.; Т. 2—455 с.
- О с и п о в Г. О. *Пламя гнева* (Национально-освободительное движение в странах Ближнего и Среднего Востока). М., Трудрезервиздат, 1953. 128 с.
- Очерки по истории русского востоковедения* (Отв. ред.: В. И. Авдиев и Н. П. Шастина). М., Изд-во АН СССР, 1953. 232 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Очерки по новой истории стран Среднего Востока* (Индия, Афганистан, Иран). Под ред. И. М. Рейснера и Н. М. Гольдберга. М., Изд-во Моск. ун-та, 1951. 251 с.
- Памяти академика В. Р. Розена*. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908—1948). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. 135 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- П и г у л е в с к а я Н. В. *Византия и Иран на рубеже VI и VII веков*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946. 291 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- П и г у л е в с к а я Н. В. *Византия на путях в Индию*. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951. 409 с., илл. карт.
- П и г у л е в с к а я Н. В. *Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стиллита как исторический источник*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940. 176 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды... XXXI).
- П и г у л е в с к а я Н. В. *Сирийские источники по истории народов СССР*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. 172 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды... XI).
- Страны Ближнего и Среднего Востока*. М., «Советская энциклопедия», 1944. 335 с., карт.
- С т р у в е В. В. *История древнего Востока*. Л., Госполитиздат, 1941. 482 с. с карт. (АН СССР. Ин-т истории).
- Углубление кризиса колониальной системы империализма после второй мировой войны*. Сборник статей под ред. В. А. Масленникова. М., Госполитиздат, 1953. 605 с. (АН СССР. Ин-т экономики).
- Ш т е й н б е р г Е. Л. *История британской агрессии на Среднем Востоке* (от Французской буржуазной революции до Второй мировой войны). М., Воениздат, 1951. 212 с., карт.
- Ш т е й н б е р г Е. Л. *Новая история зависимых и колониальных стран*. Курс лекций.... Киев, Гос. ун-т, 1939. ч. I. Индия, Китай, Иран, Афганистан, Османская империя. 244 с.

ПУБЛИКАЦИИ

- И б н - Ф а д л а н А х м а д. *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу*. Пер., коммент. под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939. 193 с. (АН СССР. Ин-т истории, Ин-т востоковедения).
- К а б у с - н а м а. Перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса. М., Изд-во АН СССР, 1953. 276 с.
- Ж а з и - А х м е д. *Трактат о каллиграфиях и художниках*. Введение, перевод и комментарий Б. Н. Заходера. М.—Л., «Искусство», 1947. 201 с., 4 илл.

- Махабхарата Адипарва*. Кн. I. Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова. Под ред. А. П. Баранникова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. 738 с. с илл.
- Мухаммед Тахир ал Карахи. *Хроника*.... Пер. с араб. А. М. Барабанова. Отв. ред. и предисловие И. Ю. Крачковского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. 336 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды.... XXXV).
- Низам аль-мульк. *Сиасет-намэ*. Перевод, введение в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949. 389 с.
- Рашидад Дин. *Сборник летописей*. Т. I, ч. 1 и 2; Т. III, М., Изд-во АН СССР (1946—1952) (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Тулси Дас. *Рамаяна или Рамачарита-манаса. Море подвигов Рамы*. Пер. с хинди (комментар. и вступит статья А. П. Баранникова). М.—Л., 1948. 968 с., 9 л. илл. (АН СССР. Ин-т востоковедения).

ИНДИЯ

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

- Антонова К. А. *Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605)*. М., Изд-во АН СССР, 1952. 281 с., карт.
- Баранов Л. С. *Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию*. Калинин, Калинин. обл. изд., 1939. 80 с., илл. и карт.
- Бенедиктов А. А. *Индийское крестьянство в 70-х годах XIX века*. (Экономическое положение и борьба против феодального и колониального гнета). Сталинабад, Сталинабадск. гос. пед. ин-т им. Т. Г. Шевченко, 1953. 148 с. Библиогр.: с. 146—148.
- Бушевич В. *Индия*. (Полит.-эконом. очерк). М., Воениздат, 1940. 104 с., илл. и карт. (Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Виташевская М. *Путешествие за три моря Афанасия Никитина*. М., Географгиз, 1949. 122 с., 1 карта.
- Гордон Л. Р. *Аграрные отношения в Северо-Западной пограничной провинции Индии (1914—1947 гг.)*. М., Изд-во АН СССР, 1953. 212 с., карты. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Дунин М. С. *По Афганистану, Пакистану, Индии*. М., Географгиз, 1952. 382 с., илл. и карт.
- Дьяков А. М. *Индия во время и после второй мировой войны (1939—1949 гг.)*. М., Изд-во АН СССР, 1952. 253 с., карт. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Дьяков А. М. *Национальный вопрос и английский империализм в Индии*. М., Госполитиздат, 1948. 328 с., карт. (АН СССР. Тихоокеанский ин-т).
- Мельман С. М. *Индия*. (Полит.-эконом. очерк). М., Госполитиздат, 1943. 148 с., илл. (Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики).
- Мельман С. М. *Экономика Индии и политика английского империализма*. М., Изд-во АН СССР, 1951. 271 с. (АН СССР. Ин-т экономики и Ин-т востоковедения).
- Национально-освободительное движение в Индии и политика США*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. 174 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Ученые записки.... т. I).
- Осипов А. М. *Краткий очерк истории Индии до X века*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1948. 99 с.
- Осипов А. М., Александров В. А., Гольдберг Н. М. *Афанасий Никитин и его время*. М., Учпедгиз, 1951. 189 с., илл. и карт.
- Пронин А. А. *Индия*. М., Соцэкгиз, 1940. 184 с., илл. и карт.
- Пронин А. А. *История Индии в средние века*. Под ред. Е. А. Беляева. Ч. 1—2. М., Изд-во МИВ, 1948. Ч. 1—124 с., Ч. 2—113 с.
- Рябчиков А. М. *Природа Индии*. М., Географгиз, 1950. 290 с.
- Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.* Под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. Н. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948. 227 с. (АН СССР. Литературные памятники).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Баранников А. П. *Изобразительные средства индийской поэзии*. Л., Изд. ЛГУ, 1947. 64 с.
- Бенгальско-русский словарь*. Сост. Е. М. Быкова. Под ред. Д. А. Датта. М., Изд-во ВИИЯ, 1947. VI, 561 с.
- Бескровный В. М. и Краснодемский В. Е. *Урду-русский словарь*. М., Изд-во АН СССР, 1951. 842 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Датт Д. А. *Учебник по языку хиндустани (урду)*. Ч. 4. М., Изд-во МИВ, 1948. с. 509—708.
- Двадцать пять рассказов Веталы*. Пер. с санскрита и коммент. Р. Шор. Л., Гослитиздат, 1939. XVIII, 210 с.
- Русско-урду словарь*. Сост. В. С. Москалев. Ташкент, Полит. упр. Ср.-Азиатского воен. округа, 1943. 405 с.
- Хинди-русский словарь*. Сост. В. М. Бескровный. М., Изд. иностр. и нац. словарей, 1953. 1224 с.

АФГАНИСТАН

- Бочкарев П. С. *Афганистан*. М., Географгиз, 1953. 69 с., с карт.
- Краткий афгано-русский словарь*. Сост. Л. Б. Зудин. М., Изд. иностр. и нац. словарей, 1950. 558 с.
- Лебедев К. А. *Грамматика языка пушту*. М., Изд-во МИВ, 1945. 181 с.
- Поляк А. А. *Физическая география Афганистана*. М., Изд-во МИВ, 1953. 274 с.
- Рейсер М. Г. *Афганистан*. Эконом.-геогр. характеристика. М., Географгиз, 1946. 152 с., илл.
- Рейснер И. М. *Афганистан*. М., Воениздат, 1948. 64 с., карт.
- Станишевский А. В. *Афганистан*. Соц.-эконом. очерк. М., Воениздат, 1940. 88 с., карт.

ИРАН

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

- Башкиров А. *Рабочее и профсоюзное движение в Иране*. Очерк. М., Профиздат, 1948. 116 с.
- Иванов М. С. *Бабидские восстания в Иране (1848—1852)*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1939. 176 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды.... XXX).
- Иванов М. С. *Очерк истории Ирана*. М., Госполитиздат, 1952. 467 с., карт. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Лысов В. П. *Персидский поход Петра I*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1951. 242 с., илл.
- Милов П. В. *Иран*. М., Географгиз, 1953. 88 с., карт. и илл.
- Рудник С. *Иран* (Полит.-эконом. очерк). М., Воениздат, 1940. 160 с., с илл. и карт.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Асади А. Г., сост. *Образцы современной персидской прозы*. Ред. Н. Н. Томас. М., Изд-во МИВ, 1949. 13, 254 с., илл.
- Азери А. И. *Учебник персидского языка*. Баку, Азернешр, 1940. 532 с.
- Азери А. И. *Учебник персидского языка*. Баку, Азернешр, 1952. 364 с.
- Арендс А. К. *Краткий синтаксис современного персидского языка*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. 192 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды.... XLII).
- Иранские языки*. Т. 1—2. М.—Л., Изд-во АН СССР. Т. 1, 1945. 181 с., т. 2, 1950. 168 с.

- Миллер Б. В. *Персидско-русский словарь*. М., Изд. иностр. и нац. словарей, 1953. 668 с.
- Соколова В. С. *Очерки по фонетике иранских языков*. Т. 1—2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1 — 149 с., Т. 2 — 243 с.

ТУРЦИЯ

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

- Васильев Н. *О турецком «нейтралитете» во второй мировой войне*. М., Госполитиздат, 1951. 120 с.
- Гордлевский В. А. *Государство сельджукидов Малой Азии*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. 200 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения, Труды... т. XXXIX).
- Данциг Б. *Турция*. (Полит.-эконом. очерк). М., Воениздат, 1940, 160 с. (АН СССР, Ин-т мир. хоз-ва и мировой политики).
- Данциг Б. *Турция*. М., Воениздат, 1949. 158 с.
- Завриев Д. С. *К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции*. Тбилиси, Тбилисск. гос. ун-т им. Сталина, 1947. 369 с.
- Матвеев С. *Турция*. Физико-географическое описание. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946. 215 с. (АН СССР. Ин-т географии).
- Миллер А. Ф. *Краткая история Турции*. М., Госполитиздат, 1948. 304 с., карт.
- Миллер А. Ф. *Мустафа Паша Байрактар. Османская империя в начале 19-го в.* М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947. 507 с., илл. (АН СССР. Ин-т истории).
- Миллер А. Ф. *Очерки новейшей истории Турции*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948. 280 с., илл. и карт. (АН СССР, Ин-т истории).
- Муратов Н. *Турция в тисках внутренней и внешней реакции*. М., Изд-во МИВ, 1949. 88 с.
- Смирнов Н. А. *Россия и Турция в XVI—XVII вв.* Т. 1—2. М., Изд-во Моск. ун-та, 1946. Т. 1, — XVI в., 158 с. Т. 2 — XVII в., 172 с.
- Тверитинова А. С. *Восстание Кара Язынджи-Дели Хасана в Турции*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946. 87 с., карт. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды... XXXVIII).

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алекберли Г. и Мпрза-заде Г. Р. *Учебник турецкого языка*. Под ред. Дж. Джаббарова. Баку, Азернешр, 1941. 660 с.
- Алекперов Г. *Учебник турецкого языка*. Баку, Азернешр, 1941. 660 с.
- Бочкарев П. С. *Военный русско-турецкий словарь*. Под ред. В. А. Гордлевского. Около 12 000 слов. М., Изд. иностр. и нац. словарей, 1938. 284 с. (Изд. 2-е. 1940, 576 с.; изд. 3-е, 1942, 588 с.)
- Дмитриев Н. К. *Строй турецкого языка*. Л., Изд. ЛГУ, 1939. 60 с. Библиогр.: с. 60.
- Кононов А. Н. *Грамматика турецкого языка*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. 312 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Магазаник Д. А. и Михайлов М. С. *Русско-турецкий словарь*. Около 40 000 слов. М., 1946. 320 с.
- Магазаник Д. А., сост. *Турецко-русский словарь*. Под ред. чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Гордлевского. 40 000 слов и выражений. 2-е изд. М., Изд. иностр. и нац. словарей, 1945. 704 с.
- Майзель С. С. *Учебник турецкого языка*. Под ред. чл.-корр. АН СССР проф. В. А. Гордлевского. Вып. I, М., Изд-во МИВ, 1946. (Уроки 1—20), 112 с.
- Михайлов М. С. *Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе*. Под ред. и с предисл. Н. К. Дмитриева. М., Изд. МИВ, 1954. 139 с. Библиогр., с. 125—129.

- Старостов Л. *Учебник турецкого языка*. (Вводный курс). Под ред. чл.-корр. АН СССР проф. Н. К. Дмитриева и проф. З. М. Цветковой. М., 1951. 290 с., илл. (Воен. ин-т иностр. яз.).

АРАБСКИЕ СТРАНЫ

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА

- Ватолина Л. Н. *Современный Египет*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949. 248 с., илл. и карт. Библиогр.: с. 240—244.
- Генин И. А. *Страны Арабского Востока*. М., Госкультпросветиздат, 1948, 76 с., карт.
- Гордонов Л. Ш. *Египет*. М., Географгиз, 1953. 336 с., илл. и карт.
- Датлин С. В. *Африка под гнетом империализма*. М., Госполитиздат, 1951. 132 с., карт.
- Датлин С. В. *Народы Туниса, Алжира, Марокко в борьбе за независимость*. М., Госполитиздат, 1953. 83 с., с карт.
- Дмитриевский Ю. Д. *Англо-Египетский Судан*. Эконом.-геогр. очерки. Под ред. и с предисл. С. В. Датлина. М., Географгиз, 1951. 256 с., илл. и карт. Библиогр. в подстр. примеч.
- Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов*. Сборник статей. М., Изд-во АН СССР, 1953. 343 с. (АН СССР. Ин-т экономики).
- Кильберг Х. И. *Египет в борьбе за независимость. Антиимпериалистическое национально-освободительное движение 1918—1924 гг.* Л., Изд. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1950. 96 с., илл. и карт.
- Луцкий В. Б. *Арабские страны*. М., Воениздат, 1947. 136 с., карт.
- Смирнов С. Р. *Восстание махдистов в Судане*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950. 103 с., илл. и карт.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь современного литературного языка*. Вып. 1—4. Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940—1946. Вып. I, 159 с.; вып. 2, с. 159—320; вып. 3, с. 321—480; вып. 4, с. 481—584.
- Крачковский И. Ю. *Арабская литература в XX веке*. Л., Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та им. А. А. Жданова, 1946. 63 с. Библиогр.: с. 60—62.
- Гранде Б. М. *Грамматические таблицы арабского литературного языка*. М., Изд-во Моск. ун-та, 1950. 173 с.
- Оде-Васильева К. В. *Образцы ново-арабской литературы (1880—1947 гг.)*. Предисл. акад. И. Ю. Крачковского. М., Изд-во МИВ, 1949. 299, III с. (Моск. ин-т востоковедения).
- Семенов Д. В. *Синтаксис современного арабского литературного языка*. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941. 182 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения. Труды... т. XLIII).
- Юшманов Н. В. *Строй арабского языка*. Л., Изд-во ЛГУ, 1938. 54 с. Библиогр., с. 53.

СОДЕРЖАНИЕ

XX Съезд Коммунистической партии Советского Союза и задачи изучения современного Востока	3
--	---

СТАТЬИ

В. А. Масленников. Великие исторические события в странах Востока	13
И. И. Потехин. Политическое положение в странах Африки	22
Минь Чань. Революционное движение во Вьетнаме	37
П. П. Моисеев. Земельные отношения в Турции	45
Ж. А. Ташенев. Социалистическое строительство в Казахской ССР	57
У Юй-чжан. Письменность должна быть при определенных условиях реформирована	67
Ло Чан-пэй и Люй Шу-сян. Вопрос о нормах современного китайского языка	77
В. С. Воробьев-Десятовский. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков	99

ДОКУМЕНТЫ И ПАМЯТНИКИ

П. И. Петров. Об одном редком источнике по истории Сефевидов	111
Г. М. Бонгард-Левин. Таксильская надпись Ашоки	121

СООБЩЕНИЯ

Г. Г. Котовский и В. И. Павлов. Сельскохозяйственное и промышленное производство в республике Индии (Обзор статистических материалов).	129
Л. С. Гамаюнов. Герасим Лебедев — основоположник русской индологии.	145
Н. П. Шастина. Ученая корреспонденция монголоведа О. М. Ковалевского	155
А. Р. Иданисян. Французское посольство в Иран в 1796 г.	162
М. Н. Боголюбов. Древнеперсидский месяц viyahpa-	173

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М. Г. Пикулин. В Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР	175
Г. В. Астафьев. Научно-исследовательская работа в области истории и экономики Китая в Китайской Народной Республике	176
И. М. Ошанин. Всекитайские конференции по вопросам языка и письменности	180

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. А. Бенедиктов. П. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму 1880 и 1885—1886	186
В. А. Кривцов. А. А. Петров. Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель	192
М. А. Коростовцев. Г. Херст. Нил. Общее описание реки и использование ее вод	197
Восточные фонды Государственной публичной исторической библиотеки	199
Библиография	206

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. А. МАСЛЕННИКОВ (главный редактор),
Е. Э. БЕРТЕЛЬС, А. А. ГУБЕР, А. М. ДЬЯКОВ,
Е. Ф. КОВАЛЕВ, И. М. ЛЕМИН, М. И. ЛУКЬЯНОВА,
А. Ф. МИЛЛЕР, А. А. ПАШКОВСКИЙ,
Н. Н. ПОЛЯКОВ (зам. главного редактора),
Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь), В. В. СТРУВЕ

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. Б-1-61-23

Т—02637 Подписано к печати 2/IV 1956 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 6⁵/₈
Печ. л. 18,15 + 2 вклейки. Уч.-изд. листов 19,6 Заказ 2086 Тираж 3450 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ПОПРАВКА

На странице 34 30 строка сверху следует читать: составили более 800 миллиардов франков.